

ДОНБАСС

*Литературно-художественный журнал
Донецкой республиканской организации
Союза писателей России*

100 лет журналу «Донбасс»

2023 • № 2

- ПРОЗА
- ПОЭЗИЯ
- ПУБЛИЦИСТИКА
- ИСТОРИЯ
- КРАЕВЕДЕНИЕ

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПРЕЗИДЕНТСКОГО ФОНДА
КУЛЬТУРНЫХ ИНИЦИАТИВ

ВМЕСТЕ С РОССИЕЙ!
Культурный код Донбасса

Донецк • Москва
2023

*Издание осуществлено при поддержке Президентского фонда культурных инициатив
(заявка ПФКИ-22-С4-003560 «Вместе с Россией! Культурный код Донбасса»).*

Состав редколлегии литературно-художественного журнала «Донбасс»:

Н.Ф. Иванов — председатель редколлегии,
председатель правления Союза писателей России.

Члены редколлегии:

П.И. Акаемов — поэт, председатель совета правления «Землячество Донбассовцев Москвы»;
Ф.Д. Березин — руководитель Донецкого республиканского отделения Союза писателей России;

С.В. Богачев (ответственный секретарь) — писатель, профессор Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации;

С.Н. Дмитриев — главный редактор ООО «Издательство «Вече»;

Л.Л. Палько — управляющий вице-президент Российского книжного союза;

В.С. Логачев (главный редактор журнала «Донбасс» с 1989 по 2014 гг.) — писатель;

С.Ю. Рыбас — писатель;

В.С. Забирко — писатель;

О.В. Измайлов — журналист, писатель.

*Журнал выходит при поддержке общественной организации
«Землячество Донбассовцев Москвы».*

*В оформлении обложки использованы картины
Татьяны Пономаренко-Левариш*

Основная цель литературно-художественного журнала «Донбасс» — публикация на его страницах высокохудожественных произведений прозы, поэзии, публицистики, продолжающих духовные традиции русской классической литературы, популяризация истории и культурной идентичности Донбасса, его неразрывной связи с Россией.

Журнал не несет ответственность за достоверность фактов авторов произведений и статей. Точка зрения редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Адрес редакции:
г. Донецк, б. Пушкина, 30а
Тел.: +7 856-312-06-17

E-mail: donbass.zhurnal@mail.ru
<https://vk.com/donbass.zhurnal>,
<https://ok.ru/group/70000000746107>

© Литературно-художественный журнал
«Донбасс», 2023

© Авторы текстов, фотографий, 2023

Андрей МЕДВЕДЕНКО

* * *

Опять с уродливым лицом
эпоха новой ищет правды.
И как когда-то над отцом,
так надо мной свистят снаряды.

И где погуще толчея,
там люди падают, как злаки.
И по убитым плачу я,
как мой отец когда-то плакал.

И фронтовых хватив сто грамм,
он вспоминал бои в Карпатах.
Казался воином я сам,
надев пиджак в его наградах.

Ничто не ново под луной.
Опять бои – стена на стену.
И ордена отца со мной.
Но им теперь я знаю цену.

Луганск, 2022

ЗАЛОГ БУДУЩЕГО МИРА Чего хотят участники конфликта Россия—Украина? Год спустя

Диалог ведут Г. Мирзаян и С. Богачев

Актуальную проблему обсудили Мирзаян Георг Валерьевич — политолог, журналист, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации и Богачев Сергей Валентинович — секретарь Донецкого горсовета в 2012—2014 гг., профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Б.С.: Георг Валерьевич, вот уже год как весь мир лихорадит от военного конфликта между Россией и Украиной. По итогам 2022 г. в США самая высокая инфляция за 40 лет — 7,7 % годовых. В странах еврозоны она составляет 10 %, в РФ — 12,7 %. А где-то все еще хуже: в Турции инфляция достигла 84 %. Разве западные страны не понимали, что ожидает их экономику при вмешательстве в конфликт? Тогда какие цели, по Вашему мнению, они преследуют?

М.Г.: Целью США и блока НАТО после февраля 2022 г. было демонстративно, публично наказать Россию за то, что она сделала. Своими действиями Россия бросила вызов тем правилам игры, тем порядкам, которые установили американцы для всего мира. Эта реакция могла бы быть не такой острой в другое время, но сейчас на протяжении ряда лет у США ослабевает мировой авторитет и независимость России может окончательно подорвать его.

Б.С.: Наказать? Как ученика в церковно-приходской школе? Что Вы имеете в виду?

М.Г.: Это подобно истории из жизни Маугли, когда Акелла пытается сохранить свою власть, а молодые волки бросают ему вызов. Такая же история и с США, власть которых держится на страхе и инерции этого страха.

Не удержи сегодня Россию в ее операции на Украине — и вслед за ней активизируют свою политику иранцы в Азии, китайцы на Тайване.

Б.С.: Простите, но в результате санкций выросла цена на газ, нефть, электроэнергию. Промышленность Евросоюза из-за этого терпит убытки, становится неконкурентоспособной, уровень жизни населения падает. Пусть лучше у меня сдохнет корова, чем у соседа родится теленок?

М.Г.: К такому затяжному конфликту США, Европа были не готовы. Ожидалось, что после пяти пакетов жестких санкций Россия не устоит и капитулирует. После начала СВО стамбульский процесс, мирные переговоры — это был процесс поиска компромисса, но по разным причинам, и в том числе после решения о присоединении к России новых территорий, все это было прервано, переговорные процессы на условиях нашей капитуляции провалились. Начался процесс борьбы на истощение, а вот к этой борьбе Европа готова не была. Но, с другой стороны, это надо понимать, они не могут сейчас остановиться и не принимать новые пакеты санкций.

Б.С.: Однако, если санкции не работают, США, ЕС и НАТО должны использовать и другие методы давления на Россию и дружеские к ней страны: Иран, Беларусь, Армению, Казахстан...

М.Г.: Да, такие методы воздействия очевидны, и мы их ярко видим на примере конфликтов на Южном Кавказе, где со стороны США и Европы проводится политика втягивания Ирана в столкновение с Азербайджаном, а это значит, и с Турцией. Но такая политика имеет и свои ограничения. Европа не оказывает решающего влияния на Турцию или Азербайджан, Эрдоган старается избегать широкомасштабных боевых действий, тем более что после трагических событий, землетрясений ему точно не до войны с Ираном. Да и Москва старается ограничить свою активность в основном Украиной, поскольку от результатов этого конфликта будут фор-

мироваться новые условия международных отношений.

Б.С.: Можем ли мы утверждать, что давление со стороны США на крупные азиатские страны: Индию, Китай, Филиппины — дает свои плоды и эти страны, в целом симпатизируя независимости России, все-таки активной поддержки в вопросах импортозамещения, развития торговых отношений в области высоких технологий не осуществляют?

М.Г.: С Индией активно ведутся переговоры, и какие-то серые схемы в этой стране осуществляются, хотя явно идти против США и мировой долларовой системы в силу нейтральности здесь не будут, тем более что экономика Индии во многом зависит от англосаксонского влияния. Что же касается Китая, то хотя он при высоких экономических показателях и демонстрирует свое критическое отношение к США, но ведет себя очень осторожно, даже нерешительно. Но чем активнее США давит на Китай, тем более он склонен помогать Москве. Тем более что поражение России в Украине лишит Китай сырьевой базы и оставит наедине с ЕС, США, НАТО, AUKUS. Страны же третьего мира очень внимательно следят за происходящими событиями и решают, под чье крыло им перейти. Этот процесс не быстрый и растянется еще не на один год.

Б.С.: Но наличие денег, инвесторов в Китае, готовых реализовывать глобальные проекты в третьих странах еще не означает, что развивающиеся государства бросятся в объятия китайцев. Всех интересует стабильность в долгосрочной перспективе, а ее может обеспечить только тот, кто предлагает понятные правила и гарантирует их выполнение, т.е. тот, кто обладает собственной идеологией. В свое время народы объединяли Яса — Закон степи Чингисхана, исламская идеология Халифата, Кодекс Наполеона, марксизм. Что предлагает Китай? Конфуцианство, коммунистическую идеологию?

М.Г.: Мир не живет по законам конфуцианства, поэтому отсутствие жесткой реакции на визит Нэнси Пэлоси на Тайвань в мире вос-

принимается как слабость. Может ли при этом руководство нейтральной страны отдать себя в руки китайским инвесторам? Даст ли Китай гарантию безопасности этому государству? Увы, доверия нет. Получается, что Китай пока не готов к роли мирового лидера ни с политической, ни с идеологической точки зрения. Тем более что, проводя политику «китайские интересы главные, интересы третьих стран вторичны», отвергая политику мягкой силы, ты неизбежно наталкиваешься на негативную реакцию окружающих государств. У России в этом плане возможности больше: есть пласт традиционных ценностей, которые признаются не только православным, но и исламским миром, есть решимость отстаивать свои интересы, есть ресурсный потенциал.

Б.С.: Мы подошли к разговору о многополярном мире. Это еще один аспект идеологии будущего мира. По мнению российских экономистов С. Глазьева, М. Хазина, нас ожидает падение доверия к доллару, создание ряда региональных валютных зон (доллар—евро, юань, рубль, рупия), ориентация на национальные товарные рынки. Это видно и по новым индустриальным проектам в США, Китае, по желанию подорвать экономику конкурентов всеми способами (война, подрыв «Северного потока», повышение цен на энергоносители, санкции).

М.Г.: Действительно, однополярный мир, ориентированный на интересы США, не мог и не может устраивать всех. Политика санкций, направленная на подавление тех, кто имеет свою точку зрения на развитие своей же страны, наглядно продемонстрировала нежизнеспособность управления миром из одного центра. И хотя я сторонник глобализма: наличие одной валюты, одного правительства, единых правил игры, но мы еще не пришли к этому ментально. Использование США в своих целях преимущества однополярного мира показало несостоятельность такой модели управления на сегодня.

Б.С.: Конечно, использование третьих стран в своих интересах четко видно на примере Украины. Визит В. Зеленского в начале

февраля этого года в Брюссель прошел с помпой. Его встречали с оркестром, для него стелили красные дорожки, его провожали овациями. Однако на вопрос о присоединении Украины к Евросоюзу Урсула фон дер Ляйен дипломатично отвечала, что главная цель — это показать прогресс реформ в Украине в докладе осенью. Между строк можно прочитать, что вы, мол, сражайтесь до последнего украинца, а там видно будет.

М.Г.: Давайте сразу скажем, что в ЕС Украина не войдет. Чтобы туда войти, Украине нужно соблюсти целый ряд критериев, получить одобрение всех стран Евросоюза, которое она не получит. В Европе потрачено много денег на доведение восточноевропейских стран до средневропейского уровня. Только в этом году закончилась выплата субсидий Польше, а для интеграции Украины потребуется гораздо больше средств. Поэтому многие страны, вернее большинство стран Евросоюза, будут против вступления Украины в ЕС. Кроме того, этот вопрос можно обсуждать только после завершения военного конфликта с Россией и наличия согласованных с соседями границ. Украинский народ просто обманывают, давая ему надежду жить в Европе и отправляя на фронт с Россией.

Б.С.: Такая же игра происходит с Украиной и в других странах. Лондон твердит о поддержке В. Зеленского, а когда тот просит поставить самолеты, то министр обороны Великобритании Бен Уоллес говорит, что более реалистично это сделать после войны. Да и вопрос обещанного дальнебойного оружия не решился, а только может быть решен в перспективе.

М.Г.: Западные страны понимают, что поставки тяжелого вооружения могут иметь далеко идущие последствия, поэтому идет игра. Немцев просят поставить танки — немцы просят США первыми сделать это — США обещают — немцы соглашаются — США откладывает сроки поставки в дальний ящик. Немцы чувствуют себя обманутыми, и Олаф Шольц о поставках самолетов на Украину даже переговоры не ведет. Такая же ситуация и в Ве-

ликобритании. Обещанные танки Challenger в армии смогут заменить в течение 5—7 лет, а закупать в других странах означает подорвать свой ВПК, тем более что лишних денег нет. Поэтому самолеты обещать обещают, но сроков не называют, понимают, что выполнение обещаний приведет к внутренним конфликтам с армией, ВПК, распорядителями финансов.

Б.С.: Можете в таком случае дать прогноз завершению военного конфликта с Украиной?

М.Г.: Все может быть понятно после лета, когда то ли состоится, то ли нет наступление

ВСУ, о котором столько говорят на Западе и на Украине. Если результата от наступления не будет, то войну на истощение Россия выигрывает, и, очевидно, Запад будет брать курс на сворачивание войны.

Б.С.: Полагаю, что должен наступить момент, когда жители Украины поймут, что их обманывает не только Запад, но и собственное проворовавшееся правительство, гоня людей на войну во имя неизвестных целей. Это прозрение станет залогом будущего мира и восстановления, развития Донбасса.

Донецк, 2021 г.

ДЕНЬ НЫНЕШНИЙ

Хроника событий

НОВЫЕ ПЛАНЫ, НОВЫЕ ИДЕИ

Завершил работу XVI съезд Союза писателей России, состоявшийся в Центральном доме литераторов. Все намеченные в рабочей программе вопросы были плодотворно обсуждены и утверждены, в том числе основополагающие — принятие новой редакции Устава, приведённой в соответствие с действующим законодательством, и избрание руководящих органов. Руководителем Союза писателей России единогласно переизбран действующий председатель правления СПР Николай Фёдорович Иванов (155 голосов делегатов из 155 возможных), с чем мы сердечно его и поздравляем!

Очень ярко и промыслительно прозвучали выступления «старейшин» русской литературы — Станислава Юрьевича Куняева, Александра Андреевича Проханова, Владимира Николаевича Крупина.

С приветственными обращениями выступили: президент Российского книжного союза С.В. Степашин, начальник департамента Управления Президента РФ по общественным проектам Н.В. Синцов, председатель Общественного Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ В.А. Фадеев, председатель Союза журналистов России В.Г. Соловьёв и др. В их выступлениях прозвучала высокая оценка работы Союза писателей России и признание его твёрдой и верной гражданской и творческой позиции.

Эмоциональный и информативный ряд последующих выступлений — руководителя Московской городской организации Максима Адольфовича Замшева и руководителей региональных организаций СПР дал полную картину всей деятельности организаций за прошедшие пять лет. Внимательно выслушали делегаты и гости съезда слова председателя Национальной

ассоциации драматургов Юрия Михайловича Полякова, главного редактора издательства «Вече» Сергея Николаевича Дмитриева и др.

Торжественными, но очень радостными моментами мероприятия стали вручения наград от Российского книжного союза, Министерства обороны РФ и награждение высшей наградой Союза писателей России — почётным Знаком «За заслуги в литературе».

Не остались без должного внимания и поздравительные письма от различных организаций и ведомств. И замечательно, что вся работа съезда была запечатлена Кинопродюсерским центром СПР для сохранения памяти о ключевых событиях истории нашей организации — старейшего и самого многочисленного писательского Союза страны.

Делегаты единогласно утвердили новое правление, в состав которого был внесён дополнительно и статус «кандидат в члены правления», и изменения в количестве сопредседателей СПР. Все другие вопросы деятельности Союза тоже были рассмотрены детально и утверждены единогласно.

Следует отметить, что голосование по всем вопросам программы съезда было удивительно единодушным и солидарным, что позволяет говорить о здоровой атмосфере и правильном курсе организации. Да и более чем весомый багаж реализованных планов основательно укрепляет позицию и авторитет СПР. Тем более что к этому добавляются новые планы, новые идеи, новые устремления на ближайшие годы, что подтверждает удивительно точное и ёмкое утверждение нашего руководителя: «У нас нет перепутий и тупиков — мы точно знаем, куда и с кем идём!»

БИТВА НА КАЛКЕ И ЖУРНАЛ «ДОНБАСС»

22 февраля 2023 года в Московском доме национальностей Землячество Донбассовцев провело две презентации: книги члена Землячества Донбассовцев **Сергея Валентиновича Богачёва** «История Дикого поля. Битва на Калке» и литературно-художественного журнала «Донбасс».

Вступительным словом вечер открыл первый вице-президент Землячества Донбассовцев **П.И. Акаёмов**:

«Тема Битвы на Калке уже несколько раз подымалась на круглых столах по инициативе члена Землячества Донбассовцев, председателя Императорского Русского Исторического Общества **В.В. Грицкова** и ответственного се-

кретаря Общественного координационного совета по содействию денацификации Украины **О.Ю. Кассина**. Как бы не относиться к этой битве, она имеет историческое значение. В этом году этому событию исполняется 800 лет. По поручению участников круглого стола было направлено письмо исполняющему обязанности Главы администрации ДНР **Д.В. Пушилину**.

Среди знаменательных и памятных дат в ДНР в 2023 году значится 800-летие битвы на Калке. Вот что о ней сказано в Календаре памятных дат в ДНР в 2023 году: «В 1223 году в степях Приазовья, на берегах древней реки Калки, в битве сошлись древнерусские воины и их союзники степняки-половцы с монголо-

татарами. Сражение на Калке стало началом упорной и героической борьбы Древней Руси с завоевателями.

Битва на реке Калке стала первым сражением русских войск с монголо-татарами.

До сих пор учёными ведутся дискуссии о расположении реки Калки. Распространено мнение, что сражение состоялось в районе заповедника Каменные могилы. В 1998 году там даже был установлен памятный крест. Другие ученые считают, что Калка сегодня известна как Кальчик (приток Кальмиуса). Есть также предположение, что битва проходила в окрестностях села Кремнёвки Тельмановского района, неподалёку от которой имеются речки, именуемые местным населением Калками. Реальное же место битвы и ныне остаётся неизвестным».

Работа Сергея Валентиновича по битве на Калке, несомненно, представит большой интерес и для историков, и для краеведов, и для учёных, и для читателей.

Далее П.И. Акаёмов представил журнал «Донбасс»:

«Первый номер в 2023 году литературно-художественного журнала «Донбасс» — это важное событие не только для Донецкой Народной Республики, но и для литературного процесса в России.

В сентябре 1923 года вышел первый номер литературного журнала «Забой» (впоследствии — литературно-художественный и общественно-политический журнал «Донбасс»), который заложил фундамент для последующего развития современной литературы Донбасса. Значит, журналу в этом году — 100 лет!

Журнал менял названия, художественное оформление и контент, сменялись поколения поэтов и писателей, публиковавших свои произведения на страницах издания, но одно оставалось неизменным: безусловная любовь авторов к родному Донбассу, непоколебимое желание запечатлеть все его красоты, безгра-

ничное уважение к людям-труженикам, населяющим шахтерский край.

Был период, когда журнал временно приостановил свой выход. И тогда **С.В. Богачёв** многое сделал для возрождения журнала с названием «Донбасс. Лит.Ру», который стал практически приемником журнала «Донбасс». Журнал выходил при поддержке Союза писателей России и Землячества Донбассовцев.

Сегодня издательство «Вече» и его главный редактор, давний друг Донбасса **С.Н. Дмитриев**, взяли на себя заботу по выпуску литературно-художественного журнала «Донбасс» в рамках Президентского фонда культурных инициатив».

Перед обсуждением был показан видеofilm «Битва на Калке» по книге С.В. Богачёва.

В обсуждении двух презентаций приняли участие: член Землячества Донбассовцев, председатель Императорского Русского Исторического Общества **В.В. Грицков**, ответственный

секретарь Общественного координационного совета по содействию денацификации Украины **О.Ю. Кассин**, член Землячества Донбассовцев, доктор политических наук, профессор **Т.И. Мармазова**, известный социолог **Е.Э. Копатько**, издатель, критик, литературный обозреватель **Д.В. Силкан**, член Землячества Донбассовцев, секретарь Союза писателей России **Н.В. Переяслов**, сопредседатель «Союза офицеров России» **В.Ю. Садков**.

Выступающие внесли целый ряд интересных предложений по празднованию и увековечиванию Битвы на Калке, дали высокую оценку журналу «Донбасс».

Первый вице-президент Землячества Донбассовцев **П.И. Акаёмов** за серию исторических книг о Донбассе и за активную многолетнюю работу в Землячестве Донбассовцев вручил медаль «Н.С. Лунёв. За верность Донбассу» Сергею Валентиновичу Богачёву.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ «ЗНАМЕНИТЫЕ ЛЮДИ ДОНБАССА»

28 февраля 2023 года в Московском доме национальностей состоялась презентация книги-сборника Землячества Донбассовцев «Знаменитые люди Донбасса».

Презентацию открыл первый вице-президент РОО «Землячество Донбассовцев» **П.И. Акаёмов**: «В 2019 году в издательстве «ВЕЧЕ» вышла книга «100 великих людей Донбасса». Редактором-составителем этой книги был член Землячества Донбассовцев, известный писатель-историк **С.Ю. Рыбас**. Книга быстро нашла своего читателя, имела большой резонанс и успех, её презентация, в которой принимал участие глава ДНР Денис Владимирович Пушилин, состоялась в Донецке.

Книга «Знаменитые люди Донбасса» значительно дополнена новыми героями. В первую очередь хотелось бы выделить главу «Донбассовцы сегодня», состоящей из нескольких разделов. В одном рассказывается о руководителях ДНР и ЛНР — А.В. Захарченко, Д.В. Пушилине, Л.И. Пасечнике. В разделе «Бойцы, командиры, герои» мы ещё раз восхищаемся подвигами Олега Мамиева (позывной «Мамай»), Ольги Качуры (позывной «Корса»), Арсена Павлова (позывной «Моторола»), Михаила Толстых (позывной «Гиви»), Владимира Жоги (позывной «Воха») и других.

Впервые в книге рассказывается и о руководителях Землячества Донбассовцев. В ней более 150 биографий и фото героев.

Книга подготовлена и выпущена при участии Министерства культуры ДНР и Землячества Донбассовцев при поддержке Президентского фонда культурных инициатив. В редакционной коллегии работали члены Землячества Донбассовцев **С.Ю. Рыбас** и **Р.Л. Мармазов**.

Книга «Знаменитые люди Донбасса» издательством «ВЕЧЕ» выпущена в серии под символическим названием «Библиотека Донбасса». В этой серии уже вышли книги «Герои Донбасса и СВО», «Украинский рубеж. История и геополитика», «Герои СВО. Символы российского мужества».

Издательство «Вече» ещё задолго до событий 2022 года выпускало книги, посвящённые истории Донбасса и Новороссии, романы и повести о борьбе ДНР и ЛНР за свободу и независимость. После начала СВО при участии Союза писателей России издательство выпустило семь сборников стихов проекта «Позывной — Победа!», представивших более

300 поэтов России, и 12 книг серий «Битва за Новороссию» и «Европа против России».

На вечере, как и несколько дней назад, снова был представлен журнал «Донбасс» новой аудитории. Это важно, потому что журналу в этом году исполняется 100 лет!

У него непростая история: вначале с 1923 года был журнал «Забой», затем с 1932 года — ежемесячный журнал «Литературный Донбасс» (с 1958 г. — «Донбасс»).

Был период, когда журнал временно приостановил свой выход. Член Землячества Донбассовцев, член Союза писателей России **С.В. Богачёв** многое сделал для возрождения журнала с названием «Донбасс. Лит.Ру», который выходил при поддержке Союза писателей России и Землячества Донбассовцев. Сейчас шефство над журналом с прежним названием «Донбасс» взяло на себя издательство «Вече» и его главный редактор **С.Н. Дмитриев**.

Высоко оценили выход книги «Знаменитые люди Донбасса» и литературно-художественно-

жественный журнал «Донбасс» советник-посланник посольства ДНР в Российской Федерации **В.И. Никитюк**, управляющий вице-президент Российского книжного союза, секретарь Союза писателей России **Л.Л. Палько**, директор Московского дома национальностей **С.С. Ануфриенко**, секретарь Союза писателей России, поэт **Г.В. Иванов**, президент Российской государственной библиотеки, член Совета при Президенте РФ по культуре и искусству **В.В. Фёдоров**, заместитель главы представительства Республики Карелия при Президенте Российской Федерации **Н.А. Беляева**.

О работе над книгой и новым выпуском журнала «Донбасс» поделились члены редакционных коллегий, члены Землячества Донбассовцев **С.Ю. Рыбас**, начальник отдела региональных проектов Управления по производству контента Дирекции мультимедийных центров Sputnik в странах ближнего зарубежья и Балтии МИА «Россия сегодня» **Р.Л. Мармазов**, **С.В. Богачёв**, **П.И. Акаёмов**.

С интересными воспоминаниями о некоторых героях книги выступили:

— старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил РФ, член Правления Землячества Донбассовцев, полковник **В.С. Хохлов** (биограф Пересыпкина) — о маршале войск связи, наркоме связи, заместителе наркома

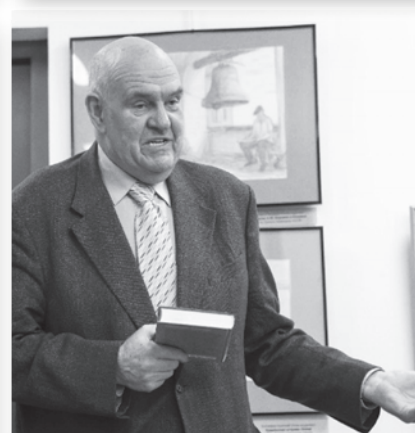
обороны СССР, начальнике войск связи Сухопутных войск Вооружённых сил СССР **Иване Терентьевиче Пересыпкине** (1904—1978);

— генерал-лейтенант в отставке, заместитель командующего и член Военного совета Ракетных войск стратегического назначения Российской Федерации **В.В. Дрёмов** и секретарь Военного совета Ракетных войск стратегического назначения, а затем с августа 1997 по июль 2001 — генерал для особых поручений министра обороны Российской Федерации **В.П. Бублий** — о единственном маршале России, министре обороны России, Герое России, члене Землячества Донбассовцев **Игоре Дмитриевиче Сергееве** (1938—2006);

— ветеран Службы внешней разведки России и ветеран боевых действий, член Правления Землячества Донбассовцев, подполковник в отставке **А.К. Бобков** (близкий родственник Ф.Д. Бобкова) — о генерале армии, первом заместителе председателя КГБ СССР, члене Землячества Донбассовцев **Филиппе Денисовиче Бобкове** (1925—2019);

— доцент Московского авиационного университета, член Землячества Донбассовцев **В.Г. Береговой** — об отце, лётчике-космонавте, дважды Герое СССР Георгии Тимофеевиче Береговом (1921—1995);

— член Союза журналистов России, поэт и певица, член Землячества Донбассовцев **Е.И. Седова-Трофимова** (правнучатая племянница Седова) — о военном моряке,

гидрографе, полярном исследователе Георгии Яковлевиче Седове (1877—1914);

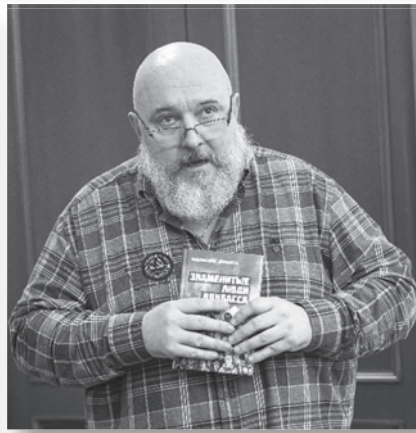
— режиссёр музыкальных программ на телевидении **Т.А. Богатикова** о муже, знаменитом певце, Народном артисте СССР Юрии Иосифовиче Богатикове (1932—2002).

Выступили также и два героя книги — первый вице-президент Землячества Донбассовцев, генеральный директор Разреза Аршановский **Владимир Георгиевич Лунёв**, который поделился воспоминаниями о тех, кого знал, а член Правления Землячества Донбассовцев, заслуженный художник Украины **Татьяна Витальевна Пономаренко-Левраш** представила художественный альбом «Буду-

щее начинается в прошлом», рассказывающий историю Новороссии.

Пожалуй, общее мнение всех участников очень точно выразил Р.Л. Мармазов: «Я уверен, что в России хватит государственной мудрости, чтобы тему Донбасса продолжать вести и превращать её в одну из общероссийских тем. Как бы нескромно это ни звучало, но Донбасс — это новая Россия, это оттуда нарождается обновление России: тяжело, в муках, в обстрелах, в кровавой бане. Но я надеюсь, что и Донбасс выстоит, и Россия возьмёт из опыта Донбасса все самое лучшее и полезное для страны. Уверен: книг, песен, фильмов о Донбассе с каждым днём будет становиться всё больше».

ВЫСТАВКА «ДОНБАСС — РОССИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ» ОТКРЫЛАСЬ В МУЗЕЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ В МОСКВЕ

27 февраля 2023 года в Музее современной истории России в Москве открылась выставка «Донбасс — Россия: история и современность». Это первый масштабный просветительский мультимедийный выставочный проект о Донбассе как об историко-культурном явлении, приуроченный к 80-летию освобождения региона от немецко-фашистских захватчиков.

Организаторами выставки выступили Министерство культуры Российской Федера-

ции, Президентский фонд культурных инициатив, Центр просветительских проектов, ГЦМСИР, исторический парк «Россия — Моя история», Российское историческое общество.

Открывая выставку, **Генеральный директор ГЦМСИР Ирина Великанова** подчеркнула, что впервые в музейном пространстве комплексно рассказывается об истории Донбасса, начиная с Новороссии до наших дней. Посетителям представлено более 300 уникальных предметов из фондового собрания Музея

современной истории России, других музеев страны, архивов: документы, фотографии, вещи, свидетельствующие о вековой неразрывной связи Донбасса и России.

«В экспозиции впервые демонстрируются предметы, скомплектованные межмузейной рабочей группой, созданной Министерством культуры РФ для сбора артефактов на территориях проведения СВО, — отметила Ирина Великанова. — Передвижная выставка о Донбассе затем отправится по стране, так что регионы этот выставочный проект тоже увидят».

«Рабочая гордость, верность общечеловеческим ценностям, острое чувство справедливости всегда отличали жителей Донбасса. Твёрдость характера донбассовцев не позволила сломить их и тяжёлые годы безвременья, наступившие после трагедии распада Советского Союза. За историческим выбором жителей Донбасса, выступивших против диктатуры украинского национализма, стоят наша общая судьба и многовековая история нашей страны», — отметил **председатель Российского исторического общества Сергей Нарышкин**.

«Нам очень важно вместе посмотреть, что такое Донбасс, достать из музейных хранилищ наших федеральных, региональных музеев общие сокровища, уникальные экспонаты. Сергей Евгеньевич упомянул о совершенно новом музейном братстве — это наша команда федеральных музеев: Государственного исторического музея, Музея современной истории, Музея Победы на Поклонной горе, музея-заповедника «Сталинградская битва». Они вместе трудятся с первых дней специальной военной операции, собирая по крошкам те самые артефакты, которые очень важны для наших экспозиций, для нашей исторической памяти, для наших уроков истории, для нашего знания того, что на самом деле происходило и происходит на Донбассе», — сказала **Министр культуры Российской Федерации Ольга Любимова**.

Выставка состоит из 7 разделов. Ключевым экспонатом вводного раздела стал плакат «Донбасс — сердце России» периода Гражданской войны и становления единого союзного государства — СССР (Москва, 1921). В первом

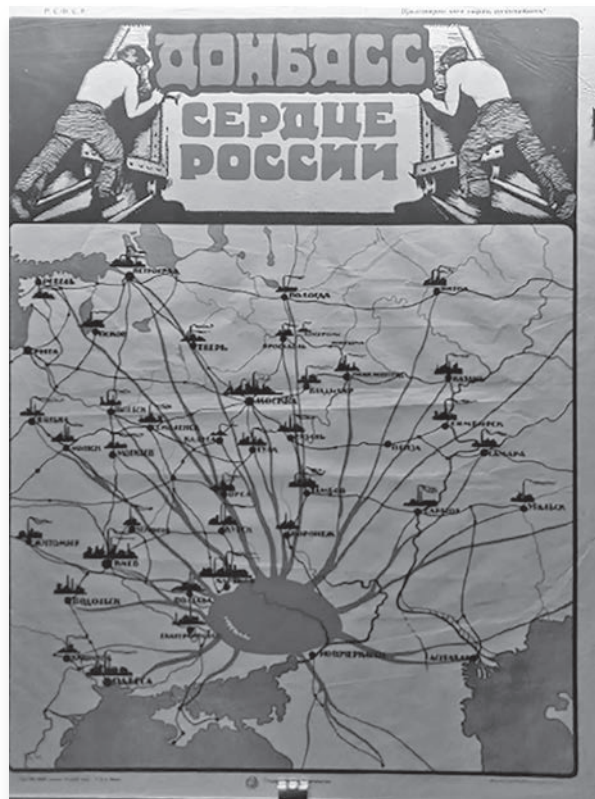
выставочном зале «Донбасс — Новороссия» посетителей встречает мультимедийный видеоролик, который показывает исключительное политическое, экономическое и культурное значение Новороссии в российской истории за последние 250 лет. Важнейшей же частью Новороссии всегда был Донбасс.

Второй раздел — «Донбасс в огне. Революция и Гражданская война. Становление УССР. Политика коренизации и индустриализация» — раскрывает важнейшие темы, в том числе такие, как начало формирования промышленных районов Донбасса, деятельность Южно-русского горнопромышленного общества, строительство разветвленной сети железных дорог, развитие машиностроения, рост городов и народонаселения. Третий раздел посвящен подвигу Донбасса в период Великой Отечественной войны (1941—1945), его восстановлению и послевоенному развитию.

В четвертом и пятом разделах — «Донбасс в составе Украины. От интернационализма к нацизму» и «Донбасс — Россия. Майдан и Русская

весна, образование ДНР и ЛНР» — рассказано о том, как в течение 30 лет после распада СССР власти Украины проводили последовательную политику дерусификации, направленную на радикальное изменение идентичности русскоязычного населения страны, в первую очередь — жителей юго-востока. Особенно агрессивные формы эта политика приняла после государственного переворота 2014 года. На выставке представлены фотоматериалы о протестах жителей Донбасса в связи с неприятием ими силового, антиконституционного характера смены власти, а также нежеланием новой власти учитывать мнение и интересы населения юго-востока страны, настроенного на сохранение тесных связей с Россией.

Шестой раздел выставки — «Мы — вместе! Герои СВО, референдумы, восстановление городов и помощь Донбассу» — повествует об истинной цели Минских соглашений и о том, как вся Россия помогает Донбассу в борьбе с нацизмом, какую помощь оказывает населению четырех новых регионов Российской

Федерации, Вооруженным силам Российской Федерации, героям СВО и членам их семей. Здесь представлены предметы, скомплектованные межмузейной рабочей группой, созданной Минкультуры России в 2022 году с целью сбора артефактов на территориях проведения СВО, в том числе курай — национальный музыкальный инструмент, который изготовили из гильз добровольцы из Башкирии. Посетители могут узнать о новостройках, проектах восстановления театра и музея в Мариуполе, поврежденных войной артефактах, списках похищенных националистами из музеев археологических памятников, произведений искусства и исторических реликвий, консервации и реставрации поврежденных музейных экспонатов, реставрации и реконструкции уничтоженных нацистами мемориальных памятников и ансамблей, в том числе комплекса «Саур-Могила».

В последнем разделе, рассказывающем о культурной жизни региона, посетителям представлены известные полотна И.К. Айвазовского, Н.С. Гончаровой, К.А. Коровина,

А.А. Дейнеки, К.Ф. Богаевского и других художников, которых связало с Донбассом их творчество.

Участниками проекта стали Государственный историко-художественный и литературный музей-заповедник «Абрамцево», Государственный архив Российской Федерации, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля, Государственный центральный музей кино, Музей Москвы, Российский государственный архив социально-политической истории, Российский государственный архив литературы и искусства, РОСИЗО, Государственная Третьяковская галерея, Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева, Национальный музей Республики Башкортостан, профессор Александр Лаврентьев.

Увидеть экспозицию можно до 28 мая 2023 года.

В открытии выставки участвовали члены Землячества Донбассовцев.

В ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ВЫСТАВКЕ-ФОРУМЕ «УНИКАЛЬНАЯ РОССИЯ» УЧАСТВУЕТ ЗЕМЛЯЧЕСТВО ДОНБАССОВЦЕВ

24 января 2023 года в Московском Гостином дворе, на одной из самых престижных площадок столицы, открылась III Художественно-промышленная выставка-форум «Уникальная Россия».

Цель выставки — показать Россию как страну уникальных возможностей, которая бережно хранит и развивает традиции многонационального народа, многообразие культуры и народного искусства, самобытность каждого региона. Выставка-форум имеет актуальную патриотическую направленность и способствует консолидации российского общества.

На выставке представлены культура и искусство России: ювелирное и декоративно-прикладное искусство, народные художественные промыслы, живопись, историко-музейная экспозиция, православное искусство, скульптура, архитектура, антиквариат, кукольное искусство и др.

Свои экспозиции разместили 50 регионов России — более 1100 участников, 1500 художников из четырёх творческих союзов и трёх ассоциаций, а также выставка традиционных искусств ОАЭ, Индонезии, Шри-Ланки, Турции и других стран.

*На выставке состоялся модный показ от Алины Ив (Побик) — дизайнера из Донецкой Народной Республики, члена Землячества Донбассовцев с коллекцией арт-шляп «Вечная любовь». На выставке работала постоянно действующая выставка-продажа эксклюзивных шляп и одежды Алины Ив (Побик), а в культурной программе выступила Лауреат международных конкурсов, член Землячества Донбассовцев **Оксана Иванова**.*

Прошли деловые конференции, интерактивные инсталляции, мастер-классы, культурная программа.

Проведено также несколько спецпроектов: был организован специальный раздел, посвященный благотворительности и сбору средств в пользу раненых воинов и их семей;

музыкально-поэтический фестиваль «Поэзия Донбасса»; Благотворительный концерт в пользу раненых бойцов; представлены бюсты и скульптуры выдающихся деятелей России в рамках патриотического проекта «Аллея Российской Славы» и другие.

Выставка-форум организована при поддержке Министерства финансов РФ, Министерства промышленности и торговли РФ, Федерального агентства по делам национальностей России, Министерства иностранных дел РФ. Организаторы: Фонд «Уникальная Страна», Ассоциация «Наследие и традиции», Фонд развития художественной промышленности и ювелирного искусства.

В открытии выставки приняли участие члены Землячества Донбассовцев.

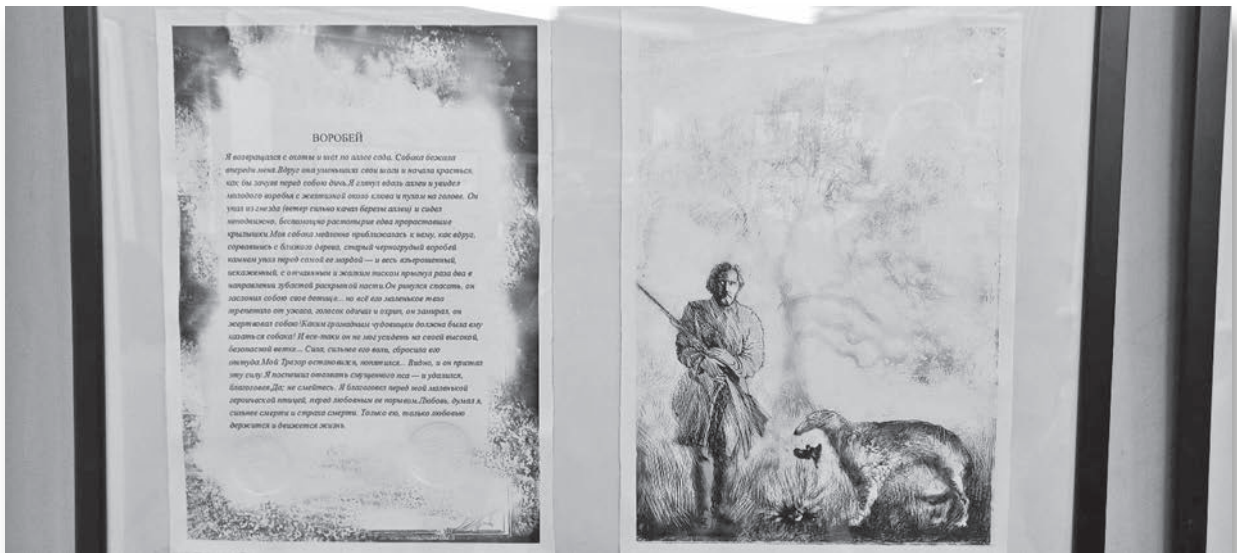

«ТАИНСТВЕННЫЙ ТУРГЕНЕВ» А. КОСТИНА И ДЕТСКИЕ РИСУНКИ ИЗ ДОНБАССА В МОСКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ-ЧИТАЛЬНЕ ИМ. И.С. ТУРГЕНЕВА

16 февраля 2023 года в московской Библиотеке-читальне им. И.С. Тургенева состоялось торжественное открытие выставки «Таинственный Тургенев»: 50 графических работ члена Землячества Донбассовцев художника Александра Костина по мотивам «мистической прозы» И.С. Тургенева и 30 рисунков детей Донбасса — участников Открытого конкурса детских рисунков «Капля жизни» из фондов Детской картинной галереи Художественного музея «Арт-Донбасс».

Александр Костин — скульптор, график и живописец. Родился в Донецке, в семье известных советских скульпторов Владимира Костина и Клавдии Водопьяновой. В 1980 году окончил отделение скульптуры Национальной академии изобразительного искусства и архитектуры в Киеве, в 1986-м — аспирантуру Академии художеств СССР в Москве. Является членом Московского союза художников. Работает в сфере монументальной и станковой скульптуры, а также станковой и книжной

графики. Выставочную деятельность ведет с 1980 года. Работы Александра Костина хранятся в собраниях Государственной Третьяковской галереи и в других музеях мира, а также в частных коллекциях.

Открыл выставку директор Библиотеки-читальни им. И.С. Тургенева **Р.Р. Крылов-Иодко**. О своих работах на выставке рассказал виновник торжества А.В. Костин.

С приветственным словом выступила Чрезвычайный и Полномочный посол Донецкой Народной Республики в Российской Федерации **О.А. Макеева**, которая поблагодарила гостей за интерес к культуре и искусству Донбасса.

Заместитель директора Художественного музея «Арт-Донбасс» **Е.А. Гусакова** отметила, что эта выставка представляет взгляд на два поколения художников, рождённых в Донбассе, и вручила директору Библиотеки-читальни им. И.С. Тургенева Р.Р. Крылову-Иодко Благодарность от ОО «Русский центр», а А.В. Костину — Благодарность от Управления культуры администрации г. Донецка.

О значимости творчества Александра Костина для Донбасса и его работе в Землячестве Донбассовцев рассказал первый вице-президент Землячества Донбассовцев **П.И. Акаёмов**.

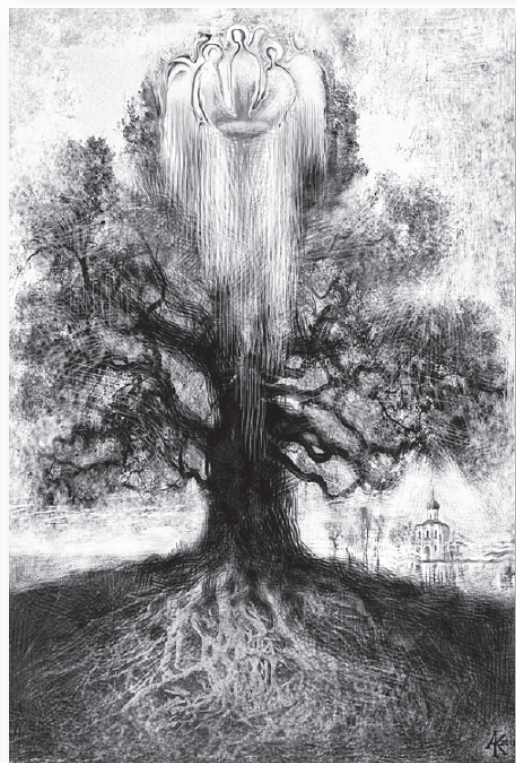
Литератор **Татьяна Гвоздецкая** так сказала о работах художника: «Настоящему ма-

стеру всегда хочется заглянуть в глаза. Подозреваешь, что в них сокрыта сама тайна философского камня — ведь в глубинах этих пытливых зеркал отражается такой диапазон явлений! От проявленных до эфирных. От вполне физических до летучих идей, их рождающих. Мудрые пронизательные глаза с вибрирующей искоркой вспоминаются каждый раз, когда рассматриваешь любую работу универсального художника Александра Костина. Его камень всегда философский, и в рисунке — свои пластика, огранка наполнения и пространственная даль. Произведения художника очень хороши для домывливания, внутреннего путешествия в миры символов, значений, акцентов».

Художник передал в дар ХМ «Арт-Донбасс» пять офортов из серии «Записки охотника», а также сделал подобные подарки посольству ДНР в РФ и Землячеству Донбассовцев.

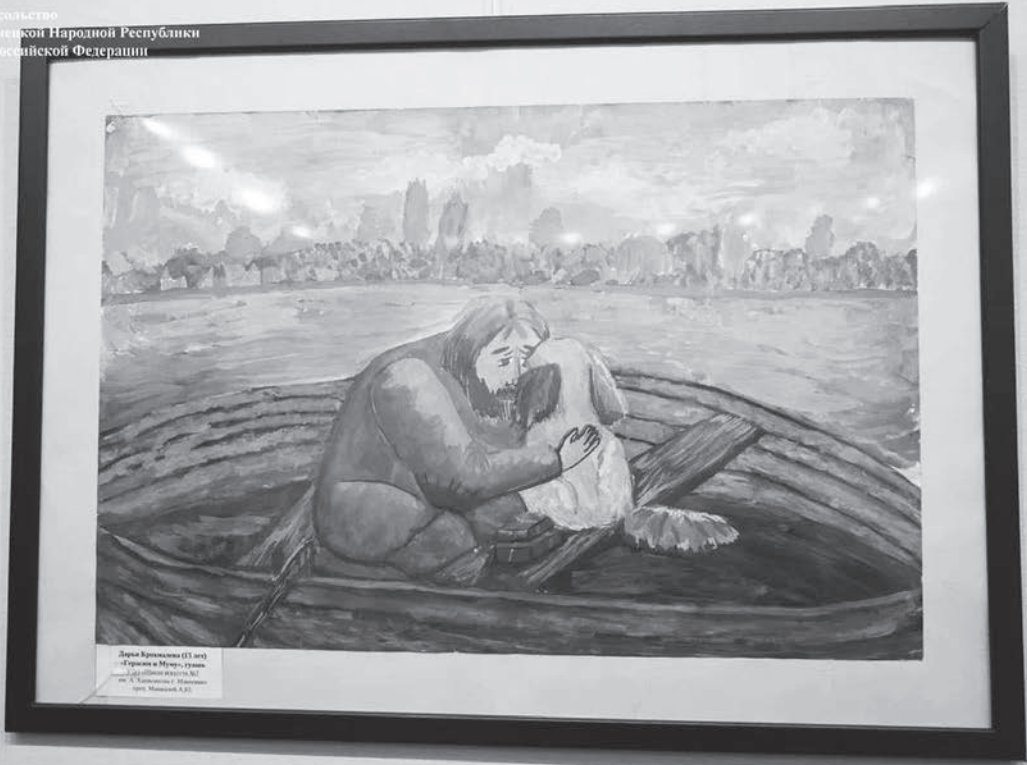
Прекрасным завершением вернисажа стало выступление исполнителя авторской песни **Виктора Леонидова**.

В рамках мероприятия было подписано Соглашение о сотрудничестве между КУ «Художественный музей «Арт-Донбасс» города Донецка и ГБУК города Москвы «Библиотека-читальня им. И.С. Тургенева».

Посольство
Донецкой Народной Республики
в Российской Федерации

Дарья Крижановская (31 лет)
«В Греческом Море», графика
для выставки «Война. Мир.
Искусство», Москва, 2015

Посольство
Донецкой Народной Республики
в Российской Федерации

Варвара Коваленко (28 лет)
«Женщина в кресле», графика
для выставки «Война. Мир.
Искусство», Москва, 2015

«ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ» ДОНБАССА

Как сохраняется и развивается культурное наследие региона

Культурная жизнь Донецкой Народной Республики

Культурная жизнь Донецкой Народной Республики (ДНР) за последние 8 лет, несмотря на непрекращающуюся войну, не остановилась. Творческие коллективы, актеры, му-

зыканты, художники, артисты старались не только сохранить, но и разнообразить, развивать наследие нашего региона, организуя различные культурные мероприятия и выставки.

Донецкий театр оперы и балета

Донецкий академический музыкально-драматический театр

Одним из центров культурной жизни ДНР является Донецкий театр оперы и балета. Начиная с 2014 года театр пережил множество испытаний и трагедий. В его истории был и переезд на новое место пребывания. Но, несмотря ни на что, он продолжал свою работу по совершенствованию репертуара, встречам со зрителями, обновлению коллектива. В связи с военными действиями, «Донбасс Опера» не принимает зрителей, однако, в рамках программы «Большие гастроли» коллектив успешно выступал на сценах Сочи, Ростова-на-Дону, Ставрополя, Краснодара и Волгограда. Зрители многих городов горячо поддерживали донецких артистов. В репертуаре наших театров полюбившиеся всем спектакли «Малыш и Карлсон» Манчини, «Тысяча и одна ночь» Фикрета Амирова, «Любовные похождения сэра Джона Фальстафа» Верди и балет «Пер Гюнт» Грига.

Говоря о театральной жизни, отдельного разговора заслуживает Донецкий академический музыкально-драматический театр им. М.М. Бровуна, получившего статус государственного в 2015 году. На сегодня в его репер-

туаре насчитывается 60 репертуарных спектаклей. Благодаря сотрудничеству с Союзом театральных деятелей Российской Федерации Донецкий театр стал членом Ассоциации деятелей русских театров зарубежья, что позволило ему активно участвовать в различных культурных программах, гастролях, повышая квалификацию своих сотрудников. Донецкие зрители и театральный коллектив гордятся тем, что в труппе музыкально-драматического театра есть актеры, первыми в ДНР получившие высокие звания: народного артиста ДНР — Дмитрий Федоров и Владимир Швец, заслуженного артиста ДНР — Мария Марченко и Анна Якубовская, заслуженного работника культуры ДНР — Руслан Фадиенко и Михаил Хохлов.

Для ценителей художественных искусств продолжает свою работу Донецкий республиканский художественный музей. Новое музейное собрание формировалось за счет поступлений из республиканских и всесоюзных художественных выставок, из фондов ведущих государственных музеев СССР: Третьяковской галереи, Музея изобразительных искусств им.

Донецкий республиканский художественный музей

Художественный музей «Арт-Донбасс»

Григорий Лепс, Лариса Долина и Дмитрий Дюжев на концерте в ДНР в честь Дня Республики

А.С. Пушкина, Государственного Эрмитажа, Государственного Русского музея, крупнейших музеев Украины, а также произведений, приобретенных в частных коллекциях, и даров художников. Благодаря активной собирательской работе научных сотрудников, с годами в фондах сложилось множество полноценных коллекций, которые определили характер постоянной музейной экспозиции.

Дончанам и гостям Донбасса стоит обратить внимание на художественный музей «Арт-Донбасс». За свою 10-летнюю историю функционирования «Арт-Донбасс» уже успел провести более 380 стационарных и передвижных выставок. С 2015 года успешно реализуется музыкально-волонтерский проект «Посиделки на струнах» совместно со струнным квартетом «Бомонд». С 2017 года для юных дончан открыта «Экспериментальная студия юного экскурсовода», которая была отмечена дипломом Республиканского конкурса инновационных проектов «Творчество в фор-

мате 3Д: для друзей, для души, для досуга». За проведение художественно-документального проекта «Наш Пушкин» в 2016 году в Москве директор музея Екатерина Калиниченко награждена медалью «М.В.Ломоносов. За заслуги» и медалью «За заслуги в патриотическом воспитании молодежи» от организации «Наследие».

Война внесла коррективы в жизнь городов Донбасса, но те, кто искренне сочувствует нашей боли и трагедии, не оставили нас одних. Многочисленные группы артистов и музыкантов выступали на различных площадках по всему региону. Среди них: Григорий Лепс, Ольга Кормухина, Дмитрий Дюжев, Александр Маршал, Денис Майданов и другие. В свою очередь, наши музыканты и артисты активно гастролируют по России. До конца 2022 года было запланировано 139 выступлений в России 12 коллективов из ДНР и ЛНР. На гастроли отправлялись Донецкий музыкально-драматический театр им. Бровуна, Донецкий госу-

дарственный театр оперы и балета им. Соловьяненко, Эстрадно-симфонический оркестр из Мариуполя, Донецкий республиканский академический театр кукол, Донецкий республиканский академический молодежный театр, Государственный ансамбль «Донбасс», Мариупольский республиканский академический ордена «Знак почета» русский драматический театр.

Говоря о тяжелом периоде для нас, тем не менее необходимо подчеркнуть, что культурная сцена Донецкой Народной Республики испытала как трудности, так и успехи в течение

2014—2022 годов. Было создано и активно работало Министерство культуры ДНР, благодаря которому проводились различные фестивали, выставки, концерты и театральные представления. Эти мероприятия продемонстрировали таланты наших земляков: художников, музыкантов и актеров. Они продемонстрировали творческую силу, оптимизм и жизнеспособность культуры ДНР. В целом благодаря этому было легче переносить тяготы и невзгоды. В сложных условиях вырастали и крепили новые яркие таланты, которыми мы уже сегодня заслуженно гордимся.

Андрей Васильев

Донецк. Библиотека им. Н. Крупской. 2021 г.

ГОЛОС МУЗ

Лауреат Национальной премии имени Эдуарда Володина «Имперская культура», генеральный директор — художественный руководитель Донецкой государственной академической филармонии Александр Парецкий убежден, что в империи не может быть плохой культуры. В том, что в Донбассе голос муз сильнее орудийной канонады, он убеждает примером собственного самоотверженного служения.

Действуем сообща

Александр Парецкий возглавляет Донецкую филармонию, которая объединила порядка 300 артистов и музыкантов с 2015 года. Базой для этого учреждения культуры является симфонический оркестр. Кроме него в состав филармонии входит концертный оркестр ду-

ховых инструментов, молодежный оркестр народных инструментов, ансамбль песни и танца «Околица», вокальный мужской ансамбль, септет-джаз, струнный ансамбль «Дива-квартет» и другие творческие коллективы.

«Считаю, что удостоился большой чести — стать лауреатом премии имени Эдуарда Володина «Имперская культура» в разряде «События, подвиги, люди. За верность долгу и служению искусству и Отечеству». Но все же особо подчеркну, что это — высокая оценка деятельности всего коллектива Донецкой филармонии», — отметил Александр Парецкий.

Он добавил, что учредителями премии являются Союз писателей России, Литфонд России, редакция журнала «Новые книги России», Фонд святителя Иоанна Златоуста, Благотворительный фонд культурных и социально значимых инициатив имени Святого праведного воина Феодора Ушакова, а также издательство «Ихтиос».

По словам генерального директора Донецкой филармонии, сама поездка и встреча с представителями различных направлений культуры из всех регионов России в Центральном доме литераторов произвели на него огромное впечатление, даже само здание конца XVIII века, являющееся объектом культурного наследия народов России регионального значения, впечатлило. Но еще больше впечатлила

лауреата из героического Донецка теплая и радужная атмосфера мероприятия.

«Атмосфера этого значимого в культурной жизни России мероприятия была на удивление теплой, душевной и даже какой-то домашней. Все друг друга встречали, как друзья, единомышленники и соратники. Характер церемонии был очень доброжелательным, что отнюдь не умаляло ее масштаба, — поделился впечатлениями Александр Парецкий. — Во главе президиума на сцене находился председатель СП РФ Николай Иванов и сопредседатель Союза писателей Сергей Иванович Котьяло и другие известные литераторы и деятели культуры».

«Премия «Имперская культура» имеет богатую историю — в этом году была 20-я по счету церемония награждения. Одним из основных учредителей этой премии является Союз писателей России, и в этом контексте лауреатами, в основном, являются люди, связанные с литературной деятельностью: писатели, поэты, журналисты, публицисты, драматурги. Но помимо этого среди лауреатов есть и представители других видов искусства, в частности и актеры, и музыканты, и художники. Вместе со мной была награждена и донецкий живописец Елена Григорьева», — сказал Александр Парецкий.

Он также добавил, что за всю 20-летнюю историю премии «Имперская культура» среди награжденных в разные годы были выдающиеся и, можно сказать, великие люди. Такие, например, как советский и современный российский писатель, поэт, драматург, публицист, сценарист и общественный деятель Сергей Михалков, композитор Александра Пахмутова, выдающийся актер Василий Лановой.

В этом году среди награжденных были известные деятели культуры, в том числе и народный артист России композитор Олег Ива-

нов, автор советских и российских популярных песен. Таких как «Печки-Лавочки», «Горлица», «На чем стоит любовь». Стоит отметить, что первой творческой удачей Иванова, своеобразным хитом тех лет стала песня «Товарищ», написанная еще в 1970 году.

«Кстати, два года назад мы планировали приезд Олега Иванова в ДНР. Он является одним из тех, кто проводит известный в России фестиваль «Красная гвоздика». И у нас проходил один из этапов отбора в 2019 году. Тогда мы договаривались с председателем Евразийского союза Андреем Батуриным, который также участвовал в координации этого фестиваля, о том, что у нас состоится творческий вечер Олега Иванова. Но, к сожалению, планы изменились. Однако Олег Иванов с нами на связи и очень поддерживает Донецкую Народную Республику», — отметил Александр Парецкий.

Он добавил, что очень доброжелательно и даже с каким-то особым пиететом все присутствующие отнеслись именно к делегации из Донецкой Народной Республики.

«Когда мы принимали эту награду, то буквально весь зал встал и наградил нас аплодисментами!» — особо отметил лауреат из Донецка.

«Звучали искренние слова поддержки в адрес республики. Многие из числа награжденных, а в числе лауреатов были представители самых разных регионов Российской Федерации, приезжали в Донбасс на протяжении всех этих лет и поддерживали нас культурными и гуманитарными инициативами. И на сегодняшний день очень многие деятели культуры и искусств России занимаются гуманитарной деятельностью в Донбассе, привозят обмундирование для военнослужащих, различные элементы экипировки, гуманитарные грузы, — рассказывает Александр Парецкий. — Конечно у всех сердце болит, потому что все очень ждут той самой долгожданной победы и мира!»

Очень хочется мира!

«Все представители различных творческих направлений понимают, что и музыкальное искусство, и другие направления культу-

ры могут развиваться только на благодатной почве в условиях мира, в условиях, когда мы можем без боязни открывать концертный зал

для зрителей. Но на сегодняшний день деятельность филармонии, в частности, и всех наших культурных организаций ограничена в связи с боевыми действиями, с постоянными обстрелами со стороны украинской армии», — отметил Александр Парецкий.

Он также добавил, что фактически все центральные культурные учреждения: и «Донбасс-опера», и Донецкая филармония, и Государственный академический музыкально-драматический театр имени Бровуна, и различные музеи — неоднократно подвергались обстрелам. В филармонии, например, от взрывов несколько раз вылетали окна, помещение Союза писателей ДНР неоднократно насквозь прошито осколками украинских снарядов и поражающими элементами украинской ракеты «Точка-У».

«Конечно, это очень негативно влияет на мироощущение артистов. Под воздействием всех этих негативных внешних обстоятельств у нас уже многие эвакуировались в Россию. Состав филармонии сильно поредел», — говорит о нелегких донецких буднях Александр Парецкий.

К этому, по словам гендиректора филармонии, прибавляются и серьезные бытовые проблемы. Отсутствие воды — особенно для женщин с маленькими детьми, у которых на данный момент нет рядом мужей.

«Им нужно буквально каждый день думать о том, где взять воду, особенно тем, кто живет в многоэтажных домах и напор не доходит на верхние этажи. Это выматывает и физически, и морально», — отметил Александр Парецкий.

Мы помним...

По словам нашего собеседника, с началом Специальной военной операции России по денацификации и демилитаризации Украи-

ны много артистов пошли в армию, многие и сейчас служат и с оружием в руках защищают республику и культурные ценности Рус-

ского мира. К сожалению, некоторые из них погибли...

«2022 год стал трагическим для нашего коллектива. К сожалению, мы потеряли пять человек из числа работников филармонии. Из симфонического оркестра — флейтист Сергей Спивак и виолончелист Станислав Слуцкий. Одним из первых в боевых действиях по освобождению Мариуполя погиб талантливый пианист Николай Звягинцев, который работал в двух коллективах: в концертном оркестре духовых инструментов и в септет-джазе под руководством Александра Куслина. Николай был очень перспективным музыкантом, из музыкальной семьи, его отец в свое время тоже работал в Донецкой филармонии», — с горечью говорит Александр Парецкий.

Он добавил, что также погиб артист шоу-группы «Два с половиной кума» Ринат Ибагуллин. Он был преподавателем Донецкого колледжа культуры и искусств.

«Молодой, жизнерадостный, будто бы светящийся изнутри. Он служил под посёлком Спартак. И уже после освобождения этого участка его перевели на другое место службы, и там он погиб...» — сказал Александр Парецкий.

Художественный руководитель филармонии добавил, что пятым погибшим является художник компьютерной графики Роман Сококин.

«Он погиб одним из первых, тоже при освобождении Мариуполя, но долго не было подтверждения этой информации. Была надежда на то, что Роман жив», — говорит Александр Парецкий.

«Мечтаем выступать на «намоленной» сцене!»

Гендиректор и художественный руководитель филармонии добавил, что артисты, несмотря на трудности и утраты военного периода, продолжают свою творческую работу и не теряют надежды.

«Министерство культуры Донецкой Народной Республики организовало работу таким образом, что даже в условиях ограниченной деятельности, связанной с боевыми действиями, артисты не могли жаловаться на отсутствие работы в 2022 году. Было много творческих акций, проектов, концертов для военнослужащих, мероприятий в госпиталях, в местах ведения восстановительных и строительных работ. На 2023 год у нас тоже большие планы. Основная наша деятельность — это концертная работа с местным населением, с нашими жителями. Нередко, выходя из филармонии, встречаю наших постоянных зрителей и слушателей, они буквально не-

годуют, что не имеют возможность прийти в филармонию или в театры. На протяжении этих восьми лет искусство было неким смягчающим фактором, глотком свежего воздуха, утешением и вдохновением. Не только для зрителей, но и для артистов тоже», — говорит Александр Парецкий.

Он добавил, что творческий коллектив филармонии целиком разделяет эти устремления. Служение музам не терпит суеты, но еще оно требует постоянства и упорства, как и всякий труд.

«Конечно, мы все верим и надеемся, что в краткосрочной перспективе все-таки у нас будет возможность работать непосредственно в нашем родном концертном зале имени Сергея Прокофьева, на «намоленной» сцене — очень этого хочется! Очень хочется работать для своего родного зрителя!» — утверждает Александр Парецкий.

Творчество — как глоток свежего воздуха

Художественный руководитель филармонии добавил, что когда артист находится в творческой работе со своими соратниками,

когда он все время имеет перед собой различные творческие задачи, готовится к концертам, репетирует, а потом выходит к публике под

свет софитов, то все эти сильные и радостные эмоции, несомненно, отвлекают от негатива, от военных и бытовых проблем.

«Сейчас мы используем это затишье между обстрелами, эти несколько дней для работы. Боймся даже радоваться этой относительной тишине. У нас артисты сейчас активно репетируют, симфонический оркестр сейчас работает. У нас большие планы относительно именно этого коллектива: дело в том, что 2023 год — юбилейный, оркестру исполнится 90 лет», — отметил гендиректор и художественный руководитель филармонии.

Александр Парецкий добавил, что симфонический оркестр — это ведущий, базовый коллектив в филармонии, и на сегодняшний день он объединяет 65 музыкантов.

«Вообще в его составе было 85 человек еще год назад. Но некоторые артисты были вынуждены выехать из Донецка. Музыканты переживают о своих семьях, о детях. Но многие все же рассчитывают вернуться, в основном все на связи. Мы стараемся с ними под-

держивать контакт», — говорит Александр Парецкий.

По его словам, этот коллектив — универсален по богатству исполняемого репертуара.

«Симфонический оркестр — это коллектив с огромными возможностями, способный исполнять любую музыку! Не только классику: Чайковского, Рахманинова, Мусоргского, западноевропейскую академическую музыку, но и популярный репертуар. Если над ним поработать, сделать хорошую аранжировку, оркестровку, он звучит очень интересно как для широкой аудитории, так и для самого взыскательного слушателя!» — отметил Александр Парецкий.

Продолжая тему, он отметил, что уже есть определенные договоренности по поводу гастрольного тура симфонического оркестра по России.

«Мы планируем в апреле провести традиционный фестиваль «Прокофьевская весна». Но он будет проходить в формате выездных концертов по Российской Федерации. Уже есть

определенные планы выступлений в Ярославле, Ижевске, Перми, Казани».

Не отстают от симфонического оркестра и другие коллективы. Например, ансамбль песни и танца «Околица».

«Для коллектива «Околицы» 2022 год был насыщенным гастролями и по ДНР, и по Российской Федерации. Артисты посетили Краснодарский край, Белгородскую область, Брян-

щину. Буквально недавно ансамбль выступил с концертом в Ялте, на побережье Азовского моря — на освобожденной в ходе спецоперации территории Донбасса. Коллективы Донецкой филармонии принимают активное участие в реализации культурно-просветительского проекта Министерства культуры Донецкой Народной Республики «Культура для школьников», — говорит Александр Парецкий.

Несколько слов биографии

Александр Парецкий родился в простой шахтерской семье в городе-спутнике Донца — Макеевке. В детстве он очень увлекался математикой, даже приезжал на выходных в Донецкий, тогда еще — государственный, университет, где функционировал Открытый математический колледж, и принимал участие в математических олимпиадах.

«Но, когда я перешел в другую школу, там меня заметила на уроках музыки преподаватель Ирина Ивановна Кодинцова. И посоветовала пройти прослушивание в наш районный дворец культуры на шахте имени В.И. Ленина. Там у меня был замечательный преподаватель вокала Татьяна Владимировна Мироненко. Вокальную основу я получил у нее», — с теплотой вспоминает своих преподавателей Александр Парецкий.

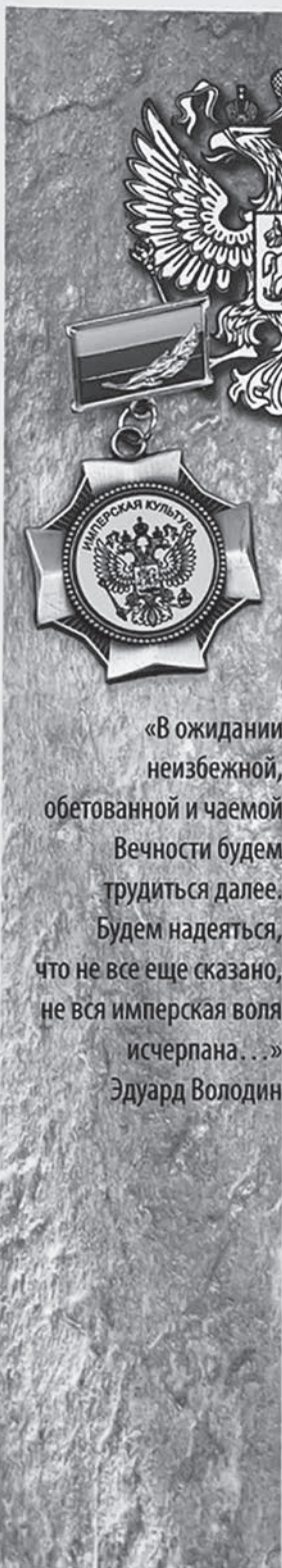
После 11 класса он поступил в Донецкое музыкальное училище, которое окончил по классу сольного пения с отличием. Потом была Донецкая музыкальная академия, где Александр Парецкий окончил специалитет как концертный исполнитель и преподаватель. Окончил аспирантуру, параллельно с учебой с 2008 года он уже работал в Донецкой филармонии.

«В Российской империи не может быть плохой культуры! Хочу отметить очень символическое название премии «Имперская культура»... Лично для меня это не то название, которого стоит бояться. Наоборот, Российская империя — страна, которая объединяет в себе два века процветания и развития. И стыдиться этой истории, наверное, нелогично. У нормальных людей, мне кажется, есть определенные мечты, чтобы история успеха Российской империи повторилась уже в новые времена и в новых, более благоприятных условиях!» — рассуждает руководитель Донецкой филармонии.

По мнению Александра Парецкого, Российская империя занималась не порабощением народов, а развитием культуры на основе объединения различных народов и их духовного мироощущения.

«Что для меня империя? Это великая страна, к мнению которой прислушиваются. Которая имеет международное влияние и авторитет, которая развивает свою многонациональную и многогранную культуру. Для меня империя — это страна, в которой не может быть плохой культуры!» — заключил лауреат престижной российской премии из Донца.

*Материал подготовил член СП РФ
Георгий Савицкий*

«В ожидании
неизбежной,
обетованной и чаемой
Вечности будем
трудиться далее.
Будем надеяться,
что не все еще сказано,
не вся имперская воля
исчерпана...»
Эдуард Володин

Союз писателей России
Фонд святителя Иоанна Златоуста
Журнал «Новая книга России»
ИИПК «ИХТИОС»

ДИПЛОМ

Лауреата премии
ИМПЕРСКАЯ КУЛЬТУРА
имени Эдуарда Володина

по разряду
«СОБЫТИЯ. ПОДВИГИ. ЛЮДИ»
НАГРАЖДАЕТСЯ

Александр ПАРЕЦКИЙ
(Донецк)

за верность долгу
и служение искусству и Отечеству.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
Комиссии по присуждению премии

В.М. ГУМИНСКИЙ

ВЫСТАВКА РАБОТ ХУДОЖНИКОВ ДОНБАССА ОТКРЫЛАСЬ В БЕЛГОРОДЕ

Информационный портал «ДНР Онлайн» сообщает о выставке работ художников Донбасса, которая была открыта в Белгороде в рамках проекта «Художники Донбасса — Белгородчине».

Всего экспозиция включает порядка 120 картин.

В Белгородском художественном музее сообщили, что из общего количества работ выберут 20 картин и в виде планшетной выставки представят в школах города. Оригинальная

экспозиция отправится в другие музеи Белгородской области.

Работы художников можно будет увидеть до 12 марта.

«Выставка посвящена пейзажу Донбасса, людям. Все эти события, которые происходят там на протяжении нескольких лет, художники не отражают. В их работах — только радость светлого бытия и торжество жизни», — отметили в музее.

Источник: <https://mk.ru>

ДО КОНЦА ГОДА ВО ВСЕХ ШКОЛАХ ДНР ПОЯВЯТСЯ ШКОЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ

Министерство образования и науки и Министерство культуры ДНР совместно займутся созданием и развитием школьных театров в общеобразовательных организациях ДНР. Об этом сегодня сообщила руководитель республиканского Минобрнауки Ольга Колударова.

«В школах республики создано 114 театральных коллективов, которые зарегистрирова-

ны во Всероссийском реестре школьных театров. До конца года они появятся в каждой школе», — написала Колударова в своем телеграм-канале.

Она добавила, что план работы по развитию школьных театров был подписан ей и и. о. министра культуры республики Михаилом Желтяковым. По словам Колударовой, будет налажено сотрудничество таких кружков с ведущими театрами республики.

СВО. СТРАНИЦЫ ПОДВИГА

Документалистика

Дмитрий СТЕШИН

В журналистике с 1995 г. Работал в Беслане, на попытке захвата Нальчика, в Кондопоге; в Ливии в 2011 г., с 2012 г. — в Сирии, Египте, в Ираке и Курдистане — на войнах и «цветных революциях». Всего в журналистской биографии 13 «цветных революций»: от Ливии до Белоруссии. С марта 2014 г. — на Донбассе, всю осаду находился в Славянске, в общей сложности прожил на Донбассе несколько лет. Гражданин ДНР, заслуженный журналист республики. Награждён государственными наградами РФ, лауреат премий Артёма Боровика, Юлиана Семёнова. Обладатель «Золотых перьев» от Союза журналистов Москвы и России.

ДЕНЬ СНАЙПЕРА, ДЛИННЫЙ ДЕНЬ

Два рукопожатия

От моего дома в центре Донецка до передовой всего 20 минут езды по навигатору. И около часа пешком. Выдвигались ранним утром, по холодку. Днём в донецких степях столбик термометра уверенно пересекает «засечную черту» — 36 градусов, и забытая на солнышке плита от бронезилета раскаляется, как сковородка, а автоматные стволы часами остывают после стрельбы.

Это журналистская удача — оказаться внутри обычного, рутинного фронтового дня снайперской группы. Как? Через несколько рукопожатий. Я привёз ребятам из Москвы чемоданчик с баллистической метеостанцией — подарок сирийского врача. Как рассказал мне доктор-офтальмолог во время короткой встречи у метро, один из снайперов этой группы несколько лет назад в Сирии спас его семью в Дейр-эз-Зоре. А он счёл своим долгом помочь спасителю — так двигается и перетекает добро в мире, по неведомым и непредсказуемым связям.

Посёлок, откуда мы уходили на позиции, обстреливают с утра до ночи, просто бьют по частным домам, где до сих пор живут люди и даже ездят на работу по утрам. Старший группы с позывным Москва рассматривает через «зелёнку» граждан, ждущих утреннего автобуса. Не нужно, чтобы они нас видели. Снайперы выдвигаются на позиции скрытно. По мнению этих ребят, кроме чужих дронов, постоянно висящих в воздухе, в посёлке явно есть люди, помогающие украинским войскам. И вычислить их очень сложно.

Нашу винтовку калибра 12,7 заматываем в брезент. Кто-то из снайперов дежурно шутит: «Если что, на рыбалку идём!» Мою машину прячем, насколько это возможно, втискиваем её в частный дворик, под жиденькую зелёную крышу из виноградной лозы. Никаких примет, ритуалов, «посидели на дорожку». Автобус ушёл, и мы быстро встали, подтянули друг у друга броники, ремни и ушли, уже чуя, как надвигается на нас белая, безжалостная жара Донбасса.

Элита без мата

Хуже артобстрелов только вот такие подходы к позициям. Набираемся сил в последней «зелёнке», впереди у нас километровая беговая дистанция в броне, некоторые участки просматриваются противником. На них выкопаны юмористические траншеи — глубиной по щиколотку. Рассматриваю ребят, с которыми мне выпало провести не самые приятные часы, итог которых непредсказуем. Светлоглазый Москва прошёл Сирию и Ливию, у него энергетика командира. Это такое необъяснимое явление, которое, впрочем, все чувствуют безошибочно. Мой земляк с Волги Астрахань, коренастый, с цепким взглядом. Основной, работающий снайпер в нашей группе.

И Енот — самый старший, ему 46. Он с Москвой ведёт наблюдение, выявляет цели и прикрывает снайпера. Енот всё объясняет мне терпеливо. Чисто психологически мне это было важно, когда под вечер по нам начали долбить уже без остановки, а наша артиллерия пыталась вести контрбатарейную борьбу. Енот комментировал коротко: «выход», «над нами пройдёт», «это наши», «а вот это по нам».

Я слушал его внимательно, как слушаешь учителя в первом классе.

Парни говорят без мата — элита российской армии, что тут скажешь. Москва объясняет, куда мы идём:

— Это старые позиции ВСУ. Укропов накрыли на них «Градами», и они отошли метров на восемьсот, на запасные позиции. А там — линия Маннергейма.

Я замечаю:

— Думал, это такой ход военной пропаганды, чтобы объяснить, почему мы не можем отогнать врага от Донецка.

Москва не соглашается:

— Видел эти бункеры, действительно всё забетонировано, даже двери стальные. Поэтому ОНИ так легко и сбежали из лесопосадки. Смысл цепляться за эти ямы, если за спиной у тебя сплошной бетон?

Теперь за эти ямы цепляемся мы, держим их. От самой лесопосадки остались рожки да ножки, все крупные деревья срезаны осколками. Зато есть буйный подлесок из молодых акаций — из них получают шикарные шпаги для игры в мушкетёров. Делал в детстве, играл...

Передок наоборот

Позиции ВСУ определяются по габионам из металлической сетки. Подарок от друзей с Запада. Ещё один подарок валяется на бруствере — пустой контейнер от английского противотанкового комплекса NLAW. Их позициям досталось от нас, потом нам досталось от НИХ. Все бруствера и траншеи завалены, как говорят археологи, «следами бытования» в несколько слоёв. Выдёргиваю из самого нижнего слоя отличные бундесверовские противоосколочные очки, давно такие хотел. Вокруг, насколько хватает глаза, жуткое месиво из пробитых плит бронжилетов, касок, фляг, наших пайков и украинских «сніданков». Под украинским бушлатом на бруствере притаился танковый пулемёт с электроспуском и несколько снаряжённых лент — что он здесь

делает? Ветер полощет развешанные по кустам бинты, испятнанные бурой кровью, уж не знаю чьей.

Вчера здесь было три наших трёхсотых. Под ботинком лопается с щелчком полупустой тубик от промедола. Ещё одна находка — имитация противотанкового ружья, аккуратно сваренная из железных труб и листов.

«Ружьё» смотрит нам в тыл, и я не сразу, но понимаю, что после занятия украинских позиций «передок» здесь оказался с другой стороны. Всё это до боли напоминает «траншейную» Первую мировую, так, как мы её представляем по книгам и кино.

Снайперы выбирают щель для укрытия, чтобы в случае чего туда сразу нырнуть. Выставляют на бруствер подаренную метео-

станцию, вроде стоит штиль, но крыльчатка быстро вращается, отсчитывая на экранчике скорость ветра. Снайперы списывают все данные в блокнот — температуру, давление... Объясняют мне, что для работы на дистанции под километр это важно.

Я вместе с Енотом обхожу передний край. Иногда он замирает на десятках минут и прочёсывает пространство оптикой. У Енота железные руки и каменное терпение. Я сижу у его ног в траншее и отвлекаю дурацкими вопросами: «Что видно?», «Сколько до укропов?». Енот терпеливо объясняет:

— 776 метров. Пока никого. Всё забетонировано, даже вокруг деревьев бетон. Дальше, на высоте, ещё одна линия, тоже в бетоне, там пулемётные точки.

Внезапно, справа от нас начинается заполошный автоматный огонь. Его поддерживает гулкий пулемёт, потом всё стихает. Пожилой ополченец слезает с бруствера и ставит РПП

в угол траншеи — я не заметил, как он там оказался, с гранатомётом на изготовку... Появляется командир этого участка. Позывной Итальянец. Строго спрашивает молодого ополченца с «усиками девственника», накрытого железной каской чуть ли не до подбородка:

— Зачем шумел?

Ополченец оправдывается:

— Я слышал, как хрустнула ветка под ногой, а потом кто-то сплюнул!

Енот пожимает плечами и говорит, мол, лучше пусть все будут настороже, чем на расслабоне. Ещё раз осматриваем нейтралку и находим сюрприз — растяжки. Несколько дней назад здесь стояли казаки, а уходя не предупредили сменщиков о минировании. Итальянец смачно ругается, разумеется, не по-итальянски. Матерную тираду прерывает крик: «Коптер!» И мы ныряем в щель.

Время жалоб

В этом бункере всем заправляет резервист Володя, невысокий, похожий на подземного гнома с седым ёжиком на макушке. Володя сразу же начинает суетиться с чаем для нечаянных гостей. Справа от нашего бункера глухо бахает — коптер сбросил мину. Володя смотрит на часы и замечает:

— Так, мужики, у нас есть свободного времени 30—32 минуты.

Я смотрю на него непонимающе, и Володя растолковывает:

— Верь мне, всё как в аптеке, сейчас дрон вернётся, ему поменяют батареи, привезят новую мину и опять к нам. Вчера нам блиндаж наполовину завалили...

Я вглядываюсь в подземную темноту и понимаю: да, от блиндажа осталась ровно половина, дальше, за нарами — мешанина из обрушившейся земли и вещей...

Но «свободного времени» не получается, по нашим позициям начинают как-то лениво, с большими интервалами, прилетать польские мины калибра 60 мм. Они бесшумные, ты слы-

шишь только сам разрыв, иногда ничего не слышно, если не повезло — мина эта даёт полторы тысячи осколков. Польских мин много, их не жалеют. Говорят, в Польше за последние месяцы изготовили для Украины несколько тысяч миномётов...

Володя, пользуясь отсутствием начальства поблизости, говорит мне:

— Хочешь хлеба попробовать? И соседям нашим такой же привезли.

Протягивает мне краюху из стопки, лежащей на нарах. Хлеб весь в зелёной плесени, на ощупь как деревянный.

Я рассматриваю краюху, пытаюсь шутить, мол, лечебный, с пенициллином, но никто не смеётся.

— Не будешь же про это писать, — куда-то в сторону говорит Володя.

У меня внутри всё закипает:

— Какого чёрта, до города полчаса езды, нормальный хлеб не привезти бойцам...

И тут прорывает. Мне начинают наперебой жаловаться:

— Воды нет, хозяйственники говорят, что им страшно приносить. В отпуска не пускают, пять месяцев семьи не видели, ну хоть на де-

нёк отпустите, тут ехать до дома час, чай не на Камчатку. Еда, только тушёнка. Её, правда, много...

Точка искры

Действительно, через 30 минут всё повторяется. Опять крик: «Коптер!» И все разбегаются по щелям. К нам в бункер заскакивает Итальянец и начинается долгий, тяжёлый разговор. Давайте без ханжества, окопники во все времена не любят снайперские группы: «Вы пошумели, кого-то завалили, а нас потом кроют артиллерией с утра до вечера». И с этим не поспорить. Окопник, особенно сидящий на позициях месяцами, в конце концов начинает думать только об одном — выжить. У снайперов, разведки, диверсионных групп задачи чуть шире: нанести урон противнику и выжить. Есть точка, где эти интересы сталкиваются и возникают искры. И не случайно перед разговором Москва вызвал к нам на позиции группу людей с устройством под названием «дронбой». С его помощью можно заглушить связь дрона с оператором и посадить коптер у себя на позициях, «взять в плен». Итальянец согласен, что лишить противника коптера — дело хорошее, достали уже. Но открывать беспокоящий огонь по противнику, чтобы снайпер мог отработать пулемётный расчёт или гранатомётчика, он категорически не хочет и в душе все его понимают, конечно. Итальянец — горнопроходчик пятого разряда, шахтёрская элита, пятый месяц в окопе. Кто угодно озверевает и будет думать только о доме. Разговор в тупике, и поэтому я в него влезая. Спрашиваю Итальянца:

— Скажи, ты за что воюешь?

Он отвечает, не думая:

— За жену, за дом, за шахту свою...

— Сколько воюешь?

— Пять месяцев! Я в эти выходные первый раз с весны дома был в увольнительной, и то догулять не дали. Звонят вечером в воскресенье: «Собирайся!» У меня шесть ребят за это время погибло, я с их жёнами встречался. Трое от бомбёжки, трёх вырезали диверсанты. И на меня две давай насакивать: «А ты? А ты почему не погиб?!» А остальные жёнки этим: «Вы чего такое несёте?»

Итальянец замолкает, отворачивается, у него как-то искажается лицо, и нас всех вокруг тоже начинает как-то трусить от сказанного. Протягиваю Итальянцу пачку сигарет, говорю, мол, «хорошие, на границе покупал в дьюти-фри». Он как-то успокаивается, собирается и резюмирует:

— За своих парней воюю и буду воевать!

Ситуация разрешается. Шипит рация, подходит группа бойцов с «дронбоем», все начинают готовиться к «закошмариванию укропа». Мы слышим, как они к нам идут — по следу парней падают мины, но не точно. Начинает работать тяжёлая артиллерия. Смотрим с Енотом, как на посёлок, где я оставил машину, валяются снаряды. В неподвижном воздухе хорошо видны столбы дыма. Енот утешает меня: «Этот выше и ещё выше, а этот вообще в стороне». Удовольствие от таких наблюдений среднее, я заставляю себя не думать о машине вообще. Тем более наши контрбатареи начали глушить противника, вяло, неплотно, но начали. К ВСУ ушло несколько ракет «Града», потом какая-то далёкая батарея дала несколько залпов...

Без укрытий

Правильно «дронбой» называется «мобильная система подавления БПЛА», и её создатели явно вдохновлялись «Звёздными войнами». Парнёк с «дронбоем» занимает

место в траншее — ему показали направление, откуда на наши позиции заходят коптеры. Я протискиваюсь к нему за спину, говорю: «Эту штуку запрещено направлять на женщин

и детей, там написано на табличке». Оператор «дронобоя» смотрит на меня с удивлением, переворачивает фантастическую винтовку и читает:

— Написано «на людей и животных»! — смеётся, говорит, что только вчера ему выдали это устройство и показали, как с ним обращаться: — Но тут две кнопки, вроде ничего сложного, разберёмся.

Астрахань приносит свою почти трёхметровую снайперскую винтовку и занимает присмотренную позицию. Москва на бруствере с биноклем-дальномером, Енот с автоматом, готовится прикрывать снайпера. Стрелки слева и справа от нас открывают огонь из автоматов и подствольников. Но противник разгадал нашу бесхитростную комбинацию и просто открыл огонь из миномётов, загнав нас под землю бессчётный раз.

Под сумрак мы снимаемся с позиций. Дорога к дому получилась длинной — раза три отлёживались, пережидая артогонь. Один раз, в очень удачном месте, где снаряд или мина обтрясли абрикосовое дерево в саду какого-то богатого дома. Из давно не стриженного можжевельника торчали облупившиеся гипсовые русалки, скалился с крыльца лев в облезшей позолоте. Его товарища разнесло в труху.

А мины по селу продолжали падать и падать, мы плюнули на них и пошли к машине. Хозяйка двора, где мы спрятали автомобиль, укрыла его куском старого баннера. Пыталась

сберечь машину, но крохотный осколок всё равно пробил лобовое стекло. Я потом уже представил себе эту худенькую женщину, укрывавшую машину под обстрелом... И подумал, что мужество может выглядеть и так. У этой женщины сейчас дочка на передовой за Лисичанском, и она делала для нашей победы всё, что могла. Я не успел, не сообразил её поблагодарить. Москва посоветовал мне уезжать быстрее, в промежутке между сериями прилётов. Но это было бессмысленно, огонь корректировался с беспилотника и со стороны всё это напоминало кадры из дурного боевика — главный герой мчит на машине, а слева и справа встают разрывы. Только герой обычно сидит за рулём мужественно, а у меня над баранкой торчал лишь нос и верхушка каски.

Выскочил в лесок за селом, перевёл дух и тут же увидел стоящую поперёк дороги «Ниву», всю издырявленную, на спущенных колёсах, в луже тосола или бензина. Попали миной с беспилотника, причём только что. Вокруг машины бродил понурый военный и снимал повреждения на телефон. Я притормозил, чтобы предложить помощь, но он замахал на меня руками:

— Езжай отсюда, браток, езжай быстрее!

Но ехать, чтобы спрятаться, было особо некуда — Донецк с самого утра лупили артиллерией так, что к вечеру город затянуло полосой плотного дыма. И только тогда обстрел прекратился. До следующего дня.

Вместо послесловия

Описываемые события — первые дни августа. Енот погиб в начале декабря — маленький осколок от танкового снаряда, умер

мгновенно. Астрахань тяжело ранило в ногу в последние дни 2022 года.

Оригинал публикации — газета «Комсомольская правда»
от 05 июля 2022 года: <https://www.kp.ru/daily/27414/4613183/>
Фото: www.kp.ru

СВО. СТРАНИЦЫ ПОДВИГА

Письма солдату

Донбасс
СВО. СТРАНИЦЫ ПОДВИГА

Дарья БОЛЕСОВА

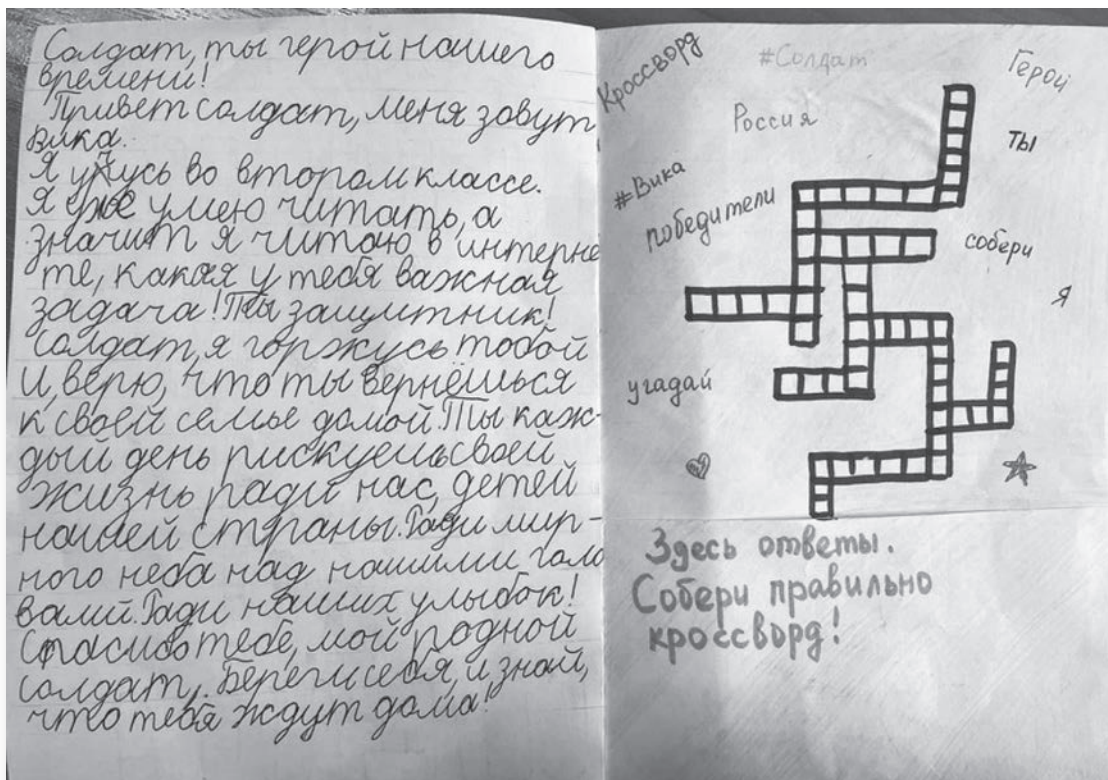
«МЫ ГОРДИМСЯ ВАМИ!»

Дети Черемхово отправили трогательные письма участникам спецоперации

Военные на СВО получили трогательные письма от детей из Черемхово

«Привет солдат, меня зовут Вика. Я учусь во втором классе. Я уже умею читать, а значит я читаю в интернете, какая у тебя важная задача!» — нетвердым детским почерком выведено на листе бумаги. Это письмо девочка написала для наших военных.

Для участников специальной военной операции очень важна поддержка их родных, друзей и соотечественников. Вдвойне приятно получать теплые и воодушевляющие слова от детей. Школьница Вика, ее друзья и другие ребята из Черемхово решили отправить военным

письма, поблагодарив их за то, что они покинули свои дома ради защиты Родины. Тексты получились искренними и невероятно трогательными.

Фотографиями писем поделился мэр города Вадим Семенов. В официальном ТГ-канале он написал: «Дети понимают, что воинам сейчас нелегко. В эти строки они вложили и благодарность, и надежду, и переживания».

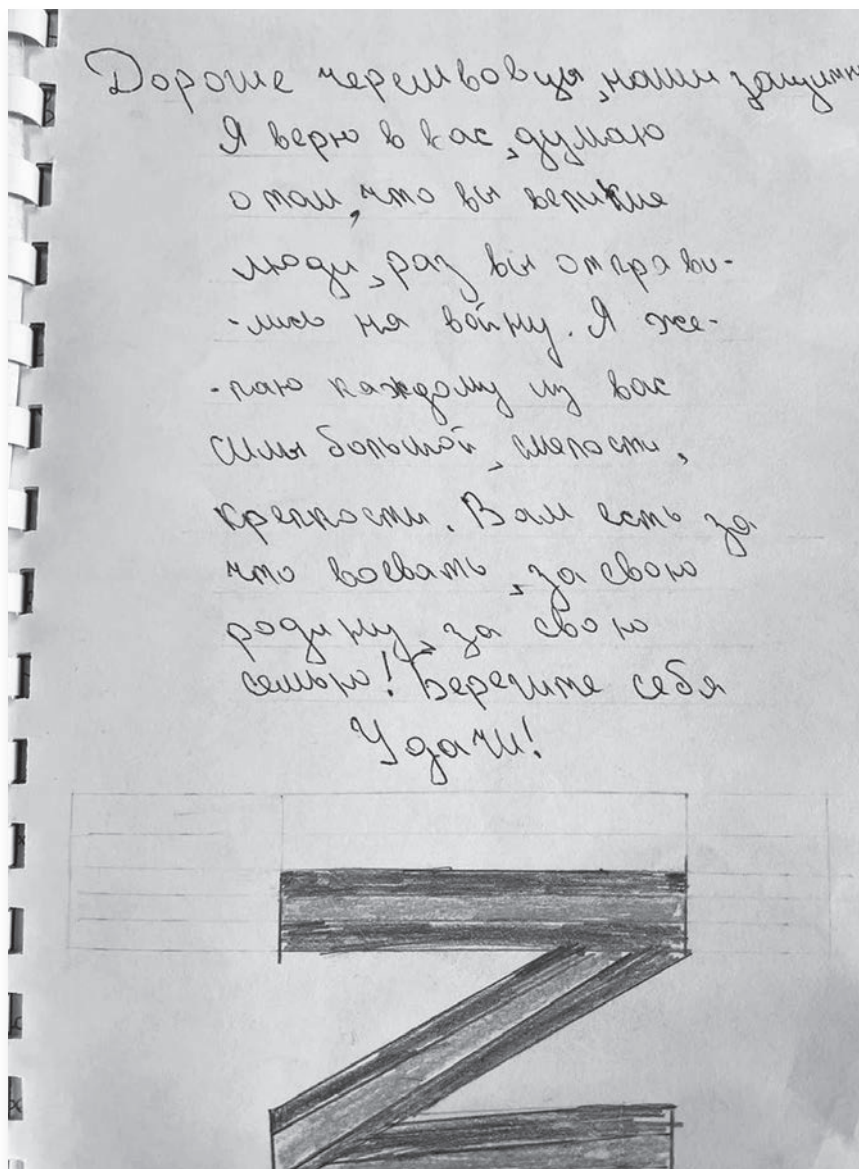
Ребята решили украсить письма рисунками, некоторые даже придумали и сделали

кроссворд. Творчество школьников передадут вместе с посылками для участников СВО.

— Я хочу выразить вам огромную благодарность за отвагу, героизм, мужество. Искренне желаю вам удачи, здоровья и всего наилучшего, как говорится: «Ни пули, ни осколка!» С уверенностью могу сказать: вы — настоящие герои! Я очень горжусь вами!

Такая поддержка очень важная для наших солдат.

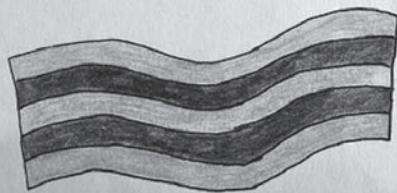
Все теплые слова отправят посылкой участникам СВО.

Письмо солдату!

Дорогой солдат, славный воин города Черемхово! Пишет тебе ученица 8 класса Кузнецова Юлия. В своём письме мне хочется сказать тебе большое спасибо, ты особенный человек, ведь только сильные духом, мужественные и самоотверженные уходят из дома для защиты своего Отечества. Ты наша опора и защита! Спасибо тебе, солдат!

Молюсь за вас и верю в победу!

♡

Дорогие наши защитники! Я хочу выразить вам огромную благодарность за отвагу, героизм, мужество. Искренне желаю вам, удачи, здоровья и всего наилучшего, как говорится, ни пуха, ни оскалка! С уверенностью могу сказать: вы - настоящие герои! Я очень горжусь вами!

Мы - русские! А это значит - за всех в ответе на Земле!
Желаем вам тебе удачи,
солдат Российской на войне!

ДЕРЖИТЕСЬ!

МЫ С ВАМИ ♡

СВО. СТРАНИЦЫ ПОДВИГА
Поэзия

ПОЗЫВНЫЕ ВОЙНЫ

Война учит людей очень многому, в том числе — и правдивому, честному литературному слову. Именно война помогла в своё время явиться на свет множеству таких искренних стихов и песен, как известные всем «Вставай, страна огромная», «Бьётся в тесной пещурке огонь», «Артиллеристы, Сталин дал приказ», «Три танкиста», «Дорога на Берлин», «Эх, путь-дорожка, фронтовая», «Синий платочек», а также целый ряд других песен, включая прозвучавшую уже спустя долгое время знаменитую «День Победы». Три десятилетия постперестроечных лет почти напрочь вытеснили из русской эстрадной культуры глубокие патриотические песни. Перестали также издаваться серьёзные поэтические книги поэтов этого направления, уступив место стихотворным хохмам Владимира Вишневского, Игоря Губермана, Дмитрия Быкова и другим строчкам стихотворцев этого круга.

И вот в феврале 2022 года Россия начала спецоперацию по освобождению Донбасса от неонацистов, и Союз писателей этим будто всколыхнуло, выплеснув перед читателями море современной патриотической поэзии. Нынешней весной вышли из печати сразу три поэтических сборника — это «Стихи из огня», «Порохом пропахшие слова» и «Свете Тихий — Защитникам Отечества», а также выпущенная московским издательством «Вече» при поддержке Президентского Фонда культурных инициатив полновесная Антология современной патриотической поэзии «ПоЗыВной — Победа!» (составитель — Виктор Кирюшин). Помимо денег из фонда Президента В.В. Путина, на благое дело были выделены также деньги от ряда частных благотворителей. Все эти книги были изданы для моральной поддержки русских бойцов, и вскоре после их издания они стали поступать к воинам на фронт, в госпитали, в библиотеки Донбасса и в Суворовские училища.

Открывая презентацию этих книг, председатель Союза писателей России Николай Фёдорович Иванов рассказал, что по всей России уже подхватывают его инициативу и издают дополнительные тиражи этих книжек.

«Мы понимаем, что время дорого, — заявил Иванов. — Поэтому действуем мобильно. Можно говорить о настоящем всплеске патриотической поэзии в связи со спецоперацией России по денацификации Украины. Приходится выбирать лучших из лучших, потому что нам шлют сотни и сотни стихотворений. Наш главный критерий — стихи должны быть талантливы и при этом поддерживать бойцов, мотивировать их на Победу».

Самым значительным вкладом в укрепление духа воинов Российской армии, а также солдат ДНР, ЛНР и граждан всего Донбасса является Антология «ПоЗыVной — Победа!», в которую включено порядка трёхсот страниц патриотических стихов и карикатур на злобу дня. При этом каждая из карикатур снабжена едким, но справедливым стихотворением типа: «За оружие, баблó и порошок — всё продаст Зеленский-петушок» или: «Уже давно для мира не фантастика, что в голове у дяди Сэма свастика».

Антология открывается словами из выступления Президента В.В. Путина на пресс-конференции 29 июня 2022 года в Ашхабаде о подвиге героев специальной военной операции. Он говорит: «Ребята, которые выполняют там боевые задачи, воюют, подвергают свою жизнь опасности, некоторые уходят из жизни, они защищают людей, которые живут на Донбассе, они защищают интересы России, обеспечивают безопасность нашей страны... И, конечно, они заслуживают того, чтобы о них говорила страна, знала страна, и я не только поддерживаю вот такие идеи... я думаю, что и песни надо слагать, и стихи писать, и памятники ставить. Они — герои!»

И следом идёт вступительная статья председателя СП России Николая Фёдоровича Иванова «Точка ноль», которую он завершает словами: «Я, русский офицер и русский писатель, принимаю Z в свой внутренний мир. Внешний мир сложен, переплетён мириадами нитей, но время русской «Земли» уже не замолчать и не предать забвению. Я — не предаю!»

И дальше Николай Фёдорович напоминает нам, что ещё в древнерусской азбуке буква Z обозначала с самой древней поры слово «земля».

А далее располагаются высказывания ряда известных граждан России, озаглавленные фразой: «Своих не бросаем». Среди них — кинорежиссёр Никита Михалков, председатель Государственной компании «Российские автомобильные дороги» Вячеслав Петушенко, писатель Александр Проханов, певец Александр

Маршал, писатель-фантаст Сергей Лукьяненко и другие. А потом — стихи. Как молитвы о живых и павших.

Одним из таких павших является молодой поэт, студент, пулемётчик и гвардии матрос Иван Лукин, сын известного поэта Бориса Лукина, который пишет в этой Антологии о своём погибшем сыне:

...Знаю, ангелом ты кру́жишь
над братишками в сей час,
гонишь смерть... Морпехи сдюжат!
Ты их вновь прикрыл сейчас.

Крыльями прикрыл... Как прежде
с пулемётом прикрывал...
С ними Вера и Надежда,
и улыбка на устах.

Над твоей могилой стяги.
И почётный залп звучит.
Так давно была Присяга —
жизнь назад... Чтоб вечно жить!

Кроме пулемётчика Ивана Лукина среди погибших за Донбасс воинов значатся Герой Донецкой Народной Республики и Герой России гвардии полковник Владимир Жога, Герой России старший лейтенант Нурмагомед Гаджимагомедов, Герой России полковник Алексей Бернгард, кавалер ордена Мужества подполковник ВДВ Денис Глебов — а сколько ещё молодых и прекрасных ребят остались здесь не упомянутыми, не отмеченными никакими наградами?.. Дай Бог, чтобы все они оставались живыми, ведь остаться живыми — это намного важнее, чем остаться всего только в чьей-то памяти. Хотя остаться в чьих-то стихах — это тоже продление жизни, так как стихи — это тоже молитва о спасении, что вытекает из стихотворения Евгении Бильченко «Солдатская молитва»:

История тасует дни и даты.
Истории правдивость не нужна.
А я молюсь за русского солдата,
Пока идёт гражданская война...

Книга — это тоже своего рода память, и эта память — коллективная, потому что её пишут многие люди, а читают ещё больше. Данную книгу из своих стихов слагают Леонид Корнилов, Борис Лукин, Александр Проханов, Виктор Верстаков, Александр Ананичев, Михаил Ножкин, Илья Резник, Владимир Силкин, Владислав Артёмов, Юрий Поляков, Надежда Мирошниченко, Виктор Кирюшин, Анатолий Пшеничный, Андрей Шацков, Наталья Ахпашева, Алексей Шорохов, Лев Котюков, Валентина Ефимовская, Алексей Полубота, Александр Бобров, Геннадий Иванов, Мария Ватутина, Владимир Скиф, Валерий Латынин, Дмитрий Дарин, Валерий Хатюшин, Владимир Берязев, Анатолий Аврутин, Евгений Артюхов, Евгений Юшин, Иван Нечипорук, Сергей Дмитриев, Иван Щёлоков, Николай Рачков, Сергей Дон-

бай, Владимир Бояринов, Борис Орлов — и так далее, на три сотни страниц настоящей поэзии. Когда-то она витала над просторами всего Советского Союза, потом её отовсюду выставили, и вот сегодня, кажется, забрезжило наконец такое время, когда в жизнь русских людей опять возвращается поэзия. Сегодняшняя жизнь кажется невероятно непозетической, но именно она помогает поэзии зазвучать во весь голос и стать услышанной людьми.

В Антологии «ПоЗыVной — Победа!» собраны лучшие стихи и песни современных поэтов, высказывающих в своих поэтических работах максимальное уважение к тем, кто выполняет задачи специальной военной операции по освобождению Донбасса. И мы знаем, что правда находится именно за нами, а это значит, что наш Донбасс скоро будет свободным...

*Николай ПЕРЕЯСЛОВ,
секретарь Союза писателей России*

УРОКИ ПРАВДЫ

Современные поэты о Донбассе

Наталья СОВЕТНАЯ
(Минск, Беларусь)

КАК ВЫ ТАМ?

Напишу на Донбасс: «Как вы там?», —
И замру в ожидание ответа.
Есть ли связь для моих телеграмм,
Если сутками нет у вас света?

И тревога сжимает виски,
И дрожат вмиг вспотевшие пальцы...
Живы ль ваши герои-сынки?
Уцелели соседи-скитальцы?

Уберёт ли бетонный подвал?
Есть в убежище вашем лопата,

Если выходом станет завал
И руинами — отчая хата?

... Всё ж прорвался и к вам Интернет
Сквозь обстрелы, огонь и разрывы:
«Всё нормально. Воды только нет.
Был прилёт рядом с домом. Мы живы».

Утром вновь напишу на Донбасс...

21.05.2022, С.-Петербург

ЖИВ РУССКИЙ ДУХ

Жив русский дух в Донецке и Одессе,
И помнят русский Запорожье, Львов...
Славяне мы! Нас Бог слепил из смеси,
В которой вера, правда, честь, любовь.
А дальше обжиг — то одно из правил,
Чтоб закалились телом и душой,
Господь, как глину, нас в огонь отправил,

И нам теперь
Со злом не страшен бой.
Вернём же время совести и света,
Святую веру в силу доброты,
И пусть навеки онемеют Meta¹
И НАТО — европейские шуты!

15.03.2022

¹ Социальная сеть, ранее называвшаяся *Facebook* (создатель Марк Цукерберг), разрешила с 11 марта 2022 года публикацию постов о ненависти к русским.

Валерий ТИХОНОВ
(Барнаул)

ЗНАТЬ И ПОМНИТЬ. ДОНЕЦК

— Что же ты молчишь, поэт,
восемь вёсен, восемь лет?..
— Мы в подвалах, мы кричим
восемь осеней и зим!..

— Как нам развивать детей
без детсадовских затей?..
— Будет ли от школы прок,
если взорван был урок?..

— А в Европе вновь галдят,
мол, игрушечный снаряд!
— Пишет ушлый либерал:
«Сам себя Донецк взрывал!..»

— Ночью страшно, страшно днём
под бомбёжкой, артогнём!..

— А Европа вновь твердит:
«Сам себя Луганск бомбит!»

— Безразмерное досье
у месье ОБСЕ.
«Всё у вас без перемен —
мирно», — пишет джентельмен.

— Восемь лет цивилиный мир
врал про нас в телеэфир,
врал и в радиоэфир,
гнал газетный антимир!..

— Не суметь нам быстро
справиться с фашистом.
Помогите, братья, —
встанем общей ратью!

Геннадий ИВАНОВ
(Москва)

ОНИ ГЛУМИЛИСЬ НАД РОССИЕЙ

Они глумились над Россией,
над ЛНР и ДНР,
их убеждали и просили —
и не осталось больше мер
других...

И вы совсем достали!
Так получайте же сполна
кровавый пир огня и стали.
А нам победа суждена!

Бывают войны неизвестные,
бывают войны мировые,
А эту назову я — честною!
России это — не впервые.

Она за честь моей державы,
униженной моей страны —
и воины правы и правы,
нам стыдно было б без войны.

23.03.2022

* * *

Опять о мире и войне... И кто-то плачет.
А для кого-то всё кругом так мало значит.
И то и это, и проблем в России масса.
Но всё идёт на задний план в виду Донбасса.

По крайней мере, так должно быть в эти годы.
Иначе жизни там конец, а не свободы.
Там наша русская душа. Там наши братья...
И мы должны их заключить в свои объятия!

ВОЙНА

1.

Артиллерийские дуэли...
Оттуда бьют, отсюда бьют.
Одни свернуться не успели —
теперь их где-то отпоют.

А может быть, и тел-то нету,
а есть какие-то клочки —
они упали в реку Лету.
Солдаты...
люди...
мужички...

2.

Тоскливо, пусто... Но в одной молитве
слова открылись мне — «унынья сон».
А спать нельзя в духовной этой битве...
Не буду же уныньем погребён.

Махнуть рукой могу ли на Россию?..
Идёт война и гибнут пацаны.
Хотя бы словом я могу усилить
дыхание моей родной страны.

Я наших воинов надеждой славлю!
Идут, бегут решающие дни.
Россия-Русь, храни себя, храни...
...И побеждай врагов своих! — добавлю.

01—06.07.2022

НАШЕ ОПРАВДАНИЕ

Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
.....
Не измени же ты себе
И оправдайся перед Богом.

Фёдор Тютчев

Опять враги нацелились на Крым.
Их вдохновляет давняя победа.
Нацистам этим богомерзким, им
Ни Божий страх, ни страх земной неведом.

Они на нас идут со всех сторон,
Но Крым для них особая добыча...

Опомнитесь, и Джонсон, и Макрон...
И Байден, усьмири своё величье.

Всё может быть, но верю, в этот раз
Господь не даст вам повод к ликованью.
Да и ракеты верные у нас —
В них перед Богом наше оправданье.

* * *

Не фрицы нынче сбрасывают бомбы,
И люди убегают в катакомбы.
И наступают на Славянск не немцы,
А смерть несут сегодня западенцы...

Они вдвойне сегодня западенцы —
За ними янки, англичане, немцы...

А у Славянска только ополченцы.
России надо что-то совершить,

Чтобы потом не мучиться, а жить
И твёрдо знать, что мы — не отступили,
Не предали, себя не обхитрили,
Святой порыв не дали задушить.

* * *

Америка мерзкая, мерзкая.
Бомбит, убивает, грозит..
И ложь её самая дерзкая,
И ложью Европа мерзит.

Россия, бываешь ты разная,
Но нынче ты снова одна
От истинной правды прекрасная,
Стоящая в правде страна.

МОЛИТВА СВЯТОМУ ЛУКЕ КРЫМСКОМУ

Врач богомудрый, святитель Лука,
здесь ты трудился,
святая рука
многих и многих от смерти спасла,
многих и к Богу она привела.

Раненых воинов много теперь.
Ты помоги им, страдания умерь.
Ты пососедействуй, святитель Лука.
Знаем, молитва твоя велика.

Страждущих воинов видит твой взгляд.
Отче Лука, помолись за ребят.

03.07.2022

Валерий ХАТЮШИН (Москва)

МАРИУПОЛЬ

*В Мариуполе — могила моего отца,
освобождавшего Украину.*

Украины бывшей убыль...
Нам дороги нет назад...
Русский город Мариуполь...
Разбомблённый город-сад...

В жёлто-синих дебрях вызрел
красно-чёрный зверский флаг..
Мариуполь — город-призрак,
Мариуполь — город-мрак.

Мрак удушливой печали,
мрак свистящего свинца
над цехами «Азовстали»,
над могилою отца...

Днём и ночью с «Градом» грозы —
канонады гром и звон.

На руинах храмов — слёзы
мироточащих икон.

Слёзы старых, слёзы малых —
здесь, где плачет Божья мать...
При свечах в сырых подвалах
дети учатся писать...

Укров крик и матерщина...
Ангел смерти к ним летит...
В чёрных книжках на руинах —
герб трезубый шелестит.

Как безумно трудно нервный
охлаждать, унять озноб...
Мариуполь — это первый
гвоздь в свидомый чёрный гроб.

31.03.2022

ВНОВЬ НАЗВАТЬСЯ РОССИЕЙ

Мы родную отстроим юдоль,
в нашем сердце родство вострепнётся...
Через мрак, через кровь, через боль
Украина в Россию вернётся.

И, прорвав незалежности бред, —
сможет стать и сильней, и красивей,
чтобы, выйдя из мрака на свет,
вновь, как прежде, назваться Россией.

13.03.2022

Любовь ЛАДЕЙЩИКОВА (Москва)

СОВЕСТЬ

Отступать назад уже нельзя —
Ни в словах, ни в мыслях, ни в поступках.
Если Правду предали «друзья», —
Совесьть — не согласна на уступки.

Не Россия начала войну,
Вскрыв нарыв на теле сателлита,
И не надо ставить ей в вину —
Правый путь — достойный и открытый.

Жив в груди гуманный Русский Дух!
Души рвёт трагедия Донбасса...

Повторяю вслух — для тех, кто глух,
Ангелы — не пушечное мясо!

Жгуча боль сердечного котла,
Но строка моя — не бездыханна...
Совесьть — неподкупна и светла,
Правда — высока и осиянна!

Лишь Победа — остановит кровь.
И — проступят, как во время оно —
Свет и Совесьть, Вера и Любовь —
На иконах русских и знамёнах...

30—31. 03.2022

УРОКИ ПРАВДЫ

1.

Во имя правды и свободы,
Цвет жизни заслонив собой,
Миролюбивые народы —
Восстали на священный бой:
«Тираны мира, трепещите!»,
На давний спор — даёт отпор —
Россия — вечная защита —
Своих собратьев и сестёр,
Пленённый разум обещаая
Освободить от рабской тьмы,
И Русским Духом очищая
Мир — от коричневой чумы.

2.

Терпенье кончилось... В запасе
Отмщенья праведный ответ, —
За то, что жителей Донбасса
Уничтожали восемь лет...
«Чуть утро осветило пушки»:
«Россия, встань!» — приказ полкам.
Бессмертно — Лермонтов и Пушкин —
Дают отпор клеветникам!
Державна русская культура...
И — отзывается в веках —
Гуманный глас литературы —
С огнём возмездия в строках.

3.

Вновь — восхищения достоин,
 Взойдёт на пьедестал навек —
 Российский флаг и русский воин,
 Как самый мирный человек!
 Во имя правды и свободы,
 Освобождая города,

Урок истории народам —
 Даёт Россия — навсегда.
 Вставайте, братья, воскресайте!
 Настал прозренья день и час, —
 А Слово Ратное — на сайте —
 Наш стратегический запас.

10.03.2022

Иерей Игорь МОРОЗОВ (Брянск)

ЛЕБЕДЬ

Вдоль дороги полевой,
 По раскисшей пашне,
 После сечи боевой
 Танки шли на марше.

Может, это Ангел был,
 Пролетал над пашней
 И ребят благословил
 По молитве нашей?!

На броне следы огня,
 Вмятины от взрывов,
 Но победы не отнять:
 Все ребята живы.

Так не будем горевать
 И на власти злиться.
 Им — страну управлять,
 Ну а нам — молиться.

Только вдруг из-за леска
 Появился лебедь.
 Прокричал — и в облака,
 Скрылся. Не заметишь.

Помоги нам, Боже мой,
 Мир вернуть сожженный.
 А солдат пошли домой
 К матерям и женам.

ПОМОЛИМСЯ

Помолимся, друзья, за Президента:
 Ему поддержка так сейчас нужна!
 Помолимся, друзья, за Президента,
 Ведь мы же православная страна.

Помолимся всем миром, кто как может,
 Чтоб Родину от гибели сберечь.

Помолимся. Пусть Бог ему поможет
 Засилие фашистское пресечь.

Прочувствуем всю остроту момента:
 С Христом воюет злобный сатана...
 Помолимся, друзья, за Президента,
 Ведь мы же православная страна.

АЛЛЕЯ АНГЕЛОВ

В Донецке-городе растёт
 Аллея Ангелов.
 Слезами к Богу вопиет
 О гневе праведном.

Лежат здесь детские тела,
 Войной убитые.
 Кто никому не делал зла —
 Убит бандитами.

Детишкам надо бы внимать
Улыбкам маминым,
Но души детские летят
К селяням праведным.

Господь вселит их в светлый рай
С улыбкой кроткою,

Туда, где чудный, дивный край,
Любовью сотканный.

Слезами к богу вопиет
О гневе праведном,
В Донецке-городе растет
Аллея ангелов...¹

Сергей ПАНФЁРОВ
(Кораблино, Рязанская обл.)

* * *

На тревожном Донбассе опять
начинают стрелять.
Восемь лет продолжается там
«боевая работа».
Расскажи мне, мой друг,
каково умирать в двадцать пять.
Мне почти шестьдесят,
но и то умирать неохота.

Всё отчётливей я
слышу поступь войны у дверей.
Видю храбрых ребят,
одержимых свирепую страстью.

Видю свастики взлёт...
Чем утешить седых матерей
потерявших детей,
не пришедших к святому причастью?

В небе кружится дым,
значит, где-то пылает огонь.
Поспеши погасить,
а не то разрастётся повсюду.
Мне почти шестьдесят,
но тревожная помнит ладонь
автоматную сталь.
И пока я её не забуду...

Валентина ЕФИМОВСКАЯ
(Санкт-Петербург)

ВРЕМЯ «Z»

В начале было Слово — Мысль без звука,
И воцарился во Вселенной Свет.
К Первообразной тяготеет буква —
Метафизическая греческая Z —
Как символ приношенья Богу жертвы
Иль курс координаты бытия,
Как объявление аду часа смерти
И знак архистратигова копья.

Архангел Михаил — небесный воин —
В конце времен повергнет Сатану.
А ныне наши русские герои,
Осуществляя время «Z» любовью,
Победный путь с кровотокающей болью
Торят через кромешную войну.

¹ Незадолго до спецоперации России украинские пропагандисты замахнулись на святое: объявили фейками фотографии на Аллее Ангелов — мемориале погибшим детям Донбасса.

Андрей ПОПОВ
(*Сыктывкар*)

ОТВЕТ ШВАРЦЕНЕГГЕРУ

Всё разговорчивей стратеги —
Им души русские нужны.
И даже старый Шварценеггер
Стал объяснять кошмар войны.

Стал русским предлагать солдатам
Идти домой, смотреть кино.
Не понял бывший губернатор,
Понять, наверно, не дано,

О чем страна моя молилась,
Из-за чего не знала сна,
Что значит наша справедливость,
Что значит русская весна.

Ему когда-то Юрий Власов
Не дал развёрнутый ответ
О детях русского Донбасса,
Что убивали восемь лет,

Что псы и штаты беззаконий
Дождались грозного суда.
Тошнит от сытых калифорний,
Не понимавших никогда,

Что в наших душах накопилось,
Какая этому цена,
Что значит наша справедливость,
Что значит русская весна.

* * *

Это правда русского размаха —
Широка страна моя, поверь...
Я не знал про город Волноваха,
Но о нем волнуюсь я теперь.

Я волнуюсь за его погоду,
За людей в военном далеке,

Что готовы драться за свободу
Говорить на русском языке.

Это правда нашего простора,
Это время честного суда.
Волноваха — это русский город,
Русский город — раз и навсегда.

Сергей БОРОВСКИЙ
(*Тюменская обл.*)

СУРОВЫЕ РУССКИЕ МИЛИ

Разве ждали кровавого часа,
Жизнь не менее прочих любя?
Беззащитные дети Донбасса
Принимают огонь на себя.
Против них — украинская «Точка»,
И со смертью один на один:
На асфальте трёхлетняя дочка
И сестру прикрывающий сын...
Бьют прицельно — ни вправо, ни влево,
От хозяев команда: «Вперёд!»

Дровосеки на русское древо
Налетели, как пчёлы на мёд.
Узаконены новые пытки —
Изощрённей, коварней, больней.
Упыри продолжают попытки
Древний род оторвать от корней.
Обескровили Русь, обложили,
Подорвали извне, изнутри...
Как трудны эти русские мили
От заката до светлой зари!

Евгений ГОЛОДНОВ
(*Орехово-Зуево, Московская обл.*)

ВТОРОЙ ФРОНТ

По зову вечности ребята
Уходят. Вновь скорбит страна.
Весной окончилась война.
(Но это было в сорок пятом!..)
Цена Победы высока
И в эти дни, и в дни былые.
Но вашингтонская рука,
Как встарь, накручивает прибыль.
Десятки лет тому назад

Для нас всё также: «Или — или?»
Американский наш «камрад»
Пообещал, мы не забыли:
Откроет фронт, чтоб фрицев бить,
Но с ним тянули англосаксы.
Теперь решили фронт открыть,
Чтобы Россию погубить.
Для них святое: прибыль, баксы...

ВЕРУЮ!

Говорят, что не пахнут деньги.
Поспешу я не согласиться.
А из вас, может, кто усомнится,
Что донецкие степи пахнут —
Дивной сказкой, польностью русской?
Есть, конечно, кто вновь не поверит,
Что смердят изумрудные баксы,
Запятнав кровью степи Донбасса.
Что забыли здесь лютые янки
И бандеровцы-прихвостни штатов?
Продаётся за зелень Иуда,

Будь хохлом он, кацапом, пиндосом...
Не отмывать им иудины деньги —
Всё темней реки крови славянской.
Но проявится, верую, Правда —
Князь Владимир сойдёт с пьедестала,
Отзовутся кремлёвские стены.
С Божьей помощью рать соберётся
И очистит она Украину
От поганых. И снова во Славу
Русь Владимира восторжествует!

Надежда КАМЯНЧУК
(*Псков*)

ПИСЬМО МАТЕРИ НА ФРОНТ

Я жду, сынок! С Победою вернись!
Мы соберём гостей, на стол накроем...
Я знаю, что вернёшься ты героем,
Настанет мир и будет мирной жизнь...
Пишу тебе, что дети каждый день
Всё ждут и ждут, когда откроешь двери...
Слыхала я — есть у врага потери
И ты придешь, как зацветёт сирень,
Когда сорвёшь со свастикию флаг,
Под трибунал веди врага-Иуду.

Он возбудил вокруг такую смуту,
Что оказался нам не брат, а враг.
Стоишь сейчас ты на передовой
И вспоминаешь дорогие лица —
За них, за нас за всех ты будешь биться,
Тебе по силам... Да и не впервой.
Знай, никогда не скажут москали, —
Они теперь, как деды в сорок пятом,
Победы ратники! Сыночки и солдаты —
Российские спасители земли!

Римма КРАВЧЕНКО (Германия)

УКРАИНА

Что стало с тобой, Украина?
Одной мы страной рождены,
Славянскую кровью единой,
Корнями родства сплетены.

Весёлые свадьбы играли
Под топот хмельной гопака,
Зять русский с дивчиною Галей
Шли рядом с рукою рука.

На мягкой украинской мове
Мы пели, к вам чувств не тая,
Про «чёрні очі и брові»
В слезах — «Рідна мати моя».

А в Киеве майском каштаны
Цвели вновь под плески Днепра,
И русский парнишка с коханой
Кружились под вальс до утра...

Под власть мирового сатрапа
Вы в жертву себя принесли,

И стали для вас мы «кацапы»,
Презренный народ «москали».

Что было святое — забыто,
Вы продались за «джевелин»,
В полях не колышется жито,
Под смертною тяжестью мин.

Спасая жизнь, мчитесь галопом
От междуславянской войны,
И прячетесь вы по Европам,
Но только кому там нужны?

Там будете вечно чужие,
Штамп «беженец» трудно нести,
Поймёте — роднее России
Славянской душе не найти.

Сознаетесь в позднем прозреньи,
Что создал враг мира — тиран
Из вас инструмент истребленья
Великого братства славян.

НЕЖНОСТЬ

Пусть эта истина, как вечный мир, стара,
Но как же не хватает в нём добра!
И если бы художницей мне быть,
Как же хотелось мне отобразить
Свою картину, «Нежностью» назвав.
Я вижу девочку средь разноцветья трав,
Счастливую, пяти не старше лет,
Из полевых цветов собрав букет.
Прижался к ней котёночек-пушистик,
Вдруг востепенулся, увидав летящий листик,
Мяукая, помчался он за ним,
Своей кошачьей радостью гоним.
Девчоночка котёнка подхватила,
К груди прижала свой комочек милый,

И что-то ему радостно лопочет,
И тот листок догнать с котёнком хочет.
Но радость этих малых крохотулей
Навек прервёт бандеровская пуля...
Убита нежность ненаписанной картины,
Враждебно вдруг ставшей Украиной.
Уймите, братья, оборзевшего вояку,
Что обещал костыми детей кормить собаку.
И снова тучи смерти над Донцом,
И снова страх живёт в сердечке детском.
Кто ненависть вручил сердцам жестоким,
Под небом чистым и голубооким?
Я знаю, что наивен мой вопрос,
Если распят был Сам Иисус Христос...

Ольга ШМАКОВА
(Чехов, Московская обл.)

БОГАТЫРИ

Клубится гарь пороховая,
Закрыв собою солнца свет.
Земля истерзана нагая,
От ран живого места нет.

Прервав свой сон в земной твердыне,
Восстали в горестный дозор
Илья, Алёша и Добрыня,
Вольга́, Микула, Святогор.

«Что приключилось в мире, други? —
Спросил Илья. — Иль день — не день?
Темно как... Дым по всей округе...
Как будто оборотня тень
Мелькнула там, за перелеском?» —
И потянул из ножен меч...

Клинок сверкнул тревожным блеском,
Врагу чело готовясь сечь.

«Иль возродился Змей Тугарин? —
Добрыня придержал коня. —
Откуда, братцы, столько гари,
А в небе — столько воронья?
Как будто рядом — поле боя
Покрыто слоем мёртвых тел...»

Из-за холма, утробно воя,
На них огромный зверь глядел.

В пустых глазницах — ада пламя.
Людская кровь — ручьём с когтей.
Он рвал Руси святое знамя
Среди обглоданных костей.

Достав свой меч булатной стали,
Алёша молвил, окрестясь:
«Глянь, на Руси, пока мы спали,
Какая погань завелась!
Эх, люди, — прошептал он с грустью, —
Что ж не будили в нужный день?

Как допустили, что б над Русью
Витала твари адской тень
И, узы братские порушив,
Паучьим метила крестом
Злом одурманенные души,
Что б за собой вести потом?

Бить эту нечисть — наше дело!
Ты только, Русь, в Святое верь!...»

...Зловеще в воздух вскинув тело,
В прыжке над ними взвился зверь,

Загривок вздыбив, пасть оскалив,
Встал пред дружиной боевой,
Глаза на русичей уставив,
Издав глухой могильный вой.

«Век не видал подобной дряни!
Да кто ж наслал тебя на Русь? —
Вскричал Микулушка-Селянин. —
Ужо я пикой дотянусь
До злобной рыкающей пасти!
За брата нынче встанет брат!
А ну, славяне, от напасти
Освободим-ка Киев-град!

Отведай силы богатырской,
Из ада вылезшая тварь!
Поднимет люд тебя на вилы!
И будет в мире лад, как встарь!...»

Вертелся зверь, пробитый пикой,
К земле Микулой пригвождён,
Выл и рычал, кроваволикий,
Ещё ужасен и силён.

За ним поднялась рать стеною,
Из тьмою меченых бойцов,
Подвластных колдовскому вою,
Забывших дедов и отцов.

«А с этими что делать будем? —
Спросил Алёша у Ильи. —
Аль люди то, али не люди?
В крови по пояс да в пыли».

Илья коня направил в сечу:
«А ну-ка, раззудись плечо!
Всех, кто рубиться хочет — встречу
Своим карающим мечом!

А кто опомнится — приветим,
Отмоем грязь в воде Днепра.

Не вечно ж злу бродить по свету,
И людям в ум прийти пора.

Не всё ль равно, кому к обеду
Щей наварить или борща?
За правдой будет и победа!
А ну, зверина, брось пиццать!!!»

Мудры славянские былины,
Что льются песней со страниц:
Не делят Русь и Украину —
Родство не ведает границ!

Светлана КУРАЧ (Омск)

* * *

Никогда не была я в Донецке,
Мариуполь — чужая земля.
...Человек по рождению советский,
Помню много хорошего я.

Помню праздники дружбы народов
(Мы, и правда, умели дружить).
Помню я, что за мир и свободу
Отдал дед мой короткую жизнь.

Вновь народы сейчас, как на плахе.
Там стреляют сегодня, там боль.
И волнует меня Волноваха,
Болью делится Анадоль.

Так зачем мне всё это, не глупо ль?
Застит свет дальних взрывов зола.

Но страдает во мне Мариуполь...
Я же там никогда не была!

И слезу я, как логово зверя
Окружают, сжимают в кольцо.
И погибшего деда лицо
Снилось мне — в сорок первом потеря!

Как вернулась война? Разбери,
В мире всё перепутано вдосталь!
Только дед снова в танке горит
От пожара завода «Азовсталь».

И сидящих в подвалах людей,
Я чужих и далёких — жалею,
И болят во мне души детей —
Юных ангелов с Детской аллеи.

Ольга КОЗЛОВЦЕВА (Ряжск, Рязанская обл.)

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Они сошлись на поле брани,
Вдвоем, лицом к лицу стоят:
Один — десантник из Рязани,
Другой — из Харькова солдат.

Своя у каждого присяга,
Своя у каждого страна,
И хоть у них два разных стяга —
Земля славянская одна.

Домой вернутся ли из боя
 Сыны страдальческой Руси?
 Зачем им биться меж собою? —
 Помилуй, Господи, обоих,
 Обоих, Господи, спаси!

Нацисты — проклятая нечисть —
 Да сгинут, сгинут пусть в веках!
 Бесславы ждет их и бесчестье... —
 На них вина кровавой сечи,
 И кровь детей — на их руках!

Геннадий ПЕТРЕНКО
(Павловск Воронежская обл.)

СВАСТИКА

Я свастику на старом гараже
 Стальным ножом соскабливаю чисто,
 Незримый бой на новом рубеже
 С потомком недобитого фашиста.

Сосед: «Сотрётся, я уж отбелил,
 Другой сосед, смотри, уже закрасил...»
 К смирению не наберётся сил
 И к оправданию слова нет в запасе.

Корявая не дрогнула рука,
 Вершила зло, не ведая о многом,
 Нездравый ум, не шалость дурака, —
 Лукавое соперничество с Богом!

И словно по истории плевков —
 Напоминанье о враге заклятом,
 Проходит неоконченный урок,
 Который начинался в сорок пятом...

Надежда МИРОШНИЧЕНКО
(Сыктывкар)

ПОБУДКА

Нам что плохо, то и хорошо.
 Нация не может без напряжения.
 Без Идеи, Совести и Флага:
 Главное, чтоб цвет нам подошел.
 Русский — он не может без греха.
 Но зато не может и без ясности.
 И не важно, так ли жизнь плоха,
 Если понял: Родина в опасности.
 Вот тогда мы и встаём с печи.
 Раззудись, плечо... Ну и так далее.
 Вот тогда и жёны горячи.
 А глаза и синие, и карие

Снова вместе. А наискосок
 К нам бегут и русые, и чёрные.
 Это мы — и Запад, и Восток,
 С Севером и Югом обручённые.
 Это мы сильнее всех любых,
 Если рушат самое заветное —
 Наше слово Русское, в под дых,
 Мы тогда выходим за Победою.
 Нам что плохо, то и хорошо.
 Нам что хорошо, то приедается.
 Слава Богу, что Господь уже
 Видит, что Россия поднимается!

РУССКИЕ

Кто гармонь оставил на скамейке?
 Кто зурну забыл на смертный бой?
 Надоели клоуны и фейки.

Русский дух несётся над землей.
 Русские — от края и до края —
 Мы в столетиях всех живых живей.

Русские — все иностранцы знают —
 И башкир, и коми, и еврей.
 Мы многоязыки и едины.
 Нас давно сплотили времена.
 Все себя вторые половины —
 Мы и есть Единая Страна.
 Вы чего нахмурились, славяне,
 Наш язык из света и мольбы —
 Он пароль для всех нас. Он как Знамя.
 Без него бы и погибли мы.
 Русские — какой оттенок силы
 В этом многокровном языке.
 Русские, мы родились в России
 И живём с Державой в кулаке.
 Вот уже дочитаны страницы,
 Что звались Европой, а теперь,
 Как им стыдно навсегда проститься

С совестью, ушедшей на панель.
 Ненавистью закрывая двери,
 Как им там живётся взаперти?
 Вот они и появились, Звери,
 Времени Звериного почти.
 Ни английский их не спас, ни даже
 Сытый-пересытый отчий дом.
 Ну а мы живём. И будем краше
 Жить, когда свою мы дверь закрём.
 Смертный бой, он нам совсем не нужен.
 Но уж коли вызвали — мы сдюжим!

Кто гармонь оставил на скамейке?
 Кто зурну забыл на смертный бой?
 Надоели клоуны и фейки.
 Русский дух несётся над землей.

07.03.2022 г.

Михаил АФОНИН (г. Донецк, ДНР)

ДЕВЯТАЯ ЖИЗНЬ

Я старый окопный потрёпанный кот.
 Хромаю, скачу на трёх лапах.
 Я тот, кто с солдатами рядом живёт,
 И сам называюсь солдатом.
 Стою на довольствии, хлеб с тушняком
 Свои для меня не жалеют.
 Ещё я с комбатом немного знаком
 И даже считаюсь главнее.
 Бывает, с ребятами песни пою,
 Бывает, что на бэтээре
 Под выстрелы лезу в жестоком бою
 И в нашей победе уверен.

А что на трёх лапах, так то не беда
 И жизни моей не помеха.
 Бандеровский снайпер, играясь, видать,
 Её отстрелил мне для смеха.
 Недавно и в танке пришлось воевать.
 Вот это, скажу вам, махина!
 Наводчик орал: «Ах вы, чтоб вашу мать»,
 Им можно при мне, я — мужчина.
 А в общем — живу. Вот сейчас подремал.
 Чихать, что не стану белее —
 Свои восемь жизней уже потерял.
 Девятую — не пожалею.

НАМ СМЕРТЬ ПРИДУМАЕТ НАГРАДЫ

Нам смерть придумает награды,
 Кому гранит, кому польнь.
 Но будут дни и будут даты,
 И будут лес, поля и синь.
 Подруга будет, что заплачет,
 А может — друг, что рядом шёл.

И будет много разных всячин
 И на поминках разносол.
 И будет жизнь, и пусть не наша,
 А мы как будто ни при чём...
 Но мы останемся, как стража,
 С живыми жить к плечу плечо.

МЫ ПОЛУБОГАМИ СЧИТАЕМ БОГОВ

Мы полубогами считаем богов,
Мы приняли жизнь без мольбы и торгов,
И каждый готов путь и правду держать до конца.
Мы брали вершины, спускались на дно,
А сердце у каждого обнажено.
Пусть нам повезёт, и зверьё побежит на ловца.

Не надо жалеть, мы избрали судьбу,
Отбросьте эмоции и ворожбу.
Мы сами решаем, какие три цвета — наш флаг.
И в самом конце непростого пути
Мы чуть отдохнём и продолжим идти,
А с неба скамандуют: «Только вперёд! Шире шаг!»

Игорь ЛЫСЫЙ

(с. Марьяновка, Старобешевский район, ДНР)

БАРАХОЛКА

Был вчера на развале,
Люди жизнь продают.
Мне старушки шептали:
«Всё, что было, всё тут...»

Чьё-то милое детство:
Куклы, зайцы, букварь.
И от перхоти средство,
И волшебный фонарь.

Чьи-то знаки внимания
На картонке лежат.
Проявлю сострадание
И куплю просто так.

Чьи-то знаки отличия
Продают за «пятак».

И хотя б для приличия,
Я спрошу, что не так.

Тут тарелки, сервизы
И столовый хрусталь...
Кто-то бьётся за визы,
Кто за нефть, кто за сталь...

Ну а здесь развалили
На земле, не таясь,
Всё, что в жизни скопили,
То, что втоптанно в грязь.

Был вчера на развале,
Люди жизнь продают.
Мне старушки сказали:
«Всё, что было, всё тут».

В ЭТОМ КАМЕННОМ СЕРДЦЕ...

В этом каменном сердце Донецкой степи
Каждый день, словно звенья железной цепи.
Каждый час тяжелее, чем прожитый год,
Смерть за нами, как тень, постоянно идёт.

По бульварам твоим и твоим площадям
Поливают свинцом, никого не щадя.
Только здесь понимаешь, зачем ты живёшь,
Хоть цена твоей жизни — лишь ломаный грош.

Чрева улиц, проспектов широкая гладь
Не вмещают войны тяжеленную кладь.
Но несём мы на хрупких усталых плечах
Свою ношу надежды, как Божью печать.

В этом каменном сердце Донецкой степи
Каждый день, словно звенья железной цепи.
Всякий раз как на плаху вхожу в новый день,
А за левым плечом снова тень, та же тень...

ДОКОЛЕ

Табака осталось на понюшку,
Вновь «прилёт» и стёкла дребезжат.
Помянуть бы бедного Ванюшку!
Только чем? Ему ж теперь лежать...

Курицу убило, сварим юшку.
Да, несушке больше не сбежать.
С помидоркой хлеба бы краюшку
Под сто грамм... Да где же это взять?

Вновь «утюжат», точно по квадратам,
Как картоху садят в огород...
Не хватает слов, пройдуся матом —
До седьмых коленей вспомню род.

Табака осталось на понюшку...
Ну, куда же мне теперь бежать?!
Помянуть бы внучика, Ванюшку,
Ведь ему в земле сырой лежать.

Ирина ГОРБАНЬ
(г. Макеевка, ДНР)

ЗДЕСЬ КАЖДЫЙ КАМЕНЬ КРИЧИТ

Здесь тишина только мнимая,
Здесь каждый камень кричит,
Не уходи, обними меня
И не молчи. Не молчи...

Ангел, воскресший под пулями,
Спрячь под седое крыло.
В голос кричу, но могу ли я?
Если кричу — прорвало!

Здесь для собак есть пристанище:
Что ни забор, то — жильё,
Что ни подворье — пожарище.
Ангел, уйми сатаньё.

А под крылом мне не холодно —
Перья озябшие жгут.
Ангел седой хоть и молод, но
Шепчет, что здесь не живут.

ФЕВРАЛЬ

Там, где заря еще пестрела,
Где ни намёка на туман,
Держался город под обстрелом,
Стонали, падая, дома.

Хрустели стены, словно кости,
И стёкла вдребезги, и сны...
Вороньи стаи на погосте
Топтали снег. И нет весны.

Февраль резвится оголтело
По изувеченным домам,

И где еще не прилетело,
Посеребрила всё зима.

Посеребрила вдовам кудри,
В церковный обрядила креп.
И только ветер этим утром
К весне окреп.

А по Артёма ходят люди
Среди февральских холодов,
И верят, что еще побудет
Их город без смертей и вдов.

О ПРОКЛЯТИИ

На гвоздике полотенце,
В углу, за портьерой, — таз,
Всё в доме здесь по-простецки,
И темень — выколи глаз.

Ни шкафа, ни шифоньера,
И много еще всех «ни»,
Мы в этой прострации серой
В обстрелах живем одни.

Ведь нет ничего дороже
Родных терриконов и,

Прилёты к утру итожа,
Мольбы пред иконами.

А после сходить за хлебом
В разгромленное сельпо
И слышать, как рвется небо,
Рыдать по убитым, по...

Гвоздю, полотенцу, тазу,
По дому с одной стеной,
И не проклясть ни разу
Того, кто пришел с войной.

Наталья ЛИТВИНЕНКО
(г. Донецк, ДНР)

* * *

Боже, помилуй мой город, в котором нет горячей
воды,

Не осталось слез и почти не осталось мужчин.
Есть сирень. В центре города будто бы расцветают
сады.

Но не радуется это и даже злит без причин.
Я не вижу почти никого из птиц, не слышу

по голосам.

Я не вижу шумных грачей и веселых детей.
Город пуст и помыт, он стоит вообще ничей.
В нем холодную и обстрелы дают только по часам.
В нем холодную не дают, а привозят бак.
В нем обстрелы выдают полный сервис-пак.
В нашем городе что-то совсем не так.
Даже песня вдруг из машины не в такт.
Завершился Пост, травы дали в рост.
Этой край на излом и совсем не прост.

Боже, спаси этот город, над которым летит ворона,
Солнце вылазит наугано и осторожно.
Боже, спаси этот город повзводно и порайонно,
Ибо земля близко и тепло почти невозможно.
Я вот не знаю, а кто это там грохочет —
Подлый ли враг или бьются богатыри?
Я вот не знаю, а ворон поживы хочет.
Видит ее далеко, до новых границ земли,

До самого конца света. А может — и до начала,
и до Глагола.

Что подняло его — взрыв? Противоракета?
Обсуждаемая килотонна?

Ворон один, неспешен он и печален,
и неуспокоен...

И не кончается страшное это лето.
И не кончается бесконечное это лето....
...И не кончается смертный в степи подсолнух.

Боже, помилуй! Закончилось первое лето
Среди зимы, и от снега отряхивается пехота.
Боже, храни этот город в сумерках до рассвета,
Ведь ни ослабы нету и ни укорота.
Там наверху как стучатся вагоны в сцеплениях,
Бьют в барабаны переразмерными ботами.
Смерть доминирует здесь над рождениями
Бьет сверхурочно, сверху и с переработками.
Бьют круглосуточно. Кажется — близко.
Если вдруг тихо — нас этот пугает покой.
Я так устала свои переписывать списки:
Реже — за здоровье, чаще — за упокой.
Нынче вопросы поставлены рубо.
Ныне общественное становится личным.
... А наверху все режут бесконечные трубы
Залпами целыми или частичными.

ПРО ТО, КАК МЫ БЫЛИ В ХРАМЕ И ТУТ СЛУЧИЛСЯ ОБСТРЕЛ

Громыхало по-январски жарко.
В жесткости работы боевой
Исправлял прицельную помарку
Новый беспилотник внеземной.

Даже мы, обстрелянные души,
Воробьи бывалые войны,
Удивлялись — кто и чем там глушит,
Что там за стволы наведены.

Никуда никто не разбежался,
Вовремя и слаженно пел хор.
Наверху небесный полк держался
От иных времен до этих пор.

Грохотала праведная сила.
Новости шумели каждый час.
И за цепь перехватив кадило,
Батя правил ладана запас.

Обходил то влево он, то вправо
Образы иконные отцов.
Обходил, как будто бы заставы,
Будто строй заслуженных бойцов.

А когда пропели: нету смерти,
Потребися, смерть, уйдет беда —
Громыхнуло так, что в аде черти
Бодро разбежались кто куда.

Скоро скажут: отворите двери,
Час пробил сурового Суда.
Нынче в логово загнали зверя
И уже ударили туда.

Покидайте ваши катакомбы —
Трубами оплётённый подвал.
На людей не будут падать бомбы,
Чтоб никто уже не умирал.

Утирайте под глазами слякоть.
Ободряйся, сердца скучный стук.
Больше людям не придется плакать
И терять любимых и подруг.

Береги нас, наша оборонка!
Вышний и земной дивизион.
В аде наблюдается воронка,
И весна теснит со всех сторон...

Александр КУЧЕРЯВЫЙ
(г. Донецк, ДНР)

ИЗ ВЕНКА СОНЕТОВ «ДОНБАСС 2014»

1.

Ласкает ночь прохладой и затишьем,
прошедший день укутала в покой.
Ползёт луна по небу тихой мышью,
лиственной шуршит, как добрый домовый.

Но только воздух, как незримый воин
несёт в своих истерзанных руках —
нет, не покой достоинства и воли,
а запах гари и горячий прах.

Так призрачен в границах сей юдоли
покой домов, кварталов, площадей.
А на губах уснувших привкус соли,

что днём копилась в лицах матерей,
на спинах тех, кто пал на бранном поле
под кронами столетних тополей.

2.

Под кронами столетних тополей
(бывают и такие старожилы)
мы собираем в горсть с родных полей
в последний бой неведомые силы.

На берегах, затерянных в степи
речушек безымянных, так некстати
пересекаются крестами все пути
героев, трусов, мучеников, татей.

И Вавилон шевелится в груди
червивых страхов, мерить пульс излишне.
И кто-то опускается в клетки.

И кто-то ждёт, когда созреет вишня.
Но в небесах ответа не найти,
кто на рассвете вскоре станет лишним.

3.

Кто на рассвете вскоре станет лишним?
Безумен список завтрашних смертей.
Ползу на террикон за смыслом жизни
под шум ветров, под визг очередей.

Мечтаю в тишине лесов байрачных
припрятать крик встревоженных скворцов,
забывших парадиз черешен дачных
по милости двуногих подлещов.

И на закате, закурив так смачно
на зависть трубкам глупых королей,
вдруг осознал, что жил пока удачно.

Вдыхая клевер, донник и шалфей,
себе шепнул: «Сегодня однозначно
последний миг отгадывать не смей».

4.

Последний миг отгадывать не смей.
Здесь не Тибет, здесь время не зеркалит.
Нет времени на сбор чужих камней —
успеть бы совладать с напором стали.

Успеть бы передёрнуть свой затвор,
в забвенье боя помнить о сынишке
и в памяти оставить детства двор,
и плюшевую рыжую мартышку.

Нас время расстреляло всех в упор
от Славянска до флага на Рейхстаге.
Летит синица в тёмный коридор,

мелькают на ресницах чьи-то стяги.
Не упустить бы этот временной зазор,
оставить на исписанной бумаге.

5.

Оставить на исписанной бумаге:
весну надежд 14-го года,
пролитый кофе из пробитой фляги,
всех, не доживших до своей свободы.

Мне нет причин ждать милость Демиурга.
— Я доброволец, к вам я, в ополчение, —
высокий, стройный парень Петербурга,
России молодое поколеньё.

Он мне в глаза смотрел с таким восторгом...
И понял я — вот этот не остынет
там, на меже меж подлостью и долгом.

Пусть лупит враг чуть ниже ватерлиний,
заполню на листе угля осколком
поля побед или поля полыни.

Владислав РУСАНОВ

(г. Донецк, ДНР)

* * *

Бог отводит не в первый раз.
Он сбивает чужой прицел.
Винегрет из банальных фраз
отдаётся пинком в крестце.

Ты не бойся и не проси —
это жизни простой закон.

Так давно повелось на Руси —
кто сломался, тот волчий корм.

А кто выжил, тот будет петь,
за победу наполнит рог.
Потому что не съела смерть,
потому что не выдал Бог.

ПРОПУСК В ЛЕТО

Блокпост «Июнь» и летняя гроза.
 — Где пропуск?
 — Вот же он — на лобовом!
 Кружится непоседа-стрекоза,
 но пропуск в лето лишь на одного.

Ах, лето красное, скучал бы за тобой,
 когда б не смрад пожарищ и обстрел.
 Кто в лес, кто по дрова, а кто-то в бой
 вчера поспел, таков уж наш пострел.

Блокпост «Июль», а где-то с неба град,
 и россыпь маков вдоль дорог — как кровь.
 Поэт, большой поклонник рифм «не рад»,
 ты где сейчас? Эх, хоть бы был здоров...

Ты загорел на юге, как индус,
 побереги свой чёрный пистолет,
 а то, что строчки, как полынь, на вкус,
 так это восемь лет — один ответ.

Вот «Август» — это лета крайний пост.
 С ветвей слетают жёлтые листки,
 а путь, как прежде, ясен, но не прост,
 и под ногами — мины-«лепестки».

Смешался мир — где тыл, где передок?
 Сплетенье переменных и констант.
 Но летний пропуск отработал срок...
 Пиши мне пропуск в осень, комендант!

2022

* * *

Война рыбной костью пронзает трахею
 и хочется выть, а приходится петь.
 Под джаз кайнозоя и регги архея
 приходит украдкой крылатая смерть.

Умытые кровью проспекты Донбасса
 с небесными кущами будут на ты.

Грохочет тяжёлым металлом триаса
 мотив безысходности и немоты.

Осколок хитёр, да и пуля не дура,
 уводят старательно и без препон
 туда, где весёлую джигу силура
 на реквием сменит усталый карбон.

2022

* * *

Не подносите смертникам вина,
 налейте лучше ключевой водицы.
 Томимы жаждой, только чья вина,
 что негде ни умыться, ни напиться.

Не покупайте смертникам цветы.
 Погиб цветок, когда обрезан стебель.
 На небо открываются мосты.
 Таков итог. Но ждёт ли кто на небе?

Не посвящайте смертникам стихи —
 ты так далёк, твои фальшивят строки.
 Не дар они, а кара за грехи.
 Стихов не чтят усталые пророки.

Не обещайте смертникам любовь —
 они не гнут по пустякам колени.
 Стоят, услышав хруст своих зубов,
 в пустом кругу затмений и знамений.

2022

Владимир СКОБЦОВ

Автор народного гимна Донбасса «Донбасс за нами», поэт, бард, член Союза писателей России, Донецкой и Луганской Народных Республик. Родился (1959) и живёт в Донецке. С 2014 по 2020 г. написал и выпустил сборники стихов о Донбассе — «Непокорённый» и «Металл Сопротивления», стал соавтором сборника гражданской поэзии Донбасса «Час мужества», антологий «Время Донбасса» и «Выбор Донбасса» и др., переведен на иностранные языки. Песни на стихи Владимира Скобцова поют Юлия Чичерина, Александр Маршал, Сергей Галанин и другие.

ДОНБАСС ЗА НАМИ

Проснулся Зверь в кромешной темноте
И Зверем Богу названа цена,
Прогнулись все — и братья во Христе,
Прогнулось всё, но не моя страна.

Был урожайным високосный год
И кровью смерть была пьяным-пьяна,
От туч свинцовых гнулся небосвод,
Прогнулось всё, но не моя страна.

Здесь памяти не предали отцов,
Здесь не отдали дедовской земли,
Какой ценою — не отыщешь слов,
Здесь за Отчизну жизнь не берегли.

И снова сила русская в руках,
И жизнь, и смерть за Родину красна,
Стоит и держит небосвод в веках
Моя непокорённая страна.

Пусть суждено погибнуть на кресте,
Но на колени не поставить нас,
В кровавом полюшке один за всех
Стоит и держит небосвод Донбасс.

Припев:

В полнеба пламя
И выбор строг —
Донбасс за нами
И с нами Бог!

В полнеба пламя
И выбор строг —
Россия с нами,
И с нами Бог!

ЗА ДОНБАСС

Не пишите стихи о нежности,
когда тучи нагнало с севера,
когда время прижало к вечности,
оторвите глаза от клевера.

Время в море идти матросами,
ветер пену уносит чайками,
волны рвутся с цепи барбосами,
и мечты оторвало с гайками.

Этот ветер вовек не кончится,
 этот век заштормил до смерти,
 этот вечер в закате корчится
 и в рассвет поутру не верьте.

Нам держать это небо до сини
 на канатах, смолой пропахших,

нас разделит расчёт по осени
 на вернувшихся или павших.

Распрямилась надежда парусом
 и не ждите стихов о нежности —
 за Донбасс слились в схватке яростной,
 за всех нас слились в схватке яростной,
 русь и вырсь на русской местности.

У ПОРОГА

На дворе стоит эпоха,
 Не придумаешь в бреду,
 Если будет дело плохо,
 За Россию пропаду.

Пропаду, как не бывало,
 Не печалься так, Марушь,
 Я дурак, каких немало
 Нарожала наша Русь.

В эту лютую эпоху
 На кровавом берегу
 Мокрых глаз своих, дурёха,
 Не показывай врагу.

Стыдно жрать под одеялом,
 И не за себя молюсь,
 Вновь беда, каких немало
 Повидала наша Русь.

Плодородия России
 Ни прибавить, ни отнять,
 Кровью землю оросили
 Наперёд веков на пять.

В куполах, погостах, хлебе
 Ни богаче, ни бедней,
 Ни под небом, ни на небе
 Не найти подобной ей.

Христу Богу до России
 То ль земли, то ль неба пядь,
 Так пророков накопили,
 Что вовек не сосчитать.

И на чести, и на мести
 Замесили то, что есть.
 Палачей на лобном месте,
 Как святых не перечить.

Мы присядем на дорогу,
 У порога оглянусь,
 Женихов в погонах много
 Нарожает бабам Русь.

То ль на славу, то ль на плаху
 На кровавом берегу,
 Дай мне чистую рубаху,
 Я на плаху в ней приду.

БОЛЬШЕ НЕКОМУ

Не от барских щедрот,
 Кого жизнь не убила,
 Называли народ,
 Больше некого было.

А беда, как вода,
 Дождик капал на рыло,

Не бежал никуда,
 Ему некуда было.

Сон, не видящий снов,
 Молодецкая сила,
 Не искал подлецов,
 Ему незачем было.

Узел времени пал,
Королевство прогнило,
Он стихов не читал,
Ему некогда было.

Но когда в чёрный год
Неба лопнула жила,
Он держал небосвод —
Больше некому было.

АПОСТОЛ

Держись, держись, прорвёмся, братик,
Ещё зубами будем рвать их,
Ведь на войне — не на кровати,
Навылет, а не наповал.

Ты покури, а я прикрою,
Смотри: за первую звездою
Гуманитарные конвои
Ведут усталые волхвы.

Жизнь тяжела, а смерть крылата,
Плевать ей, кто укроп, кто вата,
Кому Россия виновата,
А кто Донбассу задолжал.

И Ирод цел, и жив покуда,
Гешефт свой делает Иуда,
И мы с тобой не верим в чудо,
И на войне как на войне.

Ждут нас небесные альковы,
Да снайпера, видать, хреновы
И песни пуль для нас не новы,
И мы со смертью не на вы.

Разорван в клочья мира атом,
Нещадно кроя небо матом,
Апостол в должности медбрата
Мессию тащит на спине.

КАИНОВО ТАНГО

В начале слово,
В конце расстрелы,
Пророку снова
Заводят дело.

Героям слава,
Как говорится,
Течёт кровава
В реке водица.

Майдан безгрешен,
Но брошен камень,
Майдан кромешен,
Где брат твой, Каин?

В герои, к славе ль
Твой путь закаян,
Где брат твой Авель?
Ответь мне, Каин.

Камланье хора,
Глаза пустые,
Прогнали вора,
Позвали Вия.

А кровь всё льётся,
Мадонна плачет,
Дурак смеётся,
Иуда скачет.

Горят станицы,
В петле окраин
Хрипит столица:
— Где брат твой, Каин?

На гроб уселся
Товарищ Сталин:
— Куда брат делся,
Товарищ Каин?

Тебе под немцем
 Быть вертухаем,
 Второй Освенцим
 Кричит: «Лехаим!»

Развязка близко,
 Исход летален,
 Идёт зачистка,
 Где брат твой, Каин?

А на Донбассе,
 Как на погосте,
 Алеет трассер,
 Белеют кости.

Прилёт со свистом,
 Где брат твой, Каин?
 В рай резервистом
 Зачислен парень.

НАДО ЖИТЬ

Хоть режьте Родину, хоть ешьте,
 от злых невежд мороз по коже,
 и жизнь уже не станет прежней,
 и смерть становится моложе.

Уже не скроешься в столице
 и не укроешься в морозы,
 к тебе воротятся сторицей
 чужая боль, чужие слёзы.

Уже забудется едва ли
 судьба, пробитая осколком,
 нас слишком долго убивали,
 но жить в России надо долго.

Над нами звёзды словно в тире,
 беда течёт по небу Волгой,
 мы слишком долго жили в мире,
 война с чертями будет долгой.

МЕТАЛЛ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Корнями в антрацит пророс,
 Стоит, не дрогнув, город роз,
 Вцепившись в горло, город крыс
 Его гортань зубами грыз.

Воскрес надеждою Донбасс,
 Такого фортеля от нас
 Господь и сам не ожидал,
 Мы переплавились в металл.

А на войне как на войне,
 Дороже жизни смерть вдвойне,
 Мы переплавились в металл,
 Прочней металла мир не знал.

Который год кровавый пир,
 И даже равнодушный мир
 От нашей прочности устал,
 Мы переплавились в металл.

Ухи не сваришь из похвал,
 Кто не дожил, а кто сбежал,
 Мы переплавились в металл,
 Металл от боли крепче стал.

Как век за веком, день за днём
 Идёт крещение огнём,
 Мы переплавились в металл,
 Металл от прочности устал.

БРАТИШКА

Зарыт своими,
Забит страной,
Закрыто имя,
Лишь позывной.

Судьбы случился
Бараний рог,
Кто мог, скрутился,
А он не смог.

Ни прыгать с пирса,
Ни жечь причал,
Кто изловчился,
А он не стал.

Те, что пожиже,
Шептали: «лох»
Уже в Париже,
А он не смог.

Крысиным ором:
— Твоя ль беда? —
Кричали хором,
А он сюда.

Мать похоронки
Не ждёт, сынок,
Иди сторонкой.
А он не смог.

Ни за медали,
Ни за пятак,
Вы их не дали
Ему и так.

Склонилось знамя
И вышел срок,
Кто выжил — с нами,
А он не смог.

На место пусто,
Уставом тёрт,
В казарму пустит
Сверхсрочник Пётр.

Дадут бельишко
И скажет Бог:
— Привет, братишка!
Я б так не смог.

ЧЕТВЁРТЫЙ ВСАДНИК

Ни отпито, ни отпето
За блокпост прорвалось лето
На юга.

К Рождеству пустые ясли
И что будет, нам не ясно
Ни фига.

Веселится где-то лето,
И смеётся счастье где-то,
Да не здесь.

И не то, чтоб денег нету,
Я вернул судьбе билеты —
Совесть есть.

Над растяжек паутиной
В небе стаяй журавлиной
Чей-то вздох.

Если есть ты, то послушай,
Как к тебе взывают души
Наши, Бог.

Море жизни не безбрежно,
То ли праведно, то ль грешно,
Жил не так.

Если сунут в спину нож мне,
Дам Харону на таможене
Неразменянный пятак.

Позолоченную осень
Мародёр в мешке уносит
В никуда.

Жёлтый лист дрожит в оконце,
Под прицел заходит солнце
Навсегда.

Грянет выстрел в синей выси,
Я искал тебя полжизни,
Да не там.

Ты бежишь ко мне босою,
Бледный всадник за тобою
По пятам.

Я РОДИЛСЯ В ДОНЕЦКЕ

Помню снег Уданышань, мэйхуа на снегу,
как в предгорьях Юньнань розовели акации.
Я родился в Донецке, в мирном году
своей нынешней реинкарнации.

Верный конь за кормой, дело было в Крыму,
след кровавый простыл от моей эмиграции.
Я родился в Донецке, в мирном году
своей нынешней реинкарнации.

Шла по Ладогe жизнь к нам сквозь злую пургу,
я забыть не могу лютой вой авиации.

Я родился в Донецке, в мирном году
своей нынешней реинкарнации.

Бьют тяжёлым по нам, стены гнутся в дугу
и метафоры все далеки от абстракции,
я родился в Донецке и здесь я живу
в своей нынешней реинкарнации.

В синеве твоих глаз, во вселенском пруду
и Голгофа моя, и моё воскресение.
Я родился в Донецке, в него и уйду
в окончательном перерождении.

КАЗАЧЬЯ ПЕСНЯ

Пропадать без музыки нам не интересно,
Узелком на память строчку завяжи.
Если с горя не хлебнул, разве это песня?
Если горя не хлебнул, разве это жизнь?

От судьбы, от долюшки не уйти, хоть тресни,
С ветерком по матери вражеской пройди.
Если душу не берёт, разве это песня?
Если душу не сберёт, разве это жизнь?

Если даст тебе Господь, в небеса пролейся,
Если Бог тебе не даст головою вниз,
Если нервом не звенит, разве это песня?
Если птицей не в зенит, разве это жизнь?

Ты за дело не берись, не умеешь если,
А не сможешь — не стыдись,
сможешь — не гордись.
Если нота без стиха, разве это песня?
Если кто-то без греха, разве это жизнь?

Жизнь — не поле перейти, пуля перекрестит,
Грудь в крестах, да не в кустах голова, держись!
Если сердцем ты не спел, разве это песня?
Если сердцем ты не смел, разве это жизнь?

Пей, коль чарку дал Господь, на Него надейся
И любовь — всему цена, ей и дорожи,
Если с горя не хлебнул — разве это песня?
Если горя не хлебнул — разве это жизнь?

КУПЛЕТЫ ДЛЯ ФЕЙСБУКА

Вышел Байден на крыльцо,
Превратилась кровь в вино,
Для него мы, как китайцы,
На одно, поди, лицо.

Если б не было войны,
То и не было б вины,
Как того не понимают
Вдовы, матери, сыны?

Ест бананы круглый год
Нам небратственный народ,
Он с Россией связан прочно —
Не нагадит, не заснёт.

Ладно, курим, пацаны,
Лишь бы не было войны,
Лазаретов да погостов
Обескровленной страны.

Между первой и второй
Перерывчик небольшой,
Вот и третья мировая
К нам стремится всей душой.

В точный срок, не ранее,
Образец старания,
Угадай фамилию,
Вышел на задание.

В деле он не новичок,
Как ухватит за бочок,
Да уронит так технично,
Как японский старичок.

И венец создания,
Во ООН компания
Офзедепенела аж
От его послания.

В европейской стороне
Осознали не вполне —
Мы к добру их принуждаем,
А иначе быть фигне.

На войне, как на войне,
Нам на танковой броне
Проездной в Рейхстаг от деда
И автограф на стене.

Растопырит Цукерберг
Ножки иксом, ручки вверх
И с командой фюрербука
Загремит на Нюрнберг.

Если б не было войны,
Правда, не было б вины
За победу над фашизмом
И России как страны.

Григорий ЕГОРКИН

По паспорту Геннадий Григорьев. Родился в 1963-м в Омской области. Учился в Свердловске — журналист. В настоящее время трудится по специальности в Челябинске. Публиковался со стихами в журналах «Москва», «Урал», «Нева», «Огни Кузбасса», «Север» и др. В 2014 г. принимал участие в защите Донбасса в составе Луганского народного ополчения (бригада «Призрак»), позывной Сид. Участник 5-го съезда Союза добровольцев Донбасса (Москва, 2019 г.).

СПА... БРА...

Мы тащили его сквозь зелёнку —
Не балетных калибров мужик.
А по веткам и стеблям вдогонку
Вжик...
Вжик...

Балки, взгорки, подъёмы и спуски...
«Я живой?» «Не несли, был бы труп».
У сержанта под драной разгрузкой
Хлюп...
Хлюп...

Тянем ношу — траншейное племя,
До смертельной свинцовости рук.
Автоматным прикладом о темя
Тюк...
Тюк...

Прикипели к лопаткам тельняшки,
Льёт напалмовым жаром июль.
Пять минут передыха. Из фляжки
Буль...
Буль...

В догонялки играем иль в прятки,
У косой вырываясь из лап?
Лишь из мокрой насквозь плащ-палатки
Кап...
Кап...

Но всему есть конец. Есть он даже
У клубка еле видимых троп.
Бруствер... Бэтэр... Блок-пост... Вроде, наши.
Всё,
Стоп.

Вон палатка с крестом — где черешня,
Там дырявых берут на постой.
«Ну, покеда! Живи, дээргэшня¹,
Лет
Сто».

Подымили с лепилами трокси.
А в палатку ушли доктора,
Он глаза приоткрыл, и на вдохе:
«Спа...
Бра...»

¹ ДРГ — Диверсионно-разведывательная группа.

ДОНБАСС, ПРОСТИ

Тех взрывов отзвуки всё глуше,
Всё громче гуд затёртых фраз.
Но, немь паскудную нарушив,
Хочу просить тебя, Донбасс:

Прости, что ныне папиросу
Смолю я не под минный вой,
За гнусь моих единоклассников,
Пять лет торгующих тобой.

За тех прости, кого не стало,
Кого не отстоял в бою,
За смрад моих телеканалов,
На шоу рвущих боль твою.

Что с мятой чай сегодня дома
Я тихо пью, прости, Донбасс,

За робость моего главкома,
Отдать забывшего приказ.

Что только в снах остались ПТУРЫ,
Подсумок, каска, цинк, блок-пост...
За мастеров моей культуры,
Поджавших по-щенячьи хвост.

Вина наотмашь бьёт кастетом
И не щадит свинца для плеч,
Что не пришлось тем знойным летом
В твою сухую землю лечь.

Вдали сейчас или вблизи я,
Но в горле ком и соль у глаз.

Прости меня.
Прости Россию.

Простить сумеешь ли, Донбасс?

МНЕ Б ДОКРИЧАТЬСЯ

*Памяти разведчика Саныча-Оптика из Горловки,
погибшего 9 мая 2015 года*

Кому пенять, что посреде ночи
Сон точно тот, как в прошлый раз:
Он — на дорогу,
Что есть мочи
Кричу: «Не надо, там фугас!»

Я — во всё горло, во все силы,
Так, что по копчику мороз,
Так, что на шее нитки-жилы
Набухли, как дюймовый трос.

Ору до одури, до грыжи,
Аж по вискам струится пот.
«Нельзя туда, фугас там, слышишь!»,
А он идёт себе, идёт.

Что ему воплей килогерцы?
Что ему чей-то стон навзрыд?
Хрустят расхристанные берцы
Туда, где ждёт в траве пластид.

Шагать бойцу уже не лишка,
Ведь в каждом сне бывает так:
Секунда, две — а дальше вспышка.
Ещё чуть-чуть...
Полметра...
Шаг...

Мне бы шумнуть из автомата,
Мне бы рвануть ему вослед.
«Фугас там, стой, в траву не надо!»...
Кричу, кричу, а толку нет.

Сон как рукой. Беру мобильник:
Почти четыре.
Как всегда
Урчит на кухне холодильник,
Из крана капает вода.

...А где-то берцы с драной пяткой
По жухлым стеблям хрусь да хрусь...
Не умирай сегодня, братка,
Дай ночь ещё,
Я докричусь.

НА ВОЙНЕ ДУША ДЕШЁВАЯ

Коли дождь стеной — до смеха ли?
С неба падала вода.
Пять минут на сбор.
«Поехали!»
Сами знаете куда.

Особиста брали нашего,
Был не промах — крут и лих.
А давно ль других допрашивал?
Сами знаете каких.

Ох и лют!
Держал всех в страхе он,
Дюжий, морда кирпичом.
Протоколы всё подмахивал.
Сами знаете о чём.

Тут — слушок: виновен в гибели
Двух штабных секретных схем.
Вот под дождь его и вывели.
Сами знаете зачем.

Вечер.
Ужин.
Построение.
Зампотыл бубнит с листком:
Мол, того... Мол, в исполнение...
Сами знаете о ком.

Что ж, в казарме — не в обители,
Поползла в каптёрку голь.
За помин налили, выпили.
Сами знаете по сколь.

Не хитра мужская пьяночка:
Мерный трёп да сизый дым.
Запыхла с сеном баночка...
Сами знаете с каким.

Под базары бестолковые
До утра — к плечу плечом.
На войне душа дешёвая.
Сами знаете почём.

РАЗГОВОР С ПЛЕННЫМ

Он приткнулся в углу, на матрасах —
Молодосенький, двадцать не дашь.
Бинт на шее, синяк возле глаза
И в засохшей грязи камуфляж.

Миска с кашею.
Кружка с водою.
На часах — с карабином казак.
«Эй, герой! Со вчерашнего боя?»
Приподнялся малой:
«Точно так».

Неказиста у хлопца фатера,
Свет скупой из-под самых стропил...
«Получается, из БТРа
Ты по мне разрывными лупил?

Дело прошлое — всей нашей роте
Было жарко от вашей брони».

Пожимает плечами:
«Выходит,
Я стрелял по тебе. Извини.

Но и вы наподдали рассолу,
С двух «шмелей» взяли нас на прицел.
Вот тогда и убило Миколу,
А Толян в БТРе сгорел».

Зуб за зуб или око за око...
Так, кажись, испокон говорят?
В том бою потеряли мы Дока
И трёхсотыми пару ребят.

Дать за Дока бы в лоб со всей дури,
Так домой Док хотел к декабрю!..
Держит что-то однако.
«Закурим?»
Виноватый смешок: «Не курю».

Не идёт разговор. Между нами
Боль.
Война.
Окаянные дни...

«Мне б короткий звонок... Мне бы маме...»
Достаю телефон:
«Позвони».

ДУША. УРОКИ СЕРБСКОГО

Мы ехали споро,
мы мчали на ноль¹,
мы бережно в скорой везли его боль,
везли его стоны, бинты по виску,
потёртый рюкзак и по дому тоску.

Петляли в посадках,
пылили в степи
с молитвой единственной: Душан, терпи!
Споёшь ещё «Лейлу»², ведь любишь ты петь.
Кто знает, братва, как по-сербски «терпеть»?

Как, парни, на сербском звучит слово «брат»?
Хороший товарищ,
надёжный солдат —
мог шуткой на шутку, а мог по сто грамм,
последнюю «приму» ломал пополам.

Дружище, ты здесь по судьбе? По злобе?
Помедлив, негромко ответит тебе:
— Я кучу³ покинул, пошёл воевать,
чтоб русским российскую землю отдать.

Матчасти знаток и крестов кавалер,
всей роте бойца приводили в пример.

Но под Вергулёвкой попал под замес,
свинцом поперхнулся его АГС.

Серьёзная тема,
крутой переплёт.
Бинтов не жалел санинструктор, и вот —
уазик пытит, на подъёмах дрожа,
в нём хлопец белградский по кличке Душа.

А мимо — окопы, деревья без крон,
воронки, скелеты сгоревших колонн.
Была допомога и вправду швидка⁴,
но тихо с носилок упала рука.

Стояли.
Курили.
Плели невпопад
под реквием ветра, под мессу цикад.
Закапало сверху, листву полоща...
Ребята, как будет по-сербски «прощай»?

¹ Ноль — обозначение российско-украинской границы.

² «Лейла» — сербская лирическая песня.

³ Куча, кућа — дом, жилище (серб.).

⁴ Швидка допомога — скорая помощь (укр.).

СОНЕЧКО

Так себе айфон,
Брали и покруче.
А владелец — он
Парень невезучий:

Подловил металл
И затих в кабине.
Снайпер угадал?
Или дело в мине?

Может, лёг снаряд
Стомиллиметровый?
Явно добробат —
Малый нефартовый.

С лычками погон,
Форма при шевроне,
Рядом телефон
Тёплый от ладони.

В сидор на спине
Взводный трубку кинет,
Мёртвый на войне
Гаджетов не имеет.

...Вечер.
Расслабон.
Пьём не шейк кофейный.
«Взводный, слышь, айфон
Бренькает трофейный.

Обоснуй там, чтоб
В страх вогнать вражину,

Про дырявый лоб,
Про его машину.

И влепи вопрос:
Нахер лез с боями?
Вот теперь как пёс
В придорожной яме.

Врежь на матюке
Про конец паршивый
С биркой на ноге...»
Но молчит служивый.

Словно в колее
Танк завяз — и точка.
«Сонечко мое» —
Из контактов строчка.

И тебя одна
Мысль берёт на мушку:
Дочь звонит? Жена?
Лапушка-подружка?

Закуси губу,
Драная пехота.
Даже взяв трубу,
Разве скажешь что-то?

«Наполняй стакан
Не на половинку!» —
Погасив экран,
Взводный вынул симку.

СТАРИК, НЕ ЗЛИСЬ...

Старик, не злись, что день ненастный
И льёт в начале сентября.
Не говори, что всё напрасно,
Коту под хвост,
Впустую,
Зря.

Ворчать и хмуриться не нужно,
До срока подводя итог.
Поверь, браток: твой отпуск южный
Вполне себе имеет прок.

Раскрой пошире шкафа створки,
Там троек нет последних мод.

Зато в твоей линиялой «горке»¹ —
Хоть на рыбалку, хоть в поход.

А что ещё скрывают дверцы?
Не фрак, не шляпу-шапокляк.
Там просто берцы.
Ну а в берцах
Копать картошку удобняк.

Темнеет тюк на полке дальней.
Подушка? Плед? Ковёр? Матрас?
Теперь армейский ватный спальник
На даче будет в самый раз.

Ещё один в бюджет семейный
Отметим несомненный вклад.
Возьмём штык-нож.
Твой нож трофейный
Отлично режет сервелат.

Компás, что взводный после боя
Вручил за ратные труды.

С надёжной штукою такую
В лес можно смело. По грибы.

Под квас пошла пустая фляжка,
Под инструменты — вещмешок,
На ветошь — старая тельняшка...
Видал, какой выходит прок!

.....
Ещё есть сны.
Про след ракеты,
Про посвист мин, земную дрожь,
Про вкус последней сигареты,
Могильный холмик...
Ну и что ж?

Зачем, дружище, супишь брови?
Отставить! Обойдёмся без.
В чём толк от снов? Какой с них профит?
Ни в дом с собой,
Ни в сад,
Ни в лес.

ЧУДИК

Затишье.
А тут словно
Шрапнель со всех сторон:
«Ну, Чудик... Даже ровно
Не смог пришить шеврон!»

Нелепый, щуплый, вздорный,
Бушлат на нём торчком.
Сидел на днях в уборной —
Штык-нож спустил в очко,

Латал машину нашу —
Не едет больше ЗИЛ,
В наряде суп и кашу
В котле пересолил.

Весь взвод над ним смеялся
(Не приколоться ж как?):

За что бы он ни взялся, —
Всё наперекосяк.

С ним бед и заморочек
Таких на дню по сто...
Эй, Чудик, где ты?
Точно,
Везут сейчас в Ростов.

...Бой встречный не потеха,
А трассер — не сироп.
Откуда бээмпэха
Взялась на нас лоб в лоб?

На этой киноплёнке
Про всё секунды две,
И вот мы кто в воронке,
Кто в балке, кто в траве.

¹ «Горка» — разновидность камуфлированной формы.

«Ныряй в кювет, убогий
Герой на букву Че!»
Но Чудик — на дороге
И «муха» на плече.

Как жадно, зло и ало
Горит чужой металл!
А этот..
Крепкий малый —
Почти что не стонал.

Худой, а столько крови,
Однако жив, кажись...

Лежи в своём Ростове
И сильно не грузись.

Лелей бинты на ране,
Гипс на коленке гладь.
А мы тут суп сварганим,
Шеврон пришьём на пята,

Достанем новый ножик,
Дадим машине ход..
Чинись — и к нам.
Негоже
Бросать надолго взвод.

ВОДИЦА ПОМОЖЕТ

«Ничёсе дедок — цельный архимандрит!» —
Роняет шеренга остроту.
Святою водою усердно кропит
Поп нашу безбожную роту.

По меркам войны не его перевес
На ротном плацу в этом часе:
Нас, грешников, сотня — в разгрузках и без,
Напротив — один он.
При рясе.

Но батя и бровью седой не ведёт,
Ему что комбриг, что водила..
И ловим мы скулами капельки от
Большого, как веник, кропила.

Весенним дождём умывает вода,
Пьянит непроцеженной бражкой.

У взводного Юрки мокра борода,
У Вити-минёра — тельняшка.

Стоит, улыбаясь, окопный народ,
Не горбит под брызгами спину.
И как бы случайно я свой пулемёт
Под тёплые капли подвинул.

Стекает по мушке одна — как слеза..
Но надо братве приколоться:
«Слышь, батюшка, в чём же твои чудеса?
Водичка, небось, из колодца!»

У старца морщинки сбежали с лица,
Вдруг стал — и моложе, и строже:
«Господь с вами, дети, вода из Донца.
Воюйте,
Водичка поможет».

СВО. СТРАНИЦЫ ПОДВИГА

Рассказы о войне

Донбасс
СВО. СТРАНИЦЫ ПОДВИГА

Сергей КОЗЛОВ

Родился в 1966 г. в Тюмени. Главный редактор журнала «Югра». Автор более пятнадцати книг прозы. Лауреат нескольких литературных наград. Проживает в Тюмени.

МОЛИТВА О ПУЛЕ

Хроностазис

Пуля, отлитая на заводе «Zakłady Metalowe MESKO SA» в славянской Польше, весело и с пронзительной песней летела над замороженным январским полем славянской Луганщины. Ей было всё равно — прицельная она или шальная, 7,62 или 5,45, потому как лететь ей было целых пятьсот метров, а это достаточно долго. Налитая гордостью своего калибра, закручиваясь вокруг смещённого центра тяжести, описывая конус вокруг касательной к траектории, она не только пела, но и была подобна балерине, крутящей фуэте. Она чувствовала себя то родоначальницей громоздких ракет, то краеугольным атомом сложного механизма войны, то самым ярким мазком импрессиониста-баталиста, а то и кометой или даже звездой. Убийцей себя пуля не осознавала, потому что, по сути, была адиафорой. Пуля могла лететь почти четыре километра, а первые два — со скоростью восемьсот тридцать метров в секунду. Пуля именно в полёте была безупречно прекрасна. Пуля полагала, что она быстрее света и мысли, и нет ничего быстрее и прекраснее её...

Выпустивший пулю из снайперской винтовки «Бор» перший сержант Чорник сопроводил её мысленно скверным словом.

Молитва, рождённая в сердце матери из посёлка Ярково в российской Сибири, со скоростью божественной мысли летела навстречу пуле. Ей нужно было пролететь две тысячи шестьсот пятьдесят три километра, а это долго. Но сорвавшись с потрескавшихся от мороза и слёз губ, она взмыла в небеса и на крыле Архангела Михаила, что смахнуло с низких облаков большой снегопад на города и веси, устремилась на запад. Молитва была простая и не каноническая, о себе она знала только то, что родилась в больном сердце пожилой женщины, смотревшей в этот миг на образ Богородицы, прошла сквозь маленькое пламя свечи в руках этой женщины, и даже не все слова стояли в ней ровно и правильно. Молитва не знала, спасёт ли она кого-то от неминуемой гибели, она просто верила и летела со скоростью божественной мысли, которая

несравнима ни с чем, потому что летит вне времени и пространства.

Прошептавшая молитву женщина проводила её в долгий путь крестным знаменем и упала на колени...

Сержант Чистосердов поднялся с колен навстречу летящей пуле, но в эту частицу, в эту корпускулу земного мига со стороны Востока, где только-только вставало низкое зимнее Солнце, его догнала молитва на крыле Архангела Михаила. Маленькая, слабенькая, даже косноязычная, она лишь слегка подтолкнула его, и он чуть качнулся в сторону, а гор-

дая и красивая, поющая песню смерти пуля полетела дальше, чтобы окончить свой путь в стволе дерева, о котором ничего не знала. Дерево хранило в себе уже две таких песни и несколько осколков. И ещё адиафора-пуля не знала, сколько её сестёр и братьев-осколков засели в сердце упавшей на колени перед образом Пресвятой Богородицы матери.

А молитва полетела дальше, потому что, единожды сказанная, она уже не имеет своего окончания, и, может быть, спасёт ещё нескольких сыновей, за которых молиться некому. Одному Богу известно...

Сергей КОМОВ

Родился в 1967 г. в Казахстане. Поэт, прозаик. Автор нескольких поэтических сборников и книги прозы «Над высоким берегом залива». Живёт в С.-Петербурге.

ПОЗЫВНОЙ КУЛИК

Рассказ солдата

Алексей встретил меня на третьем этаже госпиталя. Уже несколько дней ему можно было передвигаться без кресла-каталки, и, аккуратно наступая на пятку левой ноги, вернее, на то, что осталось от стопы, он по-хозяйски повёл меня в холл.

Родился Алексей на юге, в казачьем краю. Жил в маленьком селе, которое основали немцы, приехавшие туда ещё при Екатерине Второй. К моменту переезда семьи в это село немцев в нём осталось мало. Было оно интернациональным: армяне, чеченцы, дагестанцы, турки, курды. В классе были один немец, ребята из вышеперечисленных народов и он — единственный русский. Срочную службу Алексей проходил во внутренних войсках. На СВО попал по мобилизации в возрасте 31 года. Под Марьинку. Рядовой. Пулемётчик.

— Вечером восьмого декабря мы получили боеприпасы. Машина проехала мимо — водитель боялся обстрела и не остановился. У нас дорога прямая была, обычно рано утром передвижение или поздно вечером. Мы уже

привыкли, что по нам постоянно работает миномёт. Самый «подлый» из них — это польский миномёт, «полька». Другие слышно, а этот в последний момент издаёт звук, за долю секунды перед взрывом. Мы сидим, обедаем, а он работает. Психика подстраивается. Правда, был у нас один мужик, у него «крыша потекла», увезли его в психоневрологический диспансер. Взрослый дядька, воевал уже, а тут не выдержал. Войны-то другие были... На Кавказе они с сильным врагом воевали, но те больше были партизаны. А тут мы дело имеем с регулярной армией, которую весь Запад поддерживает.

Восьмого декабря вечером сходили мы за боеприпасами, принесли, начали забивать подсумки, рюкзаки, перепроверять ленты. Мой помощник перебирал свои «сбруи», я — свои. Делил ленты по сто в короб, делил звенья по двадцать пять — так удобней. Там же, на выходе, порядка нет, как здесь, на кафеле. Там — кирпичи, обломки всякие. Если длинная лента будет, зацепится, вырвет эту ленту из

пулемёта, а дальше, что ж мне с ним делать? А так — ленты две-три отстрелял, выбросил и убежал, поменял позицию. Подразделение живое, пока жив пулемётчик.

В тот день нам была поставлена задача: «Дойти до Молокозавода». Ну, о'кей. Я взял побольше гранат Ф1, РГН. Эти РГН мы не любили. Взрывается от соприкосновения, уронил — всё! Я говорю ребятам: «Не надо ронять!» Но они очень удобные в городском бою, их не успевают обратно выбросить, как Ф1. «Эргээнки» по карманам, а «Эфки» — в рюкзак: я взял баул на семьдесят литров. Там у меня лежали вещи — бушлат мой, ватники. Они неуставные, покупные — маленькие, компактные, мягкие, удобные, тёплые. Уставные бы полбаула заняли. Сухпай, «полторашку» воды, остальное пространство заполнил пулемётными лентами и гранатами. Ещё на всякий случай взял парням две пачки по сто двадцать патронов на калаш. Мало ли, у них закончатся. Получился очень тяжёлый рюкзак. Я его надевал сидя на полу, лямки накидывал и вставал. По-другому бы лямки оторвались. Две ленты по сто я на себе нёс.

Шли по своей тропе, шли долго, с двумя остановками, потому что мы очень тяжёлыми были. Одеты легко, но всё равно вспотели все. Временами приходилось перебежать улицы, потому что они под наблюдением ВСУ находятся. Сбоку стояли пятиэтажки, мы знали, что там сидят наблюдатели. Они сразу дают координаты и вызывают огонь артиллерии. Нас уже обстреляли минами. Мы шли по своей тропе. А за день до этого начался гололёд, и корка льда — сантиметра полтора—два, толстая уже была. Мы шли след в след. Идём, падаем, как беременные коровы. Уставшие.

Пролетел квадрокоптер, я его услышал, кричу: «Птичка!» Все начали прятаться. А я очень внимательный был ко всем мелочам, всем деталям. Спрятались, «птичка» улетела, обратно встали, пошли. След в след. По этой мине прошло пять человек, а я шёл шестой. Самый тяжёлый, самый большой. Вот она подо мной и сработала. ПФ1 — «Лепесток». Я сразу понял, что взорвался. Ребята к бою изгото-

вились, на колено встали, оружие навскидку. Я отошёл от этого места на пару шагов, посмотрел на свою ногу: ботинок разорван, кости торчат, я понял: взорвался.

Быстренько на землю упал на спину. То есть я каждое своё движение осознавал — для чего и что я делаю. А упал я для того, чтобы стабилизировать давление. Начал кричать: «Я, Кулик, «трёхсотый!» Кулик — это мой позывной. Начал раздеваться, скинул рюкзак, каску свою трофейную — хорошая у меня каска была, турецкая — когда-то снял я её с убитого «вэсэушника». Снял с себя бронежилет, вытащил аптечку, кинул её ребятам, промедол в зубы зажал, потому что по нему отчётность большая была. И начал отползать к середине дороги и кричать: «Пацаны, мотайте меня, мотайте!»

Они жгутом перетянули выше колена — кровь хлестала очень сильно — уже лужа подо мной была. Вкололи мне промедол, но эффекта вообще никакого не было. Я минут сорок кричал, было очень больно. В перерывах между криками пытался разговаривать, потому что надо говорить, нельзя потерять сознание. Я это понимаю, я с ними болтал, а они испугались — там всего несколько человек было обстрелянных. Я ИПП (индивидуально-перевязочный пакет) открыл, а там обширная рана, его не хватает. Порезали мне мои ватники неуставные, обмотали штаниной, замотали бинтом. Я бушлат на себя надел, потому что прилипать начал к этому гололёду, я же мокрый. Гляжу: подо мною уже лужа крови большая. Лежу-лежу, оторвался ото льда, отполз. Ну, чтобы не вымазаться.

Я крови очень много потерял, не знаю, как я там не вырубился. Смотрю: штаны мои порванные. Думаю: «Ёшкин кот! Такие штаны были!» Жалко их стало. От взрыва их разорвало. Ребята с меня ботинок срезали, что от него осталось. Я в берцах был, на меня больше ничего не подходило — у меня сорок шестой размер. Все ребята в кроссовках, а я — в берцах. Верхняя левая часть стопы и три пальца отлетело. Подумал: «Пятка осталась, ходить буду».

Позже в рану попала инфекция, началось заражение, был вариант отрезать ногу. Я врачу говорю: «Оставьте ногу! Зачем мне протез? Я буду опираться на то, что осталось. Там, в принципе, довольно-таки много осталось». В общем, сохранили мне ногу. Врачи молодцы! Доктора везде очень хорошие. Единственный минус — очень больно! Мне каждая перевязка... Больше тридцати дней... Это ад! На каждой перевязке я визжал, выл, плакал. Потому что, когда от мяса отрывают ткань — это очень больно! Три раза была пересадка тканей. Новокаином сделают, а он не берёт. Тут ещё накладка эта на ногу! По глупости сделал. Я её всё равно сведу когда-нибудь. В тринадцать лет увидел у товарища надпись на ноге: «Куда идём?» Самая такая нейтральная. Думаю, тоже напишу себе: «Куда идём?» Сделал машинку для татуировок — я всегда что-нибудь изобретал. Ну и собственноручно на голени выколол. Она ещё и расплылась, эта надпись — и стало не очень понятно, что там написано. И когда на операции доктор стал пересаживать ткань, я смеюсь и говорю ему: «Вы заодно и этот кусок пергамента куда-нибудь уберите от глаз подальше — заплаткой меньше, заплаткой больше!» Посмеялись.

А в тот день, когда я подорвался, наши уставшие ребята потащили меня обратно. Хотели взять за руки за ноги, я говорю: «Не дотащите!» У меня же вес в то время был сто восемь килограммов (сейчас сто три осталось). Расстелили плащ-палатку, я на неё заполз, подняли и понесли вшестером. Потом я уже копчиком стал биться о дорогу, говорю им: «Вы меня волоките по дороге, тут же гололёд. Я просто ногу приподниму». Тащили-тащили, оп! Наши разведчики выходят, подкатываются: «Ребята, мы вам поможем!» Хватают: «Держись, братан!» У нас на фронте, кстати, такой интересный факт — все друг друга «братанами» называют. Ну, или «брат», «братишка» — это сакральная составляющая нашего существования.

Меня тащат, а я ещё шучу: «Вы что, ребята, радуйтесь, вы же «миллионера» несёте» (ожидаемая компенсация по ранению). А у них

у всех лица испуганные, серые, каменные, как у памятников. А я им: «Пацаны, улыбнитесь! Я же живой!» А у меня ещё карман был на ноге, его же разорвало. А там были шевроны трофейные — «жовто-блакитный прапор». Они разлетелись, а один приклеился ко мне. Я смотрю на «разведоса» одного — что-то он в лице поменялся. Поймал его взгляд, смотрю на него, на ногу, на него, на ногу, а там шеврон этот. Говорю: «Э, братан, расслабься, это трофей!» «Фу! — говорит, — а то я не понял, кого тут несёшь. Ты его выкини, а то тебя из-за него свои пристрелят где-нибудь!» Я его выкинул, хотя жалко было, а то точно где-нибудь пристрелят... Я же «украиноязычный» россиянин, так скажем, — у нас на юге на «суржике» целыми сёлами разговаривают.

— Я заметил, у тебя в говоре звук «г» фриктивный, ты из казаков?

— Да! Всевеликое войско донское. Старший вахмистр, то же, что старший прапорщик. У казаков — это младший офицерский чин. Как из армии пришёл, так сразу и вступил. У меня есть корни от запорожских казаков, из Херсона, из Черновцов. В тридцатые годы они переехали в Ростовскую область, стали работать шахтёрами. Там очень сильный голод был, тут тоже голод был, но немного легче было. Бабушка многое порассказывала про те страшные годы...

В это время по коридору мимо нас прошёл мужчина лет пятидесяти с израненным лицом — не то подпалённым, не то посечённым мизерными точками. Словно чужое лицо было у человека, его тёмная кожа в мелких оспинах не сочеталась со светлым участком шеи и груди, видневшейся выше майки. Провожая мой заинтересованный взгляд, Алексей, повидавший за пару месяцев много всякого, в присутствии ему спокойной манере сказал:

— Вчера ребят из Сватово привезли. Это один из них. — Он немного помолчал и продолжил: — В нашем подразделении, в моём отделении — несколько «трёхсотых». Все по госпиталям, в основном осколочные ранения, реже — пулевые. А сегодня из другого отделения — первый «двухсотый». Я его недавно

вспоминал. Сначала он выпивал неплохо, потом «пришёл в себя» и начал воевать, и воевать геройски. Его хотели уже представить к медали «За отвагу», потому что он уже много врагов положил, стрелял из любого оружия, все тропы знал, молодец был. Был он из добровольцев, взрослый дядька, за сорок ему было. У него был позывной Пепел. И вот сегодня он погиб. Пошли за своим упавшим квадрокоптером и попали под обстрел.

Немного помолчав, вспоминая своего погибшего «брата», Алексей вернулся к незавершенному рассказу:

— Меня в тот раз погрузили в «Ниву», отвезли в штаб, там — в другую «Ниву». Перетянули ещё раз ногу, потому что с меня текло, кровило, очень много крови потерял. Довезли быстренько до Донецка. Там — полевой госпиталь стоит: дом без окон, без дверей, одеяла на окнах. В коридоре каталка или кушетка, как она там называется? В общем — кровать для операций. Доктор: «Ложись, давай». Я залез на неё. Он начинает с меня носки, куски стягивать. А я ему говорю: «Не, не, братан, вырубай, вырубай, вырубай меня уже!» Ещё с врачом парой фраз перекинулись. Он говорит: «Да я вообще — стоматолог!» Тоже мобилизованный. Я ему говорю: «Поаккуратней там всё делай». Ну и всё. Меня отключили. Очнулся я уже в палате, там комнатка, с таким же товарищем. У него пулевое ранение руки. Поболтали. Нам принесли сразу чаёк, печенюшек всяких, женщина лет пятидесяти. А после наркоза сухость во рту. Вот чай и принесли. Эвакуировали нас в Ростов. Прилетел вертолёт. Я, когда к нему шёл на костылях, поскользнулся на гололёде и сильно упал. Нас набилось туда полно. Были тяжелораненые ребята.

Моё ранение тоже считается тяжёлым увечьем. И вроде как я иду на комиссацию, то есть домой скоро поеду. Потом в Ростов, оттуда вернусь в свою сто пятидесятую дивизию, которая воздвигала над Рейхстагом флаг. Её расформировывали и вот недавно восстановили по современному образцу. Теперь в дивизии есть всё — и своя авиация, и своя артиллерия, всё своё. Было б только народу по-

больше, было бы ещё лучше. Сейчас откроешь страничку в соцсетях, и такое ощущение, что войну выигрывают одни «чэвэкашники», одни «вагнеровцы». Я лежал со многими из них по палатам, общался. Так у них по двести человек в роте! У нас гораздо меньше. Мой знакомый сейчас в казачьем батальоне, там их так экипировали — «Ахмат» бы позавидовал! Подарили «пикапы». А у нас в полку одна «буханка» была и две «Нивы». «Буханка» периодически ломалась. Мы хотели машину купить. Но командир батальона нам сразу сказал, что он у нас её заберёт для нужд батальона. И мы не стали покупать. А у них в казачьем батальоне оснащение — спецназ отдыхает! У них там у всех почти квадрокоптеры есть, рации есть! Не как мы ходили, искали и покупали.

— Вы сами себе покупали?

— Да! У нас не своё было только оружие. Ну и бронежилет. Остальное всё своё. Потому что всё, что выдали, воевать в нём, ну, штурмовать в этом дома, здания — нельзя! В бушлате и этих ватниках ты побежал, упал, уже не встанешь — деревянное всё. У меня было всё покупное, хорошее, дорогое. Для меня цена штанов — шесть восемьсот, я на гражданке никогда бы даже не посмотрел, а тут я взял, потому что они хорошие, они нужны. Удобные очень, они не порвались ни разу, только миной их разорвало. Я по ним очень, очень скучал. Здесь я таких не нашёл. Ткань обалденная, вставки были на ягодицах и на коленях. Сидеть можно было на чём-нибудь и не простудиться, и на коленки упасть — не больно. Не нужны были наколенники. Они у меня изначально были, но они все живут недолго, отрываются ушки, и их крепить нечем.

А тут жена посылку мне отправила. Накупила всего, много-много денег потратила: перчатки тактические купила, носков кучу, термобелья хорошего пару комплектов. Она только на перчатки шесть тысяч потратила, несколько пар взяла, там вставочки пластиковые, резиновые. Я раньше за тысячу брал, они по швам постоянно расходились. Там большая посылка была. Сестра тепловизор нашла, ребята скинулись на гражданке, купили за пять-

десять шесть тысяч. Он бэушный, но, говорят, хороший. Мама уточку положила домашнюю, жареную, запечённую. С дома престарелых передали нам десять пар носков вязаных — бабушки вяжут для солдат. У меня-то носки есть, я ребятам хотел раздать. Думал получить посылку, а не получилось. Она пришла накануне моего подрыва. Когда меня несли ребята (а у меня всегда с собой военник и телефон), я вытащил телефон и позвонил двоюродному брату. Его на две недели раньше меня мобилизовали, он туда же попал, куда и я. Только в другом полку служил. Я ему позвонил, говорю: «Я, братан, «трёхсотый», ко мне посылка пришла, забери её за меня и с братьями пользуйтесь». Когда меня несли ребята, я своего помощника подозвал, у него позывной был Дизайнер. А у него мешок спальный был «установной» — маленький, узкий. Дизайнер хоть и маленький сам, он до половины только мог застегнуть спальник, накрывался и спал. А у меня большой, покупной был, хороший. За семь восемьсот, ё-моё! Ещё бы не хороший! Отец купил. Я ему говорю: «Не надо, ничего не бери, мне всё выдадут!» А он поехал, берцы мне купил, в которых я подорвался — сорок седьмого размера взял, чтобы с тёплым носком нога помещалась. Подошва у них мощная. Может, эта батина крепкая обувь и смягчила удар — обычно «Лепесток» стопу как бритвой срезает. Вон работа «Лепестка».

В коридоре, возле медсестры, на кресле-каталке сидел паренёк в пижаме. Обрубок левой ноги заканчивался там, где должна была начинаться стопа. Он поговорил с девушкой и поехал в палату. Алексей продолжал:

— Батин спальник, тот до минус тридцати пяти выдерживал. Я в нём в трусах спал, жарко было. Меня ж несут братаны, а я к помощнику: «Дизайнер, я завещаю тебе свой спальник». А он: «Кулик, успокойся, всё будет нормально!» «Всё, — говорю, — мне он уже не потребуется». Ну я видел свою ногу и понял, что уже не приеду.

Мы в тот раз с парнями договаривались: как только вернёмся с выхода, в баню сходить — попариться, покупаться, постираться. И они мне потом видео присылают из сауны:

«Кулик, родной, терпи, держись, мы тебя любим! Родной, ты давай там поправляйся!» А я смотрю это видео, сижу, слёзы текут-ут. Думаю: «Братаны, как же вы теперь без меня будете-то?» Боевое братство. Мы же в таких переделках с ними побывали! Говорю им: «Я, как только смогу ходить уже нормально, не как сейчас, на пяточке, а нормально, я к вам обязательно приеду, гостинцев привезу!»

Там всё дорого и много чего достать нельзя. К примеру, очень нужны пламегасители, проще говоря глушители. Они гасят вспышки, и их не сразу заметишь — откуда ты стреляешь. В Донецке купить очень дорого и достать проблематично. Их сразу скупают, как только они появляются. Я на пулемёт искал — почти сорок тысяч стоит. А тут дешевле. Когда я там ходить начну? В мае, апреле? Да вряд ли! Главное, чтоб не быть обузой ребятам, кто там целым останется за это время...

У нас там есть человек в отделении. Позывной Фикса. Майор СОБРа. Он по контракту пошёл. Ну очень грамотный человек, очень! Вот ему бы командовать что ротой, что батальоном — потянул бы. А воинское звание — рядовой. В армии не служил никогда. Я там ратовал, чтобы его ставили командиром отделения, ребята тоже этого хотели. Но его почему-то упорно не ставят на командные должности, хотя он очень грамотный человек. По военной тематике за любой калибр тебе расскажет от а до я, любую тактику знает. Он — молодец! И вот он пришёл сегодня с этого выхода, их посылали за этим квадрокоптером, а их там обстреляли. Раненые, убитый получились. Там Пепел и погиб на его глазах. И Фикса сегодня напился. Это — железный человек! И он сегодня напился! Я в шоке был! Он никогда не пил! (Я тоже там не выпивал, я вообще не любитель этого спиртного.) И он всегда был начеку, каждую секундочку. Фикса уже когда-то был ранен осколками: «полька» прилетела, ноги у него перебила. Вот он, получается, отгулял свой отпуск по ранению и обратно вернулся к нам же. Фикса уже опытный боец, он очень хороший парень, лет сорок ему. И вот он сегодня напился.

Фикса приехал из отпуска в своём шлеме лёгоньком, в своём бронежилетике не нашего производства, тот всего три килограмма весит. Приехал с квадрокоптером, у него очень много всего. Автомат у него крутой. Он на эти три миллиона по ранению чего только не набрал. Ему автомат выдали. Он его разобрал, то есть снял с него приклад, цевьё и поставил всё своё. Поставил глушитель, коллиматор — прицельное приспособление, которое помогает навестись на цель быстрее. Там стёклышко и на нём красная точка, его пристреливаешь, там регулятор — два болта — вверх и вниз: у нас средняя дистанция городского боя пятьдесят метров. Его коллиматор стоит сорок тысяч, у нас таких на вооружении нет. У него не автомат, а произведение искусства — нет ничего просто для красоты, всё для практики. У него сын в Таганроге, жена. Человек войны.

Ещё Алексей рассказал про одну колоритную личность:

— Мы звали его дядя Федя. Он был добровольцем. Раньше он по контракту служил в ГРУ. На гражданке работал дальнобойщиком. Он откуда-то с юга, вроде как из Краснодарского края. Дядя Федя в другом отделении служил. Мужик очень грамотный. Лет за сорок ему. А служил рядовым. Он огромного роста был, метра два в нём, да ещё и в ширину немал, пузо солидное. И позывной у него подходящий — Громила. Он с гражданки пришёл в охотничьем камуфляже, «камыш» называется. Так ему не могли форму по размеру найти. Он возмущался: «Дайте мне форму, я даже постираться не могу». Один раз такое с ним было. Нужно было куда-то идти, а он в трусах сидит — недавно постирался, и бельё ещё не просохло. А мы с ним всегда подшучивали друг над другом. Я ему говорю: «Так на вас, дядя Федя, только чехол от танка подойдёт! Чехол накиньте — и на задание!» А он в ответ: «Кулик, иди отсюда!» А сам смеётся. Мы с ним «спелись». Весело с такой громадиной ходить. Сколько раз на «учения» вместе выходили. Пока его не ранили — пулевое в ногу.

Мимо нас по коридору прошла высокая стройная девушка в платье. Поговорила с мед-

сёстрами, потом поздоровалась с Алексеем, улыбнулась и уплыла по коридору.

— Кто эта обаяшка?

— Это наш ангелочек. Алиной зовут. Ангел по гуманитарке, из благотворительной организации. Вот этот удобный чехол на ногу она мне привезла. Для аппарата Елизарова такие делают. А я уже думал: «В чём же я домой поеду?» Уже хотел какой-то калош большой приспособить, а тут Алина появилась. Глянула на меня, ушла, а через пару дней приносит мне этот непромокаемый чехольчик. До чего удобный, смело можно «на дембель» в нём идти. Спасибо ей огромное! У неё пропуски во все петербургские госпитали. Хорошая организация, молодцы!

Когда Алексей улыбался или рассказывал об интересных людях, будь то дядя Федя или Алина, от его облика исходил свет, душевное тепло. Был он на удивление беззлобный и с обострённым чувством справедливости: «Как это уничтожить народ, тех же украинцев? Они — обезумевшие, но всё же братья наши! Может, образумятся. Их травят на нас, а мы всё равно победим! И при этом нужно ведь ещё людьми остаться!»

Он замолчал, наступила небольшая пауза в нашей беседе. И я у него спросил:

— Алексей, тебе же полагается медаль по ранению?

— А что я такого сделал?

— Ну ты же не на прогулку ходил для удовольствия, а выполнял боевой приказ!

— Я ничего героического не совершил. Какая там медаль?! — Он с присущей ему скромностью спрятался в тени своих боевых друзей, среди которых, по его мнению, и находились настоящие герои — Пепел, Фикса, Громила и другие ребята. — Главное — живой! Там каждый день «прилететь» может. Один раз было. Спали уже. Работал миномёт. А мы там дома пустые занимали. Жили в саманном домишке. А с одной стороны стекла не было, плёнкой затагнули окно. Вот через него и прилетело что-то чуть выше головы. Смотрю — осколок! Да такой серьёзный. Чуть ниже — и голову бы оторвало. А в другой раз

на улице было. Три гранаты с квадрокоптера сбросили, но они не взорвались. Думаю: «Далековато для ВСУ, может, наши ошиблись?» По радиации вызываю сначала Ворона, потом «чэ-взашника» Жаворонка: «Чья птичка?» Один говорит: «Наша». — «А что кидаетесь?» «Так у нас даже подвесов нет!» — «Значит, это не наша «птичка!»

Алексей спокойно, даже с некоторой долей юмора рассказывал о военных буднях, где каждый день мог стать последним.

— У дома, где мы жили, грязища была по колено. А у меня обувь всегда чистая — вода есть, губка есть, как возвращаемся с выхода, помою, начищу до блеска. Вот мы с ребятами, чтобы зря не сидеть, выложили камнями тропинку к двери, чтобы грязь в дом не таскать. Солдат должен чем-то заниматься, а то некоторые начинают по дому тосковать. Сядет с унылым лицом и молчит. А там без шуток нельзя. Скажешь что-нибудь весёлое, заговоришь с ним, и вот парня прорывает часа на полтора, душой откроется, разговорится, повеселеет...

Затронул Алексей и тему информационной войны:

— Наш противник ничем не гнушается. Делают фейки, как жареные пирожки. Мы, например, знали, что против нас воюет 95-я бригада ДШБ и 79 ОДШБ. Они, возможно, тоже про нас что-то знали. И вот в Интернете мы увидели репортаж одного журналиста, где от лица нашей 150-й бригады переодетые вэсэушники ведут разговор. Журналист их спрашивает, а солдаты представляются именем нашего подразделения и плачутся о своей жизни, мол, нас не кормят, условия невыносимые. А я знаю свою роту, весь свой батальон знаю, с кем-то лично знаком, кого-то просто в лицо знаю. Да и тема кормёжки у нас не стоит, потому что кормят нас неплохо. Что за бред! Вот если бы они сказали про то, что у нас нет «ночников», тепловизоров и прочих новейших элементов ведения войны, то это да! А вычислили мы их поговору. У нас даже парень с позывным Хол так не разговаривает.

— Почему его так прозвали?

— А он с Горловки родом, в Россию уехал жить, получил гражданство. Под мобилизацию попал. Так вот, когда у них в этом фейке с речью не так пошло, они поняли, что прокололись, и за кадром кто-то сказал: «Давай по новой». Не прокатило! Этот фильм, конечно, смонтирован плохо был, но наши противники очень старательные. Для чего фейки эти? Идёт информационная война! Чтобы расстроить какого-нибудь солдата, который ещё мечется, может дезертировать. Они же влияют и на наших россиян. Некоторые из либеральной публики пишут нам: «Насильники! Горите в аду!» И прочее. А недавно из части сообщили, что у нас поменялся командир батальона и ребятам тепловизоры выдали. Оказывается, они были в наличии.

— По сути, это факт вредительства, должностное преступление!

— Да, так и есть! Вот ещё одну передачу смотрели мы с «той стороны». Они рассказывали про нашу Марьинку, про доблестную армию СВУ. Мол, на этом рубеже против них стоят такие силы! Тут — особые войска ЧВК, «элита», и как они перемальвают нас. Рассказывают, как мы их массой давим, трупам забрасываем их позиции. А я смотрю эту передачу и смеюсь. Думаю, ну неплохо вы о нас думаете, раз называете «элитой» и «особыми войсками»! Значит, мы крутые ребята! Слава богу, думайте так дальше! Знали бы вы, что нас тут в разы меньше, чем вас! И что интересно, скорее всего, такие же, как мы, мобилизованные, против нас воюют. Но они морально более не готовы к войне, чем мы. Мы за два месяца прошли столько же, сколько у них профессиональная армия за полгода. Это наши ветераны-профессионалы говорят. Просто если б нам людей побольше да не было тупых приказов, мы бы уже освободили эту Марьинку давным-давно. В таких условиях... мы делаем невозможное! Как это можно пойти двумя подразделениями штурмовать батальон, отбросить его назад?! Но об этом обо всём мы с ними после войны поговорим!

Ещё припомнилось Алексею о том, как дня за два до подрыва его начало потрясывать:

— Чуйка была: что-то нехорошее случится! Чувствуешь и не можешь на это повлиять. Так у отца то же самое было. Он у меня тот ещё «колдун», у него шестое чувство развито. Отец заездами электриком работает на стройке в Москве. Восьмого декабря он себе места не находил. Чуть под напряжение не влез, с рук всё валилось. И вот он в ночь восьмого выезжает на родину, хотя должен был пятнадцатого — у него там отгулов полно. Батя хотел маме сюрприз сделать. А назавтра меня доставили в госпиталь в Ростов. Я жене отзвонился, сказал, что подорвался. Та поплакала, я её успокоил как мог, говорю: «Ты там маме как-нибудь сообщи, а то она у меня мнительная, напридумывает чего-нибудь да в обморок ещё упадёт». Потом мама рассказывала, как Марина её оповестила. Обычно она по утрам не звонила, а тут звонок с утра, и эта «подготовка издалека»: «У Лёши всё хорошо. Он живой. Самое главное, что живой!» Тут мама насторожилась: «Что с Алёшей?» Марина: «Он в госпитале. Не переживайте. Он на мне подорвался». Мама: «А-а!» Она управлялась со скотиной, всё бросила, побежала. Сосед Рудольф Брунович сел в машину, и они поехали ко мне. А отец той порой уже к Воронежу подъезжал. Мама едва ему дозвонилась. Так и так, говорит: «Наш Лёша подорвался. В госпитале в Ростове лежит». Батя по газам! Я потом за него три штрафа уплатил за превышение скорости — машина-то привязана к моему телефону. С фотографиями. На всём протяжении можно было видеть, за сколько он пролетел данный отрезок пути. Они встретились возле госпиталя, поплакали. А я сидел на улице, их поджидал. Ногу обмотал простыней, а сверху одеялом, чтобы не видно было. Там и встретились.

Несколько дней я приходил к Алексею в госпиталь. Мы подолгу разговаривали с ним на самые разные темы. Больше на мирные. Алексей делился своими планами на будущее:

— Давно родителей уговариваю к нам переехать. У них в деревне частный дом и большой сад: черешня, вишня, яблони, груши, винограднику уже больше восьмидесяти лет. Мама говорит: «А как же я брошу эти яблони и груши? Мы же с тобой эти деревца посадили, двенадцать штук, когда родилась твоя дочка! Теперь они уже плодоносят». Я ей говорю: «Мамуля, мы выкопаем их и перевезём на новое место».

Такой вот русский солдат повстречался мне на пути. Его война закончилась. Дома его ждут родители, жена и двое деток: дочка и сын. Они ждут его любого и сильно любят! Солдат приедет домой без предупреждения, как приходят с войны. Он представляет, как обрадуются его родные, как счастливо будет ворковать жена и радоваться сын. Он, прихрамывая, войдёт к дочке в класс с большим букетом цветов, и она, счастливая, бросится ему навстречу! Денег по ранению хватит, чтобы закрыть кредит, и ещё останется, чтобы съездить на отдых к Чёрному морю всей семьёй. Ещё Алексей мечтает о третьем ребёнке.

— Жена говорит: «Опять бессонные ночи!» А я ей говорю: «Так это же будет ЧЕЛОВЕК!»

Слово «ЧЕЛОВЕК» он произнёс с таким глубоким чувством уважения и значимости, что я невольно поймал себя на мысли: «А ведь мы, действительно, разучились ценить это слово! Неужели нужно пройти по дорогам войны, чтобы это слово обрело свой изначальный смысл?» Напоследок я задал русскому солдату самый тяжёлый, на мой взгляд, вопрос:

— Алексей, ответь мне, если сможешь... Такое жёсткое противостояние идёт, против нас ополчился весь Запад, используя Украину как мощную торпеду. Нашим ребятам иногда приходится самим добывать нужные вещи, чтобы хорошо воевать. Как мы врага одолеем?

— Как обычно. Русским духом. — Он посмотрел на меня своим ясным взглядом и повторил: — Русским духом!

Санкт-Петербург

Дмитрий ИГНАТОВ

Родился в 1986 г. в Ярославле. Писатель-фантаст, работающий в жанрах твёрдой научной фантастики, гуманитарной и социальной фантастики, философской новеллистики, антиутопии. Автор романа в рассказах «Великий Атрактор», иронического фэнтези «Кампания Тьмы», хоррор-повести «Первыми сохнут хипстеры».

Проживает в Воронеже.

ПОСЛЕДНИЙ ЭКСТРЕННЫЙ

Рассказ

Комиссар Лаврухин пребывал в подавленном состоянии. Ожидание вымораживало душу начальника эшелона, как и всё внутреннее содержимое вверенных ему вагонов. Многотонный поезд уже пятый день стоял, застыв посреди заснеженной пустыни.

Выдохнув пар, комиссар забрался по лесенке в тамбур, где столкнулся с Венечкой — стареющим интеллигентом в круглых очках и с вечно всклокоченной кучерявой шевелюрой. За время поездки Лаврухин так и не удосужился узнать, кем был Венечка по профессии — то ли писатель, то ли инженер, — намного важнее было то, что он каждый раз вызывал раздражение.

— Когда же мы поедем, любезный? — оправдал предчувствия Венечка, затягиваясь сигаретой, зажатой в замёрзших пальцах.

— Скоро. Скоро поедем, — отмахнулся комиссар и спрятался за дверь, ведущей к локомотиву, куда Венечке как простому пассажиру было категорически запрещено входить. Там за толстой стальной переборкой простирался

широкий отсек тендера, где морозный воздух снаружи смешивался со смолистым запахом угольной пыли и уже отчётливо веял теплом от раскалённой топки. Отметив, что угля заметно убавилось, Лаврухин прошёл к кабине машиниста Путилина, но застал того в кочегарке. От масла и сажи его лицо казалось ещё более сморщенным и измождённым, чем обычно.

— Ну, как там? Сидят? — устало спросил Путилин, вытирая пот со лба.

— Сидят, — подтвердил комендант.

— И чего им надо только?..

— Да шут их знает... — пожал плечами Лаврухин. — Вроде как ждут чего-то. А чего?

— Может это... — машинист осторожно замялся, — с собой их возьмём? Чо они сидят-то?

— С собой? — Комендант задумался, мысленно прикидывая, как будет уплотнять пассажиров, но, закончив свои подсчёты, ответил: — Это можно. А машина сдюжит?

— Сдюжит, — уверенно кивнул Путилин. — Чуток потише, но пойдёт точно. Ты

знаешь... Ей, главное, ехать. — Машинист не без удовольствия похлопал по гулкому боку топки. — Вот бы только помощника мне нашёл. На уголь поставить. А то я тут уже, как раб на галерах...

Кочегара, и правда, не хватало. Помер он с месяц назад и лежал теперь где-то в ледяной степи, зарытый прямо на насыпи железнодорожного полотна.

— Пожалуй, из новеньких и найду, — согласился Лаврухин.

— Хотя не просто так уголёк им давать, — вдруг добавил Путилин, и, поймав удивлённый взгляд собеседника, пояснил: — Да, были тут ходоки... Просили. Обещали пути освободить.

— А ты что же?

— Ну, отсыпал мешок. Жалко же... Помёрзнут. — Машинист грустно и даже как-то виновато посмотрел на коменданта. — Ты бы это... Поговорил с ними ещё. Ну, как ты умеешь, по-дипломатически. Нам ехать надо. Машине стоять нельзя.

— Нашёл дипломата...

Лаврухин хмыкнул и вышел, про себя обругав Путилина «либеральничаящим гуманистом» и ещё парочкой мудрёных слов. А в тамбуре снова встретился взглядом с курящим Венечкой.

— И всё-таки желательно бы иметь определённую. Когда же мы поедем?

— Скоро! — ответил комендант, пытаюсь сохранять самообладание. — Людей заберём и поедем. Займите своё место.

— Позвольте! Каких людей?! С какой стати?! Мы тут все за билеты платили... — Венечка хотел привести ещё какие-то аргументы, но Лаврухин уже спрыгнул с подножки и зашагал вдаль по снегу, а выходить на мороз за комендантом интеллигенту совершенно не хотелось. Он докурил сигарету и отправился в купе с твёрдым намерением выпить чаю — непременно с лимоном и сахаром.

* * *

Лагерь «ситдаунов» растянулся вдоль всего железнодорожного полотна. Старые

торговые палатки были выставлены неровными рядами, иногда прямо по рельсам. Кое-как укреплённые натасканными со всей округи гнилыми досками, кирпичами, листами проржавевшего железа, каким-то тряпьем и прочей ветошью — они и представляли типичное жильё местных обитателей. Кажется те, кто изначально сюда пришли, просто очень боялись пропустить свой поезд. Но время шло, а заветный локомотив так и не показывался на горизонте. Сменялись поколения, забывались прошлые цели, и вот уже ожидание лучшей жизни постепенно стало самой жизнью. Теперешние обитатели лагеря, похоже, и сами больше не помнили, зачем сидели. Чумазы и оборванные, они жались друг к другу около костров, горящих внутри дырявых бочек. Очевидно, и внутри продырявленных душ этих людей ещё тлел какой-то странный огонёк надежды, подпитываемый или собственной полурелигиозной верой, или личным фанатизмом их лидера. В любом случае всё здесь делалось или не делалось исключительно по воле пузатого бригадира Коровчука.

Он по-турецки сидел на горе старых покрышек и своим широким раскрасневшимся лицом и вывалившимся через ремень жирным пузом напоминал Лаврухину какого-то азиатского хана. Не вынимая рук из карманов и никак не здороваясь, комендант сразу перешёл к делу:

— У нас были договорённости.

— Не слышал такого... — ответил Коровчук, чуть перемещая на крышке свой толстый зад.

— Обещали же Путилину.

— Ну, — физиономия бригадира расплылась в сальной ухмылке, — ему, может, и обещали, а вам нет.

— Какая разница? Вы сказали, что освободите пути.

— Наверное... Но мы же не говорили, что будем это немедленно выполнять. — Не сводя взгляда с опешившего коменданта, толстяк продолжил: — Вы нам лучше ещё угольку отсыпьте. Одно-то мешка мало будет...

— Нет, — сдавленно выдавил из себя Лаврухин.

— То есть, как это? Вы же... обязаны нам помочь.

Голос коменданта сделался твёрдым и приобрёл металлические нотки.

— Безусловно. Но никакого угля вы от нас больше не получите. Завтра поезд тронется. Желающие могут сесть и поехать с нами, остальным, так или иначе, придётся освободить пути. Всем всё ясно?!

Последние слова он буквально прорычал, поэтому Коровчук даже замахал своими пухлыми ручками.

— Хорошо-хорошо! Не будем горячиться, гражданин начальник. Идёт! Поедем! Но, в конце концов, нам нужно собраться, всё обдумать... Дайте хотя бы до послезавтра срок?

— Ну, ладно, — смягчился комендант. — Но завтра я ещё приду.

Он колючими глазами обвёл притихших вокруг людей. Все они смотрели в ответ: кто со страхом, кто с угрозой, кто с непониманием. Похоже, что в этом худощавом высоком человеке в шинельке и фуражке они впервые увидели какой-то иной смысл, какую-то иную силу — совсем не такую, какая была у тучного бригадира, — и этим она их одновременно и привлекала, и пугала. Лаврухин отвернулся и, ощущая спиной человеческие взгляды, пошёл назад к эшелону. Стянуть с себя нестерпимо жмущие сапоги, сунуть замёрзшие ноги под колючее верблюжье одеяло и, растянувшись на проводницкой полке, забыться сном — вот, пожалуй, и всё, чего он сейчас хотел.

* * *

Поутру Лаврухина разбудил истошный крик: может, бабий, а может, и нет, но истеричный и какой-то визгливый. Впрочем, через минуту выяснилось, что кричал стареющий Венечка. Из его путаных объяснений следовало, что некто напал ночью на машиниста Путилина, по всей видимости, убил и скрылся. По снегу от паровоза в сторону лагеря действительно тянулся кровавый след. Металлический

пол тамбура и скоба двери, ведущая к тендеру и кабине, — тоже были перепачканы кровью. Вот только «убитый» сидел всё тут же, прикладывая к разбитой голове платок. Лаврухин даже не знал, чему больше удивиться: внезапному воскрешению или тому, откуда Путилин достал платок, который в его промасленных чёрных руках казался белоснежным.

— Ну, вроде живой, — отметил комендант.

— Да вы гляньте на нашего рулевого! У него же рука трясётся! — продолжал причитать Венечка. — Как он теперь состав поведёт?!

— Да в порядке я, — недовольно пробубнил Путилин. — Обидно, что моим же ведром меня огрел...

— Кто?! Детали! — насел Лаврухин, отодвигая ставшего бесполезным интеллигента.

— Да не разглядел. Захотел по нужде выйти. Смотрю, кто-то в тендере копается. Шутнул. А он, видать, с перепугу меня... По фигуре вроде молодой.

— Ясно. «Ситдауны» эти наведались. Уголёк им наш нужен. Проторили дорожку, — озвучил комендант очевидный вывод и задумчиво посмотрел в сторону лагеря.

Там, где-то на конце сходящихся в точку рельсов, пестрели палатки и поднимался чёрный дым, но не было видно никакого движения.

— А вы ещё этих, с позволения сказать, граждан хотели к нам в поезд определить... Звери они там все! — поддакнул Венечка, но на него снова не обратили внимания.

— Не придёт никто, — проговорил Путилин. — А нам ехать нужно... Машина должна двигаться, а то совсем встанем. Смазка загустеет — поршни заклинит, а если ещё трубопроводы во внутреннем контуре замёрзнут и гайки разопрёт...

— Вот и займись внутренним контуром. Закручивай свои гайки! — огрызнулся Лаврухин. — А на внешнем уж я. Сказал — «до завтра», значит — до завтра.

Поплотнее надвинув фуражку и подняв ворот шинели, он в очередной раз решительным шагом отправился в сторону стихийного поселения.

— Ну куда он снова? С кем там разговаривать? — покачал пагламой головой интеллигент Венечка, провожая коменданта взглядом из-под блестящих очков.

— С людьми, — ответил машинист, хотя и сам уже не был уверен в своих словах.

* * *

В лагере и правда не наблюдалось никакой человеческой активности. Ни следов рассыпанного угля, ни тем более крови, на снегу не виднелось. Награбленное ночью было уже давно и умело сныкано где-то в недрах этого помоечного караван-сарая. Однако судьба угля волновала Лаврухина в последнюю очередь. Завидев массивную фигуру Коровчука, комендант направился к нему. Бригадир, словно на троне, восседал в старом кресле на деревянных ножках и грел пухлые ладони у горячей бочки, пока рядом суетились особо приближённые. Он тоже заметил приближение Лаврухина и, не поворачивая головы, заговорил первым.

— Ты вот знаешь, комендант, куда эти рельсы ведут?

— Туда ведут.

— А что — там?

Вопрос явно перебил боевой настрой коменданта.

— Ну, не знаю... Восток...

— Во-о-от, — довольно протянул Коровчук. — А мы тут посоветовались и, стало быть, решили, что нам всем нужно на Запад. Так что ты, комендант, не торопись. Переставляй паровоз. И вот тогда мы все с тобой поедем.

— Что?! — возмутился Лаврухин. — Это совершенно невозможно!

— Ну, привыкай, товарищ начальник, у нас тут не как у тебя... Демократия. Народ решает.

— Ясно. Снова, значит, бредим... Время тянем? Не хотим договариваться? Так я пойду, мне плевать.

Комендант действительно собрался было уйти, но из группы сидящих чуть в стороне вдруг поднялся здоровый детина. В своём сереньком ватнике и коричневых сапогах он был

почти не заметен, пока не распрямился в полный рост. От нервозности или для соблюдения некоего этикета он стянул с головы шапку, скомкал её в крепких пальцах, продемонстрировав свою пшенично-жёлтую шевелюру, а потом приблизился парой широких шагов и громко произнёс:

— А меня и Восток устраивает. Чего тут сидеть впустую? Ехать надо. Я так считаю.

На пятачке вокруг бригадирского кресла возникло напряжённое молчание. Лаврухин снова ощутил спиной, как оказался в центре внимания сотен глаз. Выглядывающие из-за пологов палаток, скрытые надвинутыми шапками, смотрящие исподлобья — все они сейчас чего-то ждали.

— Тебе что же, наши правила напомнить? — пробасил Коровчук. — Кто не сидит, тот лежит!

— Да мне плевать! — Мужчина демонстративно вытянулся ещё сильнее, нагло зыркнув в сторону побелевшего от злости бригадира.

— Сядь!

— Не буду. Я так думаю. Ехать всяко лучше, чем тут жопу морозить, — детина огляделся по сторонам и заговорил совсем громко. — Ребята, девчата! Кто уже собрался? Давай за товарищем комендантом! Поедем уже хоть куда-нибудь! Поезд долго ждать не станет.

По палаткам пошло шевеление. К пятачку, на котором стоял Лаврухин и светловолосый мужик, начал подходить народ со своей немудрёной поклажей.

— А сам? — спросил комендант, заметив, что у здоровяка с собой ничего не было.

— А я потом. Тут ещё стариков много, баб... С детками опять же... Надо поговорить. Помочь. Завтра утром всех приведу.

— Звать-то тебя как?

— Савченко.

— Убьют тебя, Савченко... — проговорил Лаврухин.

— Кишка тонка! — усмехнулся детина. — Днём да поодиночке они трусливые. А ночью... Я не сплю.

Комендант кивнул, а потом повёл собравшихся к эшелону. По пути пожалел только, что не пожал руку этому мужику. Привык свои

вечно держать в карманах. А после решил, что, может, оно и к лучшему — не раздражать лишний раз. Вдруг обойдётся?

* * *

Весь день до позднего вечера к поезду тянулись люди, замотанные кто во что. Группками по пять-шесть человек, гружённые небольшим количеством ручной клади.

Венечка стоял у открытой двери тамбура, смотрел, как новоприбывших распределяют по вагонам, и по обыкновению курил.

— И почему мы, скажите на милость, должны кого-то забирать? Вы уверены, что мест хватит? — пробурчал он, завидев Лаврухина.

— Не волнуйтесь. Всех разместим.

— Вы хоть их проверяли?

— Надо будет, каждого проверю. Может, с тебя начать? — огрызнулся комендант. Венечка замолчал, но со своего наблюдательного поста не ушёл. Продолжил с подозрительностью и любопытством вглядываться в незнакомые лица. Закурил вторую сигарету.

Мужики какие-то мрачные — рожа кирпича просит. Бабы в бесформенных пуховиках, закутанные в платки — как недавно из-под коровы. Некоторые с детьми. Такими же грязными и лохматыми. Сброд одним словом.

Вот от общей массы отделилась фигурка поэтичнее. Молодая девчуля, лет двадцать от силы, тоже в куртке с капюшоном, но всё-таки помоднее, и видно, что симпатичная. И сразу к коменданту. Ну, понятное дело — будет мосты наводить. Проститутка, небось. Такие сразу чувствуют, к какому мужику следует присосаться.

От этих размышлений тонко организованной Венечкиной натуре стало отчего-то так противно, что он бросил недокуренную сигарету и ушёл в купе. Тем более что дальнейшего разговора новой пассажирки с Лаврухиным ему всё равно не было слышно.

— Товарищ комендант, — залепетала девчушка. — Меня Ксанкой звать. Можно к вам обратиться?

— Что?

— У меня там жених остался... Колька.

— Что ж с тобой не пришёл?

— Говорит, что не возьмёте его. Боится он... — Ксанка опустила глаза. — Это ж он у вас на днях уголь воровал...

— А ты что же тогда его закладываешь? — усмехнулся Лаврухин.

— Да он не со зла... Дурак просто! — Девчушка серьёзно посмотрела на коменданта. — Это его боров наш — бригадир — заставил. Велел Кольке ночью уголь таскать, чтобы меня никто не тронул, а иначе... Вот Колька меня за два мешка и выкупил. Я говорю — «вместе пошли», а он — «сама иди», а ему, мол, сюда дорога уже заказана.

— Ясно. — Лаврухин на минуту задумался. — Ладно. Завтра ещё поговорю с вашим Савченко. Одобрит — возьмём твоего Кольку. Но только под твою ответственность.

Глаза Ксанки загорелись радостью, она вдруг так крепко схватила и обняла Лаврухина, что тот аж пошатнулся.

— Ой, спасибо вам, товарищ комендант! Спасибо огромное! Можно я вас поцелую?

— Не положено!

Отстранившись, Лаврухин оставил сияющую девицу и зашагал вдоль вагонов. Нужно было проконтролировать погрузку и размещение пополнившегося личного состава. И хотя человеческий ручеёк, чёрной змейкой топавший через белое поле, к ночи окончательно иссяк, но спать коменданту не пришлось. Завтрашний день обещал быть непростым. Прокручивая в голове свои мысли, Лаврухин несколько раз наливал себе чаю, потом проверял, заряжен ли пистолет, поплотнее кутался в верблюжье одеяло, взбивал слежавшуюся подушку, но так и встретил предрассветные сумерки в каком-то полусонном забытии.

* * *

Окончательно он проснулся, когда Путилин начал греметь тяжёлой тендерной дверью. Накинув шинельку и засунув ноги в проклятые сапоги, комендант вышел в тамбур и молча поприветствовал машиниста. Вид у Лаврухина, похоже, был настолько разбитый, что Путилин

даже выдержал паузу, решаясь снова завести свою обычную шарманку:

— Ну что? Поедем сегодня али нет? А то ведь...

— Да знаю, я! Знаю! — перебил его комендант. — Машина ехать должна. Смазка загустнет, поршни заклинит, гайки разопрёт... Поедем мы! Поедем! Прогревай аппарат.

Удовлетворённый ответом, Путилин заулыбался, но в тамбуре появился Венечка с необычной озабоченностью на одухотворённом лице.

— Простите, я краем уха услышал, что мы собираемся ехать.

— Так точно.

— Но, позвольте! Как же?! Меня тут вчера Оксана Евгеньевна просветила... Там же, в этих трущобах, ещё люди остались. Дети, бабушки... Мы что же теперь их бросим?

— И то правда, — согласился Путилин. — И Савченко этого так вчера и не появилось. Думал, будет мне кочегар...

— Вы, может, не будете меня нервировать?! — вскричал Лаврухин. — Успокойтесь уже! Никого не бросим.

Он буквально спрыгнул с подножки в снег.

— Совсем замёрзнете так бегать, — проявил заботушку Венечка. — Вам бы пальтишко новое справиться...

— Вот бы справиться мне костюм себе из стали на... — бросил в ответ Лаврухин. — Грейте машину!

Преодолев расстояние до лагеря «ситдаунов» быстрее, чем обычно, он застал его в зловещем запустении. Часть палаток были разрезаны и перевернуты. По всей видимости, оставшись без хозяев, они оказались мгновенно разграблены соседями или приближёнными бригадира. Сам хозяин мусорного мирка в окружении нескольких мордovorотов был тут же — на своём месте. Развалившись в старом кресле, грел ручки у костра, подкидывая в бочку небольшие чурбачки.

Внезапно Лаврухин с ужасом заметил, что из ёмкости торчали обгоревшие ноги в знакомых коричневых сапогах. «Хоть бы обувку сняли... — мелькнуло в голове у коменданта. — Ничего-то им не жалко...» Но свой вопрос за-

дал предельно невозмутимо и с несколько отрёшённой грустинкой:

— Убили всё-таки?

— Это наше внутреннее дело, гражданин начальник, — хмыкнул в ответ Коровчук.

Откуда-то из кучи тряпья, бывшего когда-то чьим-то жилищем, вылезла маленькая девочка, бросилась к Лаврухину и, уткнувшись в полы шинели, тихо прошептала:

— Это папка мой... Больше никого не осталось...

— Понятно. Рядом стой. — Комендант не глядел на девочку, а только сверлил глазами бесформенную фигуру бригадира. — Зачем убили? — спрашиваю.

Коровчук поймал взгляд коменданта и растёкся в сальной ухмылке.

— А он сам... На шпалу упал и ударился. Несколько раз.

— Дядя милиционер, они врут всё! — пропищал ребёнок, крепче сжимая ручонками этого странного худого дядьку, будто сейчас в нём заключалась последняя надежда. — Это они палками его ночью застучали.

— Знаю. Не бойся. Мы с тобой ещё подумаем, что с ними сделать...

— Не о том ты думать собрался, гражданин начальник, — усмехнулся бригадир. — Лучше подумай, может, не нужно тебе куда ехать? Зачем? Оставайся. Будешь как сыр в масле кататься. Уголька надолго хватит. Разгрузишь свой тендер... А мы поможем.

Коровчук самодовольно хихикнул, но сразу поменялся в лице, потому что в него нацелилось чёрное пистолетное дуло. Бугаи позади главаря поднялись с мест, но ринуться вперёд без команды не решились.

— Все назад! Назад! Я ухожу. Ясно? Девочка идёт со мной.

Не выпуская из виду нацеленный на него ствол, бригадир продолжал увещевать коменданта, но тот уже не слушал.

— Так... И ещё... Есть тут Николай? Ну! Ксанкин женишок, который... Николай, выйди! — громче повторил Лаврухин.

Из-за спин подручных Коровчука показался щуплый паренёк.

— А этот папу бил, не помнишь?

— Нет... Он никого не трогал.

— Значит, тоже со мной пойдёшь, — приказал комендант Коле. — Ну! Быстро!

Тот пугливо обернулся, а потом перешёл поближе к человеку в шинели.

— Ах ты крысёныш! Задавлю! — взревел главарь.

— Сиди уж! Любишь сидеть же. А то покачешь у меня! — осадил его Лаврухин, угрожая ткнув оружием, а потом оглянулся по сторонам, обращаясь ко всем прочим зрителям, незримо наблюдающим за сценой из своих укрытий. — Другие желающие есть? Нет?! Ну, всё... Хотите сдохнуть, значит, сдохните. Увижу, что кто-то следом идёт — стреляю сразу в лоб.

— Далеко всё равно не уедешь, — сквозь зубы процедил Коровчук.

— Поезд невозможно остановить.

— А это мы ещё посмотрим, гражданин начальник.

Комендант не стал продолжать эту бессмысленную перепалку. Только ещё раз посмотрел в сторону палаток с притаившимися внутри людьми, с обидой прошептал:

— Дебилы, б..дь... — плюнул в снег и пошёл назад к поезду вместе со встревоженным Колей и успокоившимся ребёнком.

Несколько раз он мысленно ругал себя за несдержанность. Никак нельзя было светить «макаровым». Неоправданный риск. Что у него? Восемь патронов. А у них — злость, кураж и одно на всех неудержимое желание завладеть халявной волыной. Расчёт лишь на то, что жирный боров засыт и не спустит свою шоблу. Эмоции. Ребячество. Как бы то ни было, погоня не входила в планы трусливого Коровчука, поэтому никакой погони так и не случилось. А локомотив был уже в паре шагов.

* * *

Лаврухин рассматривал поезд. Чёрная угловатая громадина, извергающая горячий

пар, возвышалась на фоне белой земли и серого неба, словно фантастический дракон, вытянувший вдоль железнодорожной ветки свой длинный хвост. Одни колёса почти с человеческого рост. Спецрельс и полотно втрое шире обычного. Умели же раньше строить... Настоящий левиафан! И что он таскал? Какие-нибудь боеголовки — не иначе. Отрыжка ядерной эпохи.

А что теперь? Куда он нас везёт? И зачем? Может, и проще вот так вот — сесть и ждать, когда на тебя свалится счастье? Да и есть ли оно в конце этого пути? Кто встретит? Не такие ли морготные морды?

Тягостные раздумья коменданта прервал паровозный свисток. Глянул — все уже погрузились — один Лаврухин стоял в снегу в нещадно жмущих сапогах. Поднявшись по длинной крутой лестнице, он громко закрыл последнюю дверь, пересёк тендер и заглянул в кабину.

— Ну чего? Поехали, что ли?

— Да там это... — Закопчённое лицо Путилина выражало тревогу. — На рельсы какого-то говна натащили. И кажись, шпалы пилят. Как бы жертв не было... Котёл-то у меня уже того — под парами.

Воцарилось молчание. Только громогласное урчание исполинской машины напоминало, что ей никак нельзя останавливаться.

— Что делать-то? — повторил вопрос машинист.

Лаврухин опять задумался, но тотчас вспомнил удивлённого Кольку. Его Ксанку, проданную за пару мешков угля. Испуганную девчонку, чьё имя он пока ещё даже не узнал. Вспомнил эти мерзкие рожи, столпившиеся вокруг растерзанного трупа белокурого Савченко. Вспомнил довольную и лоснящуюся жиром харю бригадира. И неожиданно для самого себя очень чётко ответил:

— Дави их, Путилин.

Дмитрий ЛИХАНОВ

Российский журналист и писатель, член Союза писателей России, Союза журналистов России. Является председателем Общероссийского общественного фонда «Российский детский фонд» и президентом Международной ассоциации детских фондов.

Как автор художественной прозы дебютировал в 1991 г. у детективной повестью «Прощай, Сирокко!». В 2001 г. выпустил сборник новелл «Idée Fixe», в 2010 г. — книгу рассказов «Любовь до востребования», в 2012 г. — повесть «Маленькое сердце», в 2015 г. — сборник журналистских расследований «Жанры жизни» (Издательство «Вече»), в 2018 г. — роман «Ванса. Жизнь белой суки».

ОБРУБОК

Прижилась она здесь, на обочине палящего горячим асфальтовым духом шоссе, вместе с другими деревьями еще в те самые благословенные времена, когда, казалось, и солнце было ярче, и жирнее земля, и влага у корней — слаще. Прикопал её тут по весне конопатый мальчик с пионерским галстуком на шее. Привязал юный саженец шпагатом к колышку, чтоб не согнул, не сгубил его, покуда еще не укоренившегося, шальной ветерок. Полил теплой водицей из жестяной лейки. Да и пошел невесть куда по пионерским своим делам. Может, иные деревца сажать. А может, в защиту леса, собирать макулатуру.

В те первые годы своей жизни юная липа лишь привыкала к земле, в которую уходила корнями все глубже. К пестрым фазанам, что с осторожностью бродили под её кронами в предрасветный час в поисках семян и юрких насекомых. К жаворонкам, что присаживались передохнуть на гибких её ветвях ранней весной, и снегирах с брусничными грудками, украшавших эти ветви студеной зимой. К асфальтовому шоссе, что простиралось поблизости на долгие версты на запад и на восток. То и дело в обе стороны по шоссе мчались

автомобили. Они обдавали липу горьким дыханием сгоревшего топлива, клубами копоти. Из иных в ее сторону летели пустые бутылки. Скомканые упаковки. Белый пластик стаканчиков. Порой автомобили останавливались поблизости. Не заглушая моторов, их пассажиры бежали к липе и мочились прямо на ствол. Человеческая моча стекала в землю, насыщая её солями, ацетоном и карбамидами, но и оставляя вместе с тем в памяти дерева какую-то глубокую, словно первые морщинки на ее стволе, обиду.

По весне обычно проходили сюда грузные тетки в оранжевых жилетках и собирали в пластиковые мешки остатки человеческой удачи. Они лениво переругивались между собой, дивясь безбрежному людскому засранству и неспешно брели вдоль шоссе, похожие на стадо усталых оранжевых коров. И вновь благодать наступала. Ненадолго. Не навсегда.

На пятый, кажется, год ее жизни, здесь устроила свое зимнее лежбище молодая ежиха. Рыла землю аккуратно между корней, пригребала лапами сухой мох и палые липовые листья. Обустроила себе уютную теплую норку к концу октября. Да и сомкнула глянцевые бу-

синки глаз. Всю-то зиму, даже в суровую стужу, чувствовала юная липа корнями своими слабое тепло спящей ежихи. Кроткое ее дыхание, сходное с трепетом последнего лепестка в листопадную пору. Она очнулась в апреле, когда на липе завязались уже первые сладкие почки. Вздрогнула сперва. Затем забавно чихнула. И отверзла бусинки глаз. Долго из норы выбиралась. Но лишь только освободилась, взглянула удивленно на липу, на этот великий мир, что не поменялся ничуть после полугода их разлуки. А вскорости разродилась тут же, у подножья, четырьмя розовыми детенышами с мягкими иглами. Уже и солнышко припекало ласково, и воздух наполнился цветущими в садах черешнями с абрикосами, и новотравье повсюду стелилось покрывалом изумрудным. И розовые ежата сосали жирное молоко матери под кронами липы. Вновь и вновь, в бесчисленный уже раз торжествовала природа, являя миру царство света, буйство цвета и самой жизни, что воспевала каждая былинка, каждый лепесток, всякая тварь и даже краткое бытие мотыльков-однодневок было исполнено великого смысла и нескончаемой радости. Всякое дыхание славил Господа.

В такой вот именно яркий весенний день через много лет, когда уже и подросшие ежата разбрелись по окрестным рощам, а подслеповатую мать раздавил мчащийся по дороге грузовик, почувствовала липа в нектарных железках какой-то особенно сладкий сок, какие-то новые ощущения в ветвях и листьях, что уже и раскрылись, но продолжали прорастать тонкими, словно крылья стрекозы, лепестками, а от них уже и цветочками — хоть и крохотными, да духовитыми. Так что вошла она в пору зрелости подобно человеку к двадцати годам земной своей жизни. Вошла сильным ветвистым деревом — полным жизни и беспричинной радости, что дарует всякому существу на этой земле краткая его молодость.

А вскоре и война началась.

К беспечным разноцветным машинкам на шоссе добавились теперь груженные всевозможным армейским скарбом тяжелые грузовики, да с каждым днем все больше броневых

машин пехоты на гусеничном ходу, да танков на тягачах. Они пронеслись мимо липы со скрежетом траков, гулом колес выбрасывая на обочину опрочь снежной жижи, дробленый асфальт, жирные облака горелой солярки. Следом тянулись люди. В кузовах грузовиков под тентами цвета спелых оливок. В автобусах с затемненными окнами. А кто и пешком. Обочинами той самой дороги, возле которой еще не пробудилась от зимнего сна голая ива. Все они шли на запад. Туда, где возле самого горизонта уже чадил черной копотью большой город. В обратную сторону, на восток теперь уже без прежней беспечности двигались те самые разноцветные автомобили, под самую крышу забитые всевозможным домашним скарбом: коробками, тюками, пластиковыми пакетами и, конечно, самими людьми, их потомками и питомцами. На каждом почти — белые тряпицы. И надписи, где фломастерами по ватману, где изолентой прямо по стеклу: «дети» и «люди».

Очнулась она от жуткого сатанинского воя, что грохотал в нескольких сотнях метров с соседнего поля. Неведанное чудовище извергало в мутное небо один за другим всполохи огня, пороховой гари, раскаленных воздушных. Затихало всего-то на несколько минут и принималось выть заново. Жар горячими волнами доплывал и до липы. Плавил последний мартовский снежок на её ветвях. Обжигал кору. Будоражил всё ее существо, что с рождения привыкло к иной весне: тихой и живородной. Той, что всякий раз рождает новую жизнь и новую надежду на жизнь вечную.

Город полыхал теперь повсюду. То в одной его стороне, то в другой дыбились оранжевые всполохи огня, испарывал небо гром и копотный, смоляной дым утекал в бездну небес зловещим потоком. Даже сюда, за несколько километров от города, доносился его смрадный дух. Кисло пахло горелым порошком, расплавленным пластиком, сожжённой плотью. Казалось, сам ад спустился на землю. И поглотил ее твердь.

Вскорости, когда уже и почки на ветвях её набухли, под кроны пришли солдаты. Они неспешно принялись рыть землю неподале-

ку, прорывая в ней извивы окопов глубиной в человеческий рост. Иные полнили песком из карьера неподалеку синтетические мешки из-под удобрений. Громоздили один на другой, обустроивая бруствер, а когда мешков не хватало, то полнили землей пустые ящики из-под снарядов, каких к тому времени повсюду валялось во множестве.

Громадный мужичина с рыжей бородой и бензопилою в руках подошел к ней под вечер, похлопал ладонью по стволу, задрал голову к кроне, где прорезались уже первые клейкие листочки. Задымил злым табаком. Да стартер дергать не стал. Так и стоял, глядя как весеннее солнышко пробивает сквозь ветви, сквозь нарождающуюся духовитую листву. Однажды ей даже почудилось, что это тот самый конопатый мальчик, что прикопал её здесь, на обочине шоссе два десятилетия тому назад. Что он вернулся к ней случайно и вдруг вспомнил и себя самого в отрочестве, и слабый саженец липы, которому дал некогда жизнь и возможность стать сильным и взрослым созданием. Как и сам он отныне. Сплюнув с каким-то отчаянием окурок под ноги, вместе со своею цепной пилой побрел в сторону рощицы, откуда через несколько минут раздался и визг цепей, и хруст гибнущих деревьев. Из их сочащихся соком стволов сложили блиндаж в три наката. Прикрыли стальным листом. Да сверху прикопали землицы.

Утро взорвалось минометным обстрелом. Били из нескольких орудий. Густо да дружно. Наполняя воздух то тут, то там высасывающим душу свистом хвостовиков, дыблящегося к небу чернозема, плавящейся тротиловой плазмы и шторма осколков, что косил всё живое окрест. Один из них, небольшой, всего-то с человеческий мизинец, врезался в липу. Прошил кору зазубренной, раскаленной сталью, вошел в плоть, разрывая и луб, и камбий, чтобы остановиться в плотной заболони. И здесь еще долго жег изнутри, источая в соки её и терпкий, и соленый привкус оксидов. От этого ранения ее словно бы передернуло. Вздрыгнула на мгновение могучим телом. Скрипнула от боли. Прошелестела ветвями, листочки на которых

едва проклюнулись. Да и замерла всем своим существом ожидая нового ранения. Ведь ни уйти, ни скрыться от осколков, ни залечь, подобно солдатам, в блиндаж она, конечно же, не могла. Только рухнуть замертво.

А солдаты тем временем хоронились по окопам, да блиндажам, ожидая когда же, наконец, этот плотный минометный обстрел пойдет на убыль, кончатся у противника боеприпасы, да пошлют за новым и у солдат, что с этой, что с той стороны выйдет передышка, в которую можно перекреститься, перекурить, закрыть глаза мертвым, да раненых перевязать. Окопы по весне еще сочлились высокой грунтовой водой. Так что на дне их от воды, толчеи, снега, да солдатской мочи стояла черная аммиачная жижа. Посеченных осколками бойцов старались в месиве этом не оставлять. Тащили за лямки бронежилетов, да разгрузок в блиндажи, где и посуше, и потеплей. Кололи им в ляжки кеторол, что действует не сразу, и не долго. Рвали окровавленную одежду, бинты. Двое мертвых, русский мальчонка с голубыми глазами, один из которых пробило осколком насквозь в череп, да могучий сержант вовсе без головы лежали теперь в черной жиже на дне окопа. Их куском брезента прикрыли пока.

И вот стихло. Только жужжат в небе над головами чудные изобретения нынешних сражений, что глядят на тебя с небес стеклянными глазами, сообщая противнику и координаты твои, и поражения, и количество оставшихся бойцов, если надо. Птаху эту, собранную на китайских заводах, с земли и не разглядеть, а уж тем более не подбить. Вот и сидит солдат перед нею как на ладони — будто голенький и совсем беззащитный.

Глядит на чудо машину о четырех пластмассовых пропеллерах, а поделаться с ней ничего не может. Глядит и матерится.

Противник тем временем прицелы оптические корректирует, ждет боеприпасы, в деревянные ящики упакованные. Жжет табак. Анекдоты травит. Пьет чай из термоса. Кто и кофе. Не знает он только, что и его координаты уже донесли по закрытой связи в ближнюю артиллерийскую батарею. Что далеко-

бойные гаубицы уже и снарядами снаряжены. Грохотнули далеким громом, извергая огонь и погибель.

Прямым попаданием из двух гаубиц сто двадцать второго калибра положили они за рощицу, да всего-то за пару минут двадцать четыре осколочно-фугасных снаряда, уничтожив четыре огневых расчета. Только двое солдатиков и спаслось. Контуженные до кровавых подтеков из ушей, из ноздрей мечутся по полю ошалело, мамку кличут. Только слышат мамы своих мальчонков разве что сердцем, которое вдруг кольнет ни с того, ни с сего стальным шилом и снова отпустит. Притихнут женщины заворуженно, предчувствуя нечто грозное, непонятное, гибельное, вспомнят Господа Иисуса Христа горячей материнской молитвой, которая, как известно, с морской бездны поднимет, а не то что из-под артобстрела.

Да то ли мало веры христианской в народе, то ли вразумляет, трезвит народное сознание новой бойней, только не каждая молитва доходит до Спасителя мира. Лежат меж зарывшихся в чернозем стальных блинов, меж покореженных трубок стволов, свежих досок битых снарядных ящиков, растерзанные тела мальчиков. Тела совсем еще юные, ладные, сильные мышцами и кровью, что сочтется из них сейчас, парит весенним утром в жирный украинский чернозем. Кто уткнулся в него жадно лицом. Кто лежит на спине, смотрит стеклянным, немигающим взглядом на низкое это небо со стремительно проносящимися, спешащими невесть куда облаками, с тонкими прожилками небесного света, что растекается во всю ширь до самого горизонта проталинами и ручейками. И отражается в мертвых глазах. Робкий ветерок, в котором перемешались и прелый дух земли, и хлад остатних сугробов, и свежесть нарождающихся трав с листвою, ласково трепал мертвые волосы, касался любовно, совсем по-девичьи холодеющих лиц, что заострялись, делались все строже и бледней. По одному из них, с едва заметной азиатской замесью, что проявила себя в острых скулах и чуть раскосых глазах, удивленно взирающих в бездну неба, вкруг зияющего отверстия

глотки, что чернела в последнем крике его на этой земле, трепещет пестрыми тигровыми крылышками бабочка крапивница. И в этом весеннем танце нимфалиды на мертвом лице есть нечто кошунственное, скверное. Сама жизнь в столь близком соседстве со смертью казалась неуместной, даже чужой в этом соприкосновении основ бытия всякой живой твари от бабочки до человека — понятной, должно быть, одному лишь их Создателю.

Первое свое ранение липа получила к исходу того же утра, когда раскаленным и заточенным до бритвенного звона осколком шириною с человеческую ладонь, ей отсекло одну из нижних ветвей. Отсекло столь безупречно, словно тут даже ни артиллерия поработала, а заботливый и рачительный лесник. Она и боли не почувствовала. Только брызнул сок из раны. Встрепенулась мелкой дрожью юная листва на соседних ветвях. Срубленная ж повалилась к корням. Еще жила короткое время. Питала почки и листву внутренней своей влагой, но вскоре истощилась, увяла, умерла.

Всего-то несколько часов понадобилось доблестным командирам, чтобы взамен разбитых минометных расчетов подвезти новые, покуда еще необстрелянные, да усилить их пехотой и боевыми машинами для будущего прорыва вражеской обороны.

И вновь вздрогнула рощица. Вздрыбился чернозем. Били теперь со всех сторон. От пороховой копоти, вывороченной земли, пыли, сажи, всполохов огня, плазмы раскаленной чудилось словно сам ад сошел на грешную эту землю, грозясь уничтожить на ней не только то, что создано Господом, но и даже то, что Им только задумано. Вознамерившись горделиво выжечь адским своим огнем даже имя Господне. Веру в то, что Он помилует и спасет. В то, что ведь не должно случаться такое по воле Его. Когда брат идет на брата, а люди на людей с одной лишь целью изничтожить свой род до последнего человека. Ведь не может же Он, чье имя — человеколюбие и любовь, допустить до такого!

Ветви её рубило и корёжило теперь под плотным огнем минометов, артиллерии, пу-

леметов крупного калибра без всякого перерыва. Палило огнем. Сотрясало взрывными волнами. А она всё стояла гордо, выпрямив сильный ствол под шквалом раскаленного металла. Дерево в дальнем соседстве с ней уже выворотило взрывом, повалило набок, оголяя и черные раскоряки корней с яркими, словно человечесья кость, разломами, с корой дымящейся, вспыхивающей пламенем, горьким дымом. Гибель дерева, чья жизнь гораздо дольше людской, иные липы и до восьмисот лет доживают, тем более противоестественна, нелепа. Ведь не враждует ни с кем, никому зла не творит. И зла этого даже не мылит, но вот гибнет от рук человеческих почем зря, и ладно бы для дела вроде досок для бани, кузовков или кадушек для огуречного засола, так нет же, словно мусор, словно тлен. Слово и не было её никогда на грешной этой земле.

Сладкий липовый сок теперь сочился из неё повсюду. Из множественных пулевых отверстий по стволу, что рубили плоть ее и глубоко, в самую сердцевину, и по касательной, срезая лишь кору с камбием. Стекала с обрубков отсеченных ветвей, что валялись теперь во множестве у подножья ствола. На запах сока слетались трупные мухи. И лакали его жадно, как лакают они соленую человечесью кровь. Её в ближнем окопчике с блиндажом тоже теперь в достатке. С отсеченными ветвями дерево теперь и само было словно черный обрубок, нелепо торчащий из чернозема. И не было в нем уже первородной красоты, раскидистой пахучей листвы, того естества и совершенства, что заложил в неё Сам Господь, создавая липу для своего сада земного, превращенного ныне в адское пекло. Не было в нем ничего. Кроме мерзости вырождения. Апофеоза вселенских страданий.

Когда наконец выдохлась канонада, изпод осыпавшейся земли окопа медленно, словно волшебный майский жук, выбрался рыжий солдат. Черный от копоти и праха, в кровоподтеках и гематомах, что покрывали все его лицо бурными пятнами, в слюне и слизи, что густо стекали на пластины посеченного осколками бронежилета, в бурных же пятнах на пиксельном камуфляже в паху и на правом

колене, разодранном в кровавые лохмотья с сахарной острой косточкой торчащей наружу. Он волочил ногу вслед за собой, опираясь на пластиковый приклад советского автомата, как на костыль. И переломанная нога человека была словно сломанная ветвь — безжизненна, недвижна. И сам солдат словно обрубок. Он волочился напрямик к дереву. Медленно. Скорбно. Понимая, должно быть, что это и есть те самые последние шаги, что проходит он по земле. А вместе с тем последние силы и любовь последнюю к жизни, что оказалась так несправедливо коротка. И вот кончается совсем скоро.

На последнем этом пути он несколько раз падал лицом в черную грязь. Тихо выл, пуская из сухого рта пузыри липкой слюны. Лежал. И поднимался вновь, опираясь на автомат. Ковыряя острием сахарной кости вспаханный взрывами чернозем.

Тяжесть тела его и скорую его гибель дерево почувствовало сразу же, лишь только он прислонился спиной к его стволу. Бремя смерти нёс солдат на своих плечах. Оседлала она его. Околдовала. И лишь терпеливо ждала, пока он простится. С этим ситцевым застиранным небом. Слепящими проблесками солнца, что пробиваются сквозь сальную гарь. С обрубком липы, истекающим соком. С трупными мухами, что поют над головой. Садятся пировать на колено. На руки. Лицо. Проститься и с этой роцей в зеленом тумане. Со скворцами в траурных оперениях, что ходят теперь по распаханным боями полям в поисках пропитания. С городом, что дымится и пылает на горизонте. Простится со всем, что было не только дорого и любимо, но даже ненавистно и отвратно, обыденно, неприметно. Что, собственно, и составляло всю эту жизнь. Последние её мгновения, последние запахи и звуки — столь драгоценные, что вдыхаешь и ощущаешь их словно Божественный дар. Последнюю Его милость.

Солдатская кровь вытекала теперь из глубокой раны на его шее все медленнее, всё гуще. Смешивалась со сладким липовым соком. Сочилась за шиворот камуфляжа. И дерево

чувствовало теперь соленый вкус его крови. Казалось ему: наполнилось кровью солдата.

Вскоре он умер. Завалил голову набок. Закатил нелепо глаза. Выдохнул в полвздоха. Словно хотел сберечь этот последний свой в жизни вздох. В студёный воздух выскользнула его душа едва приметным облачком пара. И растворилась в то же мгновение, подхваченная веселым весенним ветерком, что уносил с поля боя десятки и сотни таких же солдатских душ.

Утром следующего дня фронт откатился на два километра ближе к дымящемуся горю. И вновь работала фронтовая артиллерия. И били «Грады». Но их громовые голоса слышались все глуше, все реже. Похоронные команды сложили все, что нашли, и всё, что

осталось от взводов и расчетов, в черные пластиковые пакеты и отправили по домам. К матерям, отцам, женам и детям. Забрали и рыжего. И радовались, что его не пришлось собирать по кускам. Сидел под липой. И словно дремал. Повезло парню.

А еще через месяц, когда война ушла далеко на запад, рыжего придали земле и имени его никто уже, кроме родни, не помнил, на единственной ветви обрубка вдруг появился липовый цвет. Да такой душистый и сладкий, что полетели на него тучные шмели и проворные пчелы со всей округи. И пили редкий, драгоценный нектар обрубка, что каждым трепетным листочком, каждым скромным цветком воспевал этот страшный и удивительный мир.

22 июня — 27 июля 2022 года

СВО. СТРАНИЦЫ ПОДВИГА

Драматургия

Ольга МАНЬКО

Родилась в г. Севастополе, драматург, журналист, редактор телевидения, автор радиопрограмм для детей, писатель. Автор книг для детей «Домовушка», «Край Земли», «Взрослые истории для детей», «Пять историй о царе», «Облака» и другие. Печаталась в сборниках книг для детей «Сонные сказки» — Харьков (Украина), «Внеклассное чтение» — Новокузнецк (Россия). Лауреат Международного телевизионного конкурса детских и подростковых программ (1998 г.); Лауреат международного литературного «Гайдоровского конкурса – 2017», номинация – драматургия. Финалист конкурса «Герой» — 2022 г., осень, Творческая среда «МОНОЛИТ».

СЕРАЯ ЗОНА

Монопьеса

Действующие лица:

Анна, за 60 лет.

Комната. Две кровати аккуратно застелены. Анна складывает вещи в чемодан.

Да, мама, не забуду зимнее взять. Летнее? Уже положила. В чемодан всё не войдет... Сумку взять, что ли? Папа, а помнишь, как в пионерский лагерь ты меня отвозил? Все ребята автобусом, а меня персонально на красном жигуленке. *(Смеется.)* Важная я ехала! В машине окна открыты и запах!.. Невероятный! У нас в поселке углем всё больше из-за шахты и печей в домах, а тут аромат луговых цветов, горячее дыхание степи, ковер серебристого ковыля и ярко-желтый запах солнца. *(Смеется.)* Ну, насочиняла: ярко-желтый запах солнца. Ты мне тогда сказал, что это запах лета. Нет, я думаю, так детство пахнет. Когда я о своём

детстве думаю, то представляю: бескрайний простор наших луганских полей, длинная-длинная дорога и ощущение беспредельного счастья... Вся жизнь еще впереди и столько желаний! Мама, а ты помнишь, как я бродила по окрестностям и всё искала золотого бога Луга? По легенде от его имени Луг произошло название Луганска. Древняя это история, языческих времен. Я всегда была фантазеркой и представляла, как однажды встречу с сияющим богом, оберегающим наши земли. Вот он появляется и проводит рукой над нашими реками. Вода оживает, сверкает, искрится так, что глаза слепит! Идет золотой бог по полям — цветы расцветают, тянутся к солнцу. Ночью по фиалковому небу рассыпает он золотые сияющие звезды... Ой, разболталась, а времени не так уж и много. Скоро Риточка приедет, а я не собралась. *(Складывает вещи.)* Еду к доченьке, переживаю, как бы обузой не быть. Не знаю, не знаю, на какие деньги жить? Риточка сей-

час не получает, мне пенсию никто не платит. Работу не найти. И дом жалко бросать, и сад с огородом...Труда столько вложено! Каждый цветочек, каждый кустик, каждое деревце лелеяли, выращивали. Красота была! Дед еще грушу сажал. Нет груши. Огромный осколок — раз, и срезал дерево. Стоит теперь обрубок, только нижние веточки остались, тянутся вверх, словно детские ручонки. К жизни тянутся и не знают, что нашу жизнь эти проклятые осколки тоже пополам перерубили. Я не сказала тебе, папа, что наш сосед Саша погиб. В августе четырнадцатого года, когда бомбили нас, страшно бомбили. Вышла я во двор, а тут как бабахнет у него во дворе. У меня сердце остановилось. Не могу шагу сделать, дышать не могу. Прислонилась к стене, ноги ватные. Новый прилёт. В конец поселка. Вдруг в голове застучало: «Я тут стою, а Саша?» Прибегаю, калитку не в ту сторону открываю, трясу ее, а она не поддается. Потом сообразила... Вбегаю во двор и вижу: лежит Сашка в луже крови. Ног нет. Совсем нет. Пытается приподняться... Я к нему, с халатика поясок сорвала, одну культяпку перевязала, как учили жгуты накладывать, а вторую-то и нечем. Саша еле шепчет: «Вот, Нютка, конец мне пришел». Не знаю, откуда у меня слова такие взялись, отвечаю: «Миленький мой, да какой конец? Не голову же оторвало, всего лишь ногу. Мы еще с тобой потанцуем. Держись, мой хороший, держись». Халат с себя стянула, осталась в одной комбинашке, халатом вторую культяпку перевязала. А он дышит так... понимаю, кончается. Ладошку под его голову подложила и стала, как ребеночка баюкать: «Сашенька, маленький, мальчик ты мой. Будет всё хорошо, потерпи немножко, потерпи, родной»... Так он и умер. *(Пауза.)* Потом его похоронила. Прямо тут же, в воронку. Снаряд с трудом вытащила из воронки и Сашу туда стащила. Землей закидала как могла. Лопата во дворе стояла. *(Пауза.)* А на снаряде надпись: «Привет из Украины, сепары». Вот такой смертельный привет передали те, для кого он сорок лет уголь добывал... Что, папа? Почему никого не позвала? Кого звать? Все, кто мог, уехали, остались одни старики. Я самая

молодая из всех, хотя и мне уже за шестьдесят. Уехали, собак, кошек побросали. Голодные они бродили, кормиться-то нечем. Боялась, что Сашу собаки разорвут, потому и похоронила сразу. Ну вот, вышла из двора, калиточку очень аккуратно закрыла, и тут истерика у меня началась. Упала, рыдаю. Прибежала Наталья Петровна, та, что через два двора жила от Саши, видно, услышала мой вой. Сразу всё поняла. Маленькая, худенькая и откуда сила у нее взялась? Потасила меня к себе домой. Первое, что сделала, стакан водки мне в рот влила. А я и не почувствовала, что водку пью. Наталья Петровна всё приговаривает: «Поплачь, Аннушка, поплачь. Со слезами-то горе уходит». Я, в самом деле, немножко успокоилась. У неё ведро воды было припасено, той водой она меня от Сашиной крови и отмыла. Дала свой халатик, чтобы я домой дошла, а окровавленную комбинашку тут же во дворе сожгла. Вот так, папа, похоронили соседа нашего. Потом мы крестик сбили, уж как смогли, и надпись сделали. На могилке Наталья Петровна молиться начала. Я ей говорю: «Вы же бывшая коммунистка, атеистка, а молитесь». «Во время войны атеистов нет», — отвечает она. «Мы же не воюем. Это ребята там, на передовой», — говорю. «Ошибаешься, Аннушка. Воюем. Только внутри себя, чтобы человеком оставаться, а не в зверьё превратиться» — так она сказала. Позже и Натальи Петровны не стало, сердце не выдержало. Лекарств нет, «скорую» не вызвать. После очередного прилета забежала к ней домой, а она на кровати лежит. Человеком она осталась до самого своего последнего вздоха.

Страшный был август проклятого четырнадцатого года. Страшный. Укры через лесополосу от нас. Наши в нескольких километрах, а мы посередине, в «серой зоне». Ни воды, ни электричества, ни газа, ничего нет. Связи ни с кем нет. Гуманитарка не заходит. Продуктов нет. И жара!.. Такая, что дышать невозможно. Земля вокруг черная от пожаров. Сгоревшие дома, выжженные сады... И невыносимый запах гари... Смотрела я на эту черную землю и всё строчки Высоцкого в голове крутились:

Кто поверил, что Землю сожгли?
 Нет, она почернела от горя.
 Как разрезы, траншеи легли,
 И воронки, как раны, зияют.
 Обнажённые нервы Земли
 Неземное страдание знают.

Как выжили? Да вот, как-то... Помогали друг другу. По садам и огородам пройдем, соберем, что найдется, и какую-никакую похлебку сварим на костре. Потом делим на всех. Да вы знаете. Соседи беспокоились, чтобы вы не голодали. *(В корзинку складывает вещи.)* Возьму я, мамочка, шаль твою. Старенькая, конечно. Когда я в неё закутываюсь, такое чувство, словно ты меня обнимаешь, как тогда, в детстве. Риточка говорила, давай, мол, новую тебе куплю. Что новая? Чужая она, холодная. Эту шаль мамочка своими руками связала. Каждый рядочек, каждую петельку. Тепло она хранит маминых рук. Может, когда-нибудь и Риточка захочет что-то от меня сохранить. Термос надо взять. Всегда пригодится. Ой, что это я делаю? Корзинку ведь для Мурочки приготовила. *(Вынимает вещи.)* В отдельном купе поедет моя красавица. *(Улыбается.)* Ох, в детстве меня ругали за котят. Как увижу на улице какого-нибудь блохастика, домой тащу. Мурочку тоже принесла. В том же четырнадцатом. Через улицу от нас жила семья: Маша, её сын Сергей, его жена Леночка и их сыночек Антошка. Сережа в ополчение пошел. Тогда многие пошли. Июнь это был или июль, не помню. Бомба упала как раз на их дом. Господи, как страшно было! Обстрел закончился, сразу побежали мы туда. Дом в руины превратился, горит всё вокруг. Мужики тушить начали, завалы разбирать, может, кто живой остался. Антошку откопали. Он под кровать спрятался, это его и спасло. Вытащили мальчонку, личико белое почти голубое. Я таких лиц не видела никогда. Трясетесь весь, ничего не говорит, даже не плачет. Просто трясется. И глаза у него — невидящие. Смотрит вроде, но в никуда смотрит... Совсем малыш, а его смерть холодной рукой погладила, правда, руку потом убрала. Пожалела... Ну вот, позвонили Сергею. Его из ополчения тут

же отпустили, он приехал. «Увози пацана», — сказал тогда Саша. — «Вези в Крым. Там уже Россия». Всем поселком собрали, кто что мог дать: одежду, еду, деньги, бензин со всех оставшихся машин слили, заправили его фордик. В то время худо-бедно мобильники работали. Созвонились с Севастополем, попросили принять. Он и поехал. А Леночку с Машей не нашли. Только клочок волос на кусочке кожи. Сгинули Маша и Лена, будто их никогда и не было на этом свете... Сережа через несколько дней позвонил, рассказал, что по дороге с пути сбился и попал на украинскую границу. Его выпустили в Россию, но все деньги, продукты, одежду забрали. Даже подушечку, которая была под головой спящего Антошки, вытащили. Вот так «ненька» проводила детей своих. После границы Сергей гнал как сумасшедший. Говорит, когда увидел арку при въезде в Севастополь, остановил машину, чтобы выдохнуть, с силами собраться. Дверцу открыл, вышел, да упал. Ноги отказали. Шевельнуться не может. Антошка в машине спит, а отец у машины лежит. Очень он боялся, что сынок увидит его беспомощным и испугается. Благо, люди мимо ехали, остановились. Помогли. Довезли куда надо. Там их сначала в общежитии поселили, сказали, что помогут квартиру снять и оплачивать будут первое время. Сергей-то рукастый, работы не боится. Антошку сразу по врачам. Всё у них будет хорошо. Я знаю. *(Пауза.)* Ах, да! Я о Мурочке рассказывать начала. Так вот, когда Антошку вытащили из разрушенного дома и унесли, мы не сразу домой ушли. Огонь сбивали, чтобы дальше не перекинулся. Подошла я к сараю, на задворках он стоял. Крыша прогорела, вниз упала, внутри что-то догорает. Дверь я толкнула, оттуда кошечка выползает. Ушки обгоревшие, шкурка вся в подпалинах, на хвосте места живого нет. Держит она котеночка. Вот что значит мать. Сама горит, а малыша своего спасает. Головенка у него болтается из стороны в сторону, я уж грешным делом подумала, что задохнулся он в дыму. Подхватила, домой понесла. С довоенных времен мазь от ожогов осталась. Стала выхаживать кошачье семейство, и потихоньку,

потихоньку ожили они. Кошку назвала Мурочкой, а котенка Везунчик. Позже соседка его у меня выпросила. Говорит, одна осталась, так хоть живая душа рядом будет. Помнишь, мама, отец уже не вставал, кормила его с ложечки, он есть не хотел, отворачивался. Как-то Мурочка прыгнула к папе на кровать, обошла, обнюхала, улеглась рядышком и замурчала что-то на своем кошачьем языке, а папа вдруг улыбнулся, погладил ее. Она его лизнула. Признала хозяйна, так ты, папа, тогда сказал? Насмеялись мы! Через пару-тройку дней папа вдруг говорит: «Побрей-ка меня, дочка, а то совсем колючий стал». «Ты чего это, старый? Молодому завёл на девятом десятке?» — строго мама спрашивает, а сама мне подмигивает. «Девятый десяток не помеха. Завёл себе подружку, — отвечает, — рыженькую, а уж ласковую какую! Не чета тебе!» — и сам смеется. (Пауза.) Сейчас подумала, что даже в «серой зоне» люди находят пусть маленькую, но радость и находят повод пошутить. Без этого жизнь останавливается, душа уходит из человека...

Я уже говорила, что у нас не было электричества, а это значит, что ни телевизор не работал, ни радио, телефоны смотрели на нас черными экранами. Мы прислушивались к грохоту взрывов, пытаюсь понять, кто стреляет и куда. Каждый раз, когда мы собирались, чтобы сварить свою похлебку, баба Катя приносила потрепанные карты и раскидывала их. Любое гадание заканчивалось примерно так: «Точно вам говорю, война скоро кончится. Мои карты не врут. Видите короля? Он победит всю черноту пиковую. И еще по секрету вам скажу, ой, такое скажу, не поверите!» После этого она многозначительно замолкала, перекладывая карты с места на место. «Что скажешь-то? Не томи душу!» — спрашивали женщины, с любопытством заглядывая ей под руку. Баба Катя с серьезным видом отвечала: «А то и скажу, девки, как война закончится, замуж все выйдете, как одна!» «Девки», которым давненько перевалило за семьдесят, заходились хохотом: «Ой, Катька, юмористка ты!» Баба Катя ворчала: «Послал же бог мне соседок, дурёха на дурёхе. Мои карты точные,

как швейцарские часы. Если сказали, что замуж вам пора собираться, то собирайтесь, иначе счастье свое провороните». «За кого же замуж?» — смеялись женщины, смахивая слезы с глаз. «Тебе, — тыкала пальцем баба Катя в свою соседку, — достанется старичок. Где на вас всех молодых взять? Глуховат будет, но то тебе и хорошо будет». «Что же хорошего, коль глухой?» — возмущалась будущая невеста. «А то и хорошо, — отвечала Катя, — что материшься ты. Зачем мужчине на старости лет слушать матюки?» «А мне кто?» — со смехом спрашивала следующая. «Тебе однорукий брюнет, как ты любишь», — невозмутимо ответствовала гадалка. «Почему однорукий?» — обиженно фыркала женщина. «О, посмотрите на нее! — подбоченивалась баба Катя. — Мало ей брюнета, так подавай еще о двух руках и двух ногах! Тут либо брюнет, либо руки-ноги». «Мне там невеста не намечается?» — подмигивал Михалыч. Было ему уже за восемьдесят, но держался молодцом, любил побалагурить. Напоминал он мне деда Щукаря. «Какая невеста, стручок ты сушенный?» — задиристо шумели бабоньки. Михалыч им подмигивал: «Смастерить чего-то там приятное для женского пола оно, конечно, вряд ли у меня получится. Но подержаться за прелести ваши, мадамы, это я завсегда!» «Смотри, сослепу не промахнись!» — хохотали женщины. «Цыц! — сурово перебивала баба Катя, сосредоточенно глядя в карты. — Тебе, Михалыч, правду скажу, самую чистую правду. Будет у тебя невеста. Молодая, красивая, быстрая. Загляденье, а не невеста». «Та на кой мне молодая? — удивлялся Михалыч. — Что с ней делать буду?» «Это не ты, — вздыхала Катя, — а она с тобой. Горшки из-под тебя выносить. Старушке не по силам, а молодой — в самый раз». «Тьфу на тебя!» — наигранно сердился Михалыч. Обычно после такого веселого гадания женщины замолкали, пока кто-нибудь не скажет: «Ой, бабоньки, лишь бы наши хлопчики живыми вернулись с проклятой войны. Живыми...»

Как-то зашли к нам ополченцы, как я поняла, из разведки шли. Сколько счастья было, когда мы их увидели! Все бабки и деды со всех

ног бежали, чтобы поговорить с ними. У самих ничего не было, а все одно несли, кто что мог. Баба Нина всех удивила. Десять пар шерстяных носков, оказывается, связала для ребят. Чудные носки у неё получились. «То, что носочки пёстрые — не беда, — говорит, — главное — теплые. Связала из того, что насобираала дома. Зима придет, меня добрым словом вспомните. Я под обстрелом сижу в подвале и назло укропам носки вам вяжу. Они думают, что мы тут их боимся! Не боимся мы их. Встречу, скородой оприходу!» Посмеялись ребята, носки взяли, благодарили. Мы, конечно, расспрашивать стали, как дела на фронте, какие новости. Не скажу, что нас они успокоили, честно всё рассказали. Трудно воюют. Один шахтер, другой тракторист, третий на заводе слесарем работал. Из народа солдаты наши, защитники. Самого молодого Никитой зовут. Рассказал историю, что с ним приключилась. Бой был. Укропы жестко артиллерией обстреливали. Командир приказал отходить. Поползли они по «зеленке» под обстрелом, Никита отход прикрывал. Когда все отошли, пополз он. Темнеть стало, а укропы непрерывно стреляют. Уже и ночь наступила, Никита где пробежит, где проползет, от своих отстал. Под утро вышел к селу, на окраине которого стоял дом за высоким забором. Постучался. Ворота открыла женщина средних лет, окинула его с ног до головы взглядом. Тут он сообразил, что выглядит, мягко говоря, подозрительно: грязный камуфляж, на плече автомат, сумки с гранатами и под магазины и прочие нужные вещи в бою, я уж не помню, как они называются. Никита смутился: «Вы не бойтесь, я ополченец. Всю ночь по лесу шел. Заблудился. Подскажите, где я?» Женщина ответила, что он в Ростовской области. Никита за голову схватился: «Тудыть-растудыть! Это я государственную границу перешел!» Женщина шире распахнула ворота, приглашающе махнула рукой: «Проходи». «Вы, главное, не волнуйтесь, — бормочет Никита. — Я в бою был, наших прикрывал, вот и сбился в темноте с пути. Мне бы к нашим надо вернуться». Женщина улыбнулась: «У меня глаза есть, вижу,

что ополченец — на тебе георгиевская ленточка. Всю ночь грохотало, поняла, что бой идет. Проходи, разберемся». Завела она его в дом, дала спортивный костюм мужа, отправила душ принимать. Пока Никитка отмывался, приготовила завтрак. Когда он поел, спросила: «Как же нам тебя обратно отправить?» Никитка попросил вызвать участкового. Вскоре полицейский пришел. Увидел оружие, ахнул: «Что мне с тобой делать? Тебя арестовать надо!» «Вызывайте ФСБ», — попросил Никита. Вызвали. Очень быстро сотрудники службы безопасности приехали. Увезли Никиту к себе, долго вели допрос, всё выспрашивали, куда-то звонили, составили протокол. А потом уже доехали до границы, показали, где безопасный переход и рассказали, в каком направлении ему идти. Во всей этой истории Никитку поразила женщина. «Я понял, — заключил он свой рассказ, — мы одной крови. Моя мама поступила бы также». «Ой, сыночки, — запримечала баба Нина, — какой же злодей натравил брата на брата? Чтобы ему в аду гореть!» А я вспомнила свой разговор с двоюродной сестрой. Пока Таня жила в Луганске, были мы ближе, чем родные сестры. Но вот в 2012 году она переехала в Хмельницкую область к детям. Её сыновья там работу нашли. Несмотря на расстояние между нами, часто созванивались, делились бедами и радостями. Ближе подружки у меня никогда и не было. В конце мая четырнадцатого года я позвонила Тане, хотела успокоить её, сказать, что всё у нас нормально. Думала, переживает она, места себе не находит. Нас-то уже всю бомбили. Боже, что я услышала! Не поверила своим ушам: «Вы — предатели! Чтобы вы сдохли! Вы разваливаете Украину! Мало нам Крыма, так вы еще хвост подняли?!» Я лепечу в ответ: «Танечка, как ты можешь такое говорить? Мы же родные люди». «Теперь у тебя другие родные люди! — кричит она на меня. — На вас надо атомную бомбу сбросить!» — «Таня, очнись! Какая атомная бомба?! Если ее на нас кинуть, то и вам достанется». «Пусть мы сдохнем, но я буду знать, что вы все попередохнете!» Не знаю, что там делают с людьми. Не понимаю, почему близкий

родной человек желает тебе смерти. Да, папа, конечно, Танечка мне очень помогла, когда мой муж Леня погиб. Независимой стала Украина, настолько независимой, что закрывала шахты и заводы. А людям жить на что? Я в библиотеке работала, зарплату не платили. Стали наши мужики копанки рыть, уголь добывать и продавать. Шахтеры же они. Вдвоем с другом работал он. Завалило Леню, достали уже мертвого. Друг его на всю жизнь калекой остался. Ой, тяжело вспоминать... Танечка, как о беде узнала, сразу к нам приехала. Даже не знаю, если бы не она, что со мной было бы... Вытащила она меня. Из мрака вытащила. *(Пауза.)* Года через три её муж погиб. Сбил его «мерседес». Известное дело, кто тогда на таких машинах раскатывал. Сбил и уехал. Люди вызвали «скорую». Танечке позвонили из больницы, чтобы принесла деньги на операцию. Пока она бежала, искала деньги, занимала, муж умер. Горе... Да еще какое... Винула она себя, что не успела деньги принести... Остались мы с ней вдовами. Помогали друг другу, как могли. Мы-то жили с огорода, вот и посылала ей и ее ребяташкам овощи и фрукты. Очень мальчишки любили наши яблоки. Как еду к Танюше, так и везу ведро яблок. Руки отваливаются от тяжести, надо же еще и картошку ей привезти, и курицу, и яйца. Даже сумку с колесиками купила, чтобы побольше привезти ребяташкам. Риточка, когда поступила в университет, Танюша ей как родная мать была, и мне спокойно: не одна доченька в городе, всё-таки два брата и тетка в любой момент помогут. А вот как обернулось. Атомную бомбу хочет на нас скинуть... Киевские власти в том же 14-м году строили забор, чтобы отгородиться от России. Но они строили забор между родными людьми, колючей проволокой обвязывали их души, отравляли ненавистью, вскармливая злобой... Хорошо, мама, не буду о плохом. Знаешь, я сейчас подумала, как хорошо было в Союзе. Для нас не имело значения, кто какой национальности, кто на каком языке говорит. Это величайшее счастье, когда ты равный среди равных. То самое братство народов... В нашей школе праздник устраивали, как-то он назывался...

о, не вспомнить сейчас, но что-то типа День национальной культуры. С невероятным азартом мы учили песни на языках народов Советского Союза. Настя пела татарскую песню, Вовка Зайчиков танцевал лезгинку. Ох, как станцевал! Все девчонки в него влюбились. Помнишь, мама, со мной учился Янко? Он пел тогда цыганскую песню. И русские песни были, и украинские, короче говоря, песни всех пятнадцати республик.

Да... хорошее время было. Светлое. Искреннее. *(Пауза.)* Еще запомнились Уроки мужества перед каждым 9 Мая. Приходили к нам в класс ветераны Великой Отечественной. Один из таких уроков врезался в память. Первый мужчина был красавец, высокий, стройный, в военной форме с орденами и медалями. Молодой. Во время войны родители его погибли и стал он сыном полка. Как рассказывал! Мы заслушались! Смешно фашистов изображал, рассказывал, как «языка» брали, как в разведку ходили, обманывая фрицев. Мы хохотали в голос от его рассказов. Второй же был неказистый мужичок в простом костюме. Очень скромный. Работал то ли трактористом, то ли комбайнером в совхозе. Наша классная руководительница говорит ему: «Теперь вы, Николай Петрович, расскажите ребятам о войне, как воевали». Он встал, помолчал, а потом сказал: «Не знаю, что рассказать. Не помню смешных историй. Я в пехоте воевал. Одно могу сказать, война — это грязь, это боль, это трудно и очень страшно». И сел на стул. В классе возникла звенящая тишина. Мы вдруг поняли, что война — это не кино, не веселая прогулка, где ты неустранимый герой, а враг — малодушный хлюпик. Несколько слов скромного человека дали нам ощутить весь ужас войны и ценность, как тогда говорили, мирного неба над головой. *(Пауза.)* Мирного неба, а не потолка подвала, в котором я пряталась от бомбежек. Простите меня, простите меня, папа и мама, что я пряталась, а вас бросала в доме. Но по-другому я не могла. Не могла! Если бы меня убило или сильно ранило, как бы вы были?! Оба лежачие. Мне вас не стянуть в подвал и не поднять из него...

Накрывала матрасами сверху, а сама бежала в подвал. А там, в темноте, сидела и молилась... Молилась, чтобы вы остались живы, чтобы снаряд мимо дома пролетел. Да, папочка, ты каждый раз мне говорил, чтобы я не забыла Мурочку взять с собой. Я ее обнимала, слезы от страха за вас бегут, а я молюсь... Еще я там читала стихи любимой Ахматовой:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки.

Детства у вас не было, пришлось оно на войну. И старость обстреляна снарядами, разорвана бомбами, изрешечена автоматными очередями.

Да, папочка, когда ты умер, я тебя не во дворе похоронила, как все тогда делали. Положила на твою любимую тележку, ту, что во дворе стояла, и повезла на кладбище. Везу тебя, а тут новый обстрел. Куда прятаться? Некуда. Я под ту тележку и залезла. Потом посмотрела, а в тебя, папочка, осколок попал. Ты меня даже мертвый спас... На кладбище всё было разворочено взрывами, вот в одну из воронок я тебя

и похоронила. Через два дня мамы не стало. Да, мамочка, не смогла ты без папы жить.... Тебя я тоже на тележке отвезла на кладбище, рядом с папой сейчас лежишь. Война закончится, памятник вам поставим. Приметный камень на вашу могилку положила. После ремонта у нас краска осталась, лет пять в сарае стояла, ей и написала, что вы тут, мои родные... Не потеряется камень и могилка не будет заброшена. Осталась я одна... В подвал перестала спускаться. Какое-то равнодушие напало. Устала бояться. Но вот во время обстрелов у меня компания появлялась. Да еще какая! Я говорила, что укропы от нас были через лесополосу. Как они начинают стрелять, вся живность: сороки, перепелки, зайцы, лисы к нам бегут, в дома, где люди живут. В окна бьются, в двери заскакивают, к человеку жмутся, защиты просят. Под стул забираются, на котором я сидела, дрожат, глазенки испуганные. Жалко их до слез... Обстрел заканчивается, уходит зверье, к себе домой...

Сейчас бомбить меньше стали. Поеду к доченьке и внуку. Как хочется пожить в нормальных условиях, душ принять, на кухне с чайком посидеть... Не думала никогда, что такие простые вещи могут быть счастьем.

О, кажется, Риточка приехала на машине. Простилась я с вами, мои дорогие папа и мама... Поеду... Мурочку, главное, не забыть.

*Берет чемодан и корзинку, уходит.
Слышны звуки обстрела*

Конец.

Октябрь 2022 г.

Светлана ГУРОВА

Преподаватель русского языка как иностранного в УрГЭУ, г. Екатеринбург. Драматург (театральная школа Н. Коляды). Финалист конкурса «Герой» — 2022, лето, Творческая среда «Монолит».

БОЛЬ

Комната допроса в СБУ. Она оборудована наспех, в почти разрушенном здании бывшего детского садика в Славянске.

На стенах следы от пуль. Но окна и двери целые. В комнате стоит стол и стул, те, которые сохранились здесь после боев. Дверь в комнату закрыта.

С другой стороны стоит часовой с оружием. Так положено по всем законам военной науки. За столом сидит молодой штабной офицер. Нет, скорее офицерик.

Сегодня его первый допрос, и он очень стесняется своей молодости и боится сделать что-нибудь неправильно. Поэтому он старательно прячет мальчишку под нахмуренными бровями и так же старательно басит.

О Ф И Ц Е Р: *Фамилия. Имя. Отчество. Номер части. Должность.*

Перед ним на стуле со связанными руками сидит крупная женщина в грязном камуфляже, тяжелых берцах с перебинтованной головой. На камуфляже и бинтах засохли пятна крови. Это боец ДНР. Она молчит и сверлит взглядом офицера. Взгляд

этот непонятный какой-то: в нем то ли ненависть, то ли жалость, то ли еще что-то. Вот это что-то и заставляет офицера чувствовать себя нашкодившим мальчишкой. Оттого он непроизвольно краснеет, старательно хмурит свои выгоревшие на солнце брови и басит, стараясь придать голосу брутальность.

Фамилия. Имя. Отчество. Номер части. Должность.

Женщина молчит.

Фамилия. Имя. Отчество. Номер части. Должность. Быстро.

Женщина открывает рот. Она хочет что-то сказать. Офицер радуется как ребенок: наконец-то она заговорила, и ему даже не придется ее бить. Это было бы совсем невыносимо.

Ж Е Н Щ И Н А: *Слушай. Закурить есть? Тошнит меня. Башка кружится. Да не ссы ты. Расскажу я. Все я тебе расскажу. Только сигарету дай. И руки мне развяжи. Я же в глотку не вцеплюсь.*

Офицер развязывает ей руки и дает закурить. Она затягивается и неожиданно кашляет как кашляют люди никогда не курившие. Она чертыхается и тушит сигарету.

А еще говорят, что курево помогает. Я тебе так скажу. Нихера оно не помогает. Даже от комаров не спасает. Вот я... всю жизнь ненавидела... не переносила запах табака. А теперь курить хочется до остервенения. Только организм все равно не принимает.

Пауза.

Что ты знать хочешь? Куда я шла?

Офицер кивает головой.

Я тебе все расскажу. Только давай с самого начала. Вот прямо с самого начала.

Офицер садится за стол и берет ручку. Он поднимает голову и в ожидании смотрит на женщину.

Что смотришь? Противно? Типа баба какая-то грязная сидит. Воняет от нее хрен знает чем. А ты что думаешь? Ты думаешь, я всегда такая была? Да я месяц назад еще в самом страшном сне даже представить себе не могла, что буду спать в обнимку с автоматом. Это я — преподаватель колледжа — блядь! — русского языка и литературы, буду по звуку определять куда упадет снаряд. Я, чистоплюйка до мозга костей, неделями белье не буду менять. Да что с тебя взять?! Ты все равно не поймешь. Молодой ты еще. Совсем молодой.

Пауза.

Как Ванечка мой. У тебя вон тоже как у него вместо усов пушок еще. И брови такие же. На солнце выгоревшие.

Офицер краснеет.

О Ф И Ц Е Р: Фамилия. Имя. Отчество. Номер части. Должность.

Пауза.

И сына тоже.

Женщина растирает свои руки, потом трогает забинтованную голову.

Ж Е Н Щ И Н А: Сволочь.

Офицер подскакивает.

Да не ты сволочь. Голова, зараза, болит. Тебе сколько лет? Да. Можешь не отвечать. Лет двадцать, наверное.

Пауза.

А я в двадцать лет уже мамой была. Ну, точно! Ванька как раз через неделю после моего дня рождения и родился. Подарок мой на двадцатилетие. Он же у меня спокойный был. Улыбался все время. Солнышко мое кудрявое. Сколько он мне счастья подарил за свою жизнь.

Женщина улыбается своим мыслям. Лицо ее становится мягче.

Слушай! Я с ним к гинекологу пришла. Ему год был. Всего лишь. Нет. Ну ты представляешь? С ребенком к гинекологу. Мы ж с ним тогда вдвоем жили, оставить-то не с кем было. Вот и таскала везде с собой. А там. Под кабинетом тетки сидят. На аборт.

Офицер краснеет.

Да не смущайся ты. Дело житейское. А только тетку Ваньку моего увидели, встали и с аборта поуходили. Все такого же Ваньку захотели.

Пауза. Лицо женщины темнеет, становится жестче.

А только ведь такого больше не может быть. Он же МОЙ Ванька.

Пауза.

А теперь и у меня его нет. Убили моего Ванечку. Месяц назад. В плен взяли на блокпосту. И убили. Ваши убили. Азовцы.

О Ф И Ц Е Р: Я не азовец. Я кадровый офицер.

Ж Е Н Щ И Н А: Да один хрен. Вы же все одинаковые. Вы же только с пацанами воевать можете.

Женщина ожесточается, она с ненавистью смотрит на офицера.

Что зенки вылупил? Ударить хочешь? Так бей, сука.

Женщина кричит.

Что ты, сопля зеленая, сделать мне можешь? Мне же теперь ничего не страшно. Бей, тварь укровская.

На крик заглядывает часовой. Офицер машет рукой, и часовой закрывает дверь. Ненависть захлестывает женщину, бьется у нее в горле.

Что ты мне сделать можешь? Ты знаешь, что такое матери сына своего изуродованного увидеть? Их же в степи бросили. Убили и бросили. Как мусор бросили. Ты у матери своей спроси. Потом. Когда тебя домой в гробу привезут. Ты вот и спроси ее тогда: каково это?

Ненависть оставляет женщину, она вся как-то сникает.

У тебя хоть гроб будет. Цинковый. Если повезет. А у наших пацанов гробов не было.

Пауза.

Мы же как думали-то. Помитингуют, поорут, на майдане поскачут, да покрышки пожгут. Это ж святое дело. Власть-то, между нами говоря, говно была. А потом автономии нам дадут и все у нас по-старому будет. Я опять в колледж свои лекции читать да семинары проводить. Думали: может зарплату нормальную сделают. В гривнах, конечно.

Пауза.

Мальчишки наши вернуться к делам своим мальчишеским. А какие у них еще могут быть дела? Они же мальчишки. Им всего...как тебе...20 лет.

Пауза.

Что смотришь? Не туда бабу понесло? Скажешь: какого хрена ты мне все это рассказываешь? Так ты без этого-то не поймешь, куда я шла и зачем.

Офицер вспоминает, что вообще-то сейчас допрос.

О Ф И Ц Е Р: Фамилия. Имя. Отчество. Номер части. Должность. Цель проникновения в наш тыл. Говорить будешь?

Ж Е Н Щ И Н А: А ты мне не тыкай. Со-сунок.

Женщина выпрямляется на стуле.

Офицер чувствует себя как провинившийся школьник перед классной руководительницей.

О Ф И Ц Е Р: Отвечай...те по существу.

Ж Е Н Щ И Н А: А я тебе по существу и говорю.

Пауза.

Я тебе говорю: когда я Ваньку увидела на площади, у меня же тогда вот здесь (*показывает на грудь*) что-то разорвалось и стукком боли запеклось. И болит, сука, день и ночь.

Я же курить тогда начала. Думала...говорили, что поможет. Я же от ненависти захлебнулась боялась. Я и материться тогда научилась. Учитель великого и могучего... Да не получается у меня материться.

Женищина закашливается, закрывает рот рукой, сплевывает мокроту и поднимает голову. Она сверлит взглядом офицера, а тот ерзает на стуле. Он же еще не забыл школу и институт. Сейчас ему кажется, что он не выучил урок и вот прямо сейчас ему в дневник влепят двойку.

О Ф И Ц Е Р: Фамилия. Имя. Отчество. Номер части. Быстро.

Сейчас все выглядит так как будто это она проводит допрос. И некуда деться от ее тяжелого, испытующего взгляда.

Ж Е Н Щ И Н А: А может, это ТЫ его? Нука в глаза мне, сучонок, смотри. Что глазенки-то отводишь?

Пауза.

Ссышь? Правильно делаешь.

Офицер заерзал. Потом встал и сделал шаг к окну, чтобы только не смотреть в ее глаза. А женищина ухмыльнулась. И от ухмылки у него во рту стало горько и противно.

Не боись. Не трону. Я умереть не могу. Пока. Мне надо дело сделать.

О Ф И Ц Е Р: Какое дело? Зачем в наш тыл шли?

Ж Е Н Щ И Н А: Да подожди. Расскажу. Дай мне только выговориться. Ты понимаешь? Мне выговориться надо. А то не выдержу я. У меня же вот тут (*показывает на грудь*) все ноет и болит. Болит и ноет. Ну я же как Ванькины волосы белые увидела...от него же...от Ваньки моего... только волосы...одни и остались. Я же его по ним и узнала. Я тогда ненавистью к вашей сраной Украине чуть не

захлебнулась. Вот эта ненависть мне в сердце и долбанула. И долбит до сих пор.

Пауза.

А ты почему не пишешь ничего? Все на допросах пишут. А ты филонишь. Как потом перед начальством отчитываться будешь? Бери ручку. Пиши.

Офицер берет ручку как ученик и начинает писать. Потом спохватывается. Сильно краснеет от злости на себя.

О Ф И Ц Е Р: Не смей мне указывать. Вы — военнопленная. Вы на допросе, между прочим, а не в школе. Отвечать на мои вопросы.

Ж Е Н Щ И Н А: Да вопросы у тебя дурацкие. (*Передразнивает.*) Фамилия. Имя Отчество. Должность. Да какая у меня, блядь, должность. Мать я. Ополченка я. Ну, когда в окопы я ушла, тогда ополченкой и стала. Нас там много таких было. Пряма на площади записывались.

Пауза.

Когда мальчишек наших изуродованных принесли, там толпа бесновалась. Тогда все как безумные на крови клялись. Как в советских фильмах. Помнишь?

Пауза.

Да не помнишь ты. Ты их не смотрел. Мы клялись: кровь за кровь, смерть за смерть до последнего вздоха, до последнего врага. Там деды столетние с берданками своими клялись за внуков отомстить. Кровь за кровь. Смерть за смерть. И я, баба, клялась самой страшной клятвой. На крови сына своего.

Женищина снова захлебывается ненавистью и кричит так, что часовой снова вбегает в комнату.

Бойтесь...твари...бойтесь. Я-то здесь. А они-то там...

Офицер плескает воду ей в лицо.

Она резко сникает. Как будто из нее выпустили воздух. И сразу становится лет на двадцать старше. Часовой выходит и закрывает дверь.

Да, ладно, не бойся. Отвоевалась я. Я же тебе говорю. Дело у меня личное. Я ДОЛЖНА. Понимаешь? Должна его сделать.

Женщина обхватывает голову руками и раскачивается.

Блин! Как тошнит меня. Как тошнит от жизни этой. Всё кровью пахнет. Руки, степь, волосы. Всё кровью пахнет.

Она убирает руки, поднимает голову и смотрит на офицера устало и безнадежно.

А ты знаешь? Я ведь ни разу не промахнулась.

Пауза

А только легче-то не становится. Вот ты убиваешь, убиваешь. А комок. Он как вот тут (*показывает на грудь*) стоял, так и стоит. И болит, падла, болит. И ноет. По ночам ноет.

Пауза.

Мы наступления ждали. Мы же им так горели. Наступлением этим. Мечтали о нем! Рядом со мной старик сидел, древний такой, фронтовик, кажется, он всё штык-нож точил. Типа врукопашную пойду, лицом к лицу с врагом, с фашистами укровскими. С вашими, значит. Блин! Герои Новороссии. Мы ж думали, как в фильмах, советских, лицом к лицу. Сразу за наших пацанов отомстим. Ножами. Зубами. Когтями.

Пауза.

А тут нам — оба-на! — приказ. Отход. Получите вместо наступления. Типа «вый-

ти из осажденного города с сохранением боеспособности частей». Это как? Я тебя спрашиваю. Это как? То есть мы — ополченцы — должны уйти? Мы же город свой должны защищать.

О Ф И Ц Е Р: От кого защищать?

Ж Е Н Щ И Н А: От вас.

О Ф И Ц Е Р: Зачем?

Ж Е Н Щ И Н А: Так вы же первые начали. Это же вы наших мальчишек...тогда в степи бросили. Бомбили нас. Я вот другого не пойму.

Пауза.

У тебя-то откуда ненависть? К кому? Ненависть? Ну у меня-то ладно. У меня сына убили. А вот у тебя? У тебя она откуда? Ты же ничего еще в жизни не видел. Тебе любить надо. На танцульки ходить. С девчонками встречаться. Стихи писать.

Пауза.

Как Ванечка мой писал.

О Ф И Ц Е Р: На русском? Стихи-то писал?

Ж Е Н Щ И Н А: А какая разница...на каком? Главное жить и любить.

Пауза

Да к чему это я? А. Мы ночью выдвинулись. Мы же больше не ополченцы. Мы же теперь солдаты армии ДНР. А солдаты... они не ополченцы... они приказам подчиняются.

Офицер встрепенулся. Наконец-то!

О Ф И Ц Е Р: Фамилия. Имя. Отчество. Номер части. Должность.

Ж Е Н Щ И Н А: А больше тебе ничего не надо? Что вылупился-то? Ты прямо думаешь: сейчас она мне все скажет. Начальству доложу. Звездочки на погоны получу. К мамкиной титьке сбегу. А хер тебе.

Женщина показывает ему дулю.

Вот хер я тебе скажу. Что? Ударить хочешь?

Офицер покраснел как рак. Он вскочил из-за стола. Стукнуть бы эту наглую бабу.

Ну на. Бей! Я же солдат! Бей!

Пауза.

А мать свою тоже бить будешь?

О Ф И Ц Е Р: Ее не за что. Она по окопам не шляется.

Ж Е Н Щ И Н А: А. Понятно. Вы с ней одной масти. Повезло тебе, парень.

Пауза.

Ну а если бы нет? А если бы вот она сейчас перед тобой сидела? Ты бы ударил? Ну за Украину свою? Ударил? Да?

О Ф И Ц Е Р: Ударил. За Украину да. Сепаратистка мне не мать.

Ж Е Н Щ И Н А: У! А фамилия-то у тебя, смотрю, русская.

Пауза.

А у меня украинская.

О Ф И Ц Е Р: Какая?

Ж Е Н Щ И Н А: А хер я тебе скажу. Позывной у меня. Волчица. Понял? Волчица я. И жалею я, знаешь, о чем?

О Ф И Ц Е Р: И о чем же это?

Ж Е Н Щ И Н А: Да о том, что не первая я шла. А последняя. А то бы я ваших побольше ухайдакала. Тогда бы другие были живы. А так что? Один раз выстрелила. И по башке мне прилетело. Саперной лопаткой, наверное, били. Я сознание и потеряла. Сейчас только голова болит. Сволочь! Не вовремя.

О Ф И Ц Е Р: Я последний раз спрашиваю: фамилия, имя, отчество. Номер части. Должность. Цель.

Ж Е Н Щ И Н А: Мне тогда мой Ванечка привиделся. Мальчик у меня такой красивый был. И он снова уходил от меня на войну. На

эту никому не нужную войну. Чтобы там погибнуть. Ты понимаешь? Мне надо было его остановить. Ну, чтобы он не ушел и не погиб. Вот я за ним и рванулась.

Пауза.

Ну и очнулась.

Пауза.

Жарища.

Пауза.

А ты хоть знаешь как это в степи по жаре с башкой окровавленной лежать?

Пауза.

Да где тебе? Ты же штабной. Ты, наверное, и автомат-то в руках не держал.

О Ф И Ц Е Р: Я — кадровый офицер.

Ж Е Н Щ И Н А: А! Значит селфи делал. На фоне окопов, поди?

Пауза.

А ты бы вот там с автоматом пообнимался. Когда жара 40, пыль угольная по степи летает. А ты лежишь и часами в прицел смотришь. А степь раньше полынью пахла, а сейчас она кровью воняет. И мясом тухлым.

О Ф И Ц Е Р: Я не знаю.

Ж Е Н Щ И Н А: Конечно, не знаешь. И дай бог, чтобы не узнал. Ты вон к мамочке своей под крылышко вернешься. Живым. На боевые квартиру себе купите. И заживете.

Пауза.

А вот мой Ванька не вернется. Он же не в штабе сидел. Он даже военным не был. Он просто стоял на блокпосту. А вы его убили. И я вас, суки, спрашиваю: за что? Что он вам сделал? Что он вот тебе лично сделал? А мальчишки наши. Они-то вам что сделали?

*Офицер не знает, что сказать.
Есть вопросы, на которые нет ответа.
Лучше вообще над ними не думать и еще
лучше их не задавать.*

Сказать тебе нечего. Думаешь, наверное, вот тетка — дура. Разговорились здесь. Пургу какую-то несет. Я ж понимаю. Тебе перед начальством выслужиться надо. Ты же думал, наверное, снайпера поймали. Сейчас как все расскажет!

Пауза.

Да только не снайпер я. А простая баба. Баба, у которой был сын, а теперь его нет.

*Пауза. И опять ненависть закипает
в женщине. От бессилия.*

А все Украина ваша. Сраная. АТОшники, твари. И ты, погань, сидишь здесь передо мной. Чистенький весь. Живой, гад.

*Ненависть внезапно угасает.
Перед ней же просто мальчишка.
Такой же, как ее студенты. Как сын
был. И он точно так же краснеет,
кусает губы и сдерживается, чтобы
не наругать. Мальчишка.
Какой же он еще мальчишка.*

Пить мне дай.

О Ф И Ц Е Р: Назовешь фамилию, имя, номер части и должность, дам.

Ж Е Н Щ И Н А: Жалко значит. Ты думаешь быстрее сдамся. Да не знаю я ничего. Я ж тебе не генерал. Даже не офицер. Солдат я. Баба я. Мать, значит.

Пауза.

Ты вот понимаешь? Очнулась я. Лежу на самом солнцепеке. А во рту пустыня. И в ушах звенит. А главное: кровью все пахнет.

Пауза.

Как же кровью-то противно пахнет. Ну, я за фляжку, а она — блядь! Пробита. И воды нема. И наших нет. Черт его знает где они? Может, ушли. Может, вернуться. Мы же вроде как своих не бросаем.

О Ф И Ц Е Р: Это мы своих не бросаем.

Ж Е Н Щ И Н А: Ха! И вы тоже? Ну и какая между нами разница? Что нам делить?

Пауза.

А делить-то нам нечего.

Пауза

Ну так вот, там в степи, прямо передо мной парень лежал. Главное, фляжка у него целая была. Не дырявая. И хочу тебе сказать... вкуснее той воды я ничего в жизни не пила.

*Пауза. Лицо женщины смягчается. И перед
офицером сидит просто женщина лет 40,
уставшая до смерти.*

Разве что еще до войны. В Киеве. Там на Крещатике магазинчик есть...был...так там вода...

Пауза.

Какая же у вас в Киеве вода вкусная!

Пауза.

Как же хочется туфельки надеть на каблучках... Платье шелковое... Да вечером по проспекту пройтись. С Ванечкой под ручку.

Пауза. Женщина снова на глазах стареет.

Да только нет теперь Ванечки. И берцы эти, тяжелые, надоели. Как же они мне надоели!

Пауза.

Я в душ хочу.

О Ф И Ц Е Р: Я вас еще раз спрашиваю. Фамилия. Имя. Отчество. Номер части. Должность.

Офицер устал. И брутальность слезла с него как слезает обгоревшая на солнце кожа. Как же он устал! Как же хочется домой, к маме. Женищина не слышит его. Она в своих мыслях. Ей нужно выговориться. До конца. До последней точки.

Ж Е Н Щ И Н А: Парень тот, с фляжкой, из ваших был. Форма на нем солдатская, типовая. У наших-то солянка сборная, а ваши по всем правилам одеты. Я тогда сразу поняла, что это он меня приложил. И лопатка саперная тут же валялась.

Пауза.

Я ему в рожу и плюнула. За Ванечку своего. За себя. Грязную и вонючую. А толку-то? Он же все равно мертвый. Хоть заплюйся.

Пауза.

Слушай. Я вот раньше не верила. Ребятам читала книжки про войну. Там же все время про ненависть к врагу пишут. Я сама не верила. Ну, скажи, как можно ненавидеть человека, если ты его первый раз в жизни видишь? А вот этого парня, который передо мной лежал, я ненавидела. Люто так ненавидела. А почему? Сама не понимаю. А еще, знаешь, я там, в степи поняла, что мы никакие не высшие существа. Мы просто животные и самый главный инстинкт у нас знаешь какой?

О Ф И Ц Е Р: Ну и какой?

Ж Е Н Щ И Н А: Самосохранения. Мы все делаем для того, чтобы жить. Понимаешь? Мы все хотим жить.

Пауза.

К чему это я?

Пауза.

А к тому, что в степи там одна я осталась. А если бы ваши на меня выскочили? А? То-то и оно. А у меня пусто. Патронов нет. Ничего

нет, кроме ненависти моей. А у парня этого и гранаты, аж целых три штуки, да патронов полный магазин.

Пауза.

Если не отобьюсь, то хоть за Ваньку отомщу... да и сама... себе...

Женищина потирает руки, потом берется за голову. Она у нее сильно болит. И главное пить хочется.

Воды мне дай. Пожалуйста.

Офицер не двигается с места. Вот сейчас без воды она сломается и, наконец, скажет что-нибудь полезное. Так написано в правилах ведения допросов.

Не дашь. Думаешь сломаюсь. Все секреты тебе расскажу.

Пауза

Я тебе кто? Генералитет, что ли? Я — просто солдат. Из тех, которые вшей в окопах кормят. Это же ты вон штабной. Чистенький весь. Много знаешь, наверное.

Пауза.

Мальчишка ты. Я бы тебе и номер части назвала. И должность свою. Да только мы ж два дня как солдаты. Армия ДНР, блин. А до этого мы кто были?

Пауза.

Ополченцы. Без номеров частей и погонов. Да и какая разница кем умирать — солдатом или ополченцем.

Офицер дает ей воду. Она пьет жадно, захлеб, потом вытирает губы рукавом.

Устал слушать? Да немного осталось.

Короче. Никто на меня тогда не вышел. И нашим, и вашим похер все. А парень-то этот передо мной лежал. Близко так. И глаза у него синие-синие. И волосы как у моего Ваньки белые. И брови, как у тебя... на солнце выгоревшие.

Пауза.

Я вот тогда и подумала. Первый раз за всю войну подумала. А зачем он здесь? У него, наверное, мать есть. Девушка. Он, может, учился. И дети у него были бы красивые, синеглазые такие. И беленькие.

Пауза.

Ты знаешь какие бы у меня внуки были красивые. Я бы с ними в Киев ездила. На Крещатике мороженым бы кормила. Вершковым. А по воскресеньям я бы с ними вареники лепила...с вишнями.

Пауза.

Только не будет у меня внуков. Никогда.

Пауза.

И у матери парня этого тоже их не будет никогда.

Пауза.

И это я его убила. Больше-то некому. И сгинем мы с ним здесь, в этой степи донецкой. Если повезет, то бросят нас в общую могилу и закопают... как собак бездомных закапывают. И всё! Был человек. И нет человека.

Пауза.

Как же несправедливо это! Вроде бы ты жил... а от тебя ничего... ничегошеньки не осталось. Даже креста на могилке.

Женщина поднимает голову.

По ее щекам текут слезы.

Офицеру становится не по себе.

Невозможно смотреть, как плачут женщины, даже если они в берцах и камуфляже.

Он не знает, что сказать и что сделать.

Что вообще нужно делать в таких случаях.

В Правилах ведения допросов ничего не написано.

Что смотришь? Оказывается, Волчицы тоже могут плакать. Я-то думала, что не могу. Что больше никогда не буду плакать. Сгорело все во мне. А оказывается могу. Я же там в степи над пацаном этим и заплакала.

Пауза.

И не стыдно мне. Ни капли ни стыдно. И что из того, что я боец армии ДНР?

Пауза.

Баба я. Просто баба. И тогда над ним, над парнем этим я поняла, что не могу... не дам ему уйти безымянным. Я вылезу. Я выживу. Я же должна его матери сказать, где он убит... где ей могилу искать.

Пауза. Женщина испытующе смотрит на офицера.

Ты понимаешь? Я-то своего Ванечку сама хоронила. А ей каково?

Пауза.

Я его там и похоронила. Карманы осмотрела и похоронила. Не было у него ничего в карманах. Разведка, наверное. Они без документов ходят. Только листок бумаги нашла... он у тебя на столе лежит.

Пауза.

Ты же читал?

Пауза.

Нет? А я вот его наизусть помню. Это же как будто мой Ванечка писал.

Женщина читает.

«Милая моя Танечка. Я не сказал тебе, как я тебя люблю. Я и сам тогда этого не понимал. А сейчас я лежу на голой земле в степи. Надо мной звездное небо. Кажется, что нет войны, а я лежу просто в саду и мечтаю о тебе. Зачем мы здесь? Голодаем, не моемся, спим на голой земле. Зачем? Завтра снова будет атака. Значит, снова надо будет стрелять. В кого? Значит, снова надо будет убивать. Кого? Знаешь, я больше всего жалею о том, что не успел познакомить тебя со своей мамой. Познакомься с ней сама. Скажи, что ты моя невеста. А я скоро вернусь — мне только месяц остался — и мы отпразднуем нашу свадьбу. А ты вместе с мамой встретишь меня. Помнишь, как в «Грозовых воротах»? С твоего Днепропетровска к нам ходит автобус. А дальше найдешь. Мою маму зовут Ольга Николаевна, и адрес я тебе сейчас пишу: Кривой Рог, ул. Мелешкина...»

Женщина замолкает.

Там кровью дальше все залито. Я же метко стреляю. Я ж ни разу не промахнулась. Черт бы меня побрал!

Пауза.

Теперь ты понимаешь? Я должна дойти до Кривого Рога. Я клятву на его могиле дала. Я должна. Понимаешь? Должна. Пройти каждый дом, каждую квартиру и найти его мать. Я поклялась рассказать ей как хоронила ее мальчика. Я же там могилку приметной сделала.

Пауза.

Вы ж меня расстреляете. Я же понимаю. Я все понимаю. Только мне все равно. Главное, вы в боль мою целитесь. Она вот тут у меня. Мне не страшно. Мне уже ничего не страшно.

Пауза.

Вы только найдите... найди мать этого парня. Ты же СБУшник. Он ваш. Ты сможешь. Я не смогла, а ты сможешь. Я координаты могилки его тебе напишу. И ты найдешь. Матери передашь.

Пауза.

Офицерской честью поклянись, что найдешь.

Пауза

Если она у тебя еще осталась.

ПАМЯТЬ. НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ГЕРОИ

Документалистика

Донбасс
ПАМЯТЬ. НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ГЕРОИ

Вячеслав ЛАШКУЛ

Является учёным секретарём Общества изучения истории отечественных спецслужб. Первая книга, которую Вячеслав Фёдорович написал в соавторстве, это солидный пятисотстраничный том «Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР». В книге со скрупулёзной точностью воспроизведён ход событий тех трагических и неоднозначных событий полувековой давности. Участвовал в работе над шеститомником «Очерки истории отечественных спецслужб». Впоследствии из-под его пера вышли книги: «Украина. Братоубийственная война», «Сирийский набат» и «Куда плывёт Остров Свободы». Член Союза писателей России.

СЫН ШАХТЕРСКОГО КРАЯ

Наш земляк, журналист-международник, рассказывает о военном и государственном деятеле Александре Захарченко

31 августа 2018 г. в столице ДНР Донецке было совершено покушение на лидера этой республики, популярного военного и государственного деятеля Александра Захарченко. В этом теракте он погиб. В середине сентября минувшего года временно исполнявший обязанности главы Донецкой Народной Республики Денис Пушилин заявил, что убийство главы ДНР Александра Захарченко было совершено «при участии пятого департамента ДКР СБУ». Он также отметил, что «в результате дальнейшей работы спецслужб, анализа остатков взрывного устройства выявлены высокие технологии, не применяемые ранее СБУ». А это «дает понимание, что данный теракт совершен при содействии западных спецслужб».

Ещё до нынешней гражданской войны на Юго-Востоке Украины, в столице Донецкой тогда области, был воздвигнут впечатляющий

памятник главному труженику этого ухоженного и поистине чарующего края — шахтёру. На пьедестале — горняк (в простецкой спецодежде и каске) держит в протянутой руке кусок добытого им угля, который здесь означает многое: тепло, свет, благополучие... Это творение скульптора Константина Ракитянского стало популярным символом работяги Донбасса. И остается им поныне.

Возвращаясь в Донецк после своих зарубежных командировок по «горячим точкам» планеты, я непременно добираюсь и сюда, чтобы снова взглянуть на гениальную скульптуру с гордой надписью «Слава шахтерскому труду». После провозглашения Донецкой Народной Республики и, в частности, избрания её главой Александра Владимировича Захарченко мне увиделась волнующая схожесть судьбы этого лидера ДНР со скульптурным воплощением главного труженика Донбасса.

Александр родился в Донецке 26 июня 1976 г. Выростал в семье шахтера с 35-летним трудовым стажем. Учился в донецкой общеобразовательной школе № 4, а вопрос о выборе профессии не стал для него проблемным. Он с отличием окончил техникум промышленной автоматики и приступил к работе на шахте горным мастером. Именно там ковались его умение работать с людьми, выдержка, уважение к людям труда. И ещё — стремление постоять за справедливость. Не исключено, что это один из побудительных мотивов, приведших его к поступлению в юридический институт МВД Украины. Завершить вуз не удалось, ибо пришлось зарабатывать на жизнь. Некоторое время Александр занимался предпринимательской деятельностью в угольной промышленности. При этом он не мог оставаться беспристрастным к пагубным переменам в родной республике после распада СССР, провозгласившей себя ничтоже сумняшеся независимой от России и славянского мира.

В 2010 году Александр Захарченко возглавляет созданный в Донецке филиал Харьковской общественной организации «Оплот». Во имя чего? В годину того экономического и политического раздора, который царил тогда и, кстати, продолжается до сих пор, «Оплот» ставил целью бороться с героизацией бандеровцев, оказывать социальную, финансовую, юридическую и психологическую помощь милиционерам, погибшим в борьбе с преступностью. И не только. «Оплот» следил за поддержанием в надлежащем состоянии памятников Великой Отечественной войны.

Понятие Родина для Захарченко было сокровенным. Отвечая однажды на вопрос пытливых СМИ о его убеждениях, он пояснил:

«Я православный, хожу в церковь, для себя считаю, что единственная церковь для человека, который верит в Бога — это Московского патриархата... Признаю 4 основные конфессии: это — православие, это — римокатолицизм, это — мусульманство и это — иудаизм. Это те религии, которые были испокон веков. Эти четыре конфессии, я считаю, должны находиться на этой земле, и нам ни

в коем случае нельзя притеснять верующих. ...С другой стороны, я буду жёстко бороться с сектантством... К сожалению, нашу страну наводнили всевозможные секты, всевозможные псевдорелигии... Я не хочу, чтобы мысли и умы, само воспитание нашей молодёжи и нашего народа попало под эти псевдорелигии и сектантство. Поэтому ряд законопроектов будет принят».

После так называемого Евромайдана в Киеве зимой 2013—2014 гг. и последовавшей за ним незаконной смены власти Александр Захарченко занял жесткую антимайданную позицию и примкнул к начавшим формироваться в то время силам ополчения, протестующим против переворота в стране. При этом он заявил о таких планах своих соратников: возвращение жителям Донбасса возможности самим определять своё будущее, государственное устройство, решать, в какой стране им жить, на каком языке разговаривать. После того как Донбасс в очередной раз не был услышан, пришлось взять в руки оружие.

Он был по-шахтерски прямолинеен. Но, как правило, честен в оценках окружающего мира. Это давало предлог особо словоохотливым навешивать на него бог весть какие ярлыки: диктатора, антисемита и т.д. Так, второго февраля 2015 г., выступая на пресс-конференции в Донецке, А. Захарченко назвал руководство Украины «евреями» и «жалкими». К тому же добавил: «Думаю, что Тарас Бульба и Тарас Шевченко неоднократно перевернутся в гробах от таких правителей в Украине». Какая буря якобы оскорблённых поднялась в Киеве! С чего бы? Целесообразнее осмыслить, в чем катастрофическое обнищание населения Украины...

16 апреля 2014 года Александр Захарченко возглавил группу вооружённых товарищей, занявших здание донецкой городской администрации. Вот как он объяснил тогда свои действия:

«Первая наша цель — мы хотим озвучить требования к киевской власти... Будем находиться здесь, пока наши требования не будут выполнены. Мы зашли сюда с требованием местного референдума. И мы просим

исполком помочь в подготовке референдума. Мы хотим выдвинуть свои требования Верховной раде по принятию законопроекта Александра Бобкова о местном референдуме. Он внесен, и его отказались принимать на фракции. Чтобы они поняли, что референдум действительно полезен».

После референдума о независимости ДНР 11 мая 2014 года он стал военным комендантом Донецка, а позже — заместителем министра внутренних дел республики. Совершенно очевидно, что становящийся популярным лидером Захарченко не рассматривал власть, как источник собственного обогащения. Он появлялся там, где был всего нужнее. Лично участвовал в боях на территории Донецкой области. 27 и 28 мая 2014 года при штурме Донецкого международного аэропорта им. Сергея Прокофьева был ранен в ногу. Спустя месяц получил воинское звание «майор». В августе 2014 г. премьер Донецкой республики Александр Бородай ушёл в отставку. На его место депутаты Совета республики назначили Александра Захарченко. Это решение было принято практически единогласно. В тот же день новый глава правительства принял присягу на верность народу ДНР и приступил к исполнению своих премьерских обязанностей. А их было непочатый край.

Предстояло удержать некогда самодостаточную экономику этого промышленного бассейна, которая оказалась весьма далекой от идеального состояния. Не лишне напомнить, что исторически Донбасс ранее считался одним из крупнейших промышленных регионов Европы. В одной только Донецкой области до начала боевых действий функционировали более 28 тысяч предприятий. На всех заводах и шахтах трудились около 900 тысяч человек.

Нескончаемые обстрелы территорий ДНР и ЛНР украинской армией привели к массовой эмиграции из самопровозглашенных республик, в том числе трудового населения. Вспоминая приход своего преемника к власти, Александр Бородай отметил: «Никогда не был в нем разочарован, несмотря на то, что правительство республики в какие-то моменты

совершало ошибки». И пояснил: «Он многое сделал, фактически вёл республику вперёд в течение последних сложных лет». А Бородай убежден, что Захарченко был реальным лидером — и для своих солдат, и для населения республики.

В октябре 2014 года Александр Захарченко подал документы в ЦИК ДНР как кандидат на пост Главы Донецкой Народной Республики, став первым зарегистрировавшимся кандидатом на этот пост. На выборах, которые состоялись уже в следующем месяце, 75 % проголосовавших граждан ДНР отдали свои голоса Захарченко. Инаугурация избранного руководителя республики прошла 4 ноября в Донецком академическом и музыкально-драматическом театре, который он — по воспоминаниям дончан, находил возможность посещать с семьёй.

Зимой следующего года глава ДНР настоял на ускоренном восстановлении разрушенных войной городов и населенных пунктов республики. Всего за несколько месяцев были проведены работы на 293 строительных объектах.

В феврале 2015 года на первом съезде общественного движения «Донецкая Республика» Александр Захарченко единогласно был избран его председателем. И вскоре принял участие в переговорах в Минске, на которых были представлены лидеры стран «нормандской четвёрки». Результатом их стало подписание Комплекса мер по выполнению минских соглашений, который предусматривает «незамедлительное и всеобъемлющее прекращение огня в отдельных районах Донецкой и Луганской областей с 00:00 15 февраля по киевскому времени». Увы, этот пункт Комплекса мер не выполнен Украиной до сих пор.

Вооруженные провокации украинской армии продолжались, и участвовавший в боях за Дебальцево Захарченко был ранен вторично. За успешно завершённую тогда боевую операцию ему присвоено внеочередное воинское звание «полковник» и вручена медаль «Герой ДНР». После освобождения Дебальцево он награжден орденом Славы ЛНР, и ему присвоено

звание «генерал-майор» Луганской Народной Республики. Такое решение приняли депутаты парламента ЛНР.

Не случайно ополченцы нарекли его в обиходе Батей. Таким был боевой позывной Захарченко. Это уважительное прозвище прикипело к нему. И не удивительно: для него были характерны доброжелательность, постоянная готовность поддержать попавших в беду. Вот как размышляет об этом депутат Верховного совета ДГР Мирослав Руденко: «Захарченко пользовался большим доверием жителей Донбасса и однополчан. Был чутким и отзывчивым человеком. А потому — любим народом».

Добавлю одно из признаний ополченцев, высказанных нашей делегации московского Землячества Донбассовцев, посетившей несколько городов республики. Они поведали, что Батя видел в них не только самоотверженных защитников Донбасса, бросивших вызов воинствующей бандеровщине. Бывая на фронтовых плацдармах, он непременно спрашивал, насколько обеспечены ополченцы питанием и обмундированием, в чем нуждаются. И давал нагоняй при встреченных недоработках.

Командир разведывательно-штурмового батальона Захар Прилепин, подчинявшийся непосредственно главе ДНР, пронзительно метко подметил главную особенность Захарченко: «Мчался к месту всякой, после очередной бомбёжки, гибели донецких людей». Мчался к месту трагедии, играя желваками. «Он шёл, — с болью вспоминает Прилепин, — прямо на крик — к матери, у которой одним прилётом убило мужа и дочь: она выла — он говорил, обнимал, гладил.

Находил в себе силы... Находил на войну, на жену... На деток (их у него — четверо. — В. Л.), на ярость... на жалость, на прощение; он был огромный, как парус, — в него задувал ветер; он был из песни». Мало известно об одном его специальном решении: раненых оставлять в списках действующих подразделений, подерживая их материально, помогая семьям.

Он редко с кем размышлял о превратностях собственной судьбы, личной жизни.

Но то, что затрагивал, отражало его характер. Однажды признался:

— Видел я обращение отца с просьбой освободить своего ребенка. Скажу откровенно. Я тоже отец. И таких отцов в Донецке очень много, чьи дети до сих пор сидят в плену.

А корреспонденту «Лайфа» рассказал о супруге, которая решила вместе с ним ехать в аэропорт Донецка, опасаясь, что он может погибнуть.

— Наталья Владимировна очень не хотела, чтобы я погиб. А так как поняла, что меня уже не отговоришь от участия в этих боях (за донецкий аэропорт. — В. Л.), она поставила мне условие: либо едем вместе, либо не едем оба. Она тоже надела форму, взяла автомат и поехала туда. Позже координировала движение наших подразделений. А так она тут лежала под обстрелом так же, как и я.

Директор Центра политического анализа Павел Данилин убедительно отметил в интервью телеканалу RT, что благодаря Захарченко Донецкая Республика смогла выжить в тяжелейших условиях. «С построением жизни ДНР он справился, — конкретизировал эксперт, — Республика состоялась... И в этом его колоссальная заслуга, хотя добиться стопроцентной безопасности Захарченко так и не смог — многие его соратники погибли».

Тем не менее восстановление израненных гражданской войной республик Донбасса продолжалось и при обстрелах, и при любых нарушениях Киевом многочисленных хлебных, школьных и самых разных других договоренностей о прекращении огня. После введения Украиной транспортной блокады Донбасса в ДНР было принято решение взять под управление многочисленные предприятия олигарха Ахметова. Этот волевой шаг сделан по настоянию Захарченко, чтобы не допустить социального коллапса, ибо без средств к существованию остались бы десятки тысяч семей. Благодаря сформированной им команде удалось предотвратить гуманитарную катастрофу, угрожавшую Донбассу из-за экономической и военной блокад.

В ситуации «ни дня без войны», навязываемой Донбассу власть предержащими

в Украине, для Захарченко приоритетными оставались планы использования экономического потенциала ДНР. В Республике налажен выпуск традиционных видов продукции, запускаются остановленные заводы, растет сельскохозяйственное производство. Под его контролем организована финансовая система, в которой он увидел основу для дальнейшего интенсивного развития экономики. Созданный в стране Центральный Республиканский Банк направляется и координируется Советом Министров ДНР. Ныне банки представлены почти тремястами отделениями в десятках городов Республики. И едва ли не самое удивительное, что при не стихающей гражданской войне не только сохранен, но и развивается туризм. Даже на той территории Приазовья, где возникают активные боевые действия. В частности, на азовское побережье ежегодно устремляются тысячи дончан. Безопасность их обеспечивают ополченцы.

Было у Александра Владимировича заветное желание: изложить лично президенту РФ Владимиру Владимировичу Путину своё видение обстановки на Юго-Востоке Украины. Не случилось! Очень может быть, что такая встреча оказалась бы переломной для региона. Но международно-правовые условия для неё только созревали. По мере замораживания Киевом Минских соглашений. А пробандеровские силы в Украине поспешили остановить время.

Настырные покушения Службы безопасности Украины на Александра Захарченко начались в бытность его премьер-министром. Одна из первых таких попыток предпринята 30 августа 2014 г. Автомобиль, в котором он ехал, был обстрелян. Тогда ранили его водителя. Через пять месяцев после этого в городе Угледорске по Главе ДНР стрелял снайпер. Пуля попала в охранника первого лица государства. А в феврале 2015 г. Глава ДНР вспоминал, что, когда он получил ранение ноги во время боевой операции в Дебальцево, по нему вновь стрелял снайпер. Об этом Захарченко рассказал журналистам так: «Я спросил (врачей. — В. Л.), смогу ли танцевать лезгинку, но мне однозначно пообещали вальс. На праздно-

вание Дня защитника Отечества приду точно. Может, с палкой, с костылем, но приду».

А в августе 2016-го взрывное устройство было заложено террористами близ дома Захарченко. Бомбу удалось обнаружить и обезвредить. Весной 2017 года неизвестные подорвали два взрывных устройства на пути следования машины главы ДНР к мемориальному комплексу «Саур-Могила», где должен был состояться митинг в честь Дня Победы. Диверсанты заложили мины вдоль обочин: четыре замаскировали на земле, а две — на деревьях. Взрыв раздался перед кортежем. Захарченко прокомментировал случившееся мужественно: «Мы каждый день ожидаем, что Киев так себя поведёт!» В марте того же года Министерством государственной безопасности Луганской Народной Республики были задержаны украинские диверсанты, которые сознались в готовящемся покушении на Главу ДНР. Машину Захарченко должны были подорвать по пути на пункт пропуска «Успенка».

Одно из покушений на него СБУ Украины готовила в стрелковом клубе «Артемиды». Ей стало известно, что здесь бывает на стрельбах и Александр Захарченко. После предварительного уточнения данной информации был подобран агент СБУ некий Максим Теорентера, которому за физическое устранение Главы ДНР посулили 100 тысяч долларов. И даже выдали аванс в сумме 10 тысяч баксов. А 28 апреля 2016 г. в центре Донецка он был задержан сотрудниками Министерства госбезопасности ДНР при попытке передачи бомбы одному из своих сообщников.

Роковым оказалось покушение 31 августа 2018 г. в центре Донецка. Теракт был произведен с использованием безоболочного устройства, заложенного над входом в кафе «Сепар». Александр Захарченко и один из его охранников погибли. И уже 1 сентября глава СБУ Украины Василий Грицак заявил журналистам, что «проходит методическая зачистка всех тех, кто в 2014 году содействовал введению российских войск на Донбасс, кто содействовал созданию псевдонародных республик...» и «кто знает слишком много».

Осудив варварское убийство 31 августа, президент РФ Владимир Путин заявил, что «это ещё одно свидетельство: те, кто выбрал путь террора, насилия, запугивания, не хотят искать мирное, политическое решение конфликта, не хотят вести реальный диалог с жителями Юго-Востока. А делают опасную ставку на дестабилизацию ситуации, на то, чтобы поставить народ Донбасса на колени. Этого у них не получится».

Проститься с популярным лидером ДНР пришли более 200 тысяч человек. Похоронили его с воинскими почестями на Аллее Героев на кладбище «Донецкое море».

Среди наград отважного сына шахтерского края: золотая звезда Героя Донецкой

Народной Республики, два Георгиевских креста ДНР, ордена Святителя Николая Чудотворца I и II степеней, орден Доблести I степени (ЛНР) — «за заслуги в ходе совместной операции сил ЛНР и ДНР по ликвидации Дебальцевского плацдарма», орден Дружбы (Южная Осетия) (2015), орден «За верность долгу» (16 марта 2018 года, Республика Крым, Россия).

В сентябре 2018 г. у места, где погиб А. Захарченко, установлен мемориальный камень. Пока ещё испещренные осколками зловещей диверсии стены у входа в кафе «Сепар» горестно напоминают о трагической судьбе легендарного лидера Донбасса.

Донецк — Москва

Александр Захарченко

ПО СЛЕДАМ «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ»

Документалистика

Донбасс
ПО СЛЕДАМ «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ»

Виктор ДЮНИН

Дюнин Виктор в редакции «Комсомольской правды» работал с 1958 по 1970 г. — собкором по Казахстану, литсотрудником, заместителем редактора, редактором отдела рабочей молодежи, членом редколлегии. Работал также в газетах «Социалистическая индустрия», «Рабочая трибуна» и др. Лауреат премий Союза журналистов СССР и Московской журналистской организации. Обладатель высшей награды Союза журналистов России — Почетного знака «Честь. Достоинство. Профессионализм» (2011). Автор восьми сборников публицистических статей и книг (документальная повесть «Шагни первым» о легендарном герое советских пятилеток шахтере Алексее Стаханове — в соавторстве с бывшим собкором «Комсомолки» по Донбассу Вячеславом Проскурой). Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

КИМ КОСТЕНКО: «Буду писать о молодой гвардии»

*Воспоминания о журналисте,
поведавшем правду о молодогвардейцах*

Соль земли

Ким родом из луганского Артемовска, бывшего уездного Бахмута. Я считал, что этот городок славен своим шампанским, а Костенко уверял, что — солью. Отсюда, дескать, начинался знаменитый чумацкий шлях, по которому доставлялась соль всей Европе. Чумаки считали себя солью земли. И нам так завещали о себе думать.

Он любил иносказания, байки, переиначенные афоризмы. В конце 50-х годов мы работали с Костенко в «Комсомольской правде», он был собкором по Донбассу, я литсотрудни-

ком. Оба сочиняли заметки про планы и обязательства, сталь и уголь, нормы и проценты. Но всегда хотелось вольного слова очерка, улыбки фельетона, да и вообще шутки в любом жанре. Как шутку воспринял я поначалу телефонное сообщение Кима, что он «строчит публицистику». «Про соляной шлях? « «Нет, про Млечный путь, уже добро в небесной канцелярии получил. А если серьезно, буду писать о «Молодой гвардии».

Тут я сразу поверил — никакого розыгрыша нет.

От 14 до 18 лет

«Молодая гвардия» — это уникальный отряд городских партизан, а в другой стилистике — человеческий подвиг.

Когда фашисты в середине Великой Отечественной захватили восточный Донбасс, Гитлер потирал в восторге руки: теперь в Германию пойдет уголь, как говорится, в промышленных масштабах. Шахтеры отказались спустаться за ним под землю. Начались зверства: в Краснодоне 31 шахтер был заживо засыпан землей.

Участились облавы, расправы, угон женщин в Неметчину. Городок оцепенел. И вдруг по базарам, по улицам — листовки: «Смерть фашистским оккупантам!» Как проблеск негиблемости народа.

Зло забегали полицаи в поисках партизан.

Листовки в базарной суете им стали наклеивать прямо на спину. Народ, наконец, засмеялся. Но откуда партизаны, если кругом степь, только сусликам есть где спрятаться.

То были первые шаги «Молодой гвардии».

Так назвали свою организацию комсомольцы Краснодона. Младшему из них было 14, основному костяку по 17—18. Они небольшими группами от каждой улицы и поселка, вначале вразнобой, а потом объединившись, стали на защиту поруганной земли.

У «Молодой гвардии» образовались свое командование, свой штаб, выбрали комиссара. Все по-взрослому! Набралось более ста боевых штыков. Насчет штыков — не фигура речи. Добыли оружие — автоматы, винтовки, патроны.

Фашисты объявили в городе комендантский час. После шести вечера любой выявленный без документов — под расстрел. А бойцы «Молодой гвардии» действовали как раз ночью, презрев всю комендатуру с ее жандармерией и эсэсовскими подразделениями.

Никого из гвардейцев ни ночью, ни днем не схватили. Строгая конспирация, неожиданные акции. Подняли красный флаг на самом высоком городском здании перед советским праздником — 7 ноября; стали распространять листовки со сводками Совинформбюро; подожгли биржу труда, чем спасли от угона в Германию две с половиной тысячи человек; совершали диверсии на объектах жизнеобеспечения оккупантов; на хуторе Волченском освободили 72 советских военнопленных; готовили в городе вооруженное восстание...

Организация действовала 3,5 месяца.

Оставалось всего несколько дней до освобождения Краснодона. Выдал предатель. Нашелся в семье урод, среди храбрых — трус, подлая душонка. Начались повальные аресты.

Не скрыть, не забыть

Редактор «Сына Отечества» — многотиражки 51-й армии, освободившей Краснодон, увидел, как из кузова трехтонки, которая должна была развозить свежую почту по воинским частям, местные жители буквально расхватывают газету. Услышал: «Там о моей доченьке...», «Там последние слова моего сынка...».

В многотиражке была напечатана крохотная заметка «Герои «Молодой гвардии».

Фронтные журналисты подготовили ее по оперативным данным разведки, «с колес». Иллюстрации делал фотокор Леонид Яблонский.

Брал в объектив не людей, а стены и подоконники тюремных камер — в пятнах свежей

крови, сплошь исписанные предсмертными строками. «Дорогая мама! Если папа останется жив, пусть отомстит...» Дальше, видно, силы оставили руку с зажатым куском угля.

А утром в камерах тюрьмы, где Яблонский из-за наступления темноты не успел доснимать, обнаружилось: все записи, следы страданий, последней воли людей затерты. Кто-то заметал следы преступлений. Но главное было не скрыть. 71 подпольщик, кто полумертвый, кто еще живой, были сброшены с 80-метровой высоты в шурф отработанной шахты. Никто из них признательных показаний не дал, товарищей не предал.

...Я проходил «Молодую гвардию» Александра Фадеева еще в школе. В шестом классе на уроках вслух читали отрывки из романа, в седьмом писали изложения, в восьмом, девятом уже сочинения. Спорили, что такое безумство храбрых в наше время. С Олегом Кошевым, Сережкой Тюлециным, Ульяной Громовой срослось, породнилось не одно, не два послевоенных поколения.

С нашими любимыми героями всё и на все времена было ясно.

Бронебойный удар

Ким рассказывал: Сталин признал и роман, и фильм идеологически вредными. Дескать, не могла молодежная организация активно действовать без партийного руководства. Фадееву пришлось сочинять второй вариант, выдумывать образы коммунистов на сотне новых не очень удавшихся страниц...

Тем сильнее был шок после газетных статей Костенко и вышедшей за ними документальной повести «Это было в Краснодаре». В общественном сознании пошатнулась вера в правдивость одного из самых мировоззренческих произведений советской литературы.

И вдруг летом 1959 года «Комсомольская правда» публикует три статьи Кима Костенко о подпольщиках «Молодой гвардии». «Трижды бронебойными!» — помню его слова. Ким, прошедший всю войну артиллеристом, освобождавший Прагу, в звании лейтенанта получивший на грудь полководческий орден Александра Невского, гордился принадлежностью к этому роду войск.

В памяти любимое выражение Кима: «Держись на танкоопасном направлении!»

В предисловии к повести автор заявляет: «Читатели не могут не заметить, что в книге есть фактические расхождения с романом А. Фадеева «Молодая гвардия». Дело даже не в том, что факты, приведенные Костенко, приземлили образ Олега Кошевого — народного героя, литературного кумира. Оказалось, он не был первым в организации, ее идейным руководителем — комиссаром, что шло, конечно, вразрез с романным образом.

Но не это стало главным бронебойным зарядом артиллериста Кима Костенко. Он вернул честное имя человеку, на котором роман «Молодая гвардия» поставил клеймо предателя.

Сердце матери

В романе Виктор Третьякевич выведен под именем Евгения Стаховича. Спасая свою шкуру, тот раскрыл врагу все тайны организации. Писатель не знал, что Третьякевич — главный организатор подполья, комиссар, отвечавший в штабе «Молодой гвардии» за боевое направление, был оболган провокатором.

Провокатора расстреляют по приговору трибунала на глазах пяти тысяч краснодонцев.

Высшая мера настигнет негодяя только в 1959 году. Вместе с истинным предателем подполья неким Г. Почепцовым, одним из неприметных членов организации. Ким Прокофьевич первым из журналистов благодаря профессиональной хватке и авторитету «Ком-

сомолки» добился допуска к материалам следствия. Он поднял, казалось, из небытия имя Виктора Третьякевича.

А Виктор в ночь с 14 на 15 января 1943 года был сброшен в шурф шахты с вырванными на пытках волосами, переломанными руками, отрезанными губами, оторванной вместе с пахом ногой...

Его похоронили в братской могиле рядом со всеми молодогвардейцами. Всех оплакивали матери. Но Анну Иосифовну Третьякевич бывшие подруги и нынешние соседки готовы были испепелить взглядами, растерзать...

Мать предателя. Братья предателя. Внуки предателя. Никто и никогда уже не опишет, через какие муки прошла эта семья. Но матери,

продолжавшей жить в Краснодоне, пришлось испить горькую чашу до дна.

...После шумных публикаций о «Молодой гвардии» Кима Костенко перевели в Москву, он стал членом редколлегии «Комсомолки», руководил отделом рабочей молодежи — снова планы, проценты, социалистические обязательства. Однажды он собрал всех нас и попросил отпустить его по личному делу в неслужбную командировку.

Ким поехал в Краснодар, чтобы подарить матери Виктора Третьякевича свою книгу в новом издании.

Рассказывал нам, вернувшись.

— Как живете, Анна Иосифовна?

— Теперь людям в глаза смотрю. Они тоже.

А раньше на могилу тайком от всех ходила к сыну.

— Орден сына вам вручили?

— Да, при народе. Весь зал встал и аплодировал мне, что такого сына родила. Я единственно, о чем попросила после награждения — не новой квартиры, не льгот, а чтобы фильм «Молодая гвардия» в тот вечер не показывали. В кино все ребята есть, а Виктора нет.

P.S. Мать вышла проводить Кима Прокофьевича и посреди сельской улицы отвесила ему низкий, до земли, поклон. Улица была длинная. Ким шел, оглядывался, она продолжала кланяться. Перед поворотом Ким последний раз оглянулся — мать все стояла в поклоне.

Ким КОСТЕНКО

Ким Прокофьевич Костенко родился в 1923 г. в Донбассе в семье рабочего.

После окончания средней школы был призван в Советскую Армию, участвовал в Великой Отечественной войне. Будучи офицером-артиллеристом, Ким Костенко прошёл с боями от Сталинграда до Праги, дважды был тяжело ранен. За боевые подвиги награждён орденами Александра Невского, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, медалями. Демобилизовавшись из армии, К. Костенко работал секретарём Артемовского горкома комсомола. В 1950 году он окончил отделение журналистики Центральной комсомольской школы и с тех пор работал в редакции газеты «Комсомольская правда».

Очерки и статьи Кима Костенко печатались в различных газетах и журналах и выходили отдельными книгами. «Это было в Краснодоне» — была первой повестью автора.

С 1969 по 1972 г. Ким Костенко — первый заместитель ответственного секретаря газеты «Правда», с 1972 по 1990 г. — ответственный секретарь газеты «Советская культура», с января по октябрь 1990 года — собственный корреспондент журнала «Новое время» в Праге. 4 октября 1990 г. трагически погиб в автокатастрофе.

ЭТО БЫЛО В КРАСНОДОНЕ

Главы из повести

ЧЕГО НЕ ЗНАЛИ ПОЛИЦАИ

Теплым сентябрьским утром на пустынной окраинной улице Краснодона встретились два приятеля. Один — высокий, худой, в старом пиджаке с изодранными локтями и порыжевших запыленных сапогах, другой — небольшого роста, вихрастый, в роговых очках.

— Витька, ты? Худющий какой, не узнать! Откуда, каким ветром?

— Ванюшка! Вот кого не ожидал встретить! Ах, как здорово, что ты здесь!

Взволнованные неожиданной встречей, они долго тискали друг друга в объятиях.

— Что ж, так и будем посреди улицы торчать, будто на выставке, — спохватился, наконец, высокий. — Пойдем куда-нибудь, поговорим...

— Ну конечно! — живо отозвался приятель. — Пошли ко мне, тут недалеко. Не забыл еще, где я живу?

Войдя в комнату, высокий опустился на скамью, с наслаждением вытянул затекшие ноги.

— У-ух, устал... Километров тридцать пешком отмахал...

Оглядевшись вокруг, он как бы невзначай спросил:

— Что, дома никого нет?

— Нет никого. Мамка на хутор ушла, одело на картошку менять. — Ну давай, Вить, рассказывай. — Ваня придвинул стул поближе к приятелю. — Постой, сколько ж мы с тобой не виделись? Никак больше года...

— Десять месяцев, — уточнил Виктор. — В ноябре я из Краснодона уехал.

Он замолчал, задумчиво отбивая по столу дробь длинными тонкими пальцами. Худощавое, густо припорошенное пылью лицо его сразу посерьезнело, лоб пересекла глубокая складка.

— Ну что ж ты?

— Не знаю, с чего и начать... — медленно заговорил Виктор. — Помнишь, после репетиции пошли мы все вместе в военкомат — я, Сережка Тюленин, Юра Виценовский, Остапенко Сеня... Прогнали нас, вернее, не прогнали, а просто сказали: «Идите, ребята, доучивайтесь, когда надо будет — позовем». Ну, я тогда и уехал в Ворошиловград, к брату. Думал: он секретарем райкома партии работает, поможет, чтобы взяли в армию. А он не в армию, а в тыл меня отправил. Семья его эвакуировалась в Среднюю Азию, вот и меня этим же эшелонам.

Доехал я до Куйбышева, а там слышу по радио последние известия: наши войска разбили немцев под Москвой, перешли в наступление. Вот, думаю, люди воюют, а меня в тыл. Сел на обратный поезд — и домой, в Ворошиловград. Приехал. Брат, конечно, ругается, мать плачет — она к тому времени тоже к Михаилу перебралась.

Словом, поступил я опять в школу, десятый класс кончил. А потом — немцы к самому городу подошли. Началась эвакуация. Михаил тогда уже секретарем горкома партии стал. Каждый день приходил домой поздно, хмурый, озабоченный, все о чем-то думал. Зашел я однажды к нему в комнату. «Давай, — говорю, — Миша, серьезно поговорим. Я уже не маленький, все понимаю. Ты остаешься в городе?» Он мне все откровенно и рассказал. Горком партии решил сформировать партизанский отряд для борьбы в тылу врага. Командиром отряда назначили первого секретаря горкома партии Ивана Михайловича Яковенко, а Михаила утвердили комиссаром. «А вот с тобой как быть, не знаю, — говорит. — Военкомат создает сейчас группу допризывников для отправки в военное училище. Поедешь?» Рассердился я. «Что это, — говорю, — ты меня все в тыл да в тыл. Никуда не поеду. Насильно отправишь — все равно сбегу. В тылу мне отсиживаться нечего. Я уже не ребенок, с оружием обращаться

умею...» И стал проситься к Михаилу в партизанский отряд. Долго просился, чуть не плакал. В конце концов Михаил говорит: «Не имею права решать сам такой вопрос, есть командир отряда, иди к нему». И я пошел к Яковенко Ивану Михайловичу... Эх, какой это человек был, Ваня! Какой человек!.. — Виктор крепко сжал зубы, резким движением руки расстегнул ворот рубашки.

— Почему ты говоришь — был? — осторожно спросил Ваня. — Он что — погиб, да?

Виктор молчал, углубившись в свои мысли. Наконец, справившись с волнением, снова заговорил:

— В общем, взяли меня в отряд. В разведку зачислили. Иван Михайлович все время меня при себе держал, для особых поручений. Тринадцатого июля выехали мы в лес. Там уже база была подготовлена, продукты запасены, боеприпасы. В разведгруппе нас было четверо: я, Забелин, Алексеенцев и Галя Серикова — все из Ворошиловграда. Мы выполняли разные задания — ходили в хутор Обозный узнавать, есть ли там немцы, в Паньковку за продуктами — там свои люди пекли нам хлеб, в Николаевке разыскивали связных соседнего партизанского отряда.

Под Паньковкой первый раз участвовал я в настоящем бою. Нас было семеро. Залегли мы в кустарнике, видим — идут по дороге немцы, спокойно разговаривают о чем-то, смеются. Мы подпустили их поближе и — залпом! Четверо упали замертво, остальные начали отстреливаться. Иван Михайлович приказал всем отходить. А я незаметно отстал, подполз к убитым немцам, подобрал автомат и три винтовки. После Иван Михайлович долго меня отчитывал за то, что без приказа я. Насчет дисциплины он был очень строгий.

Потом еще несколько раз ходили мы на задания — напали на обозы, разрушали связь. А в прошлом месяце пришел отряду приказ перебазироваться в Митякинские леса — помнишь, в позапрошлом году мы ездили туда на массовку? Ночью возле хутора Пшеничного наткнулись на немцев. Началась перестрелка. Окружили они нас со всех сто-

рон. И вот тогда Иван Михайлович подозвал меня к себе и говорит: «Слушай, Третьякевич, приказ. Немедленно выбирайся отсюда в Ворошиловград — адрес тебе известен. Доложи там обстановку». — «А вы как же, — спрашиваю, — немцев-то вон сколько, не устоять...» — «Ничего, — отвечает, — нам скоро подмога придет. Выполняй приказ». На другой день пробрался я в Ворошиловград, узнал: погиб в том бою весь наш отряд. Геройской смертью погиб... Ты понимаешь — нарочно он меня в Ворошиловград отправил, чтобы спасти, значит... А сам в том бою...

Виктор умолк, закусив губу, чтобы не расплакаться. Ваня сидел насупившись, перебирая пальцами свисавшую на лоб прядь волос.

— Ну ладно! — словно очнувшись, тряхнул светлым чубом Виктор. — Давай поговорим, как дальше жить будем. Кто из надежных ребят есть в городе?

— Хороших ребят много! — Сразу оживившись, Ваня начал перечислять, загибая пальцы: — Вася Левашов здесь, Жора Арутюнянц, Олег Кошевой. Сережка Тюленин тоже в городе, Юра Виценовский, Майя Пегливанова из Первомайки — помнишь, комсорг первой школы, черноглазая, на собраниях всегда выступала?

— Помню Майю, — кивнул головой Виктор. — Что же вы — собираетесь вместе, чем занимаетесь? Немцы как — не трогают вас?

— Что ж немцы... — мрачно проговорил Ваня, — известное дело — лютуют. Рыскают по домам, коммунистов ищут. Комсомольцев, правда, пока не трогают.

— Ну а вы их? — нетерпеливо спросил Виктор. — Вы их что же — сторонкой обходите?

Ваня растерянно улыбнулся, будто его уличили в чем-то нехорошем, потом обнял друга за плечи.

— Понимаешь, Виктор, мы уже с Васей Левашовым говорили: надо нам объединиться, создать комсомольский отряд мстителей. Если по-настоящему взяться, можно таких дел натворить! Ты как на это смотришь?

— Я за этим и пришел сюда, — твердо сказал Виктор. — У меня теперь одна цель — бить фашистов, пока хоть один останется на

нашей земле, мстить им за все: за эту войну, за пожары, за Ивана Михайловича...

— Ты знаешь, — зашептал Ваня, — у нас уже кто-то действует. Недавно на хлебном ларьке появилась листовка:

«Долой гитлеровские двести грамм, да здравствует сталинский килограмм!»

Здорово, правда? И в Первомайке, говорят, тоже листовки видели.

— Кто их пишет, не знаешь? — оживился Виктор.

Ваня пожал плечами.

— Надо немедленно установить с ними связь и объединиться! — Виктор встал. — Я сам этим займусь. А ты пока переговори с ребятами. Дня через два-три соберемся у меня.

Через несколько дней Виктор снова пришел к Ване.

— Я все узнал! — радостно сообщил он. — Листовки распространяют Сережа Тюленин и Валя Борц. У них целый отряд — Степа Сафонов, Володя Куликов, Сеня Остапенко, Тося Машенко, Леонид Дадышев. Сережка даже оружием запасся, несколько автоматов в степи подобрал и спрятал. Листовку, что на хлебном магазине была, он сочинил... — В голосе Виктора звучало восхищение. — Поди ж ты: молодежь нас, а уже действуют, пример нам подают. Словом, передай ребятам: завтра сбор у меня. В семь вечера. Сережка своих тоже приведет.

В конце сентября в доме Третьякевичей собрались старые друзья по школе, по детству. Первыми пришли Василий Левашов и Жора Арутюнянц, затем Ваня Земнухов и Олег Кошевой. Сережа Тюленин появился в сопровождении всей своей «боевой группы». В маленькой комнатке стало тесно.

Виктор Третьякевич привычным жестом пригладил волосы и поднялся из-за стола. Два года подряд он был вожакom комсомольской организации школы имени Ворошилова, и вот сейчас всем на миг показалось, что идет самое обычное школьное собрание и Виктор поведет речь об успеваемости комсомольцев, о комсомольских поручениях...

— Друзья, — спокойно и просто начал Виктор, — разрешите объявить наше комсо-

мольское собрание открытым. Предлагается следующая повестка дня: «Смерть фашистским оккупантам!» Кто за — поднимите руки.

Все дружно подняли руки. Повестка дня была принята единогласно.

Это было одно из самых коротких собраний, какое проводили когда-либо краснодонские комсомольцы. В прениях не выступали, потому что никакими словами нельзя было выразить то, что чувствовал каждый. Решили: объявить беспощадную борьбу фашистам, жестоко мстить всеми возможными средствами, делать все, чтобы поскорее изгнать их с родной земли.

Для руководства подпольной работой создали штаб. Комиссаром организации единодушно избрали Виктора Третьякевича, начальником штаба — Ваню Земнухова, Олег Кошевой был назначен начальником разведки.

Уже начали расходиться, когда Сережа Тюленин спохватился:

— Хлопцы, а как же мы назовем свой отряд? Надо, чтобы у него было имя. Я предлагаю назвать так: «Молодая гвардия». Хорошо, а?

Название всем понравилось, и его утвердили.

Так было положено начало существованию подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» — той самой организации, которая приводила в трепет врагов и которую долгое время тщетно пытались раскрыть гитлеровские жандармы и их прихвостни — полицаи.

Вскоре после этого Толя Попов привел на заседание штаба скуластого парня в солдатской гимнастерке с голубыми петлицами.

— Женя Мошков, — представился тот.

Большинство членов штаба знали Женю Мошкова. До войны он работал машинистом врубовки на шахте № 1-бис, был неутомимым танцором и заводилой на всех молодежных вечерах. Потом уехал в авиационное училище, и следы его затерялись.

О себе Женя рассказал коротко: летал на бомбардировщике стрелком-радистом, в сорок первом вступил кандидатом в члены партии. В августе этого года самолет сбили под Миллерово. Опустился на парашюте и пробрался домой. Вот и все.

Никому, даже комиссару и начальнику штаба, Женя не сказал, что в «Молодую гвардию» он вступает по заданию подпольного партийного центра. Филипп Петрович Лютиков и Николай Петрович Бараков пристально следили за всем, что происходило в городе. Не случайно на работу в мастерские наряду с коммунистами они привлекли нескольких комсомольцев — Толю Орлова, Володю Осьмухина, Толю Николаева. Через них коммунисты узнавали, чем живет, о чем думает молодежь города.

С первых дней оккупации Краснодона большевистская подпольная организация приняла меры к объединению боевых групп для активной деятельности против захватчиков. Коммунисты привлекали комсомольцев к переписыванию и распространению листовок, к сбору оружия и медикаментов, готовя их к решительным боевым операциям.

Самому молодому коммунисту — Жене Мошкову партийный центр поручил установить связь с юными подпольщиками «Молодой гвардии». Через Женю коммунисты решили руководить деятельностью комсомольцев.

Спустя некоторое время молодогвардейцы догадались, что Жене Мошкову известно многое. Часто, присутствуя на заседаниях штаба при обсуждении какого-либо важного вопроса, Женя как бы невзначай говорил: «Умные люди советуют сделать то-то» или: «Старшие поступили бы так-то»... И все безоговорочно решали поступить так, как советовал Женя.

Прежде всего штаб «Молодой гвардии» по совету Жени решил объединить все разрозненные группки, действовавшие в городе. В Первомайку отправился Ваня Земнухов. Через Майю Пегливанову он познакомился с руководителями первомайской группы — Анатолием Поповым и Улей Громовой. На очередном заседании штаба первомайская группа была принята в организацию. Олег Кошевой установил связь с вожакком комсомольцев поселка Краснодон Колей Сумским. Все новые и новые силы вливались в «Молодую гвардию».

На первых порах деятельность молодогвардейцев ограничивалась тем, что писали

листовки и расклеивали по городу — каждый в своем районе. Члены штаба сообща составили текст клятвы молодогвардейцев. Эту клятву произносил каждый вступавший в «Молодую гвардию».

Однажды, когда обсуждался текст очередной листовки, Женя Мошков сказал:

— Старшие говорят, что было бы неплохо в каждой листовке сообщать последнюю сводку Советского информбюро. Пусть народ знает правду о положении на фронте. Сводки передают по радио. Найдутся у нас специалисты, которые могли бы собрать простейший радиоприемник?

Радиолюбители Сергей Левашов, Володя Осьмухин, Степа Сафонов, Николай Сумской и Володя Жданов взялись за дело. В октябре «Молодая гвардия» уже имела четыре радиоприемника, регулярно слушала московские передачи. Теперь каждая листовка начиналась со сводки Совинформбюро.

В другой раз Женя сказал:

— Не дело писать листовки от руки: много не напишешь, да и по почерку могут распознать. Один мой знакомый — ему можно верить — говорит, что в развалинах здания редакции «Социалистической Родины» спрятан типографский шрифт. Вот бы разыскать его!

Отыскать шрифт поручили группе Сергея Тюленина. Ребята обшарили весь подвал, перебрали чуть ли не по кирпичику груды развалин и насобирали целый мешок металлических букв. Подпольную типографию устроили в доме Жоры Арутюнянца. Там впервые были отпечатаны листовки с докладом Иосифа Виссарионовича Сталина о двадцать пятой годовщине Великой Октябрьской революции.

Крепла, набирала силы молодая организация. В конце октября в ней уже состояло более семидесяти человек.

По указанию партийного центра «Молодая гвардия» начала переходить к диверсионным актам против оккупантов. В октябре большая группа молодогвардейцев ночью ушла в степь и одновременно в нескольких местах подожгла скирды немолоченного хлеба, подготовленного к отправке в тылы гитлеровской

армии. А Сергей Левашов, работавший в гараже дирекциона, в ту же ночь пробрался в гараж и предусмотрительно вывел из строя все находившиеся там автомашины.

Сереза Тюленин, Володя Осьмухин, Демьян Фомин и Семен Остапенко напали на охрану, сопровождавшую гурт домашнего скота, отобранного у краснодонцев, и не дали угнать его в Германию.

Однажды вечером в доме Третьякевичей шло очередное заседание штаба. Виктор только что вручил группе ребят, принятых в комсомол, временные удостоверения — маленькие книжечки, изготовленные Толей Орловым в подпольной типографии. В графе «Наименование организации, выдавшей билет» значилось «Молодая гвардия», внизу стояла подпись «Комиссар Славин». Это была подпольная кличка Третьякевича.

— С этого дня начинается ваш комсомольский стаж, — говорил ребятам Виктор. — Бережно храните эти удостоверения, а когда придут наши, в райкоме комсомола взамен их вам выдадут комсомольские билеты.

Вдруг распахнулась дверь, и в комнату вбежал Толя Ковалев, добродушный здоровяк, знаменитый краснодонский силач, бессменный чемпион города по вольной борьбе. Толя недавно вступил в организацию и привел с собой двух товарищей — Мишу Григорьева, своего постоянного партнера по борьбе — смуглого стройного красавца, и Васю Пирожка — спокойного, невозмутимого украинца недюжинной силы. Эта «силовая тройка», как шутили называли друзей в организации, не давала покоя штабу, требуя поскорее дать им «настоящее дело». Особенно наседал Толя, который даже затосковал оттого, что ему не поручали совершить что-нибудь такое, что привело бы немцев в неопикуемый ужас...

Вбежав в комнату, Толя кинулся к Виктору:

— Ты знаешь, кого я сейчас видел? Ваню Туркенича! Представляешь — Туркенич в городе!

— Сядь, остынь, — строго осадил его Виктор и, повернувшись к ребятам, спокойно

продолжал разговор о высоком звании комсомольца, о священном долге каждого советского гражданина в этот грозный час.

— Ну, вот все. А теперь давайте, друзья, расходиться. Выходите по двое, чтобы не привлечь внимания...

Когда вновь принятые ушли, он подошел к Анатолию:

— А теперь выкладывай...

Ваня Туркенич был кумиром всех краснодонских ребят. Всегда сдержанный, скромный, даже застенчивый, он вместе с тем был чрезвычайно общителен и имел в городе массу знакомых. Окончив школу имени Горького, он поступил на педагогический рабфак Ворошиловградского пединститута, затем — наборщиком в типографию районной газеты «Социалистическая Родина», но по-прежнему оставался самым верным другом школьников. Ни один вечер не обходился без его участия. Позже, когда его призвали в армию, Ваня продолжал переписку со школой, и многочисленные друзья ревностно следили за его успехами. «О, наш Ваня окончил зенитное училище!», «Наш Ваня уже командир взвода!», «Наш Ваня уже помощник начальника штаба артполка!»

И вот Ваня Туркенич в оккупированном городе!

— На Банковской я его встретил, — начал свой рассказ Толя. — Смотрю: стоит человек в штатском, а на голове — военная фуражка. И лицо знакомое-знакомое... Подбежал поближе — он! Поздоровались. Рассказал он, как в городе очутился. На Дону полк их попал в окружение. Ну, выбрался, пробовал перейти линию фронта — не удалось. Теперь вот пришел в Краснодар. Я ему сразу сказал про нашу организацию. «Давай, — говорю, — к нам в «Молодую гвардию», будем вместе немцев бить с тыла».

— А он что? — не удержался Земнухов.

— Ничего! Посмотрел на меня как-то сбоку, протянул руку: «Ну, говорит, будь здоров. Еще встретимся». И ушел...

— И правильно сделал! — зло посмотрел на Анатолия Вася Левашов. — Кто тебя за язык тянул? Встретил человека на улице и сразу ему

с бухты-барахты: «У нас организа-а-ция»... Представляю, что подумал Ваня про нашу «Молодую гвардию». Наверное, решил: «Раз в ней такие болтуны, мне там делать нечего».

— Я ж хотел... — растерянно заморгал Анатолий. — Если такого человека к нам... Целым полком на фронте командовал!

— Василий прав, — сухо отозвался Виктор. — Каждое необдуманно брошенное слово может погубить всех нас. А к Ване, я думаю, надо послать кого-то из членов штаба, объяснить ему все толком! Поручите это мне...

Через день состоялось заседание штаба «Молодой гвардии» с участием Вани Туркенича. На этом заседании Туркенич был единогласно избран командиром всей организации.

Туркенич ввел в организации военную дисциплину. Прежде чем принять решение, он строго продумывал каждую боевую операцию, умело расставлял силы. «Молодая гвардия» стала грозной боевой единицей, действующей по законам военной тактики.

В эти же дни в «Молодую гвардию» пришел еще один очень ценный для подпольной работы человек — Люба Шевцова. Вместе с Владимиром Загоруйко, Василием и Сергеем Левашовыми она училась в школе особого назначения, отлично знала законы конспирации.

...В городе появились яркие афиши:

«С разрешения Военного Командования Германской Армии силами артистов областного театра в летнем клубе будет показана классическая трагедия «Цыганка Аза» с цыганским хором, песнями и плясками.

Начало в 6 часов вечера».

— Давайте сходим, ребята, а? — предложил Вася Левашов. — Какой ни есть, а все же театр.

Пошли Вася, его двоюродный брат Сергей Левашов, Ваня Земнухов и Олег Кошевой. Народу в клубе было немного. Сквозь многочисленные щели в деревянных стенах гулял холодный осенний ветер. Артисты пели хриплыми голосами, кутаясь в размалеванные цыганские одежды.

Вдруг Вася осторожно тронул Олега за плечо:

— Посмотри, в третьем ряду девушка сидит в кремовой кофточке, узнаешь?

Олег покосился туда, куда указывал Вася.

— Нет. Кто это?

— У-ух, да это знаешь какая девушка? Огонь! Но как она оказалась в Краснодоне? Любопытно...

В антракте Вася разыскал девушку в коридоре, подвел ее к Олегу.

— Шевцова Люба, — крепко, по-мужски встряхнула она руку Олега и, зябко поведя плечами, неожиданно зевнула.

— О-ох, сил нет смотреть на это кривлянье. Пойдемте на улицу.

Василий Левашов знал, что незадолго до вступления немцев в Краснодар Люба была направлена райкомом комсомола на специальные курсы радистов-разведчиков в Ворошиловград. Каким же образом она снова попала в город? Вася сразу спросил ее об этом.

— Об этом давай никогда-никогда не вспоминать, — очень серьезно сказала Люба, положив ему руку на плечо. — Все равно я тебе ничего не скажу. Я думаю, вы не об этом хотели со мной поговорить?

— Конечно, не об этом, — подхватил Олег. — Мы хотели поговорить с тобой о другом...

Так Люба Шевцова стала членом штаба «Молодой гвардии». Люба была общительной, веселой девушкой. Порой она казалась даже беспечной, но за этой внешней беспечностью скрывалась необычайная выдержка и большая сила воли. Молодогвардейцы убедились в этом уже через несколько дней.

Однажды Олег шел к Третьякевичу и на улице чуть не столкнулся с Любой. Она шла по тротуару, звонко постукивая каблучками, и беззаботно мурлыкала какую-то бодрую песенку. Олег хотел было остановиться, но Люба вдруг сделала ему предостерегающий знак. Олег посмотрел по сторонам: позади Любы, держа автомат наперевес, шагал здоровенный полицей. Незаметно подмигнув Олегу: «Не пугайся, все будет в порядке!» — Люба прошла мимо.

«Любу арестовали!» Эта весть поразила всех членов штаба. Все были ошеломлены и не знали, что предпринять.

А через два часа Люба как ни в чем не бывало вошла в комнату, задорно посмотрела на товарищей и расхохоталась.

— Ой, какой у вас у всех унылый вид! Вы что, похоронили кого?

— Ты... ты была в полиции? — не веря своим глазам, проговорил Ваня Земнухов.

— Ну и что ж? Да этих индюков обвести вокруг пальца ничего не стоит. Отбрехалась!..

...Как-то вечером, пересекая пустырь за городским парком, Вася Пирожок, Миша Григорьев и Вася Борисов увидели в придорожной канаве полусасыпанный человеческий труп. Совсем еще молодой мужчина в синей спецовке и изорванной на груди сиреневой майке лежал на спине, запрокинув назад крупную, красивую голову. Григорьев заглянул в лицо мужчины и ахнул:

— Дмитрошковский! Начальник радиоузла... Кто ж это его?

— Известно кто, — угрюмо пробормотал Пирожок. — Он же коммунистом был... Вон те гады продали! — он кивнул в сторону видневшегося вдаль серого барака.

В этот вечер штаб принял решение: жестоко мстить фашистам за смерть каждого советского патриота.

Ночью в городском парке группа молодогвардейцев во главе с Иваном Туркеничем устроила засаду. Затаив дыхание они настороженно следили за каждым шагом полицейского патрульного отряда, прочищавшего парк... А наутро по всему городу разнеслось: кто-то убил предателя-полицая, оставив на его груди грозное предупреждение: «Такая участь ждет каждого изменника Родины!»

Немало еще дерзких вылазок совершили потом отважные молодогвардейцы. Иван Туркенич, Демьян Фомин и Ваня Земнухов напали на охрану Первомайской больницы и освободили двадцать советских военнопленных. Боевая группа Жени Мошкова по заданию партийного центра разгромила усиленно охранявшийся лагерь военнопленных в хуторе

Волчанском и помогла бежать семидесяти советским воинам. Виктор Третьякевич и Олег Кошевой заминировали деревянный мост на шоссе на дороге, подорвав немецкую грузовую автомашину с боеприпасами. Сергей Левашов с группой молодогвардейцев уничтожил фашистскую автоколонну на дороге между Краснодоном и небольшим донецким городком Свердловкой, а Толя Попов, Демьян Фомин и Иван Туркенич забросали гранатами штабную машину гитлеровцев на пути из Краснодона в Изварино.

В канун двадцать пятой годовщины Октября состоялось специальное заседание штаба, посвященное подготовке к великому празднику. К этому дню было решено не только выпустить специальные листовки, но и украсить город флагами, чтобы все жители видели: жива советская власть! Долго и тщательно обсуждали, где лучше вывесить флаги, кому поручить эту опасную работу. Уля Громова и Анатолий Попов взялись укрепить флаг на копре шахты № 1-бис, группа Коли Сумского решила пробраться на копер шахты № 12. Сереже Тюленину поручили вывесить флаг над зданием его родной школы имени Ворошилова. Сережа порывался еще укрепить флаг над немецким дирекционом — очень уж заманчиво было увидеть главную штаб-квартиру гитлеровцев под алым стягом! — но Женя Мошков сказал: «Дирекцион не трогайте. Он очень усиленно охраняется, да и старшие не советуют...»

Утром седьмого ноября над городом заалели флаги. Но как же были удивлены молодогвардейцы, когда увидели, что над зданием немецкого дирекциона тоже развевается красный флаг! Только Женя Мошков загадочно улыбался: он-то знал, что это дело рук группы Лютикова. Самый опасный объект коммунисты взяли на себя...

Однажды — это было уже в декабре — Женя пришел к Ване Туркеничу радостно взволнованный.

— Надо собрать ребят, — нетерпеливо заявил он. — Дело есть...

Когда собрались все члены штаба, Женя сказал:

— Очень радостные вести, ребята! Такие радостные — не знаю, как и высказать... Коротче говоря, наши скоро придут! Очень скоро!

Туркенич схватил его за локоть.

— Точно?

— Абсолютно точно! Знающие люди велели вам передать. Красная Армия в ближайшее время перейдет в решительное наступление в районе Донбасса!

Ох, как хотелось в этот миг ребятам грянуть «ура» во всю силу своих легких! Но они только молча обменялись сияющими взглядами.

— И еще старшие велели передать, — снова заговорил Женя, — чтобы мы подготовились к удару по врагу с тыла. Надо всем раздобыть оружие, заготовить боеприпасы...

— Можете считать, что все вы вооружены до зубов, — хладнокровно сказал Сережа Тюленин. — Еще летом мы в одно местечко столько немецких автоматов и винтовок натаскали, что на целый полк хватит.

— А патроны есть? — быстро спросил Туркенич.

— Есть и патроны и гранаты.

— Все это нужно сейчас перенести в город, — повернулся к Сереже Мошков. — А еще старшие сказали вот что: надо усиленно пополнять ряды организации, вовлечь в работу как можно больше крепких, проверенных ребят. Есть очень удобное место для встреч с молодежью — клуб имени Горького. В горуправе получено разрешение организовать при клубе кружки самодеятельности. Мне предложено работать там директором. Ты, Ваня, — он повернулся к Земнухову, — будешь главным администратором, а Третьякевич — художественным руководителем...

С этого времени центром всей работы молодых подпольщиков стал клуб имени Горького. Виктор Третьякевич был страстным музыкантом и еще в школе руководил кружком самодеятельности — он взялся сколотить струнный оркестр. Среди молодогвардейцев нашлось немало любителей музыки: Сережа Тюленин и Витя Лукьянченко отлично играли на балалайке, Жора Арутюнянц, Василий Левашов, Володя Загоруйко — на мандолине, Валя

Борц, Майя Пегливанова и Тося Мащенко — на гитаре. В состав оркестра были включены и те, с кем нужно было еще побеседовать, кого хотели вовлечь в организацию. На «репетициях» новичкам разъясняли цели и задачи организации, проводили собрания по приему в «Молодую гвардию». В клубе обсуждались все очередные вопросы работы организации. Здесь, в клубе, Люба Шевцова, Сережа Тюленин, Витя Лукьянченко и Сеня Остапенко обдумывали, как лучше выполнить очередное задание штаба — поджог здания биржи труда: нужно было сорвать задуманный гитлеровцами план массового угона советских людей в рабство.

Одновременно молодогвардейцы усиленно заготавливали оружие. В развалинах городской бани решили создать тайный склад для хранения его. Три ночи подряд Сережа Тюленин, Леня Дадышев, Степа Сафонов, Володя Куликов, Сеня Остапенко и Радик Юркин перетаскивали на склад оружие, подобранное группой Тюленина еще летом и спрятанное в заброшенном шурфе шахты № 22. В одну из ночей Тюленин, Сафонов и Юркин наткнулись в степи на полицейскую засаду. Выручила Сережкина смекалка: это он догадался поверх коробок с патронами насыпать в мешки семечки подсолнуха.

На тайном складе подпольщиков уже имелось 15 автоматов, 80 винтовок, 10 пистолетов, 300 гранат, около 15 тысяч патронов, 65 килограммов взрывчатки, несколько сотен метров бикфордова шнура...

Молодогвардейцы готовились к решительному и открытому бою с фашистами.

Иногда с востока ветер доносил отзвуки далекой канонады. Советские войска подходили к Донбассу. Бои шли где-то под Каменском. Каждую ночь молодые краснодонцы выходили на улицу и с жадным нетерпением поглядывали на восток. Члены штаба, прильнув к радиоприемникам, слушали последние сводки Совинформбюро: «Скорей бы!»

Диктор сообщал, что фашистские войска в районе Каменска оказывают упорное сопротивление наступающей Советской Армии.

На одном из заседаний штаба Олег Кошевой (он заменял Третьякевича, ушедшего по

заданию на несколько дней в Ворошиловград) предложил:

— Что ж мы сидим сложа руки! Давайте создадим боевой ударный кулак и пошлем его под Каменск. Свяжемся там с местными партизанами, поможем им ударить с тыла, расчистить дорогу нашим.

Так был сформирован молодежный партизанский отряд «Молот». Пятнадцать самых отважных, самых крепких духом молодогвардейцев вошли в него. Комиссаром отряда был назначен Олег Кошевой.

19 декабря 1942 года Олег написал приказ:

«Приказ по штабу

§ 1

Каждый член отряда должен хранить военную тайну, быть бдительным и дисциплинированным.

За нарушение вышестеребуемого виновный будет подвергаться высшей мере наказания.

§ 2

Приказ командира — закон.

Полученное задание член отряда должен обязательно повторить и сразу же приступить к его выполнению. Об исполнении доносить по команде.

Комиссар п/о «Молот» Кашук»

Началась подготовка к походу. Связная штаба Нина Иванцова отправилась в Каменск, чтобы установить связь с партизанами. Были запасены и продукты для отряда — шести мешков с немецкими новогодними подарками хватило бы надолго. Ждали только разрешения партийного центра. А Женя никак не мог связаться с Лютиковым. После аварии на водокатке фашисты следили за каждым шагом старого механика, а поговорить с ним наедине долго не удавалось.

Наконец через связную коммунистического подполья Налину Георгиевну Соколову Жене удалось узнать решение партийного центра: ничего не предпринимать и ждать указаний...

Внимательно следившие за положением на фронте Филипп Петрович Лютиков и Николай Петрович Бараклов точно рассчитали силы,

и преждевременное выступление молодогогвардейцев могло сорвать намеченные планы.

Снова потянулись дни томительного ожидания.

...Всего этого не знали фашистские прихвостни, когда за кражу новогодних подарков схватили Женю Мошкова, Виктора Третьякевича и Ваню Земнухова. Не знали они и того, что в момент ареста Жени Мошкова за кулисами находился Сережа Тюленин. Он видел, как Соликовский свалил с ног Женю, связал и бросил в сани...

Выскочив в окно, Сережа со всех ног помчался к Туркеничу. По дороге встретил свою старшую сестру Надю, на ходу шепнул: «Беги к нашим, передай всем, кого встретишь: «Мошков арестован!»

Весь день Сережа метался по городу. Он успел сообщить страшную вест ь Ване Туркеничу, Олегу Кошевому, Вале Борц, Толе Попову, Уле Громовой.

Вечером первого января 1943 года в доме Виценовских состоялось последнее заседание штаба «Молодой гвардии». Вел его Олег Кошевой. Единогласно было принято решение: всем членам организации разобрать оружие и немедленно оставить город, укрыться в соседних хуторах.

Утром следующего дня на квартире Толи Попова собралась первомайская группа. Уля Громова обвела взглядом присутствующих.

— Все собрались?

— Нет Геннадия Почепцова, — сообщил Демьян Фомин. — Ходил к нему — нет дома.

— Начнем без него, — негромко сказала Уля. — Сообщаю решение штаба. Гитлеров-

цы что-то пронюхали. В этот решительный момент рисковать мы не имеем права. Штаб постановил: без паники, небольшими группками всем пробираться к линии фронта. Если не удастся пробраться через фронт — уходить к родственникам, знакомым в ближайšie села и без вызова в городе не появляться.

Всего этого не знали гитлеровцы. И они наверняка так бы ничего и не узнали, если бы в подпольной организации не оказался один человек с подленькой, трусливой душонкой...

* * *

— Мы тогда еще многое не знали, — медленно говорил Подтынный. — Захаров долго бился с арестованными, затем на помощь ему пришел следователь Кулешов. Вдвоем они сильно избивали Мошкова, Земнухова и Третьякевича. Те категорически отрицали свое участие в краже немецких подарков. Наконец Соликовский сказал Захарову: «Черт с ними, выпори их еще хорошенько и гони в шею. Сейчас не до них...»

В тот самый день, когда Захаров собирался выпустить Мошкова, Земнухова и Третьякевича, я был в городской полиции и видел, как к Соликовскому прошел немецкий жандарм с пакетом. Через минуту Соликовский выскочил из кабинета страшно возбужденный и, сунув какую-то бумажку дежурному полиц аю, приказал ему: «Беги по этому адресу и приведи его сюда немедленно!»

Вскоре полиц ай привел к Соликовскому молодого парня, бледного, испуганно смотревшего по сторонам. Это он выдал полиции «Молодую гвардию», назвал всех ее участников.

ПРЕДАТЕЛЬ

В пакете, который немецкий жандарм принес Соликовскому, был всего один листок. Маленький листок из школьной тетради с неровными рваными краями. Расплывчатые, наспех написанные строчки разбегались по нему волнистыми, гнутыми линиями:

Заявление

начальнику шахты 1-бис
господину Жукову

В Краснодоне организована подпольная комсомольская организация «Молодая гвардия», в которую я вступил активным членом. Прощу в свободное время зайти ко мне на

квартиру, и я все подробно расскажу. Мой адрес: ул. Чкалова, № 12, ход 1-й, квартира Громова Василия Григорьевича.

*20 декабря 1942 года
Почепцов Геннадий.*

— Господин гауптвахтмейстер приказал немедленно заняться этим, — сказал жандарм, вручая пакет.

Соликовский читал и не верил своим глазам. Лицо его покрылось густыми багровыми пятнами, ладони рук вспотели...

Несколько раз он нетерпеливо выглядывал в коридор, спрашивал, не пришел ли Давыдов, выбегал даже на улицу. «Самому надо было пойти, — мысленно ругал он себя, — этот бирюк пока доплетется... Неужели упустим?»

Когда в кабинет вошел юноша с бледным, нервным лицом и безвольно опущенными руками, Соликовский обрадованно бросился к нему:

— Ты Почепцов?

Тот кивнул.

— Твое? — Соликовский указал на стол, где лежало заявление.

Почепцов снова кивнул.

— Ну, выкладывай все. Быстро! И смотри мне... — Соликовский взял со стола ременную плетль, поднес ее к самому лицу Почепцова.

— Нюхал?

Почепцов отшатнулся, на лбу его выступила испарина.

— Сейчас... Сейчас я все расскажу. Я не виноват! Я ничего не делал... Я только так вступил, просто так... — шаря непослушными руками по карманам, забормотал он. — Я все расскажу. Это они все делали! Они все... Вот...

Вынув из кармана скомканную бумажку, он поспешно протянул ее Соликовскому.

— Вот тут... Тут все записаны... Третьякевич, Кошевой, Туркенич, Шевцова, Тюленин, Левашов... Все! А вот тут первомайская группа, у них Попов главный... Я вам все расскажу... У них и оружие спрятано. Я вам их склад покажу, я видел...

Через час Соликовский знал все.

Вызвав к себе Захарова и Подтынного, он отдал им списки, составленные Почепцовым, приказал:

— Сегодня же ночью арестовать! Всех!

В сером бараке тревожно захлопали двери, коридор наполнился гулким топотом кованых сапог. Патрульные отряды полицейских спешно отправлялись в город.

Окинув взглядом съезжившуюся, дрожащую фигуру Почепцова, Соликовский усмехнулся:

— Можешь идти домой. Батьке привет передай. Только никуда не отлучайся. Еще понадобисься...

Почепцов испуганно затряс головой.

— Н-нет, домой мне нельзя... Они... Они меня...

— Ладно, — усмехнулся Соликовский. — Переночуешь в камере. А завтра тебе некого будет бояться...

В пустой темной камере Почепцов присел на холодный земляной пол, уткнув голову в колени. Спутанные, лихорадочные мысли беспорядочно замелькали в воспаленном мозгу. Будто в калейдоскопе, завертелись перед глазами, поплыли в розовом туманном мареве какие-то фантастические видения...

Откуда-то из мрака выплыло печальное женское лицо. Ласковые, грустные, давно поблекшие глаза, вокруг губ — мелкие частые складки. Губы чуть заметно шевелятся, шепчут: «Жалкий ты мой, единственный...» Мать. Она еще ничего не знает, ждет дома сына, как всегда, скорбно подперев кулаком щеку, думая какую-то свою невеселую вечную думу...

Вдруг настойчивый скрипучий голос прошипел над ухом: «Пока не поздно, сообщи кому следует все... Немцы щедро заплатят. Проси корову, а может, и дом подарят...» Маленькие глазки воровато бегают по сторонам, на худой длинной шее жалко бьется острый кадык... А как отчим испугался, когда увидел на столе немецкие сигареты! Он все время допытывался: с кем ходишь, чем занимаешься? И всегда радовался, когда Геннадий приносил домой найденную в степи вещь — солдатский ремень, противогаз, зажигалку... А тут испугался...

Уляша... Когда она злится, у нее сразу бежит кончик носа и руки быстро-быстро начинают перебирать свисающие на грудь косы. «Ты, Геннадий, просто хотел соригинальничать. Какой же Печорин герой? Он эгоист и думал только о себе, а на окружающих ему наплевать. И ты такой же Печорин...» После того памятного сочинения на тему «Твой любимый герой» его все в школе стали называть Печориным. И Димка Фомин, друг, тоже после этого фыркнул: «Тоже мне нашел героя... Ну, я понимаю, Чапаев, Суворов, Чкалов... А то — Печорин!» Сейчас к Димке уже, наверное, пришли... А Уляшу он все-таки не выдал. Не мог, не поднялась рука написать ее фамилию...

Внезапно бешеная пляска мыслей и воспоминаний разом оборвалась, и Геннадий представил себе яркую картину: в маленькой комнате с плотно занавешенными окнами сидят его сверстники, товарищи по школе, и Виктор Третьякевич, строгий, необыкновенно серьезный, смотрит прямо ему в глаза: «Повторяй за мной: «И если я нарушу эту священную клятву... то пусть меня покарает суровая рука моих товарищей...» Слово эхо, торжественно звучат десятки голосов: «Пусть покарает!»

...Почепцов зябко поежился. Прижавшись к сырой, шершавой стене, он в страхе закрыл глаза...

Так прошло несколько часов. Неожиданно скрипнула дверь камеры, и в квадратном, слабо освещенном проеме показалась приземистая фигура Димки Фомина. Кто-то толкнул его в спину: «Располагайся!» — и дверь снова захлопнулась.

Привыкшие к темноте глаза Почепцова хорошо различали, как Фомин, вытянув перед собой руки, сделал несколько осторожных шагов, остановился, прислушиваясь, потом, повернув голову в сторону Почепцова, шепотом спросил:

— Есть тут кто?

Почепцов промолчал, теснее прижался к стене. Димка наугад двинулся вперед, споткнувшись о вытянутые ноги Почепцова, присел на корточки, ощупал руками его грудь, шею, лицо.

— Кто, кто здесь? — И вдруг изумленно воскликнул: — Генка, ты?!

В ответ послышалось что-то неопределенное.

— Значит, тоже? — не то обрадованно, не то огорченно воскликнул Фомин. — Били? Как же они дознались? Неужели хлопцы?.. Нет... Не такие наши хлопцы... Верно, Генка? А? Ты что молчишь?

Димкина рука снова скользнула по лицу Почепцова.

— Дрожишь весь... Замерз? Боишься? Нет... — Димка подвинулся поближе, зашептал: — Слышь, Генка, наши вот-вот уже здесь будут. Мы позавчера собирались у Попова... Я бегал за тобой, мать сказала — ушел ты. И вчера тебя не видно было... Ты где пропадал, а? Да что ж ты молчишь? Заболел, что ли? Дрожишь весь, а лицо горячее. Ну-ка на вот, укройся.

Димка стянул с себя ватную стеганую телогрейку, пропитанную запахом мазута, — прошлым летом он работал трактористом в пригородном совхозе, — и накрыл Почепцова.

...Эх, Димка, Димка! Если бы ты знал, каким подлым трусом, слабодушным щенком оказался этот дрожащий хлюпик, когда-то называвшийся твоим другом!

Да, они были друзьями — крутолобый, плотный, как орешек, Демьян Фомин и болезненно-бледный, словно выросшее в подвале растение, Геннадий Почепцов. Трудно сказать, что их сдружило. Может быть, стихи — Димка очень любил их, а Геннадий слыл в школе признанным поэтом и на литературных вечерах иногда читал глухим голосом свои произведения. А может, Димке просто жаль было этого нелюдимо тихоню, и он решил взять его под свое покровительство: зная лихую Димкину натуру, никто не отважился бы обидеть Геннадия...

У Геннадия трудно сложилась жизнь. Шести лет он остался без отца. Мать, малограмотная, тихая женщина, тянулась изо всех сил, лишь бы ее единственный сын ни в чем не знал нужды. Пожалуй, только ради него вышла она вторично замуж за желчного, скупого до крайности Василия Громова: «Какой ни есть, а все отец будет».

Влияние отчима сказалось на Геннадии — у него рано появился вкус к деньгам, рос он дичком, никому не доверяясь, ни во что не веря...

Когда фашисты подошли к Краснодону, Геннадий заканчивал девятый класс. В городе не хватало транспорта для эвакуации, и старшеклассники решили пешком пробираться на восток.

Перед уходом Димка забежал к приятелю:

— А ты что же не собираешься?

— Я еще не решил... Отца жду...

— Что ты? А если отец останется — ты тоже, с фашистами?!

Геннадий неопределенно пожал плечами.

Димка ушел, а Геннадий остался в городе. Но через полмесяца они встретились снова: фашистские войска прорвались в тыл и отрезали дорогу на восток.

Потом они виделись редко — Димка пропал где-то в городе, у него там завелись новые знакомые. И вдруг однажды он сам пришел к Геннадию:

— Пойдем в Деревечки — я там кукурузное поле видел, наломаем кочанов...

Когда они зашли в глубь кукурузного поля, Димка потянул Геннадия за руку:

— Присядем, есть разговор...

Туманно, не называя фамилий, он рассказал, что в городе есть ребята, которые поклялись бить фашистов, и они уже кое-что сделали, а сейчас они готовятся к еще более решительным действиям.

— Хотел бы ты быть с ними? — посмотрел он в упор на Геннадия.

Тот утвердительно кивнул.

На следующий день Фомин свел его с Анатолием Поповым, и они втроем пошли в городской парк. Там на усыпанных опавшими листьями скамейках сидели ребята, среди которых Геннадий увидел немало своих знакомых. Они говорили о том, кто и где сегодня ночью расклеит антифашистские листовки. Это было очередное собрание молодогвардейцев. Проводил его Виктор Третьякевич. Геннадий знал его немного. Виктор был когда-то комсоргом школы имени Ворошилова и по комсомольским делам приходил иногда в Первомайку.

Так Почепцов вошел в подпольную организацию. На первых порах ему не давали никаких поручений. Он просто ходил на собрания и постепенно узнал всех членов штаба: Кошевого, Туркенича, Шевцову, Левашова. Геннадий искренне восхищался их мужеством, беззаветной храбростью и в душе хотел походить на них.

Но у него оказалась подленькая, трусливая душонка. Как только первомайская группа, в которую он входил, перешла к активным действиям против фашистов, Почепцов испугался. Смелые действия молодогвардейцев привлекли к Первомайке особое внимание немецкой жандармерии. В поселке начались повальные обыски, гитлеровцы бросили все силы на розыски отважных подпольщиков, и Геннадию каждую ночь чудилось, что сейчас за ним придут.

Страх словно прожорливый червь. Закравшись в душу, он гложет ее все дальше и дальше.

Скоро Геннадий думал только об одном — как отойти от подпольщиков, порвать с ними. Признаться товарищам в своей трусости он не решался и в то же время не мог, боялся остаться с ними.

Узнав о том, что Олег Кошевой решил создать партизанский отряд «Молот» и отправить его под Каменск, Почепцов подумал: «Вот лучший выход. Вступить в отряд, уйти из города, а там... Там видно будет...»

После некоторых раздумий его взяли в отряд, но решили предварительно проверить на деле: он должен был вместе с группой молодогвардейцев участвовать в налете на немецкую автомашину с новогодними подарками.

Ночью, перетаскивая тяжелые мешки в клуб имени Горького, Почепцов не удержался от искушения: потихоньку от товарищей он переложил несколько пачек сигарет из мешка в свой карман.

На следующий день Геннадий сидел в своей комнате, пуская в потолок кольца дыма. Вошел отчим, потирая руки, потянулся к Геннадию прикурить. Взгляд его остановился на распечатанной пачке немецких сигарет «Люкс». Громов отпрянул назад.

— Ты... Откуда у тебя эти сигареты?

— Друзья дали.

— Друзья?! Мошков, Третьякевич и Земнухов?! Ты знаешь, что они арестованы?

Это был удар, который окончательно сразил Геннадия. Они уже арестованы! Сейчас придут и за ним!

Дрожа, обливаясь слезами, Геннадий тут же во всем признался отчиму. Он рассказал, что состоит в организации, которая распространяла листовки, вывешивала красные флаги, подожгла биржу труда... Прижавшись лицом к пиджаку своего отчима, он плакал навзрыд:

— Что же мне теперь делать? Что делать, что делать?..

Громов рассеянно гладил его по голове, а сам мучительно думал: «Сейчас же, немедленно написать донос! Пусть Захаров убедится, что агент по кличке «Ванюша» не зря ест хлеб... Нет, пожалуй, лучше Геннадию самому все рассказать в полиции. Да, пусть сам... Ему заплатят больше...»

Вкрадчивым, елейным голоском он прошипел:

— Ты еще можешь спастись... Иди сейчас же в полицию. Пока не поздно, сам сообщи кому следует все, что тебе известно. Немцы простят все и еще щедро заплатят. Проси корову, а может, и дом подарят. Иди, дурачок, скорее.

Но Геннадий словно одеревенел от страха, ноги не слушались. Он упал на кровать, зарылся головой в подушку и снова зарыдал.

Позже отчим продиктовал ему текст того самого заявления, которое вскоре попало к Соликовскому.

Громов надоумил Геннадия адресовать заявление не прямо в полицию, а своему соседу — человеку, близкому к фашистской жандармерии. «Если жандармы начнут допытываться, почему раньше не сообщил обо всем, — учил он, — скажешь, что заявление написал давно, но боялся сдать в жандармерию и отнес Жукову, а тот, видимо, задержал его у себя. Да число не забудь прошлогоднее указать...»

Так было совершено предательство.

Пока трус, съездившись в комок, лежал укрытый телогрейкой человека, которого он предал, в городе уже шли повальные аресты.

Глухой морозной ночью по улицам Первомайки двигался усиленный отряд гитлеровцев. Впереди, упрятав лицо в поднятый воротник шинели, шел Подтынный, позади отряда пара коней тянула пустые сани.

Одна фамилия из списка, переданного Соликовским, Подтынному показалась знакомой — Иванихина Антонина... Где-то он уже слышал ее. Где? Подтынный долго рылся в своей памяти и, ничего не вспомнив, решил: «Начну с нее...»

Почепцов не знал точного адреса Тони Иванихиной и в доносе написал: «Живет по улице, идущей в сторону шахты № 1-бис, третий дом слева».

По этому адресу и привел Подтынный жандармов. Постучал кулаком в дверь.

— Кто там? — раздался за дверью сонный девичий голос.

— Свои! — негромко отозвался Подтынный.

— Подождите, сейчас оденусь...

Но Подтынный не стал ждать. Навалившись плечом, сорвал дверь с крючка, вошел в полутемную комнату.

Посреди комнаты стояла девушка в белой ночной сорочке и, испуганно прикрывая руками голые плечи, вопросительно смотрела на Подтынного широко раскрытыми серыми глазами. Увидев эти глаза, Подтынный вздрогнул. Будто вспышка молнии заставила его зажмуриться. Он вспомнил: лагерь военнопленных под Уманью, лежащие вповалку тела тяжело раненных бойцов и сероглазая девушка в рваной солдатской гимнастерке. «Может, знаешь Иванихиных? Я их старшая дочка, Тоня...»

Воспоминание нахлынуло так неожиданно, что Подтынный растерялся. Он стоял посреди комнаты, неловко расставив ноги, обхватив правой ладонью кожаную кобуру пистолета.

— Вот и встретились... — хрипло выговорил он. Тоня сразу узнала бывшего лейтенанта. В глазах ее сначала мелькнуло радостное недо-

умение, но за спиной Подтынного показались грязно-голубые жандармские шинели, и она все поняла. Звонко, будто пощечину, она бросила ему в лицо:

— Подлец!

Жандармы молча навалились на Тоню, заломили ей назад руки. Полуголую, босую, ее выволокли на снег, бросили в сани... Подтынный медленно прошел в голову колонны и буркнул:

— Сюда, налево...

Недалеко от Тони жили Бондаревы. В списке их было двое — Василий и Саша, брат и сестра. Дверь открыла миловидная, пухленькая девушка с задорно вздернутым носиком и живыми глазами.

— Это я, Шура Бондарева. А Василия нет дома — ушел с родными на хутор... Что? Зачем? Ах, хорошо, я сейчас...

Она подбежала к широкой скамейке, на которой спал мальчишка лет восьми—девяти, растормошила его, поцеловала и торопливо заговорила:

— Коленька, ты не плачь, я скоро приду... Беги пока к Поповым, переночуешь у них...

Она накинула ему на плечи старое пальтишко, подтолкнула к выходу.

— Наин, найн... — преградил им дорогу жандарм. Ухватив мальчишку за ухо, он вытащил его на улицу, бросил в сани. Затем повернулся к Шуре: — Битте...

Следующим в списке значился Анатолий Попов. В доме еще не спали. Мать Анатолия, Таисия Прокофьевна, ласковая, гостеприимная женщина, привыкшая к тому, что ее сына часто навещали друзья в позднее время, на стук сразу открыла дверь и, услышав из темноты: «Дома Анатолий?» — добродушно проговорила:

— Та дома, дома, проходите. В самый раз на ужин попали...

И только когда в комнату, гремя сапогами, ввалились вооруженные жандармы, она почувствовала недоброе, с тревогой посмотрела на сына.

Оттолкнув ее, Подтынный шагнул к сидевшему за столом Анатолию.

— Выходи!

Анатолий отставил в сторону недопитый стакан чаю, встал, открыл шкаф, неторопливо принялся рыться в нем.

— Поживей! — прикрикнул Подтынный. Анатолий спокойно посмотрел на Подтынного:

— Не на пожар...

— Кому сказано: быстрее! — закричал Подтынный и, подскочив к Анатолию, ожег его плетью. В тот же миг короткий сильный удар под челюсть опрокинул Подтынного навзничь. Падая, он ухватился рукой за край стола, свалил его вместе со стоявшей на нем керосиновой лампой...

На какой-то миг Подтынный потерял сознание. Придя в себя, он услышал в углу глухие удары, поднялся, чиркнул спичкой — двое жандармов сидели верхом на спине Анатолия, третий скручивал ему руки веревкой.

Только теперь Подтынный вспомнил: он уже встречался с этим парнем. Летом, возле памятника Борцам революции. Это за его плечо держалась тогда Ульяна Громова, с открытым презрением и ненавистью глядя на Подтынного.

Вспомнив об Ульяне, Подтынный решил, что теперь он рассчитается с нею за все.

Громовой в списке не было, но Подтынного это не смущало. Когда жандармы кинули в сани избитого, связанного по рукам и ногам Анатолия Попова, он приказал кучеру:

— К Громовым!

До самого рассвета рыскал Подтынный по поселку. В эту ночь были взяты почти все члены первомайской группы. Жандармы арестовали Бориса Главана, Майю Пегливанову, Сашу Дубровину, Геннадия Лукашова, Нину Минаеву, Владимира Рагозина, Ангелину Самошину, Нину Герасимову...

Захарову повезло меньше. Многим из названных Почепцовым членам «Молодой гвардии» в эту ночь удалось уйти от ареста. Жандармы не застали дома Сережу Тюленина: за несколько часов до их прихода он убежал вместе со своими друзьями — Степой Сафоновым, Валею Борц, Радиком Юркиным. Укрылись у своих знакомых в близлежащих селах Иван Туркенич, Олег Кошевой, Василий Ле-

вашов, Анатолий Лопухов, Нина и Оля Ивановы, Георгий Арутюнянц, Анатолий Ковалев, Миша Григорьев. Не было в ту ночь в городе и Любы Шевцовой: накануне она срочно выехала в Ворошиловград.

...А тот, кто из трусости, из боязни за свою шкуру продал врагам своих товарищей, в это самое время, скорчившись, сидел рядом с преданным им же бывшим своим другом и, тихо всхлипывая, глотал горько-соленые слезы.

...Утром в камеру просунулась лохматая голова полиция.

— Почепцов! Выходи...

Димка встрепенулся, пригнув к себе голову Почепцова, зашептал ободряюще:

— Держись, Генка! На допрос, наверное, зовут. Бить будут — ни в чем не сознавайся! Помни клятву!

Вобрав голову в плечи, Почепцов, согнувшись, неверными шагами направился к выходу. Димка сочувствующе смотрел ему вслед и сокрушенно вздыхал: «Эх, жаль Генку!» Он так и не узнал, что бывший друг его оказался предателем.

А Почепцов, войдя в кабинет Соликовского, сразу забыл о всех кошмарах, которые терзали его ночью. Он посмотрел на груды плетей, сваленных на письменном столе, и по спине его прошел холодок.

Откуда-то издалека донесся до него голос Соликовского:

— Ну, как спалось? Теперь можешь идти домой спокойно. Дружки твои от нас не вырвутся!

Потом кто-то спросил Почепцова, о чем говорил в камере его сосед Демьян Фомин, Почепцов поспешно передал все, что услышал от своего бывшего друга...

— Эх, рано тебя выпускаем, — пропел тот же гнусавый голос. — Поддержать бы его еще дней пяток в камерах, он бы нам помог...

— Ладно, без него управимся, — прогудел бас Соликовского. — Иди, Почепцов...

Шатаясь как пьяный, Почепцов вышел из серого барака...

* * *

Записав рассказ Подтынного, следователь отложил в сторону ручку.

— Расскажите о дальнейших действиях полиции.

— На следующий же день работники полиции совместно с жандармерией начали допросы арестованных, — продолжал рассказ Подтынный. — Молодогвардейцев жестоко избивали плетью, резиновым шлангом, проволокой, чтобы заставить их дать показания, выдать своих сообщников.

— Вы лично тоже допрашивали арестованных?

— Да... В первых числах января меня вызвал к себе Соликовский и сообщил, что я назначен заместителем начальника полиции. С этого дня я все время находился в сером бараке, часто заходил в комнаты, где проходили допросы...

СНОВА ДОПРОСЫ

Краснодон — городок небольшой. Весть о ночных арестах разнеслась по нему быстрее ветра. Скоро не было в городе человека, который не знал бы о страшном событии.

С утра стягивались к серому бараку утрюмо-молчаливые вереницы людей. Шли родители арестованных в надежде узнать что-нибудь о судьбе своих детей, соседи, знакомые и незнакомые. Толпились на небольшой площади перед бараком, напряженно вслушивались, стараясь

уловить каждый шорох, каждый звук, возникавший за слепыми, перечерченными проволокой окнами. Иногда оттуда доносились приглушенные стоны, страшные вопли. Тогда толпа подвигалась ближе к бараку, матери, заламывая руки, бросались к полицаям, хмуро стоявшему у двери.

— Доченька! Доченька моя там... Пустите! То-сенька-а-а!

— Ироды! Душегубы проклятые, что вы делаете!..

Полицай, опасно косясь на тревожно гудящую толпу, щелкал затвором винтовки:

— Разойдись! Кому сказано — не подходи! Уйди, бабка, не велено подпускать!

— Хоть передачу возьмите! Раздетые они там, в одном белье...

— Ничего, не померзнут, — скалил зубы полицай. — Их там согреют...

Толпа то отступала, то снова тревожно подступала к бараку...

На третьи сутки Соликовский разрешил дежурному полицая принимать передачи арестованным. Только тогда напряжение немного спало — значит, живы...

Слухи об арестах дошли и до Георгия Стаценко — сына бургомистра. Он учился в школе имени Горького, хорошо знал Олега Кошевого, Ваню Земнухова, Жору Арутюнянца, Василия Левашова, Васю Пирожка, хотя и не дружил с ними — он был на несколько лет старше, потому что дважды оставался на второй год. В 1941 году Георгий был призван в армию, но как только началась война, дезертировал и укрывался под крылышком отца до прихода немцев. В оккупированном городе он слонялся целыми днями по улицам, иногда встречался со своими бывшими соучениками и кое-что знал про их тайные сходки.

Весть об аресте Георгий воспринял как должное: «Доигрались!» Из любопытства он тоже отправился к зданию полиции и по дороге неожиданно столкнулся с Жорой Арутюнянцем.

— Ты еще на воле?

Жора невозмутимо пожал плечами и прошел мимо.

Дома за обедом отец Стаценко рассказывал последние новости:

— Соликовский приходил в горуправу. Говорит, надо новое помещение под тюрьму подобрать — некуда сажать арестованных. Господи, как хорошо, что их всех повыловили! Сколько бы еще бед натворили!..

Георгий фыркнул в тарелку:

— Ну уж всех! Многие еще на воле гуляют...

— Что ты болтаешь! — встревожился отец. — Тебе что-нибудь известно?

— Кое-что... — многозначительно ухмыльнулся Георгий.

Через несколько минут бургомистр сидел в кабинете Зонса и взволнованно говорил:

— Их надо немедленно арестовать... Сын утверждает, что они наверняка состоят в этой банде. Вот посмотрите, кого он подозревает...

Зонс настороженно слушал сбивчивый рассказ бургомистра. Накануне в жандармерии побывала одна из соучениц арестованных молодогвардейцев. Она тоже утверждала, что в подпольной организации состоит более ста человек и полиция арестовала далеко не всех. Правда, сама она не была связана с подпольщиками и поэтому ничего определенного сообщить не могла, а высказывала только свои предположения. Зонс тогда не придавал им особого значения. Но вот еще один настораживающий сигнал...

Зонс тут же приказал Соликовскому арестовать всех подозрительных лиц, названных Стаценко. А сам решил еще раз самолично допросить Геннадия Почепцова.

Неслышно, словно тень, проскользнул Почепцов в кабинет начальника жандармерии. Часовой у входа, вооруженные до зубов солдаты, сновавшие по коридорам, чужая, непонятная речь, обрывки которой доносились из-за прикрытых дверей, — все это так угнетающе действовало на него, что он, войдя в кабинет, готов был броситься в ноги грозному жандармскому начальнику.

Зонс принял его ласково. Усадил рядом с собой, предложил сигарету.

— Ты оказал нам большую услугу, честно признавшись во всем, — начал Зонс. — С твоей помощью мы разгромили гнездо заговорщиков...

Почепцов молчал, поглаживая рукой подрагивающее колено, пытаясь унять дрожь.

— Но ты сказал нам не все, — продолжал Зонс, постепенно повышая голос. — Кое-что ты хотел скрыть от нас... А знаешь, как мы поступаем с теми, кто пытается нас обмануть? О, с такими мы поступаем очень... — он запнулся, подбирая нужное слово, — очень круто!

Почепцов поднял на Зонса глаза, полные беспредельного ужаса. Лицо его сразу посерело, сморщилось, маленький, резко очерченный рот страдальчески задержался.

— Я... я не хотел вас обмануть. Я назвал почти всех...

Зонс резко повернулся.

— Почти? Кого же ты хотел скрыть от нас? Почепцов отвел глаза, едва слышно проговорил:

— Я не сказал сразу, что в штабе состоит еще... Громова Ульяна.

— Гм... Ну, она уже арестована. Как видишь, нам все известно. Припомни, кого еще ты упустил. Назови всех, с кем встречался, кого видел на собраниях. Всех!

Мокрые, слипшиеся ресницы Почепцова растерянно дрогнули. Он назвал всех известных ему членов «Молодой гвардии». Всех, даже Уляшу...

Зонс требовательно и выжидающе смотрел на него. Чувствуя на себе этот сверлящий взгляд, Почепцов стал вспоминать всех, с кем доводилось ему встречаться или просто случайно видеться в те дни, когда он был в подпольной организации.

— На собрании однажды я видел Клаву Ковалеву, из хутора... Земнухов ее приводил.

— Ковалева. Еще кто?

— Еще девушка была, красивая такая, с косами. Фамилии точно не знаю... Кажется, Сопова...

— Отлично. Еще?

— Видел Дадышева, он нерусский, отец у него из Ирана... Витька Лукьянченко там вертелся, Тюленина приятель. Только не знаю, может, он случайно там оказался, больше ни разу с ним не встречался...

Взглядом затравленного зверька Почепцов следил за прыгающим по блокноту карандашом и, боясь остановиться, называл одну за другой фамилии своих сверстников: Виценовский, Григорьев, Загоруйко, Куликов, Субботин...

Он вспомнил, что в Первомайке живет Иван Чернышев, которому он сам однажды рассказал о «Молодой гвардии» и предложил

вступить в нее. Чернышев отказался тогда, но Почепцов решил назвать и его.

— Та-ак... — довольно протянул Зонс. — Ну что ж, если еще кого вспомнишь — сообщи немедленно... — И пронизывающе посмотрел на Почепцова.

— Слышал ты такую фамилию — Лю-ти-ков? Он произнес эту фамилию с особым нажимом, делая ударение на каждом слоге.

— На собраниях ее никто не называл?

Почепцов отрицательно покачал головой.

— А ты припомни, припомни хорошенько, — досадливо поморщился Зонс. — Может, кто;нибудь из коммунистов бывал на собраниях? Может, приходили незнакомые? Хорошенько вспомни...

Почепцов снова задумался. Наконец он поднял голову, виновато посмотрел на Зонса:

— Нет, никого не знаю. Вот разве только...

И он рассказал единственный эпизод, который показался ему подозрительным. Однажды — это было в последних числах декабря — он увидел на улице Евгения Мошкова, разговаривавшего с какой-то пожилой незнакомой женщиной. У обоих были озабоченные лица, но когда Почепцов подошел к ним, они вдруг рассмеялись и непринужденно стали говорить о наступающем Новом годе, о вечеринке... Женщина сразу ушла, и Почепцов спросил у Мошкова: «Кто это?» Мошков безразлично махнул рукой: «Да так... знакомая» — и сразу перевел разговор на новогодний праздник.

Зонс оживился.

— Женщина, говоришь? Пожилая? Любопытно... Он встал из-за стола, взял в руки карандаш, поиграл им, что-то соображая, вдруг стремительно вышел и через несколько минут втолкнул в кабинет седую женщину в пуховом платке и бостоновом пальто. Левый рукав пальто был наполовину оторван, из прорехи ключьями торчала вата.

Зонс строго взглянул на Почепцова.

— Она?

Почепцов поднял голову и вздрогнул. На него смотрели по-матерински добрые, в лучистых морщинках глаза. Взгляд был серьезный и в то же время ласковый, теплый...

Поспешно отведя глаза в сторону, Почепцов снова низко нагнул голову, едва слышно прошептал:

— Она...

— Ну вот, Соколова, — обрадовался Зонс, — вас опознали на очной ставке и подтвердили, что через вас коммунисты передавали указания штабу молодежной организации. Вы хотите лично удостовериться в этом? Повтори, Почепцов...

Не поднимая глаз, Почепцов повторил свой рассказ.

— Не понимаю, что вас так обрадовало, — спокойно сказала Соколова. — Мошкова я действительно знаю, несколько дней назад встретилась с ним на улице... Ну и что же?

— О, ничего больше! — торопливо заговорил Зонс. — Ничего больше! Теперь нам все ясно. Ты можешь идти, Почепцов... А с вами, Соколова, у нас будет особый разговор. И вы развяжете, наконец, свой язык. Мы вам развяжем его!

Зонс ликовал. Все эти дни он терпеливо, шаг за шагом, изучал работу русских в мастерских. Барон Швейде, которому он, не скупясь на краски, рассказал о тайном заговоре коммунистов, был так напуган, что теперь не только не препятствовал, а даже сам активно участвовал в разоблачении своих бывших «помощников». Вместе с ним Зонс составил схему размещения людей на предприятиях города, обозначил места, где происходили аварии и поломки машин, пометил даты. Он убедился, что все эти «случайные» недоразумения были деталями отлично продуманного общего плана диверсий и массового саботажа.

Они происходили в самых уязвимых местах и в самое критическое время.

Еще до того, как Зонс окончательно убедился в этом, он отдал распоряжение арестовать всех известных жандармерии коммунистов. Так были схвачены бывший председатель райисполкома Степан Григорьевич Яковлев, Налина Георгиевна Соколова, Мария Георгиевна Дымченко, которую три месяца назад «пощадил» майор Гендеман.

Зонс уже подготовил подробный доклад в окружную жандармерию о разоблачении под-

польной организации в Краснодоне. Но в картине, нарисованной в докладе, был один пробел: Зонс не знал, каким образом коммунисты руководили операциями молодежной группы. Это была загадка, которую начальник жандармерии долго не мог разрешить. Не доверяя даже полиции, Зонс сам допрашивал арестованных коммунистов, пытаясь выведать этот секрет. Он зверски избивал их, применял все известные ему способы пыток, но не смог вытянуть из них ни слова. Коммунисты молчали. И вот маленький эпизод, рассказанный Почепцовым, помог ему найти ключ к этой загадке...

Зонс начисто переписал доклад, уложил его в конверт и с нарочным отправил в Красный Луч, начальнику окружной жандармерии полковнику Ренатусу.

Снова по городу рыскали отряды полицейских и жандармов. Не дожидаясь темноты, среди бела дня врываются в дома, волокли по улицам избитых, окровавленных парней и девочек. На санях из Ново-Александровки привезли Клаву Ковалеву — хорошенькую пышноволосяную девушку с чуть раскосыми глазами. Она лежала в санях, откинув назад голову, испуганно озираясь вокруг. Двое дюжих жандармов протащили за руки почти через весь город пятнадцатилетнего Витю Лукьянченко. Витя кричал, кусался, и жандармы всю дорогу колотили его кулаками по худенькой сухой спине. Усатый конный жандарм поймал на улице Виктора Петрова. Связав ему руки, он прикрепил конец веревки к своему поясу, вскочил в седло и пустил коня вскачь.

По совету Кулешова Подтынный распорядился для всех вновь прибывших арестованных выделить отдельную камеру.

— Сводить вместе их никак нельзя, — рассуждал Кулешов. — Сговорятся между собой. Тогда из них ничего не вытянешь. С теми вон сколько бьемся... А этих надо горяченькими прихватить, прижать как следует — все выложат.

«В самом деле, те, кого схватили сегодня, не знают, как напали на их след. С ходу ошарашить, убедить, что вожаки организации во всем сознались и выдали остальных, — быстро

созрел план в голове Подтынного, — не давая опомниться, выведать все...»

Не дожидаясь Соликовского — тот, по видимому, опять запил, — Подтынный решил немедленно приступить к допросам арестованных. На всякий случай спросил разрешения у жандармского офицера, которому Зонс поручил присутствовать при допросах. Офицер по-русски понимал плохо, переводчика поблизости не оказалось, и Подтынному пришлось изъясняться жестами: кивнув в сторону камер, он энергично замахал кулаками, будто избивал кого-то.

— О, гут, гут! — живо блеснул глазами офицер.

Через минуту Кулешов притащил за ухо шустрого, подвижного, как ртуть, подростка с красными мальчишескими руками и крупной головой, высоко сидящей на тонкой невозможной шее. Скривившись от боли, он вертелся вьюном, стараясь высвободить ухо из цепких пальцев Кулешова.

— Попался!

Подтынный окинул взглядом худенькую фигурку.

— Стань вот здесь и быстро отвечай на мои вопросы. Фамилия?

Мальчишка испуганно вытаращил глаза, потирая рукой малиновое ухо.

— Лукьянченко Витя...

— Сколько лет?

— Шестнадцать... в апреле исполнится. А что?

Подтынный ухватил Витю сзади за шею двумя пальцами.

— Слушай, сопляк! Ваши главари сознались во всем и выдали нам всю шайку. Если расскажешь все, что знаешь, сейчас же отпустим на волю. Начнешь врать — тебя убьют как собаку, понял? Отвечай быстро: сколько человек в вашей банде? Кто главный? Где спрятано оружие? Говори!

Измумление Вити было настолько искренним, в синих, широко раскрытых глазах было столько неподдельного ужаса, что Подтынный невольно расслабил пальцы, еще сжимавшие тонкую шею.

Витя повертел головой, будто широкий отложной воротник рубашки вдруг стал ему тесен, испуганно заговорил:

— Какая банда? Какое оружие? Да у меня сроду... Правда, рогатка была... Так я ее еще год назад променял! А оружие... Откуда?..

В разговор вмешался Кулешов.

— Рогатка? Ах ты, щенок! А листовки кто расклеивал? Кто биржу труда поджег? Кто флаги развешивал? Ну?!

Звонко шлепнув ладонью по затылку, он больно крутнул Витю за ухо, ударил коленом в бок.

Но Витя как будто не чувствовал боли. Еще сильнее вытянув шею, смешно шевеля оттопыренными ушами, он даже заикаться стал от недоумения.

— Кто, я? Да вы, вы что?.. Да пусть хоть кто... Да чтоб меня на куски!.. Чтоб глаза мои лопнули!.. Чтоб руки поотпадали!..

Он произносил еще много страшных клятв, а Подтынный смотрел на него исподлобья и терялся в мыслях. «Врет, изворачивается? Да нет, не похоже... Совсем мальчишка, куда ему так ловко... А вдруг притворяется? От этих всего можно ждать. Нет, надо еще припугнуть», — твердо решил он и приказал Кулешову:

— На скамью его! До смерти, пока не сознается...

Нахмурившись, Подтынный сел за стол, ожесточенно задымил сигаретой. Настроение испортилось. Нет, не так-то просто запугать этих мальчишек...

Черт их разберет, может, и правда ничего не знают? Но кто же тогда расклеивал листовки, нападал на немецкую охрану, закладывал мины на дорогах? Хоть бы одного заставить заговорить, найти зацепку... Кулешов неслышно подошел, понимающе заговорил:

— Не огорчайтесь, Василий Дмитриевич. Первый блин, как говорится, всегда комом... Их вон сколько еще — в камерах не продохнуть, кто-нибудь заговорит... Звать следующего?

Подтынный вяло кивнул.

— Зови.

Один за другим входили в кабинет молодые, безусые хлопцы. Становились перед столом, усмехаясь, — или удивленно вскидывая брови, или сердито хмуря лоб, — отвечали коротко, односложно: «Нет, ничего не знаю, первый раз слышу»... Ответы были одни и те же, и Подтынный вскоре перестал задавать вопросы и только коротко приказывал:

— Дадышев? На скамью...

— Гуков? На скамью...

— Бондарев? На скамью...

— Главан? На скамью...

Неожиданно чистый девичий голос заставил его поднять голову:

— Можно?

Так неуместно прозвучал обычный, вежливый вопрос в этой забрызганной кровью комнате, что Подтынный в первую минуту опешил. На пороге, закинув руки назад, стояла невысокая девушка в скромном темном костюме. Ее лицо с правильными, мягкими чертами раздурманилось от мороза. Девушка неторопливо сделала несколько шагов вперед, и только теперь Подтынный заметил, что руки у нее связаны.

— Ковалева Клавдия, — шепнул на ухо Кулешов. — Только привезли...

По виду Клава походила на старшеклассницу. Каштановые, слегка волнистые волосы аккуратно уложены, строгий черный воротник плотно облегает красивую шею. Говорит она, слегка растягивая слова, чуть-чуть картавя. Нет, она не знает, за что ее арестовали. Никакого отношения к подпольной организации она не имеет. Все названные фамилии она слышит впервые. Она живет на хуторе и в городе бывает редко. Знакомых здесь у нее нет...

Подтынный рассеянно слушал ее ровный тихий голос и раздумывал, как поступить дальше. Он чувствовал на себе выжидающий, с заметной ехидцей взгляд Кулешова, украдкой косился на бесстрастное лицо жандармского офицера... Короткое колебание — и привычный возглас:

— На скамью!

Кулешов проворно кинулся выполнять приказание. Он уже поднял с пола моток ве-

ревки, подвел Клаву к скамье, когда в комнату вошел Соликовский.

Начальник полиции был в отличном расположении духа. Не раздеваясь, он подошел к Кулешову, похлопал его по спине:

— Стараешься, адвокат? Ну-ну... А ведь с тебя причитается! Нашлась твоя краля...

— Какая краля? — не понял Кулешов.

— Э-э, не прикидывайся овечкой, знаем мы вас, интеллигентов! Любку Шевцову помнишь? Это ж ты первый ее заметил, летом тогда приводил. Упустили мы ее тогда, как лопухи... Так вот, поймали ее в Ворошиловграде. Везут сюда... — Он восхищенно покрутил головой. — Нет, что ни говори, а немцы — сила! Все у них организовано, все расписано, как по нотам. Дана команда — разыскать! Раз-два — готово!

— Да, очень культурная нация, — вежливо поддакнул Кулешов.

— А насчет остальных как, Василий Александрович, — спросил Подтынный, — ничего не слышно?

— Найдутся и остальные, — отозвался Соликовский, снимая дубленный полушубок. — От нас не уйдут!

— Ну, как тут у вас? Э-те-те, какая голубка попала в нашу клетку! Кто такая?

Подтынный коротко рассказал о результатах допроса Ковалевой.

— Ковалева? — переспросил Соликовский. — Никого не знает? Ну, это мы сейчас проверим...

Не спуская глаз с Ковалевой, он постучал кулаком в стенку.

— Черенков! Веди сюда Земнухова!

Ковалева не шелохнулась. Когда Черенков ввел Земнухова, Клава только на миг метнула взгляд к двери и с безразличным видом отвернулась.

Земнухов стоял, устало опершись о дверной косяк. Лицо его было похоже на страшную маску — все в ссадинах, кровоподтеках, на теле, едва прикрытом превратившейся в лохмотья рубахой, зияли свежие, сочившиеся кровью рубцы.

— Узнаешь? — с издевкой спросил Соликовский, указывая на Клаву.

Земнухов близоруко сощурился:

— Первый раз вижу эту девушку.

— Гм... А ты, Ковалева, что скажешь?

Не поднимая глаз, Клава с чуть заметной дрожью в голосе проговорила:

— Мы с ним не знакомы.

— А ты присмотришься получше... Правда, в нашей парикмахерской ему немного изменили прическу, — съязвил Соликовский.

Клава отрицательно покачала головой.

Соликовский подбежал к девушке, повалил ее на скамью, сорвал с нее одежду... Взяв в руки скрученный вдвое телефонный шнур, он повернулся к Земнухову:

— Я запорю ее, слышишь ты, сучий выродок, задущу ее сейчас своими руками, если ты не скажешь, что знаешь ее!

Даже сквозь багрово-черные синяки и подтеки было видно, как побледнел Земнухов. Он стоял, закусив нижнюю губу, и из губы, змеясь по подбородку, струилась кровь...

Прошла неделя с того дня, как донос Почепова попал в руки Соликовскому. Несколько десятков юношей и девушек были брошены в камеры полиции.

Гитлеровцы применяли самые жестокие пытки, какие только могли придумать, чтобы заставить их говорить, но они упорно отказывались давать показания. Вечером Соликовского и Подтынного пригласил к себе Зонс. Когда они вошли, Зонс торжественно встал, взял руку под козырек.

— Поздравляю вас с оказанной вам высокой честью, — напыщенно произнес он. — За особые заслуги перед великой Германией господин полковник приказал зачислить вас, господин Соликовский, и вас, господин Подтынный, в ряды непобедимой германской армии с присвоением вам воинского звания фельдфебеля. Официальный приказ получите завтра. Поздравляю вас, господа фельдфебели!

Зонс пожал им руки, а затем, наклонившись вперед, многозначительно шепнул:

— Господин полковник сообщил важную новость. Завтра в Краснодар прибывает специальный отряд гестапо. Германская тайная полиция всерьез заинтересовалась «Молодой

гвардией» и сама поведет дальнейшее следствие...

Утром следующего дня огромный, невероятно тучный человек в черном кителе, на левом рукаве которого белела повязка с фашистской свастикой, вошел в кабинет Соликовского и бесцеремонно, не обращая никакого внимания на Соликовского и Подтынного, тщательно оглядел комнату. Легко приподнял и поставил наискось письменный стол, затем подошел к окну, подергал шпингалеты, передвинул на середину комнаты деревянную скамью, диван оттолкнул ногой в дальний угол. Потом, еще раз окинув взглядом комнату, приоткрыл дверь и высоким, женским голосом, никак не вязавшимся с его мощной мешковатой фигурой, крикнул что-то по-немецки.

Такие же мрачные и такие же бесцеремонные люди в черных гестаповских мундирах тотчас заполнили весь кабинет. Двое дюжих солдат внесли в комнату большой тяжелый ящик с бутылками, по знаку своего шефа поставили его под стол. Следом за ними еще двое втащили в комнату странное деревянное сооружение, напоминавшее гимнастического «коня». Очень широкий в плечах и тонкий в талии солдат на вытянутых руках внес большую металлическую жаровню и, надев кожаный фартук, тут же принялся разводить в ней огонь. Один из гестаповцев притащил патефон и поставил его возле окна. На столе, на подоконниках, на деревянной скамье появились ящики с какими-то диковинными инструментами — метровыми щипцами, железными крючьями, кольцами...

Когда все это было распаковано и разложено, шеф уселся за стол и только теперь посмотрел на застывшего Соликовского.

— Мы будем работать ваш комната. Отшен ка-роши комната... Вы есть русский полицеймайстер?

Соликовский подбросил руку к папахе.

— Так точно, господин... господин...

— Майстер, — подсказал шеф. — Я имею быть майстер. Вы есть полицеймайстер, я — майстер, ха-ха-ха!..

Соликовский подумал, что майстер — это фамилия. До сих пор ко всем немцам он обращался только по их званию, и назвать шефа гестапо просто по фамилии он не сразу решился. Но так как шеф больше ни слова не добавил и продолжал смеяться, он осмелился робко представиться:

— Так точно, господин... Майстер. Фельдфебель Соликовский! — и потянул к себе за рукав Подтынного. — Мой заместитель фельдфебель Подтынный...

Шеф кончил смеяться и, протерев глаза кончиком не очень свежего носового платка, указал на стул.

— Возьмите свой место... Будем иметь э-э... немножко разговор.

Подтынному он не предложил сесть, и тот продолжал стоять, вытянув руки по швам.

— Вы будет рассказывает, какой работа ваша полицейкоманда делал русский партизан. Все рассказывает...

Старательно подбирая слова, которые казались ему самыми простыми и понятными, Соликовский принялся подробно рассказывать обо всем, что происходило в полиции в эти дни: как удалось заполучить список почти всей подпольной организации, как ловко и быстро были схвачены молодогвардейцы...

— Все партизан арестованный? — неожиданно оборвал его «майстер».

— Нет, пока не все, некоторым удалось убежать... Да куда они денутся? Побегают и придут домой. Мы установили постоянное наблюдение за квартирами...

«Майстер» недовольно пробормотал что-то, холодно взглянув на Соликовского.

— Сколько вы зеваль?

Соликовский не сразу сообразил, о чем спросил шеф, и Подтынный пришел ему на помощь. Он раскрыл лежавшую на столе папку, быстро подсчитал.

— Еще не пойманы восемнадцать человек, господин майстер. Вот их список.

Гестаповец подвинул папку, медленно, будто запоминая, перечитал вслух все фамилии. Потом взглянул на Подтынного своими глазами-кнопками:

— Плёхой работа... Вы есть не фельдфебель. Вы есть... э-э-э...

— Но мы арестовали их родителей, — поспешил доложить Соликовский. — Фатер и матер — понимаете, господин Майстер? Они будут сидеть в камерах, пока не скажут, где их дети...

«Майстер» сердито спросил, как проводились допросы арестованных и какие показания дали молодогвардейцы.

— О, мы с ними не церемонились! — живо воскликнул Соликовский. Он сообщил, что все арестованные допрошены по нескольку раз, за исключением Швецовой, которую привезли только вчера. Главари организации — Третьякевич, Земнухов, Мошков, Попов и другие — уже избиты так, что на допрос их приходится чуть ли не на руках приносить.

— Нам не удалось пока получить нужные сведения. Но эта штука заставит их развязать языки! — он положил на стол мохнатый кулак.

«Майстер» улыбнулся, будто хотел сказать что-то приятное.

— Вы есть глупый толстый дурак. Этот штука может пугать маленький дети. Партизан нужен другой штука... Мы вам покажем, что есть настоящая кароший работа! Германский гестапо умеет кароший работа, ха-ха-ха!..

«Майстер» больше ни о чем не спрашивал. Тяжело поднявшись, он вышел из кабинета. Следом двинулись гестаповцы. Соликовский и Подтынный, потоптавшись на месте, неуверенно пошли за ними.

В коридоре «майстер» распахнул первую попавшуюся дверь — это была женская камера, она размещалась напротив кабинета Соликовского.

Тяжелый, насыщенный парами воздух ударил в нос. Небольшая квадратная комната была набита битком. Девушки, женщины с детьми, старухи сидели прямо на полу или стояли у стен, тесно прижавшись друг к другу.

«Майстер» подозвал Соликовского.

— Все партизан? — спросил он, указав на камеру.

Соликовский вполголоса пояснил:

— Тут есть также их родители. Я докладывал вам... Некоторые арестованы по подозрению в соучастии...

«Майстер» заглянул в следующую дверь.

— Здесь?

— Тоже... — кивнул головой Соликовский.

Проверив все камеры, «майстер» вышел из коридора прямо на улицу. Возле барака его ожидала крытая брезентом штабная машина. У самой машины он остановился и поманил пальцем Соликовского.

— Сегодня вы будет выгоняйт всех лишний! Матка, татка — всех! Оставляйт только партизан! Завтра гестапо показывайт настоящий работа!

И, повернувшись, с трудом втиснулся в машину. Соликовский вернулся в свой кабинет и сказал Подтынному:

— Ну, давай списки. Будем смотреть, кому идти в рай, а кому — в ад...

В этот день вернулись домой все родители молодогвардейцев и те, кого арестовали просто по подозрению. В их число попал и Витя Лукьянченко — против него никаких улик не было. В камерах остались коммунисты и молодогвардейцы.

То, что происходило затем в сером бараке, описать невозможно. Помните короткие, страшные строки романа А. Фадеева «Молодая гвардия»: «И мучения, которым их подвергали теперь, были мучения, уже непредставимые человеческим сознанием, невысказанные с точки зрения человеческого разума и совести».

Описывая жуткие сцены истязаний и пыток молодогвардейцев, А. Фадеев ни на йоту не отходил от правды. Они основаны на признаниях самих палачей, позже представших перед народным судом за свои злодеяния. Фашистские выродки рассказали, что во время пыток Анатолию Попову отрубили ступню и раздробили пальцы рук, Николаю Сумскому перебили правую руку, сломали ключицу, выбили глаз, Владимиру Осьмухину отрубили кисть правой руки... Особенно зверским истязаниям были подвергнуты девушки. Молоденькую учительницу из поселка Краснодон Тосю Елисеенко фашисты посадили на раскаленную плиту, Тоне Иванихиной вырезали грудь и выжгли глаза, у Ули Громовой вырезали на спине звезду.

Но как ни лютовали гитлеровцы, они не смогли поставить молодогвардейцев на колени, сломить их дух. Юные патриоты стойко перенесли все тяжкие испытания, выпавшие на их долю.

Виктор Третьякевич после многократно повторившихся пыток сказал «майстеру»:

— Вы рассчитываете на то, что ваши средневековые орудия пыток произведут устрашающее действие? Напрасно! Мне не надо минуты на раздумывание. Я скажу вам все. Да, это мы убивали фашистов, уничтожали вашу технику. Мы старались делать все, чтобы прогнать вас с нашей земли. Как патриоты своей Родины, мы боролись за ее честь и свободу. За Родину я готов умереть.

Уля Громова с презрением бросила в лицо палачам одну только фразу:

— Я не буду отвечать на ваши вопросы, потому что не признаю за вами права судить меня!

Тоня Иванихина не произнесла ни слова. Она молча перенесла все пытки...

Взбешенные упорством подпольщиков, гитлеровцы все больше распалялись. Все страшнее, все кошмарнее становились истязания.

Так продолжалось до пятнадцатого января.

Хмурое солнце медленно, будто нехотя, поднялось над Краснодоном. Неяркие лучи его осветили серый барак, проникли в окна камер, возвещая начало нового дня.

Светлые блики робко скользнули по стенам, упали на пол, где спали вповалку хлопцы, и, будто чувствуя их ласковое прикосновение, ребята зашевелились, один за другим стали подниматься, протирая глаза.

Первым встал на ноги Николай Жуков — коренастый, как молодой дубок, веселый моряк, участник обороны Севастополя. Стараясь не обращать внимания на острую боль, пронизывающую все тело, Николай сделал физзарядку, насвистывая какой-то веселенький мотив, затем потрепал по плечу спавшего рядом Василия Гукова.

— Эй, пехота! Проспишь все царство небесное. А ну, подъем!

Василий нехотя повернулся, сел. Растирая затекшую руку, сердито посмотрел на шершавые доски пола.

— Ну да, на такой перине заспишься. Все бока отлежал... — И, повернувшись к Николаю, шутливо проворчал: — Чего раскричался? И не пехота я, а в артиллерии служил. Не разбираешься в родах войск, салага...

— Это я салага? — Николай подпрыгнул на месте, вскинул руки на грудь. — Хлопцы, а ну скажите этому сухопутному сверчку, кто быстрее всех Донец переплывает? А кто в городе первенство по гребле держал? Да меня, если хочешь знать, потому и на флот взяли. Туда, понимаешь, особый отбор... — Хитро прищутив глаз, Николай подмигнул хлопцам и повернулся к Василию: — А знаешь, Васек, почему тебя в артиллерию взяли? Есть такое правило: франт — в кавалерии, лодырь — в артиллерии...

— Э, нет, это правило уже не соблюдается, — вмешался в шутливый спор Ваня Земнухов. — Я эту поговорку тоже знаю. Красавцы — во флоте, так ведь дальше? А как же тогда тебя во флот взяли, с таким-то носом? Нарушили правило...

Николай обескураженно пощупал свой нос, растерянно пробормотал:

— И не во флоте, а на флоте. Грамматики не знаешь...

Дружный смех проснувшихся ребят не дал ему договорить.

Неожиданно Толя Попов поднял голову, настороженно осмотрелся.

— А ну, стойте, хлопцы. Что-то тихо кругом...

Все затаили дыхание, прислушиваясь. В самом деле, в бараке было необычно тихо. Даже полицаи, изредка проходившие по коридору, разговаривали между собой вполголоса, ходили крадучись, стараясь не скрипеть полами.

И все враз поняли, что означает это мрачное затишье...

— Какое число сегодня? — спросил Толя.

— Пятнадцатое, — ответил лежавший рядом с ним Земнухов.

— Так... Именинник я сегодня, выходит. Девятнадцать уже... Мама в этот день всегда пироги пекла... с печенкой... Записку ей надо... Бумаги...

Анатолий пошарил руками вокруг. Кто-то протянул ему клочок бумаги. Карандаша не нашлось. Анатолий достал спичку, смочил ее кровью и вывел: «Поздравь меня, мама, с днем рождения. Не плачь, утри слезы».

Волоча за собой окровавленную, туго перетянутую тряпками ногу, он пополз к выходу. Толкнул головой дверь, с трудом приоткрыл ее.

Возле двери сидел молодой курчавый полицай.

— Эй ты! — глухо, тоном приказа, сказал Анатолий, протягивая ему записку. — Возьми!.. Матери...

Полицай вскочил, тревожно озираясь, закивал головой:

— Ладно, ладно... Ты не беспокойся. Отнесу. Обязательно отнесу... Как сменюсь с дежурства, так сразу... Я понимаю...

Анатолий снова закрыл дверь и окинул взглядом посеревшие лица ребят. Усмехнулся, бодро тряхнул светлым чубом.

— Ну, чего притихли? Ваня, запевай-ка нашу, молодогвардейскую... Хорошую песню мы сочинили, а петь приходилось все больше украдкой. Теперь-то можно во весь голос...

И он запел нарочно громко, старательно выговаривая слова:

Над землей богатою,
Над родною хатою
С бандою проклятою
Выступаем в бой.
И за волю вольную,
За страну раздольную
Вышел в степь донецкую
Парень молодой...

— О, то ты правильно придумал! — воскликнул Ваня Земнухов, живо сверкнув глазами. — Давайте, хлопцы, дружно! Пусть и девчата за стеной услышат... — И, дирижируя обеими руками, подхватил:

Ах ты, степь родимая,
 Степь непобедимая,
 Сильными и твердыми
 Ты растила нас.
 Всей семьей шахтерскою
 На чуму заморскую,
 За просторы гордые
 Выйдем в этот час...

Все, кто был в камере, дружно подхватили знакомую мелодию. Вася Бондарев постучал кулаком в стену, за которой в соседней камере сидели девушки. Оттуда немедленно раздался ответный стук, и в хор включились звонкие девичьи голоса. По всему бараку понеслась задорная песня:

Собирай донецкую
 Силу молодецкую,
 Чтоб разбить немецкую
 Черную орду.
 Чтоб над терриконами,
 Нивами зелеными
 Мы везли вагонами
 Уголь и руду!

В бессильной злобе фашисты метались по коридору, врывались в камеры, размахивая пистолетами, орали: «Молчать!»

Но молодогвардейцы не обращали на них внимания. Они как будто даже не замечали этих расшвирипевших, брызжущих слюной людей и пели еще громче, еще дружнее, вкладывая в бесхитростные слова песни всю свою ненависть к врагам, всю свою любовь к жизни, к Родине.

В эти последние часы своей жизни отважные комсомольцы хотели только одного: пусть все узнают, что никакие пытки, никакие мучения не сломили их дух, не смогли отнять у них веру в правоту своего дела, в силу своего народа. Своей песней они говорили врагам: советская власть непобедима!

...Поздно ночью в окно дома Поповых кто-то тихо постучал. Таисия Прокофьевна приоткрыла форточку. В форточку впорхнул листок

бумаги, затем донесся чей-то приглушенный шепот: «Беги в полицию, может, успеешь попроситься...»

Не чуя под собой ног, Таисия Прокофьевна выбежала на улицу.

Ярко светила луна. У самого здания полиции Таисия Прокофьевна увидела, как распахнулись ворота, из двора выехала крытая брезентом автомашина и на большой скорости помчалась к шахте № 5. Из-под брезента глухо доносилась песня. Хриплые юношеские голоса негромко пели любимую песню Владимира Ильича:

Замучен тяжелой неволей,
 Ты славною смертью почил...

В этом хоре Таисия Прокофьевна услышала и голос своего сына.

Его вместе с товарищами везли на казнь...

* * *

Рассказ Подтынного близился к концу.

— Следствие располагает данными о том, что вы лично участвовали в казни молодогвардейцев. Вы подтверждаете это?

Подтынный беспокойно заерзал на стуле.

— Н-нет... То есть... я присутствовал...

Мне приходилось сопровождать арестованных к месту казни...

— Расскажите об этом.

Снова лицо Подтынного укрылось в густых клубах дыма.

— Вечером 14 января шеф гестапо разговаривал по телефону с полковником Ренатусом. Соликовского и меня перед началом разговора выгнали в коридор. Когда мы снова вошли в кабинет, шеф объявил, что в целях сокращения линии фронта германская армия отходит на запад и полиции надо готовиться к эвакуации. Соликовский спросил, как быть с арестованными. Шеф ответил: «Всех уничтожить». В следующую ночь первая группа арестованных подпольщиков была казнена.

100 ЛЕТ ЖУРНАЛУ «ДОНБАСС»

Они славили наш край

Донбасс
100 ЛЕТ ЖУРНАЛУ «ДОНБАСС»

В далеком 1923 году в Горловке при газете «Всесоюзная кочегарка» вышел первый номер литературного журнала «Забой». Журнал был напечатан 40-тысячным тиражом и сразу стал пользоваться популярностью у многочисленной аудитории читателей нашего края. В последующие годы он менял наименования. Был альманахом «Литературный Донбасс», журналом «Донбасс». На их страницах печатались произведения не только местных авторов, но и видных писателей всего Советского Союза. Печатались произведения Михаила Зощенко, Бориса Горбатова, Михаила Матусовского, Павла Беспощадного, Петра Чебалина, Порфирия Трейдуба, Бориса Харчевникова и др.

В этом выпуске мы публикуем рассказы и стихотворения донецких писателей, бывших активных авторов журнала «Донбасс», славивших наш край, страну Огня и Металла.

Леонид АСТАХОВ

Леонид Минаевич Астахов родился 5 января 1939 г. в г. Макеевке Донецкой области. Писатель, журналист, по специальности теплоэнергетик. Член НСПУ (1993). Окончил Московскую ВПШ при ЦК КПСС (1974). Участник Атлантической океанографической экспедиции на парусных судах «Седов» и «Крузенштерн». В ее составе был в Канаде (Галифакс), на Канарских, Бермудских островах, на Кубе, Ямайке и Мартинике, в портах Испании и Африки.

С 1968 г. работал в газете «Макеевский рабочий», был собственным корреспондентом газеты «Социалистический Донбасс».

ЗА ИВАН-ШАХТОЙ

Рассказ

Все лето и половину осени Никифор Харламов плотничал. Срубил красивое резное крыльцо, собрался было обновить ворота и вдруг в начале ноября, когда зашелестели в саду мелкие, но спорые дожди и вдоль почерневших заборов поползли сизые космы печного дыма, Никифор сдал. Пошел утром в сарай за дровами, наложил по самый локоть штабелек березовых поленьев, стал разгибаться и... словно кто кол вбил в поясницу. Охнув, Никифор едва не ткнулся в землю. Выждав немного, он все же попытался разогнуться, но

опять так шибануло, что серый проем двери в его глазах взлетел на потолок, и Никифор, как из погреба, увидел в нем две зеленоватые звезды.

Переведя дыхание и осмотревшись, Никифор обнаружил, что лежит навзничь на куче стружек возле верстака, а на высоком пороге стоит ихний кот Яшка и с удивлением смотрит на Никифора. Что это ты, дескать, хозяин, тут разлегся. Уж не хватил ли на старости лишку?

— Дурак ты, Яшка. Нешто не видишь, плохи мои дела, — простонал Никифор...

Яшка, словно устыдившись, повернулся к Никифору задом, повилил черным кончиком пушистого хвоста и, осторожно подбирая под себя лапы, сошел с порога. А через несколько минут в дверях показалась маленькая и щуплая фигурка Шурки.

— Дедушка, ты чего?! — испугался внук, увидав пожелтевшего и вытянувшегося во всю длину сарая деда.

— Зови, Шурка, бабу, отца... Самому мне не подняться... — хрипло сказал Никифор.

И пока тот бегал, успел подумать с неожиданной тоской в сердце: «Видать, отходил ты свое, Никифор... А если и придется еще пожить, то не по-людски, лежачим...»

Сын со старухой и Шуркой с трудом перенесли Никифора в хату, уложили на скрипучую и узкую, как гроб, деревянную кровать. Старуха взбила у изголовья подушки, к пояснице приложила раскаленный, завернутый в мешковину кирпич, а к ногам — утюг, наполнила горячим чаем... И Никифор, измученный болью и жаром, вскоре заснул. И то ли во сне, то ли наяву, где-то, недалеко от дома, слышал он лошадиный храп, звуки музыки и звонкую песню: «Былинники речистые ведут рассказ...» Потом его мягко закачало, понесло по синей реке, и увидел он себя молодым, крепким в прозрачной воде Сосновки. Потом как будто закутило в водовороте вместе со щепками, пльвун-камнем потянуло ко дну, и он, силясь выбраться из цепких объятий омута, неистово замахал руками, заметался в постели и очнулся от чего-то холодного на голове.

— Што ты, што ты, Господь с тобой, — придерживая на его лбу мокрое полотенце, горестно шептала старуха.

Никифор повернул голову, безучастно взглянул в светлый квадрат окна.

Рыхлые, как весной, с серебристым окрайком облака дымными клубами тянулись друг за дружкой. А в их разрывах где-то далеко-далеко сверкало промытое дождем голубое небо. Сын, несмотря на ветреный день, голый по пояс, колот во дворе дрова. Никифор временами видел появлявшуюся в окне его короткую потную спину, коротко стриженный

затылок и взлетающий кверху вместе с поленом топор.

Вслушиваясь в глухие, сильные удары, Никифор невольно задумался о том, что будет, когда он помрет. Как станут хоронить. И кто придет из соседей проводить его в последний путь. Федор Грузнов придет непременно. С ним Никифор жил дружно. В войну менять вместе ходили, а когда немцы заняли Капустин, надумали они с Грузновым через линию фронта, к своим, податься. Не дошли, правда, но и не бросили друг друга. Явятся, конечно, и Мишка с Павлом Парфеновым. Гришка Черемков с Лукерьей. С этими он и строился сообща, и плотничать по деревням нанимался, да и кумовались всю жизнь. А вот Филипп Плетнев... Этот — нет, не придет. Хоть и прожили соседями, почитай, четверть века.

Когда-то они оба работали на Иван-шахте. И были по тем временам состоятельные женихи. Филипп ростом не вышел, был приземист, колченог. Но ходил гоголем. Шапка — мерлушковая, саморучно сшитая, сапоги хромовые с отворотами, полушубок приталенный, окантованный по груди и подолу светлым мехом. Под крупным ястребиным носом красовались черные усищи, и такие же угольно-черные, слегка навывкате, нахальные глаза сверкали из-под его бровей. На гулянья летом Филипп Плетнев являлся в белой шелковой либо батистовой рубаше с широким откидным воротом, лакированных сандалиях и темно-синих, тонкого сукна штанах. Дружбу тогда водили они больше с болгарами, живущими в поселениях за Иван-шахтой. Невесты там были — одно загляденье. Впоследствии Филипп и в жены взял себе болгарку, раскрасавицу и плясунью Вербу. Отбил у Никифора, прямо из-под носа увел, бросил работу на шахте и куда-то укатил с нею на Кубань, а воротился лишь после войны. И воротился-то один, к тому же диковатый и, как Никифору казалось, даже злой. Где он был и как жил в годы военного лихолетья, никто в округе не знал. Одни поговаривали, что был он в каких-то бандах, другие брехали, что хаживал он в полициях. А жену его и детей будто немцы повесили. Сам же Филипп Плетнев никогда об этом не заговаривал. Жил бирюк бирюком.

Работал он в послевоенные годы опять на шахте — но не то вахтером, не то кладовщиком, а по воскресеньям шил картузы на манер военных и ходил на базар со своим товаром, менял на хлеб, кукурузную муку.

Никифор в то голодное время тоже подрабатывал: плотничал, тачал сапоги, но больше чувяки из старой транспортерной ленты.

Обогреет ее малость на огне, раздерет клещами на три-четыре слоя — вот и гожд материал.

В базарные дни Никифор и Филипп нередко встречались на толкучке. Никифор — в вылинявшей гимнастерке и галифе, высокий, худой, в чувяках на босую ногу своего производства, с взлохмаченными ветром волосами, с двумя-тремя парами чувяк, переброшенными через плечо на шпагате, и одной парой в руках протискивался между баб и цыган, торгующих всяким тряпьем, покрикивая: «А ну-ка, бабоньки, вот чувячки на ножки ровные и раскорячки, налетай с гамом — отдам даром!» Филипп Плетнев — в перешитом немецком френче, в таких же штанах из серо-зеленого полотна и кирзовых сапогах, со сбитым на затылок замасленным картузом — поверчивая на руке новый картуз и зыряка по сторонам, растягивал под усами в кривой усмешке большой рот. Заметив Никифора, дернет, как правило, козырек на глаза и пройдет мимо. «Что, сосед, аль своих не признаешь?» — пошутит, бывало, Никифор, а тот в ответ: «Шчас все свои, нынче кланяться — голова отвалится». Обида на Филиппа за уведенную невесту с годами пригасла, и Никифор даже томился таким отчуждением: все ж дружки были, да и соседи...

Сейчас Никифор живо представил себе, как будет лежать он в красном, с черным обрамлением гробу посеред хаты. На белом кисейном покрывале у ног и в изголовье навалены вороха живых цветов, в углу, где горит бабкина лампадка, стоит его портрет. Снят он, Никифор Харламов, по всей форме: в островерхой буденовке, гимнастерке под широким ремнем и при шашке. Толпятся люди, смотрят на портрет и говорят:

— Ох и лихой у тебя, Елизавета, старик был, ну прямо орел. Его, гляди, и смерть мало изменила.

А во дворе играет музыка.

«Непременно надо будет попросить Алешку, чтоб музыку заказал, — подумал Никифор. — И чтоб гроб несли только Федор Грузнов, Мишка с Павлом Парфеновы и Гришка Черемков». Никифор печально прикрыл глаза, затаил дыхание и вытянулся, словно был уже в гробу. И в стоне ветра за окном ему и вправду послышались звуки похоронного марша. Он ясно представил себе, как мужики осторожно берут на плечи гроб, выносят на улицу, и тут бьют литавры, голосит старуха, и уже вся процессия трогается мимо соседнего дома. Филипп Плетнев, совсем сторбленный, но все такой же чопорный, в неизменном полущубке и сапогах, смотрит своими ястребиными глазами на его, Никифора, красный, богато убранный гроб, длинную вереницу людей и громко шепчет: «Ну вот, был конь, да и отъездился. А еще соперничал со мной...»

А может, не будет всего этого? Не будет цветов. Какие же цветы в декабре? А раньше ведь, ясное дело, он не помрет. Да и музыки тоже... С чего это он взял, что обязательно будет музыка? А вдруг ничего такого... Только гроб. Старушечьи поминки. Да будет стоять и насмешливо глядеть ему вслед Филипп Плетнев.

От этих мыслей, от сознания того, что после смерти он может быть осмеян своим соседом, Никифору расхотелось помирать. Как бы проверяя свою подвижность, он пошевелил под одеялом ногами, почесал одной другую, выпростал руки и, поворачивая их так и эдак на свет, стал внимательно рассматривать, вглядываться в глубокие борозды на шершавых ладонях, словно пытаясь угадать: сколько же отмеряно ему судьбой этого веку? Высохшие, закуржавленные от мозолей, краски и смоленной дратвы руки его, крепко перебитые узловатыми темно-синими венами, уже не просвечивали, как это было в молодости, не розовели горячо и радужно, даже на солнце не хранили тепла. И кожа их была груба, черна и шершава, как кора на старых абрикосах в осеннем саду.

«Ан ляд тебя забери, небось, повременю», — подумал Никифор, сжимая в кулак и медленно разжимая пальцы.

— Што это ты, аль физкультуру делаешь? — неожиданно раздался голос старухи: она, оказывается, сторожила его покой и была поблизости.

— Ломает штой-то всего, — притворно слабым голосом протянул он и, тяжело вздохнув, спрятал руки под одеяло.

«А может, и старуха голосить не будет? Не голосила же Самариха, когда хоронила Илюшку? А уж при жизни нашто у них любовь была — прямо водой не разлей. А помер Илюха, Самариха перекрестилась, устроила не то поминки, не то гульбище, да на том и за-была, — продолжал думать Никифор.

— А моя ить знает, какая у нас размолвка вышла с Филиппом... Из-за чего...»

— Слышь, Лизавета, а вот ежели помру я, ты будешь по мне плакать аль нет? — не открывая глаза, тихо спросил Никифор и насторожился, ожидая ответа.

Он слышал, как она часто, прерывисто дышит, как громко и отчетливо стучат на стене ходики и со званом бьет по стеклу ветка сирени.

— Выходит, не будешь. Ну что же, может, оно и правильно. Любитесь нам с тобой особо было некогда, — со вздохом заключил Никифор и, чувствуя, что старуха садится на край кровати, слегка шевельнулся, открыл глаза.

— И чего мелешь, чего несешь несуряицуто, идол? — всхлипнула старуха и укоризненно-ласково ткнула своим сморщенным кулачком в его большой лоб.

— Самариху вспомнил, не плакала ведь баба, а ну-ка, думаю, и ты не будешь. Вас ведь, баб, сам дьявол не разберет, — оправдываясь, вздохнул Никифор.

— Дьявол, может, и не разберет, ему оно без надобности разбирать нас, а ты-то, ты-то должен меня разобрать. Как-никак, муж мой, — опять всхлипнула Лизавета и с укором посмотрела на старика...

— Ладно, будет тебе мокроту до поры разводить. Небось, не покойник еще, — посуровал

Никифор. — Я ведь так, к слову пришлось. — Вздохнул, отвернулся к стене. От сердца у него отлегло и он подумал о том, как бы это ему надоумить сына, чтобы он шашку его почистил да повесил на видное место. Лучше, конечно, на ковер, под портретом. «Будут приходиться люди, а стало быть, заинтересуются: откуда такая шашка у него, а может, кто и подержать попросит. Так ежели уж возьмет, чтоб сразу ему и надпись в глаза бросилась: «Никифору Харламову за боевую доблесть от начдива Котовского».

— Слышь, Лизавета, — в раздумье, тихо позвал Никифор старуху.

— Ну, што ты еще мне сбуровишь?

— Ты того, шашку мою из сундука достань, медали и орден тоже. Достань и Алексею скажи: велел, мол, отец в порядок привести и на видное место положить.

— Эта на што же еще?

— Надо, стало быть, раз прошу. Сделай все, как велю, слышишь, Лизавета! — уже настойчивее повторил Никифор.

Старуха невнятное что-то пробормотала в ответ и ушла в горенку, громыхнула там кастрюлями. Никифор так и не понял, сделает она то, что он просил, или приняла его просьбу за чудачество.

Некоторое время Никифор лежал молча. Прислушивался. Даже начал подремывать. Но где-то отдаленно опять раздалась звуки музыки, и Никифор вздрогнул, повернулся на спину, прислушался. Нет, на этот раз ему не почудилось. Звуки духового оркестра, и особенно барабана, явственно доносились порывами ветра. Всякий раз, как только мокрые ветви сирени хлестко ударяли по стеклу, Никифор слышал и удары литавр. Даже уловил мелодию. Играли знакомый ему, но уже давно забытый марш. Чтобы слышнее было, он легонько подобрал ноги, уперся ими и облокотился на гору подушек. К удивлению, острой боли он не почувствовал.

— Лизавета? Слышь, поди сюда, — позвал он старуху.

Но в хате никто не отозвался. Все были заняты своими делами. Лежать же одному становилось в тягость. «Хоть бы заняться

чем», — посокрушался Никифор и осторожно начал приподниматься. Стена над его постелью золотилась от проглянувшего из-за туч солнца, а в углу, под самым потолком, то ли от его дыхания, то ли еще от чего, покачивалась сизая паутина. Никифор пригляделся к ней, набрал полную грудь воздуха и выдул. Паутина оторвалась одним концом и зависла над кроватью тонкой нитью. Никифор попытался дотянуться до нее рукой, но не смог. И тут заметил, что какая-то черная комаха, как на невидимой резинке, то опускается, то поднимается по паутинке. «Паук», — догадался Никифор и перестал дуть. Затаив дыхание, он мысленно повторял слова неизвестно какого заклинания: «Книзу — в гору, книзу — в гору». Ему очень хотелось, чтобы паук полез в гору, в гору — это, говорят, хорошая примета, книзу — плохо, это болезнь, смерть. Паук, покачившись с минуту, ловко покарабкался вверх и вскоре исчез в невидимой щели. А Никифор слез с кровати и, осторожно ступая по мягким, прохладным половикам, в одних кальсонах направился в угол, где стоял окованный железом старый сундук. Держась одной рукой за поясницу, он открыл его и достал со дна замотанную в желтую бумагу шашку. Потом с трудом отыскал под бабкиными тряпками коробку из-под конфет — в ней хранились его документы и медали. Взяв это все в охапку и осторожно прикрыв крышку, он двинулся обратно. Во дворе в это время раздались чьи-то голоса, послышался говор. Никифор пригляделся издали, но в окне торчал разлапистый куст сирени. А голоса между тем приближались. Вот уж хлопнула коридорная дверь, кто-то тщательно вытирает ноги, и не успел Никифор прилечь, как дверь отворилась, и в хату вошла старуха, сын и неизвестная девушка.

— Господи, да что же ты нагишом блукаешь по хате, умирал ведь только! — растерянно воскликнула старуха и кинулась к Никифору. Но Никифор уже сам присел на койку, потянул на себя одеяло и смущенно поздоровался с девушкой.

— До тебя вот пришли, слышишь, нет? — точно глухому и непонимающему сказала ста-

руха. — В клубе сегодня всех вот, твоего рангу, собирают. В честь праздника, говорят, одаривать будут. Да куда? С прострелом-то...

— А то нет! Собираюсь вот, — задиристо ответил Никифор и в доказательство своей готовности показал шашку и награды.

— Ну, саблю надевать, дедушка, наверное, не надо, — засмеялась девушка. — А медали — очень даже нужно.

— Я так и полагаю, что при всем параде следует быть, — учтиво согласился Никифор и поторопил старуху: — Давай, давай, Лизавета, ищи костюм выходной. А ты, Алексей, терани их мелком. — И подал ему медали и орден.

— А ну как не дойдешь, что же, на руках тогда тебя домой нести? — всполошилась старуха.

— Не беспокойтесь, бабушка. Мы на машине дедушку — туда и обратно, — успокоила ее девушка и подмигнула Никифору, ласково и забавно.

Вскоре Никифор в черном костюме, при ордене и медалях, в сыновьем демисезонном пальто и кожаной шапке, сопровождаемый старухой, сыном и Шуркой вышел за ворота. Дышалось ему легко, но поясница ныла, и что-то внутри поскрипывало, однако Никифор старался держаться молодцом и шел к черной, с красными сиденьями машине твердым, уверенным шагом. Ему страсть как хотелось, чтобы в эту минуту за калитку вышел Филипп Плетнев. Но ворота его наглухо были закрыты, старый четырехстенный дом почернел и вроде бы обезлюдел, а в подворотне одиноко и неприютно сидел дворовый пес. «А ведь и ты невелика шишка, непонятно только, какого рожна представляешься», — садясь уже в машину, мысленно укорил Никифор соседа.

В зеркале под белым потолком машины он заметил, как старуха вослед осенила его крестом. Никифор откинулся на сиденье и довольно улыбнулся: «Прямо как министра везут какова».

Машина медленно развернулась, выехала на проселочную дорогу, и звуки оркестра загремели совсем рядом.

Никифор внимательно всматривался в симпатичное лицо девушки, отраженное в зеркале, и, наконец, отважился спросить ее:

— А ты чья же будешь, такая бойкая?

— Я исполкомовская, из города, — поворачиваясь, усмехнулась она и поправила на голове белую пуховую шапочку.

— Ишь ты, выходит меня в исполкоме знают, — как бы про себя, но вслух протянул Никифор.

— Конечно, знаем, дедушка. Вы герой Гражданской войны. Вас ведь немного таких осталось.

— Теперь немного, — согласился Никифор.

Его подмывало спросить девушку, а что, мол, Филипп Плетнев тоже известен в исполкоме или нет? Но он побоялся показаться невеждой. И потому примолк, прижался плечом к дверце и глядел на сочные озимые, которые тянулись вдоль дороги за далекий террикон Иван-шахты. У развилки машина свернула в коридор из алых полотнищ и подъехала к людной площади перед клубом.

Из машины Никифор вышел степенно, сначала выбросив одну ногу и крепко поставив ее на асфальт, за ней — другую. И лишь после этого, опершись руками о края дверцы, выпрямился.

Девушка, раньше его выпорхнувшая из машины, поддержала Никифора под руку. И затем они вместе прошествовали по ярко освещенному и шумному коридору клуба за кулисы и очутились на сцене с большим красным столом. Свет, падающий сверху, мешал Никифору разглядеть зал, но он чувствовал, что в нем полно народу.

Немного погодя, пообвыкнув и к свету, и шуму, он заметил на стенах большие портреты: три слева и три справа. Никифору хорошо были видны только два первых. На первом был изображен молодой красноармеец, длинноликий, с впалыми щеками и улыбающимся мягким ртом, в буденовке и гимнастерке с орденом на груди, правая рука за широкий пояс заложена, а левая — эфес шашки придерживает. И в стати красноармейца, и особенно в этой

улыбке Никифору показалось что-то знакомое, но он боялся обмануться. Чтобы проверить себя, перевел взор на другой портрет — слева. На нем был изображен совсем незнакомый ему партизан, в шапке-кубанке, белом полушубке и с автоматом на груди. Шапка надвинута низко, так, что мехом своим закрыла брови, отчего все лицо партизана, заросшее густой черною бородою, выглядело маленьким, будто детским.

«Нет, этот незнакомый. А вот тот справа...» Вроде даже на него, Никифора, похож. Краем глаза Никифор заметил, что на трибуну с красной папкой в руках поднялся полный мужчина и начал что-то говорить. Никифор не мог разобрать слов, он напряженно продолжал рассматривать портрет: «Неужто я?» И вдруг услышал, как назвали его фамилию, и в зале раздались рукоплескания. Девушка, улыбаясь, встала, помогла подняться Никифору. А навстречу им уже шел полный мужчина с красной папкой и еще один — с ящичком в руках. Полный достал из ящичка большие сверкающие часы, подал Никифору, папку — тоже, пожал руку и троекратно расцеловал. А в зале чисто буря какая поднялась: что-то выкрикивают, хлопают. Минут пять так продолжалось. И не мог понять Никифор, отчего ералаш такой создан. От шума, света и волнения у него все плыло перед глазами, стучало в висках и звенело в голове.

Когда он уселся и успокоился, посреди сцены уже стоял другой старик, какой-то махонький, горбатенький, в старомодном защитного цвета костюме. И с орденами и медалями. Никифор пригляделся к нему и ахнул: это был не кто иной, как его сосед Филипп Нестерович Плетнев. Точно так же, как и Никифора, полный целовал и мял его в объятиях, вручил часы и папку. И точно так же гудел и аплодировал народ в зале.

Воротился и сел Филипп Плетнев за другой край стола. Никифор уже больше не сомневался: и красноармеец в буденовке, и партизан в кубанке были он и Филипп. «Надо же!» — удивлялся Никифор и теперь больше глядел на портрет соседа и на него самого, низко нагнувшегося над столом и, как казалось Никифору, улыбающегося в усы. «Что же, выходит, бреха-

ли люди, будто он в полициях ходил? Выходит, так», — рассуждал про себя Никифор. «Ну, а ежели и брехали, так чего же ты бирюком живешь? — не успокаивался он. — Нет, не забыл ты, видать, нашего разлада. Только не ты, а я должен обиду таить...» И все пристальнее вглядывался в лицо Филиппа Плетнева, в тех, кто сидел рядом и время от времени заговаривал с ним.

Никифору не терпелось откровенно спросить у Филиппа о том, что его давно мучило: «Что случилось с Вербой?..»

Он уже несколько раз поднимался, нарочито громко бил в ладоши и многозначительно кашлял, но Филипп не обращал на него внимания и даже ни разу не повернул в его сторону головы.

«Ну, ну! Вот анафема! — ругался в душе Никифор. — Но как ты ни крути, а на чистую воду я тебя выведу», — обещал он не то самому себе, не то соседу.

— Вы что, дедушка, сказать что-то хотите? — заметив его беспокойство, спросила шепотом девушка.

— Сомнения тут у меня имеются, — озадаченно протянул Никифор и, достав из кармана большой клетчатый платок, распротал его на ладони и высморкался.

— Какие же у вас сомнения? — снова тихо спросила девушка.

— Я насчет вот него, соседа моего, — также тихо продолжал Никифор. — У вас, в исполнении, не слышать разговору, будто в войну Филипп Плетнев в полициях ходил?

Девушка с удивлением и интересом посмотрела на Никифора, потом лукаво улыбнулась и, крепко зажмурив глаза, утвердительно кивнула:

— Было, Никифор Федорович.

— Это как же?! — изумился Никифор. У него даже поясница заныла. — Это как же так?! — в растерянности переспросил он. — Партизанским, дедушка, партизанским он был полицаем.

— Ишь ты, выходит, таки брехали люди! — незаметно для себя вслух произнес Никифор.

После собрания их усадили в ту самую черную машину, на которой ехал сюда Никифор, и повезли домой.

Опять по обочинам тянулись зеленя. Едва машина прибавила скорость, они побежали обратно и в разные стороны, будто вращались вокруг бурого, маячившего над всей округой, давно отдымившего террикона Иван-шахты.

— Что же ты, сосед, о себе людям никогда ничего не сказывал? Нехорошо ведь потайным таким быть, — нарушил молчание Никифор.

— А чего славиться? Когда люди вспомнят, то и сам о себе не забудешь... Ты ведь тоже былин не складывал и в грудь себя зазря не колотил. Знай, только и думал, кабы детям да внукам жилось получше.

— И правда, — согласился Никифор, опуская глаза под этим прямым и, казалось, понижающим насквозь взглядом соседа.

Дальше до самого дома они ехали молча. Никифор думал о жизни. «Видать, она и в самом деле коротка, раз люди даже друг дружку распознать не успевают. А может, тут и што-то иное...» И вдруг, отважившись, спросил:

— А Верба, что с нею? А то люди говорят...

— Верно говорят... И детей тоже... Из-за меня...

Филипп жестко потер ладонью лицо, вроде в чувство себя приводил. И затем вздохнул:

— Виноват я перед нею... Вдвойне... Она ведь всю жизнь жалела, что не за тебя вышла... Сманул я ее, выходит...

Он повернулся и открыто глянул на Никифора. Что-то еще хотел сказать, возможно, повиниться перед ним, но Никифор, сам не ведая почему, неожиданно ощутил неясную свою вину перед старым другом и соседом, поспешно взял его за локоть, сжал подрагивающими пальцами и срывисто проговорил:

— Чего уж там... Это ты, Филипп, прости...

Николай АЗАРОВ

Родился 17 декабря 1947 в г. Калуге. Украинский политический и государственный деятель. С 1984 г. работал в Донецке заместителем, директором Украинского государственного научно-исследовательского и проектно-конструкторского института горной геологии, геомеханики и маркшейдерского дела. Профессор кафедры геологии ДонНТУ. Премьер-министр Украины (2010—2014). Автор восьми художественных и публицистических книг.

ДЯДЯ КИРЮША, ВЕРНО!

Рассказ

С детских лет, с тех пор как впечатления о встречах с какими-то людьми стали откладываться в моей памяти, образ дяди Кирюши твердо запомнился мне, и вот уже многие годы в особые минуты моей жизни он приходит и заставляет восстанавливать те ощущения и чувства, которые я испытывал тогда.

Согласитесь, что такое бывает нечасто и далеко не со всеми воспоминаниями. Видимо, эти встречи были яркими и запоминающимися. Именно поэтому я решил рассказать об этом удивительном человеке. Тем более что сейчас все внимание публики обращено к богатым, успешным (что зачастую бывает синонимом) бандитам, эпатажным до неприличия артистам, маньякам и прочим уродам.

А дядя Кирюша был самым простым обыкновенным человеком, которого в наше время никогда бы ни один продюсер не пригласил бы на телевидение, именно по причине его обыкновенности. Но для меня он был удивительным человеком, а вот сумею ли я таким представить его в своем рассказе, судить читателю.

Дядя Кирюша приходился двоюродным братом то ли моей бабушке, то ли моему де-

душке. В годы моей юности такие подробности родства меня совершенно не интересовали. Он был для нас просто родным человеком. И сейчас уже не у кого спросить и выяснить все точно. Давным-давно ушли из жизни близкие мне люди, которые могли бы точно ответить на эти вопросы. Уже более 50 лет тому назад ушел из этого мира и сам дядя Кирюша, оставив после себя самые добрые и самые теплые воспоминания. К ним и перейдем.

Жил дядя Кирюша в самом центре старинного русского города К. в добротном одноэтажном доме, сложенном из темно-красного хорошо обожженного кирпича. Из такого же кирпича были выложены орнаменты вокруг входных дверей и высоких английских окон фасада. Дом до революции построил для своей семьи богатый купец, и он состоял из двух половин. Левая, если смотреть на фасад, была «хозяйская», правая предназначалась для кухни, прислуги и других надобностей. После революции купец с семьей убежали за границу, через несколько лет новые власти разделили дом на две части. В «хозяйскую» вселили какого-то губернского руководителя с семьей, а вот правую выделили дяде Кирюше

с женой, который тогда был водителем персонального автомобиля как раз этого самого губернского руководителя. Это было для него очень удобно, так как автомобиль был у него всегда под рукой. Тогда дядя Кирюша еще не был «дядей», а представлял из себя молодого парня, недавно окончившего курсы механиков и приглянувшегося губернскому руководителю своей покладистостью, исполнительностью и хорошим знанием техники. Когда дядя Кирюша вместе с молодой женой зашли в первую в их жизни (и как оказалось единственную) квартиру, то они были просто поражены. У его жены Насти только и вырвалось одно слово «хоромы». До этого они снимали «угол», и после него огромная кухня с большой русской печью, двумя небольшими комнатками в одно окно, и несколькими кладовками, представлялись действительно дворцом. Я не видел этот дом в его первоизданном виде. В годы войны немецкая авиационная бомба угодила в левую часть дома. На ее месте образовалась воронка, крыша частично обрушилась, но пожар удалось погасить, и правая часть дома почти не пострадала. К счастью, во время бомбежки в доме никого не было. Семья губернского руководителя и он сам находились в эвакуации. Дядя Кирюша был в действующей армии, а тетю Настю провидение спасло. В это время она собирала щепу для печки на пилораме, размещенной в бывшей церкви Жен-Мироносиц. Церковь располагалась неподалеку от ее дома, и она там подрабатывала ночным сторожем. За это ей разрешалось собирать для растопки обрезки, щепу и прочие отходы, что в те тяжелые времена помогало спастись от холода. Она не только увидела взрыв бомбы, но и ударная волна прижала ее к стене храма. Бросив собранную щепу, Настя помчалась к дому, возле которого стали собираться соседи. Они же и потушили начавшийся пожар, помогли ей забить окна фанерой, поправить покосившуюся входную дверь. Надо заметить, что губернский руководитель «прорубил» для своей половины отдельную дверь и соорудил между своей квартирой и кухней капитальную перегородку. Она-то в какой-то степени и защитила от

разрушения «половину» дяди Кирюши. В те времена, когда я бывал в этом доме, от былых разрушений не осталось и следа. Благодаря усилиям дяди Кирюши, вернувшегося с фронта, на месте воронки образовался небольшой огородик, дом со всех сторон окружили кусты сирени. И когда она цвела, дом полностью утопал в красивых и пахучих цветах. Недоумение вызывал непропорционально большой подъезд и входные двери для такого небольшого дома. Но по тем временам это были такие мелочи, на которые никто тогда не обращал внимание, тем более мы, знавшие историю этого дома, неоднократно рассказывавшуюся на застольях.

В доме у дяди Кирюши всегда царил идеальный порядок. Полы были всегда чисто вымыты и украшены половиками (домотканными дорожками). В больших кадках по углам кухни (превратившейся в «залу») стояли большие кадки с гигантскими до самого потолка фикусами. На стене возле большого дивана висело несколько гобеленов, привезенных дядей Кирюшей из Германии. Мне нравилось их рассматривать и удивляться теплой идиллии пейзажей, вытканых на них. Это были тихие озера, окруженные красивым густым лесом. Хорошо, что на них не было людей. Немцев я в детстве ненавидел, а на природу Германии смотрел с удивлением. Она была не наша, чужая, какая-то слишком красивая, слащавая. То ли дело наш бор за речкой, куда мы каждый день с ребятами бегали играть в войну. Там, на опушке леса, отступающие из города немцы построили мощный укрепрайон, с множеством траншей, дотов и дзотов, блиндажей. Боев там не было. Из-за угрозы окружения они его бросили, и все относительно хорошо сохранилось. Именно поэтому это место было нами облюбовано для игр. Но вернемся к теме рассказа. Я любил бывать в доме у дяди Кирюши, и как только слышал приказ собираться к нему в гости, душа моя наполнялась радостным ощущением встречи с добрыми и хорошими людьми. В те годы телефонов у нас не было, и, как правило, я получал вначале команду «сбежать и узнать, дома ли дядя Кирюша»,

и стремглав мчался выполнять поручение. На все про все уходило минут 15, и уже тогда мы, собрав в корзинку гостинцы: пирожки, холодец, бутылку спиртного, надев праздничную одежду, чинно и солидно, не торопясь, топали в гости. Поводом было всегда какое-то дело к дяде Кирюше, связанное с машиной. «Что-то привезти, что-то отвезти». Когда мы приходили в дом, стол в зале уже был накрыт, и наши гостинцы только его дополняли. Начинались взрослые разговоры, и мы с Вале́й, дочерью дяди Кирюши, которая была старше меня лет на 7, быстренько перекусив, убегали из-за стола, либо во двор, к соседским ребятам или шли в ее маленькую комнатку, темноватую даже в яркий солнечный день из-за густых зарослей сирени, заслонявшей все окно, и она начинала меня воспитывать, рассказывая мне различные истории из ее школьной жизни.

Валя хотела, закончив школу, поступить в педагогический институт и стать учителем, и я был для нее благодарным учеником, на котором она отработывала свои учительские приемы. Забегая вперед, скажу, что из ее замыслов ничего не вышло, и, закончив через несколько лет школу, она вопреки воле родителей уехала в Москву, поступила в театральный институт и стала со временем довольно известной артисткой. К сожалению, ее успехам уже не смогли порадоваться ни дядя Кирюша, ни тетя Настя, которых к тому времени уже давно не было в живых. Да, и к слову сказать, уехав в Москву, Валя не очень баловала своими посещениями родителей, да и не только приездами, но и простыми письмами, которых те ждали, как ждут весточки от самых близких и дорогих людей.

Когда я после окончания школы поступил в университет в Москве и уехал из нашего города, то, навещая своих близких, я обязательно находил время и заходил к дяде Кирюше и тете Насте. Они всегда были бесконечно рады моему приходу, и, улучив момент, обязательно спрашивали: «Не видел ли я там в Москве случайно их Валею, которая уже несколько месяцев не шлет никакой весточки». Но что я мог им сказать, когда я ее не только не видел, но и все

мои попытки повстречаться отвергались ею со ссылками на безмерную занятость. В свою очередь, я тоже был занят и, сделав несколько безуспешных попыток повидаться, отбросил эту затею, и постепенно Валя отошла на задний план, а когда умерли дядя Кирюша и тетя Настя и она даже не приехала на их похороны, находясь на каких-то гастролях, то я и совсем выбросил ее из своей памяти. Когда я узнал об этом, то невероятная горечь накатила на мою душу. Какая невероятная неблагодарность с ее стороны по отношению к своим родителям, особенно если знать историю появления ее в семье дяди Кирюши. И именно об этом я хочу сейчас рассказать Вам. Известна она мне со слов самого дяди Кирюши и многочисленных пересказов моей бабушки, которая не раз обсуждала ее с тетей Настей, да и после приезда дяди Кирюши с Вале́й в город К. непосредственно участвовала во многих событиях, с этим связанных.

Итак, все по порядку.

Когда началась война, дядю Кирюшу призвали в действующую армию. Причем мобилизовали его вместе с автомобилем, на котором он тогда работал. В простонародье этот грузовик называли по-простому полуторкой. Заводское его наименование звучало гордо ГАЗ-АА. Дядя Кирюша получил перед самой войной новый автомобиль с модернизированным мотором, единственный такой грузовик в городе, и этим очень гордился. Получив в военкомате предписание прибыть в распоряжение управления тыла Западного фронта, он полностью заправился, взяв с собой еще и запас бензина и масла, все запчасти, которые у него были, и наскоро попрощавшись с женой, своим ходом двинулся по указанному адресу. Так началась его воинская служба. Вместе с ним военкомат направил еще одного шофера, мобилизованного, как и он, в армию. Дорога была неблизкой, и запасной водитель не был лишним. Он оказался хозяйственным парнем и загрузил в кузов несколько комплектов запасных шин, а самое главное где-то достал матрас, на котором они по очереди спали в кузове. Дорога к месту на-

значения была забита. Днем часто налетали немецкие бомбардировщики и приходилось пережидать бомбежки, съезжая на обочину ближе к лесу. Так что вместо указанных в предписании двух суток ехали они в два раза дольше, и пока ехали, немцы заняли этот город, куда им надлежало явиться. Об этом они узнали от майора, задерживающего на контрольном пункте все машины, следовавшие в сторону этого города и направлявшего их в новые места назначения. Так дядя Кирюша получил команду возвращаться в Смоленск, а его напарника майор взял водителем на свою машину, которая стояла неподалеку. Как оказалось, его водителя убило при бомбежке два часа назад. С тех пор дядя Кирюша больше никогда не видел своего напарника. Возле майора стояла большая толпа женщин с детьми, убежавших от фашистов, и он приказал дяде Кирюше забрать всех, кто может уместиться в кузове, и отвезти их до ближайшей железнодорожной станции. Их в кузов набилось столько, что задние рессоры разогнулись в обратную сторону, но дядя Кирюша не стал с ними спорить и медленно, объезжая воронки и рытвины, тронулся в дорогу. В кабину с ним села ветхая старушка с маленьким ребенком, внуком. Она оказалась очень бойкой на язык и стала убеждать его ехать не до станции, а сразу до Смоленска, откуда они уже надежно смогут добраться до Москвы. Дядя Кирюша и сам пришел к этой мысли. Ему было жаль этих женщин, вынужденных бросить все и искать приют для себя и своих детей в неизвестности. Им повезло. Налетов немецкой авиации больше не было, и поздно вечером он, высадив всех у железнодорожного вокзала в Смоленске, поехал разыскивать указанное ему управление Западного фронта. Военный патруль, проверив его документы, показал ему дорогу, и ровно в два часа ночи он подъехал к небольшому двухэтажному дому, у подъезда которого стояло несколько «эмок» и две полуторки. Из зашторенных окон здания пробивался свет и чувствовалось, что люди там работают. Дежурный лейтенант долго изучал его документы. Особо

внимательно он разглядывал каракули майора из комендатуры, и наконец по внутреннему телефону набрал какого-то Виталика и попросил его спуститься вниз. Минут через десять дядя Кирюша увидел спускающегося по лестнице здоровенного, килограмм под сто весом, мужчину в лейтенантской форме с заспанным лицом.

Без всяких приветствий и других формальностей он, хмуро посмотрев мельком на дядю Кирюшу, спросил: «Где машина?» — «Стоит у подъезда», — ответил дядя Кирюша. «Идем, покажешь», — бросил грубо немногословный лейтенант. Они вышли на улицу и подошли к полуторке.

Дядя Кирюша заволновался. Вид у машины был непривлекательный, вся в грязи и пыли. Лейтенант при свете фонаря обошел полуторку, посмотрел кабину, залез в кузов, потом фонарем осветил трубу кардана и сказал:

«Машина-то новая. Нам-то все время одну рухлядь присылают, а тут не больше года как с завода».

«Полгода», — уточнил дядя Кирюша.

«Так, решено. Будешь в моем распоряжении, — уже более мягко сказал лейтенант. — Пойдем со мной, оформим бумаги», — приказал он дяде Кирюше и повел его в здание на второй этаж.

Так дядя Кирюша стал рядовым хозяйственного взвода, которым командовал лейтенант Трофименко, и с этого дня началась его фронтальная служба. Служба началась с выдачи документов, обмундирования, сухого пайка на несколько дней и выделенной койки в казарме, на которой, как сурово предупредил лейтенант Трофименко, «отсыпаться особенно не придется».

Лейтенант оказался прав. Дни стояли теплые, и когда уже совсем становилось невмоготу и глаза закрывались сами собой, дядя Кирюша останавливал машину в безопасном месте, забирался в кузов, устраивался на матрасе и, прикрываясь плащ-палаткой, засыпал на два-три часа, как повезет. Еще хуже обстояло дело с питанием. Если даже удавалось за-

ехать в столовую при казарме, то горячего супа или щей ему застать не получалось. В лучшем случае ему выдавали затвердевшую кашу с куском хлеба и кружку горячего чая, заваренного на каких-то травах. Но это все было делом обычным на войне, и, вспоминая те дни, он не думал об этом как о чем-то тягостном и тяжелом. А вот постоянные налеты немецкой авиации на дорогах, обстрелы или бомбежки доставляли ему действительно серьезные тревоги. Причем, как ни странно, опасениями не столько за свою жизнь, сколько боязнь потерять машину, свою любимую полуторку, с которой он не расставался всю войну, да и долгие годы после нее.

Для меня дядя Кирюша представлялся таким автомобильным кентавром. Его образ был неотделим от его легендарной полуторки, в которой за эти долгие годы что только не было заменено и отремонтировано его руками. Даже тогда, когда он был вынужден отправлять свой грузовик в автомастерские для капитального ремонта, то и в этом случае он ни на час не отходил от своего друга, надоедая всем мастерам своим бдительным досмотром за ремонтом и предложениями помощи. В конечном счете все сводилось к тому, что его машину стремились как можно быстрее сделать и избавиться от назойливого надзирателя.

Втянувшись в новую службу, дядя Кирюша помимо своей воли стал наблюдать за неорганизованностью и беспорядочностью действий лейтенанта Трофименко. Помимо того, что тот на каждый день выписывал ему столько заданий, что их выполнить было просто физически невозможно, так и зачастую задания оказывались просто неосуществимыми. Он предписывал, например, ему прибыть в два ночи на такую-то станцию и стать под загрузку ящиков с патронами, которые надо было отвезти в такую-то деревню в воинскую часть N... Дядя Кирюша приезжал на эту станцию, а там никакого состава с патронами не было и никто не знал, когда он будет. Прождав безуспешно до утра, дядя Кирюша возвращался в свою часть к лейтенанту, которого на месте не было, и никто не знал где он и когда

будет. Дождавшись, наконец, лейтенанта, он получал на свою голову от него мат-перемат и новую порцию заданий. Примерно также обстояло дело и у других водителей. Конечно, дядя Кирюша допускал, что на войне точно все предугадать было невозможно, особенно в условиях непрерывных бомбежек всех наших коммуникаций, но все-таки какой-то порядок должен был, по его мнению, существовать.

И вот в какой-то день он «краем уха» услышал о приказе наркома, которым то управление, где он служил под началом лейтенанта Трофименко, ликвидировали, а их всех передали в службу тыла новой формирующейся армии. Эту новость ему в курилке под большим секретом сообщил знакомый сержант, который иногда подменял лейтенанта, а вскоре после этого его вызвал к себе незнакомый ему капитан и вручил предписание немедленно убыть из Смоленска в населенный пункт N... в распоряжение службы тыла формирующейся войсковой группы. В первый раз в своей жизни дядя Кирюша назначался старшим группы водителей грузовых автомобилей в составе семи человек.

Отбыть к новому месту службы предписывалось немедленно, и на все сборы и прощание отводился час времени. Так дяде Кирюше не довелось попрощаться со своим первым военным командиром лейтенантом Трофименко, что, правда, у него особой грусти, как, впрочем, и у других бойцов группы, не вызвало. Больше он его никогда не видел и не слышал, что на войне, в общем-то, было не редкостью.

Сейчас в это трудно поверить, но в те дни «час на сборы» было огромным запасом времени, в течение которого нужно было подготовить и заправить машину, собрать свои вещи, получить сухой паек, а как старшему группы ему надлежало еще и проверить все у других бойцов. Ровно через час колонна во главе с машиной дяди Кирюши тронулась в путь, с трудом пробиваясь по забитым отступающими частями улицам к мосту. Кто-то запустил слух, что мосты через Днепр то ли уже взорваны, то ли вот-вот будут взорваны. Это усилило панику и нервозность у отступающих, но дядя Ки-

рюша никогда никаким слухам не верил и уверенно вел головную машину к мосту, который вскоре показался в виду и был не разрушен, и не было видно саперов, занимавшихся своим делом. После моста движение машин пошло веселее, и вскоре колонна выбралась на шоссе, ведущее в Сафоново, неподалеку от которого располагался поселок Вадино, куда и надлежало прибыть колонне. Через несколько часов, счастливо избежав бомбежек, группа автомашин во главе с рядовым Кириллом благополучно достигла поселка, в котором формировалась служба тыла создаваемой новой войсковой группы. Рассказывая об этих событиях, я сознательно, упоминая о дяде Кирюше, перешел на его полное имя Кирилл. Настолько серьезные и важны были эти события для жизни страны, что я не мог называть его нашим домашним именем. Кто-то, может быть, скажет: «Подумаешь, водитель грузовика, не танкист, не пулеметчик, не истребитель. Какие там подвиги?» Да и правда, мало я встречал рассказов, а тем более фильмов о военных водителях. А между тем проблема снабжения действующей армии боеприпасами, запасами пищи, всем необходимым для жизни на фронте — это ключевая задача. Противник, понимая это, особенно имея полное господство в воздухе в начальный период войны, неистово и систематически бомбил коммуникации, базы снабжения советских войск, и каждая поездка на фронт была не менее смертельно опасной, чем наступление пехотинцев на укрепленные позиции врага. Между прочим, Верховный главнокомандующий Красной армией И.В. Сталин, увидев, что нарком путей сообщения Советского правительства, его близкий соратник и член Политбюро партии большевиков Л.М. Каганович не справляется с доставкой грузов на фронт, не колеблясь снял его с занимаемой должности наркома и назначил на эту должность начальника Тыла Красной армии А.В. Хрулева.

Назначая его, он сказал ему только одну ключевую фразу: «Ты должен обеспечить подвоз всего необходимого фронту».

Без постоянного подвоза боекомплекта и продовольствия воинские формирования

теряют боеспособность и превращаются в легкую добычу врага, что и реально наблюдалось в первые месяцы войны. Сколько после войны на эту тему было спекуляций, «что солдаты не хотели защищать Сталина и коммунистов», «что репрессии выкосили комсостав» и т.д. и т.п. Но как только в Красной армии навели порядок в этом деле, то наши воины показали немцам «как надо воевать».

Сколько спекуляций было на тему плена. А правда заключалась в том, что, попав в окружение и лишившись возможности пополнения боеприпасов, наш солдат, израсходовав патроны и снаряды, становился безоружным и беззащитным против до зубов вооруженного врага. Вот так и происходило в большинстве случаев пленение наших солдат, и ответственность за это несут те командиры, которые допустили окружение и прекращение снабжения.

Но вернемся к рассказу. В поселке, куда прибыл Кирилл, размещалась исправительная колония. В связи с приближением немцев заключенных вывезли, а на базе колонии разместились служба тыла. Личный состав службы поселили по камерам, и это стало на первых порах предметом для шуток и острот. Но каждодневные опасности, бомбежки, обстрелы, потери товарищей свели эти шутки на нет, и когда удавалось добраться до нар камеры, то солдат засыпал и не обращал внимание на зарешеченные окна. Усталость и утомление брали свое. Вместе с тем через много лет после войны дядя Кирюша всегда, когда вспоминал о войне, никогда не упускал возможность рассказать, как он в первый и в последний раз в своей жизни сидел в тюремной камере. Рассказ всегда скрашивался его шутками, однако в конце он всегда грустнел, и понятно было от чего: очередного героя его повествования на другой день или через несколько дней либо тяжело ранило, либо убивало. Дядя Кирюша называл себя «заговоренным». И в самом деле, из семи бойцов его группы через месяц, кроме него, в живых никого не осталось. Вот что такое был «подвоз боеприпасов» к линии фронта и вот какой героизм проявляли ты-

ловики, о которых в общем-то мало написано и сказано. И пусть мой рассказ будет хоть маленьким вкладом в повесть о подлинной правде войны.

Все, в чем нуждались наши воинские части на фронте, подвозили Кирилл и его товарищи. И хотя до линии фронта было не так и далеко от их базы, но при полном господстве в воздухе врага смертельная опасность грозила на каждом километре. Не было ни одного дня, чтобы поездка прошла бы без обстрела с воздуха. Немцы пунктуально и педантично держали под контролем все основные дороги, ведущие к фронту. Понимая это, наши бойцы проявляли чудеса героизма и изобретательности. Ночи, нелетная погода, второстепенные дороги, часто труднопроходимые, все использовалось, чтобы только доставить боеприпасы к фронту. К сожалению, не всегда это удавалось, бомбардировки, пулеметные обстрелы делали свое дело. Погибали бойцы, взрывались машины. Подумав, Кирилл обратился к командиру, чтобы вместо второго запасного водителя ему выделили солдата-пулеметчика. Он оборудовал ему место в кузове и поставил задачу — следить за обстановкой в воздухе. Как только пулеметчик замечал в воздухе самолет врага, он сигнализировал Кириллу, а сам брал на прицел противника. Кирилл, получив сигнал, стремился уйти с дороги и найти какое-либо укрытие, а пулеметчик рассчитывал расстояние до цели и при приближении самолета открывал по нему прицельный огонь. Один раз даже удалось сбить самолет врага. Немец, потеряв осторожность, резко снизился, и пулеметчик даже успел разглядеть кабину врага и хладнокровно в упор расстрелять всю ленту. Самолет, потеряв управление, пошел на резкое снижение и врезался в землю примерно в ста метрах от их грузовика. Об этом эпизоде дядя Кирюша очень любил рассказывать, хотя сам его не видел, он находился за баранкой, и знал о нем из рассказов напарника. Каждый раз добавляя, что хороший был парень, но вскоре был убит пулеметной очередью с немецкого самолета, так и не успев получить награду за сбитый им самолет противника. Еще

один удивительный случай произошел с ним в эти же первые месяцы войны, и о котором он также любил рассказывать, как о знаковом и символичном, заслуживающем того, чтобы вспомнить о нем. В колонии, где располагалась их тыловая база, был ремонтный цех, и Кирилл рано утром загнал машину, чтобы заварить посеченные осколками двери машины. Сварщик, осмотрев рваные дыры в металле, предложил ему приварить на крышу кабины и по бокам несколько броневых пластинок, оставшихся у него в запасе от какого-то ремонта. Кирилл торопился под загрузку и предложил сделать это после возвращения с передовой. Сварщик хмыкнул и сказал глубокомысленную фразу: «Если вернешься». Она как током ударила Кирилла. Ведь только вчера он чудом уцелел после бомбежки, а машина была вся посечена осколками. «Удивительно, что не пострадал двигатель и ходовая», — подумалось ему тогда, хотя мысль о том, как он сам с напарником не был убит — даже не пришла ему в голову. Но сегодня именно эта мысль и поразила его сознание после фразы сварщика: «Если вернешься».

Вдвоем они быстро закрепили броневые полосы металла на крыше и по бокам кабины и, условившись «обмыть» это дело после возвращения, Кирилл заторопился на станцию под загрузку боеприпасов для фронта.

Надо же было такому случиться, что именно в это утро за ним стал гоняться фашистский истребитель, несколько раз заходя над ним и прицельно поливая его машину из пулемета. Один раз пулеметная очередь точно пришлась по крыше кабины. Страшный грохот от попадания крупнокалиберных пуль в крышу кабины оглушили Кирилла, и он на какое-то время потерял управление машиной. Придя в себя, Кирилл остановился, вышел из кабины и заглянул в кузов. Там, сжавшись в комочек, лежал его новый напарник, первый раз с ним отправившийся в рейс. Молодой парень лет 18, только на днях мобилизованный, еще толком не обстрелянный, был в шоковом состоянии. Он чудом не пострадал, но, увидев первый раз в своей жизни летящий прямо на

него немецкий самолет, извергающий пулеметные очереди, растерялся, забыл про свой пулемет, забился в угол кузова и со страхом ждал неминуемой смерти. «С боевым крещением тебя», — сказал ему благодушно Кирилл. «Пронесло», — добавил он уже менее уверенным голосом, а про себя подумал: «Спас меня, по сути дела, сварщик, который заставил наварить пластины на крыше, а если бы их не было, то пиши пропало».

Напарник его, однако, не подавал никаких признаков жизни. Он лежал вниз головой, сжавшись в комочек, в одной и той же позе, не реагируя на слова Кирилла.

«Неужто убило», — с горечью подумал Кирилл. Он наклонился над ним и сильным движением руки повернул его к себе лицом. На него смотрело насмерть перепуганное все в слезах лицо напарника. Он был живой, но находился в шоковом состоянии.

«Ты не ранен?» — спросил его Кирилл и, не дождавшись ответа, стал ощупывать его, проверяя, нет ли признаков ранения. Сняв с пояса флягу со спиртом, он насильно открыл ему рот и заставил сделать глоток.

Напарник закашлялся, но на его мертвенно-бледном лице появилась розовая окраска.

«Как тебя зовут? Ведь даже познакомиться не успели», — обратился к нему Кирилл. «Саша», — плаксивым голосом протянул напарник и вопросительно посмотрел на Кирилла.

«Ничего, не тушуйся. Первый раз под обстрел попал? С кем не бывает. Верно». — Надо заметить, что слово «верно» в речи дяди Кирюши имело бесконечное количество значений. Он им и открывал и закрывал практически каждую фразу. Это слово у него означало и утверждение, и отрицание, и согласие, негодование и включало много других смыслов, в зависимости от интонации, силы голоса и назначения самой фразы.

«Верно», — ответил, смущаясь, Саша. — «Все Вы верно говорите».

«Верно, — продолжил Кирилл, — только вот что я тебе скажу. Выкинь из головы мысль, что тебя обязательно убьют. Верно. Будешь об

этом думать — убьют. Сам смерть накличешь. Верно. Я уже много чего повидал. Можешь мне верить. Верно».

«Верно, верно, — как попугай повторял Саша. — Мне бы надо в него очередь выпустить, а я испугался. — Верно?» — вопросительно обратился он к Кириллу.

«Испуг — дело житейское. Верно. Он каждого человека касается. Особенно если в первый раз. Верно, но в следующий раз надо взять себя в руки и бить по врагу. Себя спасешь и груз защитишь. Верно. Ну а сейчас, раз живые остались, то поехали, снаряды фронту повезем. Без них ведь бойцу никак не обойтись. Верно». — С этими словами Кирилл выпрыгнул из кузова и сел в кабину.

Стоял теплый летний день. Тихая проселочная дорога, извивающаяся между колхозных полей, засеянных рожью, создавала иллюзию мирного времени. Кириллу казалось, что вот-вот на поля выйдет техника и начнется уборка урожая. Но на полях не было ни одной живой души, хотя рожь вот-вот начнет осыпаться.

«Не до хлеба сейчас. Все в оккупации. До передовой — рукой подать», — подумалось Кириллу. И в самом деле дорога нырнула в лес и через несколько минут их остановил пост красноармейцев. Постовые внимательно изучили их документы и показали дорогу к складу боеприпасов. Старшина оказался знакомым Кириллу и предложил ему зайти к нему в палатку и выпить чайку.

«Ну что, дядя, бомбят немцы дорогу? Я смотрю машина у тебя вся осколками посечена», — начал он разговор, угощая их ароматным чаем из трав и колбасой с хлебом.

«Да, у меня напарника убило, вот, с новеньким сегодня работаю. Бомбят и обстреливают. Верно», — рассудительно ответил Кирилл.

«Нас тоже бомбят. По графику. Часы можно сверять. Отбомбятся и улетают отдыхать. А нам ответить нечем. Только хитростью берем. Ну ничего, держимся пока. Вам там как, снабжение регулярно доставляют или с перебоями?» — задал он вопрос Кириллу.

«Как тебе сказать? — задумчиво ответил Кирилл. — Тоже хитрить приходится. Ночами, в основном, грузы прибывают. Да вот взять сегодня. Если бы я утром броневую пластину на крышу кабины не закрепил, то сейчас бы с тобою чай не гонял. Прямо Бог надоумил. Верно».

«Да, — удивленно протянул старшина. — Надо же так угадать. Как в рубашке родился».

«Товарищ старшина, — робко вступил в разговор напарник Саша. — А фронт Вы твердо держите? Не отступите?»

Старшина с удивлением посмотрел на Сашу.

«А ты, парень, откуда, с каких мест?» — спросил он Сашу, прежде чем ответить на вопрос, с таким выражением лица, как будто от родины Саши зависело положение на фронте.

«Калужский я сам, с Тихоновой пустыни, есть такая станция», — обстоятельно ответил Саша.

«Во, да ты мой земляк. Я же тоже родом с этих мест. Верно, — удивился Кирилл. — А я Каменский, это же рядом. Верно», — добавил он.

Саша обрадовался: «Конечно, рядом, совсем близко от нас». И Саша заулыбался, как будто встретил родного и близкого человека.

«А я сам смоленский, из Сафоново. Слышали когда-нибудь или нет?» — задал старшина вопрос Кириллу.

«Да, что-то слышал. Верно», — неопределенно ответил Кирилл.

«То-то, рядом это место. Отступить нам никак нельзя. А до вас-то далеко. Не пустят туда немца», — огорченно заявил старшина, но уверенности в его голосе не было. Бойцы замолчали. Каждый подумал о своем. Не дано им было знать, что уже через месяц немцы прорвут в нескольких местах фронт и прямым ходом покатают свои танковые колонны на Москву и займут родные места и старшины, и Кирилла, а сам же старшина сдержит свое слово и не отступит. Он будет отбиваться от врагов до тех пор, пока его мужественное сердце не остановит пулеметная очередь фашистов.

Отступая и проезжая через Сафоново, Кирилл и его напарник вспомнят старшину и подумают: «Как он там воюет» — не зная о том, что их боевой товарищ уже несколько дней как покоится в братской безымянной могиле, наспех выкопанной согнанными немцами жителями местной деревни. Едва заметный холмик на этом месте скоро зарастет травой, а после и вовсе сравняется с окружающим лугом, и останется от старшины и от его неизвестных боевых товарищей только горькая память у их родных и близких как о «без вести пропавших» на этой великой войне любимых и дорогих людях.

С трудом выбравшись из Сафоново, узкие улицы которого были почти наглухо забиты отступающими военными и гражданскими людьми, машинами, повозками, телегами, Кирилл и его напарник Александр взяли курс на Вязьму. За тот месяц, что Саша провел вместе с Кириллом в доставках боеприпасов на фронт, он основательно «заматерел» и уже совсем не напоминал того робкого паренька, наполняющегося жутким страхом при налетах фашистских самолетов на дорогу. Вместо страха к нему пришла уверенность, что он меткими очередями своего пулемета сможет отогнать самолет врага. У него стало получаться, Кирилл это отметил, и они стали крепкой слаженной парой страхующих друг друга бойцов, боевым транспортным расчетом.

Но вернемся к рассказу. На выезде из Сафоново машину Кирилла остановил командир контрольно-пропускного пункта. Внимательно изучив сопроводительные документы, он приказал Кириллу взять с собой группу беженцев, членов семей комсостава, эвакуируемых из Смоленска.

«Доставишь на железнодорожный вокзал в Вязьму», — коротко приказал Кириллу капитан. И хотя кузов был загружен какими-то ящиками службы тыла, Кирилл не стал возражать и вместе с Сашей, переставив ящики и крепко связав их между собой, они разместили женщин с детьми в кузове, а в кабину посадили старуху лет восьмидесяти, мать какого-то генерала.

«Лично несешь ответственность за доставку женщин», — строго предупредил Кирилл капитан.

«Я твою фамилию записал. Если что, из-под земли достану», — добавил капитан с угрожающим видом.

«Не сомневайтесь, товарищ капитан, верно доставлю в лучшем виде», — коротко ответил Кирилл, и грузовик тронулся в путь. К удивлению Кирилла, бабуся оказалась довольно бодрой и разговорчивой.

«Что же Вы, товарищи красноармейцы, все отступаете и отступаете. От самой границы и никак не можете врага остановить. Может быть, Вы его заманиваете как Кутузов? Да, уж больно дорого это нам обходится. Сколько богатства нашего врагу оставляем, а сколько людей наших под врагом. Что молчишь? Ты, понятно, рядовой. Мало что знаешь, но и мой-то вон, генерал, а неделю назад забегал, я его прямо спросила, а он все от меня шутками отделяется: «Мол, военная тайна». А какая военная тайна, если перед войной песни пели про быструю победу малой кровью, а что сейчас получили?»

Бабуся замолчала и скорбно посмотрела на Кирилла.

«Не думала и не гадала, что в мои-то годы придется скитаться», — добавила она.

Кирилл и сам иногда задумывался об этом и не находил ответов на этот вопрос. Сотни тонн боеприпасов перевез он за эти дни на передовую, и не только он один. Казалось бы, все, что надо, есть у бойцов: и пушки, и снаряды, и все равно не выдерживают натиска «фрицев», отступают.

«Что касается песен, мамаша, верно, так то для бодрости духа пели. А что же похоронные марши, что ли, петь, верно. А силища у них большая, верно, всю Европу завоевали, и, главное, самолетов у них намного больше, чем у нас, верно. И вот душат нас бомбежками. Верно. Не дай Господь сейчас налетят. Мы-то привыкшие, а вот женщинам будет страшно, верно. В моем отряде семь машин было, а осталась только одна моя. Вот меня и отправили на переформирование. Верно.

Вот так, мамаша, я думаю. А что до сына, так ему там не сладко, на нем ответственность большая. Верно».

Он повернулся и посмотрел на бабуся. Та внимательно его слушала. Взгляд у нее был живой и пронизательный. То, что сказал ей рядовой, водитель — ей было понятно и ясно. Но умом своим, своим жизненным опытом она понимала, что это не вся правда. Что очень важное, скрытое от понимания простого солдата, да и ее сына генерала, должно объяснять, почему наша армия отступает, оставляя врагу нашу землю. «Не должна она была бросать в беде своих людей», — горько думала она и смотрела на бесконечную шеренгу людей, идущих вдоль дороги с детьми, нехитрыми пожитками. Машина медленно пробиралась по забитой беженцами дороге, и глядя на них старуха думала о своей невестке с внуками, которая несколько дней тому назад выехала поездом в Москву, о том, как та уговаривала ее поехать с ними, а она категорически отказалась, так как хотела повидаться перед отъездом с сыном, а он все не приезжал с фронта, и ей казалось, что если она уедет и не увидит его, то они больше никогда не встретятся на этом свете, и сын, зная ее характер, все-таки вырвался на несколько минут повидать мать и снова умчался на фронт, и только после этого, собрав свои вещи и лекарства, она пошла на сборный пункт, но оказалось, что последняя штабная машина уже ушла и какой-то капитан, собрав всех оставшихся женщин и детей, родных командиров, повел на дорогу на Вязьму в надежде «поймать» какую-либо попутную машину. Так она и оказалась в кабине у Кирилла, и сейчас невеселые и тревожные мысли всю охватили ее, и дорога казалась ей нескончаемым испытанием, которое в ее годы было тяжелым и трудным.

Кирилла после бессонной ночи клонило в сон. Предательские мысли советовали ему на пару минут закрыть глаза и отдохнуть, и чтобы отогнать их, он попросил бабуся разговаривать с ним: «Мамаша, Вы поговорите со мной, я спать смерть как хочу. Верно. Усну если, угроблю и Вас и машину. Верно, мамаша».

Старуха внимательно посмотрела на него: «Дети у тебя есть, солдат?» — неожиданно спросила она. Сон у Кирилла как рукой сняло. «Нет, мамаша. Бог не дал. Живем с женой уже больше десяти годков, а все никак», — с болью в голосе проговорил он. «Ну, ты прости, сынок, что я так тебя задела. А что же так? Что доктора говорят?» — с сочувствием спросила она. «Да что доктора знают, верно. Только руками разводят», — огорченно ответил Кирилл. «Вот у нас в деревне Плетеневка жила бабка Анисья. Она заговором это дело лечила. Да не успели мы к ней попасть. Умерла от старости. Больно ветхая была и молитвы забывала. А больше в округе никого нет, верно». Кирилл сказал это, но сердце его наполнилось болью. Как раз в тот день, когда они собирались пойти к бабке в деревню, его куда-то отправили в поездку, и он поехал, отложив поход к бабке. Жена проплакала весь день. А в другой раз, когда они собрались и пришли в деревню, то оказалось, что бабка Анисья умерла и ее уже похоронили. Он страшно ругал себя за тот случай и считал себя полностью виноватым в своей беде.

И сейчас он рассказал этой случайной попутчице свою историю, которую та внимательно выслушала не перебивая, и с тревогой ждал, что она скажет на это. Но та вначале долго молчала, словно обдумывая услышанное, а потом снова стала рассказывать всякие истории на эту тему, смысл которых заключался в том, что не стоит терять надежду и роптать на судьбу. «Значит, так было Богу угодно», — заключила она свой рассказ.

«Вот война закончится, возьмите себе на воспитание сиротку, их столько будет, горемык, без родительского досмотра, — добавила старуха после долгожданной паузы. — Я уже на эту беду после первой-то войны насмотрелась, хоть большевики и постарались всех сирот на казенный кошт взять, да кошт-то не больно богатый был. Досыта не ели. А Бог, он за сирот отблагодарит», — заключила она свою речь.

Наступило молчание. Кирилл обдумывал услышанное, а старуха вглядывалась в показавшиеся вдалеке дома и постройки Вязьмы.

«Кажись доехали, мамаша, Вязьма. Верно. Слава богу без бомбежек», — удовлетворенно сказал Кирилл. Еще несколько минут и они уже подъезжали к железнодорожной станции, возле которой толпились беженцы, стояли машины, повозки.

Кирилл с трудом нашел свободное место и вызвался проводить старуху до поезда. Но ему не пришлось этого делать. Из толпы вдруг вынырнул крепкого телосложения старший лейтенант. Он подбежал к машине и, назвав старуху по имени и отчеству, предложил отвести к вагону. Его предложение относилось и к другим женщинам.

«Ну, прощай, солдатик», — обратилась к Кириллу старуха. — Помни мой совет, я тебе как мать говорю. Ну, будь здоров. Живым останься. Этого тебе желаю».

С этими словами она, взяв лейтенанта под руку, заковыляла к вокзалу, а Кирилл поехал разыскивать сборный пункт своей части.

В суматохе последующих дней, в их неразберихе, в переброске их части, больше напоминавшей бегство, боявшихся попасть в окружение солдат и командиров, в какой-то небольшой подмосковный городок, среди мыслей об опасности, о голоде, о смертельной усталости, изредка как молния мелькали у него в мозгу слова старухи. И сразу же возникал ее образ: обезображенное старостью лицо, живые пронзительные и мудрые глаза, доброта, исходившая от нее. Это воспоминание отодвигало в сторону суровые проблемы будней, неустрашенность их бивачного состояния. Но вот что странно. Стоило только душе успокоиться, как откуда-то напоздали страшные слухи «о якобы сдаче Москвы, отъезде из Москвы правительства». Кирилл не верил им, но на душе было тяжело. Правда, быт стал налаживаться. Заработала полевая кухня, пришли на пополнение новые полуторки, а вместе с ними приехали недавно мобилизованные бойцы-водители. «Значит, власть работала, страна жила и управлялась твердой рукой», — думал Кирилл. Их часть перебросили ближе к фронту, и снова началась их тяжелая и опасная служба. Немцы хорошо понимали значение снабжения фронта

всем необходимым, и их авиация, тогда господствующая в воздухе, делала все возможное, чтобы сорвать эту работу, но и наша армия к зиме уже стала выходить из того критического положения, в которое она попала летом. На всех фронтовых направлениях дежурили наши истребители, прибывшие под Москву с других фронтов, на самых важных участках разместились зенитные части.

Доставка снаряжения на фронт стала значительно безопаснее, и Кирилл это сразу отметил. Конечно, налеты вражеской авиации не прекратились, но они стали не такими частыми и не такими наглыми.

После зимнего контрнаступления под Москвой фронт значительно откатился от столицы и к весне стабилизировался. Силы у наступающих войск иссякли, а к обороняющимся подошли резервы.

В один из таких весенних дней Кирилл с напарником возвращались с передовой и увидели на перекрестке дорог небольшую группу женщин. Кирилл решил остановиться и спросить у них, не нужна ли им помощь. Женщины радостно «загадели» и попросили из подвезти до города. Кирилл и его напарник вежливо посадили нескольких женщин в кузов, а самую пожилую из них, старуху лет семидесяти с маленькой девочкой, усадили в кабину.

«Как девочку-то зовут, мамаша?» — обратился к старухе Кирилл. Она повернула к нему свое желтое, испещренное морщинами лицо и нехотя, почти не раскрывая рот, тихо ответила: «Валентина, но ты ее не расспрашивай — немая она у меня» — и из уголка глаз ее выступили слезы.

Кириллу стало как-то не по себе. «Что, от рождения или как? Верно?» — также тихо, как и старуха, задал он свой вопрос. «Да нет, с рождения-то все нормально было. Она речь потеряла, когда немцы у нее на глазах мать ее расстреляли. Изверги. С тех пор замолчала. Не может ни одного слова вымолвить. Вот, в город ее везу к доктору. Прослышала есть там в больнице доктор, старичок такой Иван Игнатьевич, по нервам. Говорят, помогает. Ты,

часом, не слышал о нем?» — И она повернула к нему свое печальное лицо.

«Нет, не слышал, верно», — грустно ответил Кирилл. «Ну, раз пожилой, то, верно, опытный — поможет», — уже более уверенно ответил старухе Кирилл.

«Да, Бога молю, чтобы помог. Помру я скоро, чувствую. Очень прошу Бога, чтобы Валечка речь обрела. Сиротой останется она круглой. Как без языка-то жить? Вся надежда на этого доктора, я тогда и помру со спокойной душой. Вот, собрала ему тут гостинец — все, что было» — и она показала на небольшую корзинку, стоявшую под ногами у внучки. «Поможет, верно, поможет», — уверенно подбодрил ее Кирилл.

«Я Вас до самой больницы подвезу и доктора помогу найти. Я все-таки человек военный, ко мне уважения больше, верно».

«Спасибо тебе — добрый ты человек, и взял нас в машину, и похлопотать обещаешь», — отозвалась старуха.

Внучка ее безучастно слушала их разговор, и ничто в ее лице не говорило о том, что она понимает — ведь речь идет о ней. Ее поддетски красивое, окаймленное белокурыми кудряшками лицо, словно говорило им: «Все будет обязательно хорошо, и все мои близкие и родные всегда будут со мной, и никто и никогда никуда от меня не уйдет».

Все это Кирилл прочитал в ее глазах, и ему стало нестерпимо больно от того, что война отняла у этого еще ничего не понимающего дитя самых близких и родных — отца и мать, а скоро отнимет и последнего близкого человека — бабушку.

Вскоре они приехали в город, и, высадив всех женщин в центре у автобусной станции, Кирилл повез старуху в больницу.

За те два месяца, в течение которых его часть располагалась в городе, Кирилл довольно хорошо изучил расположение всех основных городских учреждений. Несколько раз ему приходилось отвозить в больницу раненых бойцов, которых по каким-то своим причинам военврачи отправляли в городскую больницу, и он даже знал некоторых врачей по имени

и отчеству. Но Ивана Игнатьевича среди них не было. Подумав, он сообразил, что скорее всего Иван Игнатьевич был детским врачом. Так оно и оказалось. Встретив в главном корпусе больницы попавшую им на глаза медсестру, они от нее узнали, что Иван Игнатьевич является заведующим детским отделением больницы, которая располагается в отдельном одноэтажном здании сзади главного корпуса больницы.

Оставив своего напарника в машине, Кирилл решил сам проводить старуху и девочку к Ивану Игнатьевичу.

Иван Игнатьевич оказался сухоньким низкого роста старичком лет шестидесяти пяти в телогрейке и ватных брюках, в накинутах поверх одежды, затертом белом халате. Скорее не белом, а сероватом халате. Найдя доктора, Кирилл для солидности распахнул свою телогрейку, чтобы Иван Игнатьевич увидел на его гимнастерке медаль «За отвагу». Медаль действительно произвела на старика впечатление, и он довольно учтиво обратился к ним с вопросом, чем он может быть полезен. Кирилл взял инициативу на себя и повоенному четко изложил доктору все то, что сам узнал из рассказа старухи. Доктор велел им со старухой погулять по скверу перед больницей, а сам, взяв Валю за руку, повел ее в помещение больницы.

Гулять Кириллу и бабушке не хотелось, и, сев на лавку перед входом в больницу, они стали терпеливо ждать доктора. Оба с тревогой ждали вывода доктора и разговор друг с другом у них не складывался. Старуха сидела на лавочке, положив руки на колени и закрыв глаза, думая о чем-то своем. Кирилл, свернув самокрутку, закурил и почему-то вспомнил рассказ матери генерала, которую он подвозил до вокзала. Так они и сидели рядом, не сказав друг другу ни слова.

Примерно через час доктор с Валею вышли из здания больницы и подошли к лавочке. «Ну что, служивый, — почему-то обратился к Кириллу, а не к бабушке Иван Игнатьевич. — Дочка Ваша незапущенная. Все можно поправить. Есть специальная методика, а са-

мое главное — постоянное общение с детьми. Как бы так пояснее сказать? Ее надо «разморозить». Валина нервная система находится в напряжении, надо это напряжение снять. Лекарствами, упражнениями, процедурами, но месяца два-три понадобится. Я могу ее на это время положить в больницу, а ее бабушку возьму временно нянечкой, есть у меня комната, полукладовка — там поживет. Ну как, подходит?»

Кирилл не стал поправлять доктора в том, что он никакой не отец Вали, не стал говорить, что они ему чужие люди. Что-то в душе у него екнуло такое необычное, что он с воодушевлением сказал старухе: «Ну вот, видите, мать, — как все хорошо обернулось. Оставайтесь, а я буду к Вам заезжать, когда получится — харчей подбрасывать. Верно».

«Пусть Господь тебя благословит», — ответила ему старуха, и за все время их общения первый раз он увидел улыбку на ее лице. Но времени у доктора было мало, и он, взяв Валю за руку, повел ее и старуху в здание больницы.

Кирилл посмотрел им вслед, и какое-то большое теплое чувство поднялось у него в душе от того маленького доброго дела, которое ему удалось сделать сегодня. С этого дня он стал откладывать в свой вещмешок все, что мог собрать от своих харчей: то банку тушенки, то пачку галет, то кусок сахара. Через несколько дней, когда у него выдалось свободное время, он поехал в больницу.

Старуху он встретил в коридоре. Она мыла полы, но тут же отложила швабру в сторону и повела его в конец коридора в маленькую комнатку, которая служила ей временным прибежищем. Назначение комнатки нетрудно было понять, глядя на стеллажи с постельным бельем, стол, обитый грубым сукном с чугунным угольным утюгом для глажки и большим во всю стену шкафом, заставленным пузырьками с лекарствами и настоями трав. У стены стоял низкий топчан, который, видимо, служил старухе постелью. Никакой мебели в комнатке не было, и старуха усадила Кирилла на топчан. Она его встретила как давнего хорошего знакомого, почти как

родственника, несмотря на то, что видела его во второй раз в жизни.

«Дай тебе бог здоровья. Все у нас очень хорошо. Иван Игнатьевич относится к Вале как к родной. Все идет правильно. И кормят нас, не голодаем, и тепло, и сухо. Дай бог — все поправится, ну а у тебя как дела?» — обратилась она к Кириллу.

«Верно, все в порядке, — ответил ей Кирилл. — Вот тут я Вам кое-каких харчей привез. Сами кушайте, доктора угостите. Я же больничные харчи знаю. Только чтобы ноги не протянул. Верно».

«Да нет, хорошо кормят, — возразила ему старуха. — И миска каши, и кусок хлеба обязательно».

«Ну, тут я Вам две банки тушенки принес, одну сами съешьте, а вторую доктору отдайте — он все же, верно, старается», — подсказал старухе Кирилл.

«Да, еще как», — с готовностью стала рассказывать старуха. И она, торопясь, словно Кирилл устанет слушать и уйдет, стала быстро, часто проглатывая слова, рассказывать Кириллу — как проходит лечение ее внучки Вали.

Кирилл слушал и поймал себя на мысли, что ему это очень интересно, и что он весь старухин рассказ принимает близко к сердцу, и переживает за судьбу совершенно незнакомой ему девочки.

Фронт стоял на месте, и Кириллу удавалось хотя бы раз в неделю заезжать в больницу и проводить старуху и ее внучку. Так прошло два месяца. В его воинской части стали поговаривать о готовящемся наступлении. Шел май месяц, земля подсыхала, и ясно было, что передышка затянулась.

За эти два месяца Кирилл так привязался к этой девочке, что его стали одолевать мучительные мысли о грядущей разлуке. И вот тут произошло событие, которое разом изменило всю его жизнь. Однажды, улучив время, он заехал в больницу и, нигде не найдя старуху, пошел искать Ивана Игнатьевича. Он нашел его в кабинете сидящим за письменным столом и машинально перебирающим какие-то бумаги.

Перед тем как зайти, Кирилл постучал в дверь, и теперь, зайдя в кабинет и видя, что доктор никак на него не реагирует и продолжает переключать бумаги, деликатно кашлянул. Иван Игнатьевич как будто бы вздрогнул и удивленно посмотрел на него. По его лицу было видно, что он очень расстроен. Кирилл почувствовал недоброе.

«А у нас горе, Ваша бабушка внезапно умерла, инфаркт, сердце. А где Вас искать, не знаю. Вы же адреса своего не оставили. Вчера похоронили, а сегодня — вот думаю, что с Валей делать. Куда ее определять. Лечение закончилось, надо выписывать». — И он грустно посмотрел на Кирилла.

«Как выписывать, а что это лечение дало, верно?» — удивился Кирилл.

«Как, что дало? Девочка-то заговорила, аккуратно за день до смерти бабушки. Вот уже старушка радовалась. Прямо мне сказала, что теперь и помирать можно. Как в воду глядела. И что удивительно, первое ее слово было прямо Ваше, отцовское — «верно» — Кирилла как током ударило. «Судьба, значит, судьба» — и он, горячась, не выбирая слов и не очень думая о том, что говорит, рассказал доктору о своей судьбе, о том, что Бог не дал ему в жизни деток, о завете матери генерала, о том, что за эти дни он так привязался к Вале, что она стала ему родной и что он готов удочерить Валю, отвезти ее в свой родной город, и там его жена с радостью ее примет и поднимет на ноги, даже если с ним что-то случится. Девочка-то все равно круглая сирота».

Доктор его внимательно слушал и не перебивал. Когда Кирилл закончил, он несколько минут помолчал, обдумывая услышанное, а потом уверенно сказал: «Давай мне свои документы, я тебе на Валю бумаги выправлю, пока пусть она у нас побудет, а когда ты соберешься отвезти ее, заедешь и заберешь. Только имей в виду — берегите ее от нервных потрясений. Она еще говорит медленно, но пройдет время и все восстановится. К Вам привыкнет, и Вы будете ей как родные».

Сказав это, Иван Игнатьевич быстро отвернулся от Кирилла и убежал по своим делам.

Кирилл даже не успел поблагодарить его, но времени у него тоже не было. Наступление, о котором поговаривали его знакомые, могло начаться в любой день, и тогда весь его план мог бы сорваться. Он помчался в свою часть, на бегу обдумывая под какой причиной отпроситься у своего командира на сутки для поездки в родной город.

Не успел он пробежать мимо дежурного, как тот сообщил ему, что его срочно ищет старший лейтенант. «Уже несколько раз спрашивал, где ты, я ему отвечал — где-то здесь. Машина-то его стоит у входа, значит, где-то здесь», — разъяснил дежурный.

Кирилл, так и не успев придумать вескую причину для поездки, стремглав помчался на второй этаж разыскивать старшего лейтенанта. Командир транспортной роты старший лейтенант Лаптев очень соответствовал своей фамилии. Это был пожилой мужчина лет пятидесяти пяти с широким крестьянским лицом и затвердевшими от грубой работы сильными руками, как раз шел по коридору и, увидев Кирилла, вместо уставного приветствия устало бросил: «Где тебя черти носят, целый час не могут найти. Пришла разрядка на запчасти. Надо в твой родной город сгонять, вот я и подумал, что тебя надо послать. Собирайся, двое суток тебе на это дело». Сказал он это обычным своим недовольным тоном, от которого на Кирилла повеяло чем-то родным и добрым.

Старший лейтенант недавно пришел в их роту. Его не хотели брать в армию по возрасту, но он настоял, и как бывшему партийному работнику ему пошли навстречу и направили в транспортную часть. За те несколько месяцев, что он прослужил в армии, к нему прониклись уважением как подчинённые, так и командиры.

«Смотри же — верно, судьба, — подумал Кирилл. — Значит, так предназначено, верно».

Утром на следующий день Кирилл приехал забрать Валю из больницы. Доктор собрал ее нехитрые пожитки и вышел на улицу, чтобы проводить девочку. Он где-то нашел теплое детское пальто и в руках у него была та

старенькая корзинка, с которой бабушка привезла Валю. Кирилл поначалу не хотел брать эту корзинку, но потом подумал — пусть у ребенка хоть какая-то память останется о родном человеке, и он с благодарностью взял ее у доктора.

«Ну что, Иван Игнатьевич, не поминайте лихом, верно, — обратился он к доктору. — Поедем мы. Возвращусь назад, я заеду к Вам, расскажу, как добрались, верно, Вы мне как родной человек стали. Верно».

«Поезжайте, с богом» — и доктор отвернулся от них и пошел в здание больницы.

Кирилл усадил Валю на сиденье рядом с собой, укутал ноги захваченным из казармы одеялом, сунул в руку кусок сахара и захлопнул дверь кабины.

Сев на свое место, он вспомнил слова доктора, повторил их: «С богом» — и они тронулись в путь.

По дороге он часто посматривал на девочку, он видел, что ей интересно смотреть в окно, что иногда, замечая его внимательный взгляд, она что-то хочет ему сказать. Но то ли у нее не получалось, то ли она стеснялась, но она молчала. Кирилл тоже, помня указания доктора — не напрягать расспросами девочку, тоже молчал, но уже подъезжая к городу, он решил ей рассказать о своём доме, о Насте.

«Валя, ты знаешь, куда мы едем?» — спросил он, пытаясь придать своему голосу, загрубевшему от взрывов и шума мотора, особенную мягкость.

Девочка повернула к нему свое лицо, и он увидел в ее ярких и лучистых глазах вопрос: «Куда?»

«Я везу тебя к твоей новой маме и в твой новый дом, верно».

«Верно», — вдруг ответила она чистым и звонким голосом.

«Я знаю, мне доктор все о Вас рассказал, а Вы мне будете новым папой, верно?» — И она вновь вопросительно посмотрела на него.

«Да, да, — спохватился Кирилл. — Верно, я буду твоим новым папой, но я завтра уеду снова воевать с немцами, а когда мы их побьем, вернусь и мы будем вместе».

Дорога спускалась к широкой реке, и вскоре машина уже въехала на наплавной «живой» мост, а на другом берегу уже начинался город. Улица круто пошла вверх, замелькали по сторонам маленькие одноэтажные домики, и скоро машина выехала на мощеную булыжником центральную улицу города.

На душе у Кирилла было радостно и тепло. Через несколько минут он увидит свой дом, свою Настю и введёт обретенную дочку в свою семью.

А вот и церковь Жен-Мироносиц, за которой в небольшом переулке находился дом Кирилла. Он медленно подъехал к своему дому и, сильно газнув напоследок, заглушил двигатель. И в это мгновение на крыльце появилась в лёгком домашнем халатике его жена Настя. Она занималась домашними делами, но как только услышала рокот подъезжавшего к дому автомобиля, мгновенно, забыв о верхней одежде, бросилась к входной двери. Это характерное рычание грузовика мужа она могла различить среди сотен других моторов. Сколько раз, занимаясь своими домашними делами, она прислушивалась к шуму улицы и безошибочно определяла тот миг, когда машина мужа подъезжала к крыльцу. Так и сейчас, но в этот раз муж, выйдя из кабины, не бросился к ней, как это бывало обычно, а, обойдя машину, подошёл к левой двери кабины и бережно достал из нее маленькую девочку, куколку. И держа ее на руках, медленно и осторожно, словно у него в руках был фарфоровый сосуд, подошёл к жене. «Здравствуй, Настя. Я тебе дочку привез. Вот, Валенька, это твоя новая мама. А это наш дом». Он поцеловал жену, и они вместе зашли в дом. В доме он поставил девочку на ноги, а сам, сев на табуретку, стал снимать свои сапоги с ног. Иногда Настя помогала ему стягивать сапоги, но сейчас она бросилась раздевать девочку.

Кирилл, стянув сапоги и положив на специальную выемку в печке портянки, с удовольствием босиком прошёл по половикам в комнате. Ему очень нравилось, приехав после тяжёлой работы домой, вот так разуться и пройтись босиком по полу, подышать домаш-

ним воздухом, почувствовать запахи еды из печки, ощутить уют своего дома. Настя знала его привычки, у нее всегда к его приезду были заготовлены специальной грубой вязки носки, подшитые войлочной подошвой, в которых муж любил ходить по дому.

На минуту отвлекшись от девочки, она подала ему носки и снова вернулась к Вале.

«Буду для вас баню готовить, какие вы пыльные оба с дороги», — деловито проговорила она и торопливо бросилась заниматься этим делом. Кирилл снова взял Валю на руки и сел с ней на диван.

«Видишь, какая у нас мама строгая, пока с дороги не вымоешься — есть не даст. Так что привыкай».

Девочка с интересом оглядывала комнату. Все ей здесь нравилось: и большие цветы фикусы, стоявшие в бочках по углам комнаты, и мягкий диван, на котором они сидели, и большой стол, накрытый красивой скатертью. Но больше всего ей нравилась огромная печка. Она напоминала ей родную печку в той избе, где она родилась и жила с мамой и бабушкой. А отца она не помнила. Он ушел в армию ещё тогда, когда она была совсем маленькой.

«Дядя Кирилл говорит, что он для меня новый папа, а тетя Настя — новая мама. Ну, пусть будет так, — думала девочка. — Ведь надо же, чтобы у меня были родители».

В этот момент в комнату зашла Настя.

«Я печку в бане затопила, посмотри за ней, а я быстренько сбегая к Наде, попрошу у нее одежду для Вали. Что-то уж у нее осталось», — обратилась она к мужу.

Надя — ее двоюродная сестра жила неподалеку от них. У нее были две дочери, девяти лет от роду. Надя была рачительной хозяйкой, и у нее должна была сохраниться детская одежда.

Настя убежала, а Кирилл, взяв Валю за руку, повел ее в баню. Надо было присмотреть за печкой. Баню он сам сделал в хозяйственной пристройке к дому. Сам оборудовал водогрейный котел на дровах, парилку, утеплил стены, обшил их изнутри липовой доской. Он очень любил свою баню, особенно когда воз-

вращался из долгих утомительных поездок. Хорошенько пропариться берёзовыми веничками, подышать целебными травами, которые Настя все лето собирала в лесу, и лежать на полотах, вдыхая этот чудесный аромат, затем растереться досуха жёстким вафельным полотенцем и надеть на себя чистое белое бельё. Баня уничтожала все его бензиново-масляные запахи и, напротив, от него шел аромат леса, свежей березы и трав.

Подбросив дров в печку, Кирилл с Валеёй вернулись в горницу. Только теперь, внимательно осмотрев девочку, Кирилл понял, почему жена побежала к сестре за одеждой.

Одета Валя была, прямо скажем, неважно. И то, на что он не обращал внимание во фронтальной обстановке, сейчас в его уютной, чистой комнате резко бросилось в глаза. И, конечно, Настя на это сразу обратила внимание.

Скоро Настя вернулась от сестры с большим ворохом белья. Все было чистое, поглаженное, как и должно было быть у рачительной хозяйки. Нашлось все, и нижнее бельё, и верхняя одежда.

После бани, одетую во все новое, Валею было не узнать. На Кирилла и Настю смотрела красивая, одетая в городскую одежду, новая Валя. Кирилл подвёл девочку к большому зеркалу и спросил:

«Ну, как ты себе нравишься, верно?»

Валя без всякого удивления посмотрела на свое отражение. Она уже забыла, когда последний раз смотрелась в зеркало и не помнила свое отражение, но одежда ей очень понравилась и захотелось сказать Кириллу и Насте что-то хорошее, но слова как-то не подбирались, и она подошла к Насте, взяла ее за руку и, посмотрев ей прямо в глаза, медленно по слогам сказала: «Спасибо, новая мама, верно».

Кирилл рассмеялся от души, у Насти на глазах появились слезы.

Так началась их новая семейная жизнь.

У дяди Кирилла было много боевых и трудовых наград. Они все хранились в буфете в вазе. Когда Кирилла приглашали на какое-то мероприятие, Настя доставала их из вазы и прикалывала к пиджаку.

Пиджак у него был один, назывался «выходной» и его очень берегли. Кирилл надевал его только по праздникам или на мероприятия. Смотрелся он в пиджаке с наградами очень солидно и серьезно. Даже постовые милиционеры отдавали ему честь.

Помню, как-то спросил у него: «Дядя Кирюша, а за что вас наградили орденом?»

Орден Красной Звезды у него был один, остальные были медали, и мне было очень интересно узнать, какой подвиг совершил Кирилл, если его, простого солдата, наградили орденом. В этот момент мы с дядей Кирюшей в комнате были одни. Все остальные гости и Настя с Валеёй гуляли по палисаднику у дома, и в раскрытое окно слышались их голоса.

Кирилл внимательно посмотрел на меня, стоит ли пацану серьёзно рассказывать об этом, и потом медленно начал рассказывать: «Да, было дело, верно, уже с жизнью попрощался, но Бог попустил, пронесло, верно». Он замолчал и задумался. Я, заинтересованный таким началом, придав своему голосу всю возможную для меня убедительность, обратился к нему: «Ну расскажите, это же очень важно для меня». «Ну, слушай, малец», — серьезно ответил Кирилл.

«В один из летних дней, как помню сейчас, на второй год войны, верно, послали меня на передовую доставить снаряды для артиллерийской батареи. Дело для меня, верно, было знакомое, бывал я на этой батарее не раз, верно, знал и командира, толковый молодой парень, верно, старшину — очень обстоятельный мужчина, медика тоже знал — грамотный товарищ. Размещалась эта батарея на опушке леса, верно, и вот подъезжаю я к этому лесочку и слышу канонаду, верно, то ли по ним бьют, то ли они по немцам лупят, верно, разобрать невозможно. А к этой батарее от основной дороги ведут два пути, верно. Один короткий, через открытое поле, другой через лес. Думаю, поеду через лес для безопасности, верно. Дорога после дождя тяжёлая. Газую слабенько, натягом, верно. Думал засяду, но пронесло, выбрался, верно. А склад у них был от передовой с полкилометра, верно. Смотрю меня

уже ждут. Старшина, солдаты с повозками. Вижу на земле лежит на носилках кто-то, рядом с ним медик стоит. Понять кто лежит трудно, укрыт плащ-палаткой. Старшина мне шумит: «Разгружаемся быстро, немцы фронт прорвали, тебе обратной дорогой надо нашего командира отвезти, да и ещё несколько раненых в госпиталь».

Тревожно мне, а как если обратно заяду, дорога вязкая, верно, так и в плен попасть можно.

Говорю эту свою тревогу старшине. Он мне отвечает: «Не должен ты в плен попасть, наш командир сын командарма. Надо постараться, парень, да побыстрее в госпиталь доставить. Уж больно тяжёлый он. Давай, прямой дорогой через поле дуй. Может, успеешь проскочить, а мы тебя в случае чего прикроем. Я тут за старшего остался. С нашей позиции поле хорошо просматривается».

Я про себя думаю, немцами тоже оно неплохо просматривается, верно. Но делать нечего. Пока мы со старшиной гутарили, солдаты машину разгрузили и поперли ящики на батарею, верно. Командира своего они положили аккуратно в кузов на матрас. С ним ещё село несколько раненых солдат, и рискнул я поехать прямой дорогой. Пока из леса выезжали, как-то спокойно было, а как выехали на открытую местность, то не очень по себе. Дорога все время на подъём, машина идёт медленно, и вдруг где-то на середине пути напарник мне в бок рукой тычет. Посмотри, мол, направо. Голову поворачиваю, вижу, метрах в пятистах от нас два немецких танка. Ну, думаю, все, приехали, верно. Для них одно сплошное удовольствие, как в тире, остановиться, прицелиться — и прощай семья родная. Отвернулся я, на газ надавил, да что толку, дави не дави, результат один, верно. И вдруг слышу так отчётливо два выстрела, один за другим, со стороны нашей батареи. Не подвёл старшина. Точно ударил. Слышу ещё звук двух взрывов. Посмотрел в сторону танков, там у них, верно, боеприпас сдетонировал. Так что, считай, в рубашке родились. Все решили считанные секунды. Доставил я раненых в госпиталь, а на другой день

меня опять на эту батарею посылают. Оказывается, прорыв немцев ликвидировали и фронт удержали, верно. Старшина меня как родного встретил: «За вчерашний бой всех к наградам представили и тебя к ордену. Вот такие, брат, дела, и твое геройство отметили».

Я про себя думаю, а какое такое особенное геройство я совершил? Не знаю, верно, но приятно, что отметили, верно».

На этом дядя Кирюша свой рассказ закончил. Много раз слышал я рассказы фронтовиков, и все они были вот такие бесхитростные, простые, непридуманные. Не было в них каких-то особенных сюжетов, интриг, которыми переполнены книги наших писателей, но как-то резко впечатывались они в мою память и много лет не дают мне покоя.

Завершив свой рассказ, дядя Кирюша предложил мне чай с сухариками, и за ним он уже не вспоминал о войне. Разговор переключился на хозяйственные заботы, какие-то житейские дела.

После окончания школы я уехал в Москву получать высшее образование, а после университета вообще уехал на работу в другой город, приезжал на родину крайне редко и дядю Кирюшу не видел. Как-то, спустя лет десять мне сказали, что он сначала, а через полгода и его жена Настя умерла, похороны его были достойные — помогла городская власть. Я попросил показать мне место их упокоения. Дело было в августе, все заросло бурной растительностью, и мы с трудом разыскали скромный из искусственного мрамора обелиск среди высоких, почти в рост человека травы, крапивы, каких-то кустарников. Как оказалось, дочь их Валя, в которой дядя Кирюша и Настя души не чаяли, на похороны приехать не смогла, и за это время приезжала всего один раз, вступала в какое-то оставшееся от родителей наследство.

Чёрствость Валентины меня поразила, но осуждать ее я не стал. «Бог ей судья», — подумалось мне, но с тех пор, приезжая в родной город и бывая на могилах близких мне людей, я обязательно заходил и на могилу дяди Кирюши. Всегда с трудом ее находил, ориентируясь

на запомненные мною приметы, расчищал от зарослей два малоприметных холмика и всегда в эти минуты в моей памяти возникали живые образы дяди Кирюши и его жены Насти, наши встречи.

Они с душевным участием что-то спрашивали у меня, приглашали выпить чая с пирожками, и мне вспоминался их уютный дом, в котором было так тепло и хорошо. Душа наполнялась грустью и сожалением, что никогда уже я не услышу наяву характерного говора дяди, с неперменным словом «верно», обязательно вставленным в предложение либо вначале, либо в конце, не попробую вкусных Настиных пирожков и не увижу добрых и милых лиц.

«Как быстро пролетает жизнь, как быстро уходят из нее дорогие тебе люди, от них остаётся только память, да и она не вечная», — думалось мне. — Но от многих людей даже памяти не останется, и ведь если тебя тянет прийти на могилу человека и поклониться его памяти,

значит, уже не напрасно жил он на этом свете» — размышлял я, стоя у его могилы. «Но пройдут годы — и ты уйдешь, оборвется эта связь памяти, окончательно зарастут и сравняются с землёй могильные холмики, разрушится от дождей, морозов и жары обелиск на могиле и все покроется покоем вечности, как будто и не было никогда этих людей на этом свете. Миллионы и миллионы людей приходили и уходили из этого мира. Только единицы запомнились миру из этого сонма. Таковы безжалостные законы жизни, и изменить их невозможно. Значит, надо примириться с сознанием этого и жить дальше, и надеяться на встречу в ином неизвестном нам мире» — эти мысли уводили меня далеко и далеко от сегодняшнего мира, от его реалий и проблем. Но, к счастью, продолжалось это недолго, и сразу же после выхода за кладбищенскую ограду, атмосфера живого действующего мира обволакивала меня и уводила в сторону от грустных недавних размышлений.

Виталий ГЛАДКИЙ

Виталий Гладкий родился 26 апреля 1947 г. в с. Ярошовка Сумской области (Украина). Выходец из древнего казачьего рода. Окончил Глинский индустриальный техникум по специальности «Технология машиностроения». Много лет провел в районах Крайнего Севера, на Колыме, где и начал свою литературную деятельность. Последние годы жил в Донецке. Автор более шестидесяти романов и повестей, а также трех энциклопедических словарей: «Древний мир», «Славянский мир» и «Словарь нумизмата». Лауреат премии им. В. Короленко. Умер в 2021 г.

КОЛЫМСКИЕ РАССКАЗЫ

БЛАЖНОЙ

Сумерки обволакивали глубокие распадки, речную пойму, постепенно вползали на крутобокие сопки, которые щетинились чахлым листовничным редколесьем. Только заснеженные пики горного хребта на востоке светились в лучах заходящего солнца мягкими розовато-малиновыми отблесками.

Стояли последние августовские дни, самая середина золотой колымской осени. Еще зеленели мари, и стланик шуршал длинными вечнозелеными иголками у подножья сопки, а речная долина и таежные урочища уже окрасились в желтые с багрянцем тона, и холодные быстрые ручьи играли на перекатах опавшей листвой.

Вдоль берега изрядно обмелевшей за лето реки шагал Егор Зыкин с тяжелым рюкзаком за плечами. Его круглое, добродушное лицо с рыжеватой щеточкой усов было усталым и отрешенным, узкие глаза цвета болотной воды — зеленоватые со ржавчиной — смотрели угрюмо и сосредоточенно. Изредка он останавливался и поддегивал рукав стеганого ватника, оголяя широкую кисть руки, которую туго охватывал ремешок старых, безотказных часов «Победа». Взглянув на циферблат, Егор

морщил крупный, чуть вздернутый нос, что у него означало недовольство.

— Плетешься, будто кляча... — ворчал он, прибавляя ходу. — До зимовья добрых четыре километра, а вечер — вот он, уже на загривок взгромоздился... — Егор заметно «окал».

Но надолго прыги у него не хватило — рюкзак, в котором помещался двухнедельный запас продуктов и кое-что из одежды, весил килограммов сорок, а топал Зыкин почти без отдыха с утренней зари.

И опять, сбившись на медленный, размеренный шаг, Егор хмуро смотрел за тропой. Протопанная таежным зверьем и еще невесть кем, она петляла среди вековых листовниц, терялась в упругих зарослях низкорослой северной березки, выводила на прибрежные отмели, где празднично белели на сером крупнозернистом песке тщательно окоренные, отполированные галечником и водой стволы лесин, оставленных там весенними паводками.

Куропачий выводок с громким квохтаньем стремительно взмыл из кустов речной смородины и, протаранив густой подлесок, рассыпался среди кочек обширной мари. Егор

от неожиданности ахнул, отпрянул назад и не зло ругнулся. Поправив ремень двустволки, которая висела стволами вниз на правом плече, он решительно ступил на осклизлые камни мелководного речного переката. Крупные хариусы, сверкая чешуей, порскнули из-под ног во все стороны, попрятались в круговерти глубоких промоин, которыми изобиловало русло.

— Ядрена корень! Сколько рыбы... — Егор присел на корточки, чтобы лучше видеть.

Дно реки шевелилось. Это не была игра бликов, отражений и полутеней, которые щедро сеяла на светлый донный галечник быстрая волна. Десятки, сотни рыбин с непостижимым упрямством продирались через мелководье, густо усеянное валунами, преодолевая сильное встречное течение. Их темные узкие спинки образовывали длинные жгуты, которые вились, постоянно меняя толщину, меж камней. Часто в какой-нибудь узости жгут вспухал, разрастался и взрывался радужными брызгами. И тогда выброшенные на камни хариусы устраивали танец с невероятными прыжками и кульбитами, стремясь снова очутиться в привычной для них животворной стихии.

Куда они направлялись, зачем? Что заставляло бурлить их холодную рыблю кровь в преддверии долгой и жестокой зимы? Инстинкт? Или мгновенное безумие (если предположить, что у рыб есть нечто наподобие ума), которое в наше время все чаще стало поражать существ бессловесных, соприкоснувшихся с неудержимым напором цивилизации?

Ошеломленный увиденным, Егор не замечал, что от брызг намокли брюки, и в «болотках», голенища которых были подвернуты, хлюпала вода.

— Дела-а... — почесал он затылок. — Сколько живу на Севере, такого видеть не приходилось. Чтобы хариус осенью, да в верховья... — И вздохнул с сожалением: — Сюда бы сеть. Мешков пять отборной рыбы за полчаса, ей-ей. Не меньше! — Егор посмотрел на красные гребешки, которые обрамили круглые тучки у горизонта, и поспешил перебраться на противоположный берег. — Елки-моталки, гляделки выпялил... Теперь в пору галопом. А рыбака, эх! Да-а...

Егор Зыкин собрался поохотиться на косолапого. Этим летом на Колыме их была прорва. С июня горела тайга в Якутии и Хабаровском крае, и изгнанные из своих угодий всепожирающей стихией, медведи едва не стадами преодолевали горные перевалы и прочесывали в поисках пищи долины рек, богатые на ягоды и дичь.

Но в природе все отмерено и взвешено. Накормить досыта такую ораву даже богатейшие охотничьи угодья Колымы не могли. Напуганные нашествием хищников, поднялись на горные пастбища лоси, откочевали из тайги в тундру стада северных оленей-дикарей. В истоптанных медведями брусничниках и смородинниках не могли найти пропитания пернатые. Приветливая осенняя тайга оскудела, стала для зверья мачехой.

Оголодавшие медведи начали рыскать по поселкам. Кое-где забирались в кладовые, а то и домашнюю живность таскали. Притом беспрепятственно — охотиться на них было строго запрещено. По ночам редко кто отваживался выходить на улицу: неровен час, столкнешься с медведем — быть беде.

Едва белая северная ночь сгущала тени, как умолкало терпеливое собачье племя. А это означало, что таежные хозяева вышли из зарослей в поселок на прокорм. Даже самые злые псы-волкодавы забивались от страха в такие узкие щели, что поутру хозяевам приходилось вытаскивать их оттуда с трудом.

Егору это медвежье нашествие принесло большие неприятности. Его жена работала в детском садике ночным сторожем. На Крайнем Севере с работой для женщин туго, больше мужики в цене. Поэтому место сторожихи с довольно скромной зарплатой было для семьи Зыкиных манной небесной, тем более что садик располагался напротив барака, где они квартировали.

Однажды среди ночи Егор проснулся от воплей, которые и мертвого бы подняли. Кричала жена — это он сообразил сразу. И причину ее испуга понял. Схватил двустволку, патронташ и как был в исподнем, так и выскочил во двор.

Картина, которую Егор увидел, в другое время и при других обстоятельствах ниче-

го, кроме смеха, у него не вызвала бы. Жена с обезумевшими глазами карабкалась на телефонный столб, а внизу стоял огромный бурый медведь и пытался достать ее лапой. Столб был новенький, хорошо окоренный, а потому скользкий, и супруга Егора помалу съезжала вниз. Но, как только медведь дотягивался до ее ног, обутых в старые полусапожки, она с невероятной прытью забиралась почти до фарфоровых чашек-изоляторов.

Егор долго раздумывать не стал — прицелился моментом и всадил зверю под левую лопатку два жакана. Медведь все же отбежал от столба метров на пять, но глаз у старого таежника был верен, прицел точен, и косолапый брякнулся на дорогу, где вскоре и затих. Обеспамятевшую жену Егору пришлось снимать с помощью соседей. На расспросы она не отвечала — не могла.

Жена потом рассказала Егору, как было дело. Медведь ухитрился забраться в кухонную пристройку и лакомился там помоями. Тем, что туда зашла хозяйка, он, ясное дело, был недоволен, и пришлось Зыкиной вспомнить молодость, когда она брала призы по спринту на школьных спартакиадах.

Но вот каким образом ей удалось вскарабкаться на столб, да еще так проворно, что медведь остался с носом, — неизвестно. Тут в памяти женщины зиял провал.

Егор своей неожиданной добычей распорядился по-честному, как человек не жадный и порядочный, — шкуру оставил себе, а мясом одарил всех жителей поселка. И все было бы хорошо, тихо и мирно, да подвела его излишняя откровенность с корреспондентом районной газеты, который приехал в поселок выискивать очередного героя трудовых будней, чтобы написать о нем очерк. Молодому журналисту, который работал в районке всего ничего, ночное происшествие показалось достойным его пера.

С фантазией и молодым напором, заслуживающих лучшего применения, он так живописал приключение Зыкиных в ту злосчастную ночь, что на второй день после публикации его статьи в поселок заявился сам начальник охотничьей инспекции района. Не слушая робких

объяснений Егора, он быстро составил по всей форме протокол о незаконном отстреле зверя и изъял медвежью шкуру, которую незадачливый охотник не таил — она висела, засоленная и свернутая в скатку, под потолком каморки, дожидаясь вычинки.

И пришлось Егору за свой опрометчивый поступок заплатить солидный штраф. Чтобы добыть необходимую сумму, Зыкины продали кабанчика и заняли у соседей сто рублей.

Вот и получилось, что осталась семья Зыкиных в зиму без мяса. На магазин надежда была малая: туда изредка привозили только замороженные туши новозеландской баранины, которую колымчане окрестили кенгурятиной, — одни кости и жир. И тогда Егор, обзленный на вся и всех, испросил у начальства отгулы и отправился в тайгу, чтобы поправить положение, подстрелив медведя, — теперь у него к косолапому был особый счет...

До зимовья оставалось не больше километра, когда Егор вдруг резко остановился, будто натолкнувшись на невидимую в сумерках стену. Он стоял неподвижно, как каменное изваяние, и, раздувая ноздри, глубоко вдыхал стывший воздух. А руки тем временем медленно и осторожно делали свое дело: сначала с плеча сполз ремень ружья-бескуровки, затем слышался легкий щелчок предохранителя, и стволы двенадцатого калибра усталились в небольшую лощину впереди.

Там, шагах в двадцати от Егора, в густом листовке, что-то шевелилось. Он еще не видел зверя, но этот резкий кисловатый запах опытный таежник мог различить среди десятка других — легкий низовой ветерок тянул его в сторону. Медведь! В этом у Зыкина практически не было сомнений.

«Повезло...» — мельком подумал он, но радости от такой встречи не ощутил. Сумерки быстро сгущались, а в темноте со зверем шутки плохи. Однако отступать Егор не стал — в голову ударил хмель охотничьего азарта.

Стараясь не делать резких движений, он освободился от рюкзака, передвинул на живот широкий охотничий нож в кожаных ножнах — чтобы был под рукой на всякий случай —

и скрадком, пригибаясь и прячась за стволами лиственниц, двинулся к шевелящейся темной массе впереди. Если бить, то наверняка; зверь промаха не простит.

Зыкин осторожно раздвинул ветки, перенес тяжесть тела на левую ногу, неуловимо быстрым движением прижал приклад к плечу, затаил дыхание и... опустил ружье.

На небольшой поляне, у противоположного края которой росли разлапистые лиственницы, лежал медведь. Что-то не понравилось Егору в его позе: зверь тяжело, сдавленно вздыхал, ворочаясь с боку на бок, передними лапами вяло шлепал по загривку, будто отгоняя назойливого гнуса, и временами тихо, по-собачьи, поскуливал.

«Что с ним?» — недоумевал охотник, с тревогой прислушиваясь к шуршанию веток и вглядываясь в заросли.

Он рассмотрел, что перед ним пестун-двухлетка. А значит, где-то поблизости может быть и его мать-медведица, встреча с которой при таких обстоятельствах в планы Егора не входила, — за своего мальчика она спуска не даст. Ее не испугаешь, не отгонишь пальбой, будет драться до последнего вдоха. Не дай бог промахнуться...

Тут Егор заметил рядом со зверем полуразрушенное сооружение, отдаленно напоминающее двухскатный шалаш. «Удавка... — догадался он; и тут же расสวิрепел: — Какая стерва на моем участке пенки собирает?! Да я этого козла...»

Зыкин всей душой ненавидел этот варварский способ добычи медведя; охотой его нельзя было назвать. Соорудить ловушку особого труда не представляло: между толстыми лесинами или столбами крепилось бревно-перекладина, из жердей устраивалась крыша шалаша, на открытых входах настораживались две петли-удавки из тонкого, но очень прочного стального троса, а посередине подвешивался кусок протухшего мяса.

Любопытный и нередко голодный зверь, который мог играючи, одной лапой, разрушить ловушку, тем не менее, пытаясь добраться к мясу, лез внутрь через один из входов, где его и подстерегала коварная петля-удавка. Этот

жестокий, недостойный настоящего охотника способ редко приносил пользу даже в случае «удачи». Ведь каждый день не будешь посещать ловушку, и несчастный зверь погибал в страшных мучениях, превращаясь летом за два-три дня в кучу гниющего мяса.

«Попадешься ты мне... — поминал недобрый словом Егор неизвестного браконьера, который самовольно забрался на его охотничьи угодья. — Но что делать с мальцом? Добить?»

Немного поколебавшись, он все же решил — тая в глубине души страх, с тревогой посматривая по сторонам и держа ружье наизготовку, Егор подошел к пестуну почти вплотную. Медведь открыл влажные глаза и посмотрел на него. И столько тоски было в них, столько страдания, что Егор снова разозлился донельзя на человека, соорудившего ловушку: «Ну и гад!»

Зыкин уже почти без опаски склонился над медведем. Туго затянутая петля кое-где сорвала шкуру на шее медведя, и кровь густеющими струйками стекала на землю, взломаченную когтями задыхающегося пестуна. В сердцах матюгнувшись, Егор выдернул из-за пояса небольшой топорик и, нимало не задумываясь о последствиях, перебил туго натянутый трос. Затем, осторожно прислушиваясь к хриплому дыханию молодого медведя, длинной жердью немного ослабил петлю.

На большее он не решился; кто знает, что взбредет в голову пестуну, когда он придет в себя? Потом Зыкин подцепил жердью трос и привалил другой ее конец бревном, которое валялось неподалеку, — в расчете на то, что, поднимаясь, медведь стряхнет удавку.

«Живи, курилка... — с облегчением вздохнул Егор, поторопившись удалиться от зверя на безопасное расстояние. — Красивый, однако...» Такой окрас шкуры у медведя он, пожалуй, видел впервые: светло-коричневый подшерсток, ярко-желтый пушистый волос, а на груди темно-коричневое, почти черное треугольное пятно.

Некоторое время медведь лежал неподвижно, как бы прислушиваясь. Затем медленно встал, покачивая головой, как пьяный. Егор

довольно улыбнулся — петля упала на траву. Шатаясь и неуклюже переставляя лапы, пестун сделал несколько шагов и остановился, уставившись на Егора. Тот невольно положил палец на спусковой крючок ружья. С минуту медведь стоял неподвижно, как бы присматриваясь к своему освободителю, затем довольно миролюбиво заворчал и, с шумом втянув воздух, не спеша потопал в заросли.

* * *

Четыре года спустя, в начале сентября, воскресным погожим днем, случилось Зыкину в тех местах рыбачить. Конечно, того рыбного изобилия, которое ему довелось нечаянно увидеть в реке, теперь не было и в помине. Но все же к полудню в садке у Егора трепыхалось несколько хариусов, хорошо нагулявших за лето жирок, и два крупных налима, на которых он ставил удочки накануне вечером.

Расположившись на песчаной косе, Егор стряпал обед — тройную, «царскую», уху с налимом. Солнце светило неярко, ласково, гнуса и комаров, надоедающих летней порой, не было, потому как поутру трава стояла седая от первых заморозков, и он благодушествовал, помешивая в небольшом котелке ароматное варево.

Костер уже едва тлел, когда Егор, разомлевший от приятного тепла, которое изливалось из небесных глубин на осеннюю тайгу, спохватился и, быстренько подхватив топорик, пошел в заросли за сушняком — припасенных дров оказалось маловато. Рубить не пришлось — неподалеку от берега, в редколесье, хватало поваленного сухостоя. Положив на плечо две тонкие и сухие до звонкости лесины, Егор двинулся обратно к костру.

И тут же замер на месте, словно его столбняк хватил — из кустов, на чистое место, совсем близко от Зыкина, возбужденно повизгивая и по-пороссячи хрюкая, клубком выкатились два медвежонка-сосунка. Не обратив на него никакого внимания, медвежата принялись кувыркаться, а затем устроили веселую потасовку.

«Ядрена корень!» — охнул втихомолку Егор и стал, как рак, пятиться назад, подальше

от веселых братцев; уж он-то точно знал, что вряд ли их мамаша могла отпустить далеко от себя таких крошек.

Не успел Зыкин спрятаться в зарослях, уйти подальше от греха. Огромная туша, словно замшелый камень из пращи великана, проломила просеку в молодом листвяке, и угрожающий рев разорвал тишину речной долины.

Медведица была старая и немного хромила. Ее маленькие глазки запылали дикой злобой, когда она, припадая на правую переднюю лапу, быстро поковыляла к Егору. Перепуганные медвежата тем временем мигом забрались на дерево и оттуда заверещали в два голоса, что еще больше разъярило мамашу.

«Пропал! Ой, пропал!» — бросив на землю сушины, Егор заячьим скоком махнул напрямик по кустарникам в сторону реки, не выбирая дороги. Но разве убежишь от зверя, который при своей внешней медлительности и неуклюжести может в несколько прыжков догнать лошадь?

Потому Зыкин, несмотря на смертельный страх, обуявший его, все же сохранил способность кое-что соображать. Едва услышал медвежий рык совсем близко, он крутанулся юлой и спрятался за толстую листовенницу. Медведица этот неожиданный маневр проморгала и проскочила мимо, не сумев остановиться вовремя. Егор не стал ждать, пока она сделает поворот кругом, и полез на дерево.

Но, увы, забраться повыше ему было не суждено — сухо хрустнул сук под тяжестью тела, и Егор, уцепившись за него, как утопающий за соломинку, шлепнулся прямо перед носом медведицы. Она по-кошачьи цапнула его лапой, но Егор оказался проворней. Молниеносно ткнув ей в пасть злополучный сук, снова ринулся к своей стоянке, где было ружье. Мощные челюсти разъяренного зверя вмиг превратили сук в щепу, и медведица опять приударила вдогонку.

Зверь и человек метались среди листвяка, словно играли в пятнашки. Будь медведица помоложе и не хромая, эта смертельная игра уже давно закончилась бы. И конечно, не в пользу Егора. Раза два-три ей все же удалось пройтись

когтями по его спине, отчего у Зыкина только прибавилось прити.

Наконец, совершенно отчаявшись, он равнул из последних сил по дну пересохшего ручья, который вел к косе, где стыл на потухшем костре его обед. И едва не столкнулся с медведем, который, как почему-то ему показалось, смотрел на него с недоумением.

Силы враз оставили Егора; ноги, утратившие упругость, подогнулись, и он медленно, будто во сне, опустился на колени. Медведь злобно заурчал и двинулся на Зыкина. Егор упал и обхватил голову руками. Странное оцепенение сковало вдруг все его тело; он даже крикнуть был не в состоянии, только шептал быстро и почти беззвучно: «Господи спаси, Господи спаси, Гос...»

Егору показалось, что он начал вращаться в землю, растворяться в ней, стекая песчаной пылью на мелкий галечник. Страшный рев, который вырвался из двух медвежьих глоток, придавил Зыкина стопудовым грузом, помутил сознание, и он провалился в небытие...

Солнечные лучи упрямо пробивались сквозь плотно сомкнутые веки. Какая-то букашка ползала по лицу, неторопливо ощупывая крохотными лапками морщинки и бугорки на коже. Егор с усилием открыл глаза и некоторое время лежал неподвижно, уставившись в безоблачное небо.

Где он, что с ним? Вспомнил. Жив?! Рывком приподнялся, сел. Сильно болела израненная спина, ладонь левой руки была ободрана в кровь.

— Елки-моталки... Живой. Бывает же такое... — тихо бормотал Егор, глядя прямо перед собой, — боялся лишний раз пошевелиться, посмотреть назад.

«Где же медведи? И кто меня перевернул на спину? Не приснилось ли мне все это?» Но кровь — его кровь — на галечнике ясно свидетельствовала, что сновидения тут ни при чем. «А, была не была!» — в конечном счете решил Егор и, цепляясь за кустарник, выбрался на берег ручья.

И оцепенел. Шагах в десяти от него, под мохнатым корневищем вывороченной лиственницы, сидел медведь с необычайно яр-

ко-рыжей, а местами охристо-желтой шкурой и темно-коричневым пятном треугольной формы на груди. Зверь, склонив голову набок, наблюдал за ним с добродушной хитрецей.

Только теперь Егор узнал его! Это был тот самый пестун, которого охотник вызволил из ловушки! На шее медведя до сих пор сохранились рубцы от удавки — проглядывали светлыми полосками сквозь густой подшерсток.

— Ну, курилка, ну, спасибо... — в радостном изумлении шептал Зыкин. — Кто бы мог подумать?

Несмотря на то что зверь был совсем рядом, практически рукой подать, в душе Егора уже не было опаски. Удивительное чувство овладело им — будто проснулся в нем младенец, светлый и чистый, как все дети, доверчивый и добрый ко всему живому.

Медведь, шумно вздохнув, грузно потопал по густой высокой траве вдоль берега ручья. Уже возле деревьев, которые стеной стояли на взгорке, он повернул голову, еще раз посмотрел на Зыкина долгим, как бы вопрошающим взглядом и скрылся в чаще.

А Егор беззвучно шевелил губами:

— Спасибо... Спасибо тебе, брат...

О своих злоключениях на рыбалке он не рассказал никому. Даже жене. Опыт — великое дело. Неровен час, дойдет слух до того ушлого корреспондента из районки... Но с той поры в Зыкине что-то изменилось. Сядет, бывало, долгим зимним вечером на кухне, уставится на замерзшее окно и сидит молча до полуночи, улыбается задумчиво. Скучно супруге Зыкина в такие вечера, не с кем словом перемолвиться.

Однажды, как опытному охотнику, предложили Егору лицензию на отстрел медведя — расплодилось их в окрестностях поселка больше нормы. Он наотрез отказался, чем немало удивил друзей-приятелей, а особенно свою половину.

«В доме мяса — шаром покати! А ему хоть бы хны... — плакалась Зыкина половина своим товаркам. — Картошку на маргарине поджарит и трескает. И рыбу, будь она неладна. От фосфора рыбьего скоро светиться по ночам будет, как прожектор. А тут мясо, можно сказать, само идет в руки, притом законно. Так

куда там, сидит сиднем, уперся: «Не пойду, не хочу!» И все тут. В ружейных стволах уже тараканы гнезда свили. Какая-то дурь ему в голову

времяшилась, обухом не вышибешь. Чудит, зараза! И все молчком, молчком... Одно слово — блажной!»

ПРИБЛУДА

Когда мари и болота, из которых короткая, сухая осень выпила всю без остатка воду, укроются невесомым, не слеживающимся снегом, когда вечнозеленый стланик покорно склонит свои гибкие ветви перед неудержимым напором зимнего ненастья и спрячет их в сугробы, на колымские просторы приходит мороз.

Светлый день постепенно стораает, укорачивается, и в ноябре над тайгой зависает тяжелой глыбастой массой мертвящий туман. Сизые волны сглаживают провалы распадков, растворяют сопки, неслышно плещутся среди деревьев, разбрызгивая по утрам сверкающий иней. Солнце, утомленное борьбой с туманом, показывается совсем ненадолго в редкие погожие дни и, прочертив над горизонтом торопливую короткую дугу, спешит укрыться за высокими хребтами водораздела. И тогда приходит длинная северная ночь — часы безраздельного господства свирепого мороза, который с несокрушимым упрямством терзает землю твердую, словно камень.

В одну из таких ночей, на исходе ноября, в охотничьем зимовье, срубленном на берегу реки Аян, притоке Колымы, и началась эта история.

Неказистая на вид бревенчатая избушка по крышу утонула в сугробе, и только длинный черный ствол дымоходной трубы с тонкой, призрачной струйкой дыма, да узкая тропинка, протоптанная к темному прямоугольнику двери, указывали на то, что внутри находится живая человеческая душа.

В избушке было жарко. Небольшая железная печка-«буржуйка» накалилась докрасна; на ней с краешку стояла кастрюля с остатками незамысловатого ужина, рядом мирно ворковал чайник. По другую сторону от входа, напротив печки, лежали аккуратно сложенные в поленницу дрова, а на них — унты и меховые

рукавицы, для просушки. Здесь же висели видавший виды полушубок и малокалиберная винтовка.

Чуть поодаль, у стены, под крохотным оконцем, стояли нары, на которых лежал полосатый тюфяк, застеленный грубошерстным солдатским одеялом. Был в избушке и стол, сколоченный на скорую руку из сучковатых досок, по которым лишь вскользь прошелся рубанок. Посреди стола, на залитом стеарином чурбане, стояла толстая свеча.

Возле стола сидел охотник-промысловик Алексей Малютин, коренастый мужчина лет сорока пяти, белобрысый, немного конопатый, с чисто русским круглым и широкоскулым лицом. Хмурая светлые кустистые брови, словно выгоревшие на солнцепеке, он снимал с белок шкурки, ловко орудуя перочинным ножом, острым как бритва.

Уже больше двух недель Алексей белковал на отведенных ему охотничьих угодьях. В этом году белки было мало, и чтобы добыть десяток серебристо-черных шкурок с белым пятном брюшка, приходилось бродить в снегу выше колен по распадкам, урочищам и старицам два, а то и три дня, тогда как обычно Андрей отстреливал такое количество белок за три-четыре часа.

Мало того что в этом году случился неурожай на шишки кедрового стланика, и поэтому из-за бескормицы белка ушла в другие, изобильные места, так еще и соболь появился на участке. Юркий и хитрый зверек был грозным и беспощадным врагом для белок; он ни ночью, ни днем не прекращал опустошительные набеги на беличьи гнездовья.

Алексей часто встречал его следы. Однажды он убил полдня, распутывая замысловатые петли, проложенные аккуратными лапками пришельца среди бурелома. Но, судя по все-

му, соболь был старый, опытный, и Малютин в конце концов признался себе, что тягаться с этим хитрецом ему просто не под силу.

Да и времени было в обрез — в десять часов утра только-только проклевывался рассвет, а в четыре пополудни уже начинало темнеть. И за этот короткий промежуток нужно было не только белку отыскать, но еще и проверять капканы на горностая.

Алексей уже подумывал уйти из этих мест — у него было еще одно зимовье, километрах в двадцати отсюда, но пока не решался. Мороз разыгрался не на шутку, и такой длинный переход по снежной целине был задачей небезопасной и нелегкой.

— А, чтоб тебя!.. — Малютин швырнул испорченную беличью шкурку на земляной пол, посыпанный речным песком.

Видимо, пуля срикошетила от ветки и, вместо того чтобы попасть в глаз или нос зверька, пробила живот.

Он посмотрел на будильник, который стоял на полке, и тяжело вздохнул. Спать ложиться еще рано, а работы больше не было — за день удалось добыть всего пять белок. Малютин не любил вынужденного безделья в эти нескончаемо длинные зимние вечера, когда минуты словно просачиваются сквозь плотный фильтр и ленивыми капельками скатываются в звонкую пустоту.

Алексей подбросил дров в печку, заварил крепкий чай в эмалированной кружке, выпил вприкуску с фруктовой карамелью и от нечего делать принялся в который раз перечитывать толстый и скучный роман без начала и конца, спасенный им из костра, устроенного заведующей поселковой библиотекой из списанных книг.

Оторвал его от чтения протяжный и тоскливый волчий вой. «Вышли на охоту, — подумал он, прислушиваясь. Густое вибрирующее эхо раздробилось на множество отголосков. — Стая... Окружают кого-то. Черти прожорливые. Чтоб вам ни дна, ни крыши!»

Малютин был неравнодушен к волчьему племени. В прошлом году, ранней осенью, он имел неосторожность оставить свою верную охотничью лайку возле избушки на

ночь и утром обнаружил только изгрызенный ошейник да несколько клочков светло-рыжей шерсти. Утрату Алексей переживал болезненно — на его лайку не могли цену составить. Со всего района приезжали охотники, чтобы заполучить от нее щенков. Едва не дрались — она обладала прекрасным верховым чутьем, была неутомима и проворна, и, в отличие от большинства других охотничьих псов, безбоязненно шла на медведя; такими же качествами отличалось и ее потомство.

До сих пор Малютин не мог отыскать ей замену. За год забраковал трех щенков, и теперь пришлось идти в тайгу без надежного друга и помощника. А без лайки выследить белку трудно, немало лишних километров снежной целины под ноги ляжет, прежде чем прицепишь к поясу добычи.

С той поры Алексей настораживал мощные капканы, по три раза вываренные в извести и настое из хвои стланика, в надежде поймать хотя бы одного хищника. Но все его потуги были тщетны — осторожный, недоверчивый зверь обходил ловушки стороной. А иногда, будто в насмешку, вожак стаи (так определил по следам Малютин) таскал капкан за крепкую цепь до тех пор, пока не сработала пружина, но и тогда хищники к приманке не прикасались. Только кропили капкан мочой.

Вой начал приближаться, стал отчетливо слышен, — нетерпеливый, хрипловатый: «У-ух-хр, у-в...». Видимо, волки обложили жертву и теперь гнали ее в сторону зимовья.

Алексей не выдержал — быстро сунул ноги в унты, накинул полушубок на плечи, схватил мелкашку, горсть патронов и, потушив свечу, выскочил наружу.

В зыбком густом тумане словно кто-то рассыпал горсть светлячков. Они то роились кучно, то разлетались парами в разные стороны. Малютин с мстительной радостью неторопливо прицелился в ближайшую пару и плавно нажал на спусковой крючок... Хлесткие щелчки выстрелов вспороли тугой морозный воздух, и вслед за ними раздался яростный рык раненого зверя.

— Попал! — вскричал в восторге охотник. — Получи, фашист, гранату! Наконец-то...

При первых же выстрелах светлячки будто утонули в сугробах. Было слышно только похрустывание — волки во весь мах убегали кто куда. Пальнув еще раз четыре наобум, Малютин достал из кармана полушубка электрический фонарик с намерением пойти посмотреть на подстреленного волка.

Но, поколебавшись чуток, передумал; волк — не заяц, а подранок — тем более.

— Шкуры, конечно, жалко, — размышлял он вслух. — Сожрет ведь стая с потрохами до света. Ну да ладно, береженого Бог бережет...

С тем и возвратился в изрядно остуженную избушку с дверью нараспашку — впопыхах забыл закрыть. Снова хорошо раскожегал печку, выкурил папиросу и, завесив дверь старым ватным одеялом, чтобы подольше удержать тепло, лег спать.

Ночь прошла без приключений. Утром, плотно позавтракав, Алексей встал на широкие охотничьи лыжи, подбитые светло-серым сохачьим камусом, и отправился в очередной обход участка.

Мороз по-прежнему немилосердно обжигал щеки и нос, но туманная пелена поднялась вверх и теперь висела над долиной, как туго натянутый шатер. Как и предполагал Малютин, от волка остались только дочиста обглоданные кости. Оголодавшие хищники съели даже окровавленный снег.

День оказался удачным — он добыл восемь белок, а в капканы попали два крупных горноста-самца. Возвратился Алексей, когда было уже совсем темно. Наскоро испив горячего чая, который перед уходом налил в термос, решил на ужин сварить суп с пельменями и стушить зайчатину.

Поставив на печку кастрюлю, доверху наполненную прозрачным, как первосортный хрусталь, речным льдом, он обернулся к поленице, где лежал заяц-беляк; Алексей еще утром внес его в избушку, чтобы разморозился. Обернулся — и остолбенел. Заяц исчез! Не поверив глазам своим, он взял со стола свечку и тщательно осмотрел поленицу — не завалился ли куда?

— Что за наваждение?! — бормотал Малютин, уставившись в полном смущении на

поленья. — Точно помню — приносил. По моему, зайчатину я ел позавчера... Значит... А, ничего не значит! — Рассердился и постучал себя по лбу костяшками пальцев. — Вот голова дубовая. Память отшибло...

Лед в кастрюле растаял быстро, и в кристально чистой воде уже роились воздушные пузырьки. Стараясь ни о чем больше не думать, Алексей бросил в кипяток замороженные пельмени.

Уже через час он спал крепким сном здорового человека, привычного к неудобствам кочевой жизни и большим физическим нагрузкам.

Утром первым делом Малютин достал из ящика-морозильника зайца и положил его на поленицу. Доев вчерашний суп и выпив две кружки чаю со сгущенным молоком, он поторопился на охоту. День обещался быть погожим, светлым, мороз пошел на убыль, а значит, белки раньше покинут гнезда; попробуй, отыщи их потом без лайки. Гайна видны издалека, а искать белок по следам, которые зверушки оставляют на снегу, перебегая от дерева к дереву, ох как нелегко и долго — маета.

Вечером, едва переступив порог, Алексей, не зажигая свечи, пошарил рукой в углу, где лежали поленья. И ахнул! Недаром на душе целый день кошки скребли!

— Да что же это такое?! Куда он запропастился?! — трясущимися руками Алексей стал зажигать свечу; получилось только с пятой спички.

Поленица радовала глаз аккуратной кладкой. Но зайца и след простыл.

— Я же своими руками... вот сюда... Может, мне это снится?

Малютин ущипнул себя — больно. На сон не похоже. Тут уж он озлился. В нечистую силу Алексей не верил, а значит, пока он отсутствовал, кто-то побывал в избушке. Вышел наружу, внимательно осмотрел окрестности. На тропинке только отпечатки подошв его унтов. И рядом россыпь заячьих следов: как он определил, вчерашних.

Впрочем, в темноте, при неярком свете маломощного фонарика, можно было и оши-

биться. Зайцев в этом году расплодилась тьма-тьмушая, и они нахально прокладывали тропы едва не возле двери зимовья, как только начинало вечереть.

Возвратившись в избушку, огорошенный Алексей уселся на нары и попытался привести в порядок ералаш мыслей. Что за дьявольщина?! Соображал и так, и эдак — все впустую. Выходило, что он просто-напросто рехнулся. Или же заяц ожил и, сам отворив дверь, сбежал. Ничего себе номер: получил пулю в голову, пролежал неделю в морозильном ящике — и был таков. А дверь, а дверь-то как ухитрился открыть?!

Вконец запутавшись, Алексей достал с полки бутылку спирта, которую берег на крайний случай. Налил полный стакан, не разбавляя, и, крикнув, одним махом осушил его. Пососал льдинку, закурил последнюю папиросу из пачки. Спирт пробежал горячей волной по жилам. С непривычки Алексей быстро замелел и приободрился.

— Да хрен с ними, с этими зайцами! Не было их. Померещилось. Посидишь тут бирюком еще месяц-другой... не то покажется... Не было — и все тут! Баста! Поет морзянка за окном высоким дискантом... — запел во весь голос, перевирая слова песни и отчаянно фальшивя. — Четвертый день пурга...

Неуклюже дирижируя, пел до хрипоты минут десять. Выдохшись, потянулся за куревом. Вспомнив, что пачка пуста, полез под нары, где среди кучи всякого хлама стоял ящик с папиросами. Потянул его к себе, откинул крышку и, нечаянно скосив глаза, с перепугу икнул — в углу, за старым рюкзаком, туго набитым всякой всячиной, сидел заяц-беляк и таращил на него испуганные глаза! Живой заяц!!!

Малютина словно метлой вымело из избушки. Прислонившись к стене снаружи, он с минуту стоял столбом, бессмысленно глядя в темноту. Затем, неожиданно для себя, перекрестился пятью пальцами: «За что, Господи?!»

Переборов страх, заглянул в избушку. Никого. Едва не на цыпочках подошел к нарам, встал на колени и посмотрел в угол. Пусто! С трудом поднялся на ноги, потер грудь.

Сердце трепыхалось, как заячий хвост.

— Все, брат, пора в больницу... Пусть лечат... — Осторожно, словно тюфяк был набит не сеном, а иголками, опустил на нары. — Совсем плох стал... Пусть лечат, иначе...

И содрогнулся — если он чего и боялся, так только медицины. Один вид шприца приводил его в трепет.

Больше шарить под нарами Алексей не стал. Готовить ужин у него желания тоже не было.

— Сыт по горло... — ворчал он, укладываваясь поудобней. — В больнице накормят...

Задул свечу, укрылся полушубком и забился тревожным сном.

На следующий день Малютин опять внес в избушку закостеневшего на морозе зайца, положил его на ту же поленницу и на всякий случай привязал за задние лапы медной проволокой к толстому гвоздю, который сидел в стене почти по самую шляпку.

— Пусть теперь попробует сбежать, пусть попробует... — приговаривал Алексей, сознавая, что несет несусветную чушь.

Двери избушки он закрыл на замок и привалил бревном.

В этот день охота не заладилась — он сбил одну-единственную белку с верхушки высоченной лиственницы. Такого с ним еще не случилось. Не повезло и с горностаями — в капкан попался всего один, но и от того остался лишь белоснежный хвост с черным кончиком. Соболь постарался, опередил Малютина.

Алексей не узнавал себя: руки у него дрожали, глаза слезились, в тело вступили вялость и слабость. Не дожидаясь, пока стемнеет, он повернул обратно с твердым намерением отправиться завтра в поселок, чтобы его осмотрел врач. Зашел в избушку, не глядя на поленницу, разделся, пошуровал кочережкой в поддувало, не спеша закурил у стола, обернулся к двери... И сел на нары — ноги вдруг стали ватными. Заяц опять исчез!

Это было уже слишком! Малютин, схватив кочережку, нырнул под нары и начал вышвыривать оттуда мешки, капканы, старые ватники, рукавицы, прохудившиеся валенки — все барахло, скопившееся там за двадцать лет.

— Ну, зараза! Убью, измочалю! — кричал он.

И вдруг белый пушистый ком выкатился из-под нар и заметался по избушке! Алексей шарахнулся от него, больно стукнулся о нары — и в изумлении дико заржал. На пороге избушки пританцовывал перепуганный молодой песец!

Теперь Алексей понял наконец, за кем охотилась волчья стая. Пока он пулял по хищникам из винтовки, сообразительный песец тихонько прошмыгнул в приоткрытую дверь избушки, надеясь найти там защиту и спасение от волчьих клыков.

— Ах ты, собачий сын... — сквозь смех обратился к зверьку охотник. — Я тут с ума схожу, а ему хоть бы хны. Сам себя на довольствие поставил. Любитель зайчатины...

Песец успокоился и смотрел на Малютина вопросительно, будто пытаясь понять, что тот ему говорит.

— Домовой... — На Алексея снова напал смех; насмеявшись до колик в животе, он закурил. — Фу-ты... Повеселил. И на том спасибо. Слушай, хитрец, а ну как я с тебя шкурку твою белоснежную сниму? В качестве платы за оприходованных зайцев.

Видимо, что-то в голосе охотника песцу не понравилось. Он напряжился, подобрался весь, как перед прыжком.

— Понимает! — восхитился Алексей. — Ей-ей, понимает! Ай да умник... Не бойся, не обижу. Поживешь у меня чуток, потом выпущу. Морозно в тайге сейчас. Впрочем, тебе холода до лампочки. А вот волки — это да... Подождем, пока уйдут. Живности для них тут нету подходящей, а зайца поди догони...

Малютин назвал нежданного квартиранта Приблудой. Песцы на Аяне встречаются редко. Может, оскудевшие охотничьи уголья или страсть к путешествиям, а возможно, и какие другие причины толкают таких, как Приблуда, смелых одиночек на отчаянное, рискованное предприятие — многодневный переход из чукотской или якутской тундры в колымскую тайгу.

Песец на удивление быстро обжился в зимовье и даже стал нахально потягивать в ожидании еды. Обладал он живым нравом и детской любознательностью. Наверное, не желая прослыть дармоедом, Приблуда вскоре переловил всех мышей в избушке — за лето их расплодилось уйма.

Вечерами, после сытного ужина, Алексей, лежа на нарах, философствовал. Приблуда, примостившись на ящике у стены напротив, внимательно слушал его неторопливый говорок, иногда кивая своей круглой ушастой головой — словно поддакивал. Озорные глазки песца блестели среди белого пуха черными жемчужинами, а кончик пышного хвоста трепетал, находясь в постоянном движении.

Когда Алексей невзначай выпускал в его сторону крутой завиток папиросного дыма, песец чихал и при этом с укоризной посматривал на охотника...

Но всякая история имеет свой конец. Примерно через полмесяца Малютин собрал пожитки и погрузил их на санки — пора было уходить на новый участок. Приблуда с беспокойством наблюдал за ним.

— Что, разлуку чуешь? — спрашивал охотник добродушно и весело.

А на душе у самого было муторно.

Подхватив песца на руки, Алексей вышел из зимовья, бережно опустил его на снег, любовно потерев за уши и слегка подтолкнул.

— Беги, Приблуда. Негоже вольному охотнику возле печки сидеть.

Песец встрепенулся, радостно тявкнул и припустил по снежной целине к реке. У самого берега он остановился и долго-долго смотрел вслед Малютину, который, встав на лыжи и впрягшись в санки, взбирался на косогор. На самой его вершине охотник обернулся, помахал Приблуде рукой и пошел вниз, в распадок. Вскоре его кряжистая фигура скрылась в легком серебристом тумане, через который робко пробивались первые лучи восходящего солнца.

Поэзия

Николай АНЦИФЕРОВ

Родился в семье шахтёра, в Макеевке. После окончания горнопромышленного ремесленного училища, начиная с 1947 г., работал электрослесарем. Публиковаться начал с 1952 г. Первый творческий наставник Николая Степановича — писатель и журналист Анатолий Мартынов, ставший его другом. Позже он вспоминал об Анциферове, что тот в начале 1950-х гг. принёс в редакцию «Комсомолец Донбасса» «много грубоватых, но очень метких и точных шахтёрских словечек и выражений. Впоследствии из них и составил неповторимый шахтный запах его стихов...» В 1956 г. увидела свет его дебютная книга — «Дайте срок...» Поступил в Московский литературный институт имени А.М. Горького, который окончил в 1962 году. После этого руководил отделом поэзии в литературном журнале «Москва».

Поэзию Николая Анциферова высоко оценил Жан Поль Сартр. Положительные отзывы о «певце шахтёрского края» оставили Ярослав Смеляков, Николай Асеев, Александр Твардовский; он был дружен с Николаем Рубцовым. Евгений Евтушенко писал о коллеге, что, «сверкая яростно голубыми глазами, он читал нам стихи, утверждая великое подземное братство». По мнению Евтушенко, никто на эту тему не выразился лучше: «Я работаю как вельможа. Я работаю только лёжа». Эти стихи стали «визитной карточкой» поэта и принесли ему популярность в СССР.

МНЕ ЗАВИДУЮТ, МНЕ ПОВЕЗЛО

Малоизвестные стихи поэта

* * *

Шахтер не любит говорить о лаве,
Как на войне солдаты — о войне.
Шахтер не любит говорить о славе,
О женщинах,
О деньгах,
О вине.
Он больше — о рассветах и закатах.
Об удочках, заброшенных в Днепро.
О беленьких,
В садах зеленых,
Хатах
И о красивых станциях метро.
Он может посудачить о де Голле,

Он страстно любит, с видом знатока,
В который раз потолковать о голе,
Что вбил «Шахтер» в ворота «Спартака».
Он почему-то любит оперетту,
Благоволит ко всем конферансье.
(Простим, как говорится, вольность эту,
Что посещают оперу не все).
Шахтер не любит говорить о славе,
О женщинах,
О деньгах,
О вине.
И редко-редко говорит о лаве,
Как на войне солдаты — о войне.

ТОПОР

Десять лет я точу топор
И все время ношу с собою.
Не подумайте, что я вор,
Я работаю с ним в забое.

С ним расстаться никак нельзя:
А не то украдут друзья.
Дело гиблое, коль украдут.
И приходится перед сменой
Мне в контору на пять минут
Заходить с топором непременно
Наболевший решать вопрос.
Сколько лет все одно и то же:
Чтобы заработок возрос,
Чтоб платили за труд подороже.
Нормировщики — не секрет —
Нечто вроде гадалки-старухи:
Если сунешь кредитный билет,
Могут сделать слона из мухи.
Потому-то за ними следишь,
Чтоб не строили разные трюки.
У меня насчет взяток — шиш.
У меня есть топор и руки...
Есть в конторе еще дела.
Мы живем в основном положительно.
Наша жизнь хороша и мила,
И прекрасна, и удивительна.
Недостатки, однако, есть.
Незначительные изъяны:
Иногда мы не можем поесть,
Потому, что пусты карманы.
Жизнь неважная без монет.
Без двугривенного сбережения
Вас не пустят и в туалет,
Извините за выражение.
От полочки к полочке, увы,
Не сойдутся концы с концами.

А питаться газетою...
вы
Попытайтесь питаться сами.
И к начальнику шахты идешь
Напевать о нужде романсы.
Заработанный собственный грош
Просишь выплатить в счет аванса.
Извинишься, но двери — щелк
На замок английской системы.
В кабинете на окнах шелк,
Украшают портреты стены.
Поначалу о том, о сем.
Как жена, подрастают дети ль?
Кабинет на замке. Мы вдвоем:
Он да я. Да топор — свидетель.
Бьет начальник маня по плечу:
Ну, чего, мол, еще хочю.
Позвонил — и главбух уже здесь.
Человек и скотина: смесь.
Улыбается слоено в бреду,
Ловит шепот начальника ухом:
— Все понятно... имею в виду...
Он уходит — и я иду.
С топором иду за главбухом.
А у двери шумит толпа.
Ожидают приема тоже.
До чего же толпа глупа:
Всех начальник принять не сможет.
Мне завидуют. Мне повезло.
Все расходятся восвояси.
Только я на судьбу не злой —
Сто рублей получаю в кассе...
С топором через шахтный двор
На работу иду в преисподнюю.
Мой кормилец, мой друг топор
Дозарезу мне нужен сегодня.

ПЕЙ, НАЧАЛЬНИК

«Не подмажешь — не поедешь» —
 Не для всех поговорка стара.
 Мой знакомый начальством в «Победе»
 Был доставлен к буфету вчера.
 В клубах дыма повисли ноты,
 А на нотах — «Шумел камыш...»
 — Нам положено после работы
 Пить и петь, мы шахтеры, слышь?
 Пей, начальник, лишь в водке сила.
 Обожаю тебя от души.
 Слышь, возьми, дорогой, на чернила.
 Только, милый, пиши да пиши.

А писать ты, я знаю, можешь.
 Вместе выросли как-никак.
 — Друг, возьми-ка вина подороже!
 Говорят, здесь хороший коньяк!
 И не думай насчет работы —
 Напишу... А другим вот — шиш...
 И опять повисают ноты,
 И на нотах — «Шумел камыш...»
 А на улице — дождь и ветер,
 И в одной из квартир в тот час
 Ждут с полочки ботинки дети
 И жена не смыкает глаз.

НАХАЛОВКА

Моя земля юна, румяна.
 И чтобы стать сильней, стройней,
 Совсем не надобны румяна
 Моей мужающей стране.
 Когда лицо солдата в шрамах,
 Оно о многом говорит...
 Не все живем пока что в храмах.
 Ну что ж, потерпим. Не горит...
 Полсотни хат на курьих ножках
 Стоят не в сказочной стране.
 Есть в каждой хате
 дверь, окошко.
 Есть в каждой хате свет в окне.
 Без разрешенья райсовета,
 Как гриб, поселок вырос тут,
 И, безымянного, за это
 Его «Нахаловкой» зовут.
 Здесь по-отечески сердечно
 С портретов шлет улыбки нам
 Шахтеров лучший друг,
 Конечно,
 Друг по тогдашним временам.
 Еще не ведая, что будет
 О нем рассказано потом,
 Пока и в праздники и в будни
 Мы за его здоровье пьем.
 Здесь рай не хуже, чем в окопе.
 В хатенках быт донельзя прост.

Здесь мне — не то что дяде Степе —
 Нельзя подняться в полный рост,
 Поскольку площадь комнатенки
 Не больше кузова трехтонки.
 Земные блага здесь не в моде,
 Не в первый день, не в первый год
 Мечтает о водопроводе
 Цивилизованный народ.
 Здесь жизнь своя, свое веселье,
 Здесь свой неписанный закон:
 Пьют тетки набожные зелье
 Под покровительством икон.
 Хранят хозяйки эти лики,
 Чтоб их мужей и сыновей
 Оберегал Господь великий
 Могучей силою своей.
 Забыли бабы, что сегодня
 И под землей, и на земле
 Большие функции Господни
 Сосредоточены в нуле.
 И не помогут в шахтном деле
 Ни бог, ни дьявол, ни мольбы.
 А жизнь — есть жизнь.
 И в жилотделе,
 Бывает, делают гробы...
 А всюду — признак изобилья,
 Как говорят, бушует жизнь:
 На легковых автомобилях

Деляги катят в коммунизм.
 Бегут машины — сотни, тыщи.
 Спешат, как воины на фронт.
 Однооконные жилища
 С тоской глядят за горизонт,
 Глядят туда, где есть повыше
 И поуютнее дома,
 Где рестораны есть на крыше,
 Где, говорят,
 Была тюрьма.
 Глядит поселок в полудреме
 Уж не один десяток лет
 И ничего не видит, кроме
 Шахтерских радостей и бед.
 Но побредешь, гонимый жаждой,
 Искать родник на край земли.
 Вот так Нахаловку однажды
 Киносоздатели нашли.
 И режиссер, губа — не дура,
 Заулыбался от души:
 — Великолепная натура,
 Места для съемок хороши.
 И нас в сегодняшней одежде
 Снимали долго для кино.
 Кино о том, как жили прежде
 Здесь горняки, давным-давно.
 Платили деньги нам за это,
 Мы оставляли их в буфетах,
 Где поднимали каждый тост
 Мы за здоровье кинозвезд.
 А через год, ну два от силы,
 Меня с друзьями заодно
 В столичном зале воскресило
 Цветное кинополотно.
 Как сквозь вагонное окошко
 Прошли знакомые места.
 Полсотни хат на курьих ножках
 Толпятся около моста.
 Проплыло все, что заснимали
 Без декорации у нас.
 И я вздохнул со всеми в зале:

«Неважно жил рабочий класс».
 Потом пошла любовь без ссоры,
 Собранья, подвиги труда...
 Я вспомнил деньги режиссера,
 Как пропивали их тогда.
 А на экране плыли были:
 Дворцы культуры, гаражи...
 И все Нахаловку забыли:
 Ведь так рабочий раньше жил.
 Да, о рабочем человеке
 Забот немало в наши дни.
 Ну а искусство в нашем веке
 Почти фантазии сродни.
 «Нахаловка — небось, макеты», —
 Какой-нибудь заметит муж,
 И по-столичному одетый,
 И образованный к тому ж.
 Не хочет верить — и не надо.
 Известно, как ни убеждай:
 Без рая быть не может ада,
 Без ада невозможен рай.
 Полсотни хат на курьих ножках
 Стоят не в сказочной стране.
 Есть в каждой хате дверь, окошко.
 Есть в каждой хате свет в окне.
 Моя земля юна, румяна,
 И чтобы стать сильней, стройней,
 Совсем не надобны румяна
 Моей мужающей стране.
 Когда лицо солдата в шрамах,
 Оно о многом говорит.
 Не все живем пока что в храмах.
 Ну что ж, потерпим. Не горит.
 Жизнь полновластная стучится
 Сейчас сильней в моем краю
 Как будто, — молвят очевидцы, —
 Снесли Нахаловку мою.
 Что ж, не сегодня-завтра, значит,
 И только так.
 И не иначе.

ПИВНАЯ («Профилактика»)

А я пивную не миную.
Я запросто вхожу в пивную,
Не ведая стыда и страху,
Как царь на трон,
Палач — на плаху.
Я объясняю в чем тут дело:
Я после смены в бане
с тела
Смываю угольную пыль.
Но пыль, что к сердцу прикипела,
Не смоешь в бане, как ни мыль.
Кричу буфетчику с порога:
(Да пусть непьющие простят):
— Сто маловато, двести — много,
Два раза по сто пятьдесят!

Буфетчик вынет из-за уха
И послунявит карандаш.
И не похожий на главбуха,
Не пробасит: «Когда отдашь?»
Черкнет в талмуде замусоленном,
Игриво пальцем погрозив.
В знак уваженья
Малосольный
Огурчик выдаст: «Загрызи...»
Рванув отпущенную меру,
Бреду, не ведая преград:
Кум президенту, зять премьеру,
И марсианам кровный брат.
Нет, я пивную не миную.
Я запросто вхожу в пивную.

Светлана КУРАЛЕХ

Родилась в 1942 г. в пос. Горный Саратовской обл. в семье служащих. Окончила строит. ф-т Харьковского института инженеров железнодорожного транспорта (1964) и заочно Литинститут (1977). Была инженером в проектных институтах Уфы и Донецка.

Печатается с 1966 г. Автор книг стихов: «Вечерний визит» (Донецк, 1978); «Времена жизни» (Донецк, 1983); «Женщина с правами» (Донецк: «Донбасс», 1990).

Выпустила книги стихов для детей: «Что любят мамы?» (Донецк: «Донбасс», 1990); «Хорошее настроение» (Донецк: «Кассиопея», 1999). Печатается в журналах: «Донбасс», «Радуга», «Нева», «Студенческий меридиан», «Смена», «Сельская молодежь», «Колобок», «Гусельки».

Живет в Донецке.

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ В МОЁМ ОКНЕ

Стихотворения из книги «Дневник на фоне канонады»

* * *

Недолёт. Перелёт. Недолёт.
По своим артиллерия бьёт.

А. Межиров

Всё дрожит. Мы в подвалах сидим.
Артиллерия бьёт по своим:
то ли бойня идёт, то ли бой,
не понятно, кто свой, кто чужой.
День и ночь канонада слышна.
И растёт огневая стена.
И теперь может знать только Бог,
кто же первую спичку зажжёт.

Недолёт. Перелёт. Недолёт.
По своим артиллерия бьёт.
Видно, крепко нас родина любит —
по своим артиллерия лупит...
И небесные сотни летят,
ни огонь им не страшен, ни град —
там присмотрят за каждой душой,
там рассудят, кто свой, кто чужой.

ПЕРВЫЙ ОБСТРЕЛ

Числа не помню. Середина лета.
Мне показалось, взорвалась планета!

Собаки, люди... Кто успел, в чём были...
И детский плач, и все бегут в подвал.
А телевизор выключить забыли,
а там кино «Раба любви», финал.

Как долго лифт распаивает двери,
и мысль о смерти в каждой голове.
А где-то сверху: «Господа, вы звери!»
И где-то в небесах уже: «Вы зве-е-е...»

ВОЙНА

На солнце буйствуют протуберанцы,
и одержимые с огнём играют —
и на правителей встают повстанцы,
и города горят и умирают.

Уже не важно, кто кому уступит,
уже не важно, кто кого осилит

и кто кого полюбит и разлюбит...
Навылет ранена душа, навывлет.

И жизнь любимая — как поле брани,
где пули во поле свистят шальные...
И хорошо, когда ты только ранен
и только ранены твои родные.

РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА

Третий год выживаем. И память храним.
Сколько страха, и крови, и боли...
Я забыла дорогу к могилам родным,
я иду, как по минному полю.

Крест один наклонился, другой — наповал:
не щадили и мёртвых обстрелы.
А родительский памятник наш устоял!
Помолчим. Слава Богу, все целы!

* * *

Ещё наш дом теплом не обогрет.
Но первый день весны. И твой портрет.
Сегодня панихида будет в храме.
Боль не прошла, но всё яснее свет,
небесный свет между тобой и нами.

Здесь свечи поминальные зажглись.
Там, в облаках за нас ты помолишь —
в молитве общей мы нерасторжимы...
И это есть божественная жизнь
и утешенье: все у Бога живы!

ПОЗВОНОЧНАЯ ИСТОРИЯ

Путь желаний — позвоночник
Начинается от звёзд.

Елена Шварц

Путь желаний — позвоночник
начинается от звёзд.
Вдохновения источник
захватил меня всерьёз.

Без малейших колебаний
я расправила крыла,
и по лестнице желаний
к звёздам радостно вошла.

Но в попытке экзотичной
приземлилась вдруг спиной —

сломан первый поясничный
и двенадцатый грудной.

Тайны вечные — над нами,
Млечный Путь — в моём окне.
Всходят звёзды вечерами
и подмигивают мне.

Крылья в небо так и рвутся,
и щекочут мне плечо.
Позвонки мои сростутся —
налетаемся ещё!

* * *

Мне ангелы снятся и, кажется,
нет им числа.
Которую ночь почему-то
мне ангелы снятся.
Один охраняет от сглаза меня
и от зла,
пока остальные в слепом
коридоре теснятся.
Вот ангел второй застывает
у чёрных дверей.
А третий прозрачным крылом
заслоняет собрата.

Четвёртый мне на ухо шепчет:
«Беги поскорей!»
«Беги поскорей...» — повторяет
задумчиво пятый.
Куда мне бежать и о чём эта
смутная речь,
возвышенный шёпот и трепет,
намёки и знаки?
Зачем столько ангелов?
Как я смогу уберечь
их бедные крылья в такой
тесноте и во мраке?

БЫВШИЙ ДРУГ

Хохмач в литературном деле,
любитель шуток на ходу...
Ах, как мы весело гудели,
дудели как — в одну дуду!

Но жизнь — учитель наш суровый
шутливый охладила пыл,

и в друге бывшем облик новый
и незнакомый проступил —

нет-нет, не то чтобы Иудин,
но что-то разделило нас.
Я поняла: стрелять не будет,
а деньги на патроны сдаст.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Рецензии, отзывы

Донбасс
КНИЖНАЯ ПОЛКА

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

Родился 12 мая 1954 г. в городе Красноармейске Донецкой области.

С 1970 г. работал на шахте «Краснолиманская» в Донбассе — сначала учеником электрослесаря, затем мотористом на добычном участке и подземным слесарем. В 1973 г. поступил на дневное отделение Московского горного института (факультет «Подземная разработка угольных месторождений»), в котором доучился до 1977 г. Оставив на IV курсе Горный институт, работал шахтёром, геологом, журналистом в газете «Старицкий Вестник» Тверской области и одновременно — псаломщиком в православном храме Святого пророка Ильи в городе Старица.

В 1993 г. окончил заочное отделение Литературного института им. А.М. Горького (семинар критики и литературоведения). После работы в газете «Старицкий Вестник» начал работать в городе Самаре директором областного отделения Литературного фонда России, одновременно преподавая историю русской литературы в Самарском епархиальном духовном училище и издавая журнал «Русское эхо». Затем, в 1997 году, переехал с семьёй из Самары в Москву, где начал работать и работает секретарём Правления Союза писателей России.

СУВОРОВЕЦ ВОЕВОДА. БОЕЦ РЕСПУБЛИКИ

Отклик на роман Н. Иванова

В сегодняшней России не очень-то много авторов, которые пишут художественные произведения о современных русских воинах и сегодняшней войне. В первую очередь здесь можно отметить известного прозаика **Александра Проханова** с такими его романами и повестями, как «Чеченский блюз», «Идущие в ночи», «Последний солдат империи», «Убийство городов» и целый ряд других произведений такого же рода. Кроме того, можно упомянуть ещё повесть **Захара Прилепина** «Патологии» и книгу **Вячеслава Миронова** «Я был на этой войне», но особенно — романы

писателя **Николая Фёдоровича Иванова** «Расстрелять в ноябре», «Вход в плен бесплатный», «Спецназ, который не вернётся», «Афганский шторм», «Реки помнят свои берега», а также совсем недавно вышедший в издательстве «Вече» его новый роман «**Суворовец Воевода. Боец республики**». Это откровенно молодёжный по духу и в то же время вполне взрослый по содержанию роман, повествующий читателям о сегодняшней войне в Донбассе и оказавшихся в ней молодых суворовцах.

Но что следует отметить, так это — щедрая, под статью произведениям Александра

Проханова, рассыпанная по страницам книги Иванова богатая художественность, высоко поднимающая его прозу над военной публицистичностью. Зацепившись взглядом за первые же строчки романа Иванова, отложить его книгу в сторону, не дочитав до конца, уже невозможно. Потому что всё в этой книге — настоящее, всё живое, и автор не просто пересказывает в ней какие-то известные ему события, а воспроизводит их наяву — так, что мы их видим, как в реальности. К примеру, как в следующем эпизоде:

«Майор выставил на остаток кирпичной стены книгу «Три сестры». Отошёл на десяток шагов и с разворота, практически не целясь, выстрелил из пистолета в книжную мишень. Сёстры, безмятежно гулявшие в белоснежных платьях по центру обложки, кувыркнулись припудренными носиками в пыль. Майор-артиллерист, словно за шиворот, поднял их пальчиками, пролистал пробитые страницы. Отвесил щелбан пуле, застрявшей внутри книги, словно она оказалась виновной в плохом скорочтении стрелка...»

Или же, как в эпизоде с поджигаемой Артёмом Воеводой степью, что помогает ему благополучно уйти от «нациков»:

«Широким охватом наклонил звенящие от солнечного накала, иссушённые жарой стебли. Поднёс спичку к коричневым ковыльным метёлкам. Те охотно затрещали бенгальскими искрами, по-новогоднему щедро делясь пламенем с соседями. Ветерка вполне хватило для поддува, несколько огненных разгоревшихся языков даже бросились по-детски обниматься с хозяином, и услышавшему треск собственных подпалившихся бровей Артёму пришлось отмахиваться от всполохов, как от назойливых слепней...»

А чуть дальше Николай Иванов не менее красочно описывает пробуждение раннего рассвета, который невозможно не запомнить:

«Солнце, растолкав локтями ночные тучи, вывалилось в бездонный небесный провал на окопы, пулёмтные гнёзда, ходы сообщения. Рискуя получить по лбу обитой войлоком дверь, попыталось даже заглянуть в землянку:

я здесь, меня рано списывать со счетов. Ещё почти лето, ещё можно смотреть на мир с улыбкой...»

Эти великолепные фрагменты художественных описаний, которые свидетельствуют о высоко профессиональном писательском мастерстве Николая Иванова, воссоздают на страницах книги яркие моменты из жизни главного героя его романа — молодого суворовца Артёма Воеводы. На юные годы этого паренька выпало немало таких жизненных моментов, как гибель его матери, убитой выпущенным нацистами в их огород снарядом, исчезновение спившегося после возвращения из Афганистана отца, участие самого Артёма в ополчении Донецкой Народной Республики, его пребывание в украинском плену, откуда он умудряется благополучно бежать, а также его учёба в суворовском училище в Туле, награждение Георгиевским крестом и знакомство с замечательными девушками-сверстницами.

За время пролетающей через роман жизни Артёма Воеводы его судьбы, она не один раз кардинально меняет своё направление. Лишившись своего отца, он сначала живёт только с матерью. Затем, оставшись без неё, он становится «сыном полка» защитников Донбасса. Потом его зачислят учащимся Суворовского военного училища. После этого он снова оказывается в своём родном Донбассе. А увидев возле крыльца своего родительского дома нацистский БТР, Артём отчаянно кричит танкисту: «Огонь! Это мой дом. Там никого!» И слыша это, танкист решительно стреляет по нацистскому БТРу: «Танк присел от мощи, которая изверглась из жерла орудия! Окружающие схватились за головы, спасая уши, но снаряд уже вздыбил столб огня на месте дома с красным флагом и БТРом с почти фашистской свастикой. Вот уж сошлись через 75 лет после Победы. И снова бой против фашизма. И до победы опять шагать и шагать, судя по оголтелости врага...»

Доходя до этих строчек в романе, начинаешь отчётливо понимать, какой должна быть настоящая русская литература, слова и мысли героев которой не могут не совпадать с тем,

что говорят и думают реальные граждане сегодняшней России. Вспомним романы хотя бы некоторых русских писателей советской эпохи — «Живые и мёртвые» **Константина Симонова**, «Солдаты» **Михаила Алексеева**, «В окопах Сталинграда» **Виктора Некрасова**, «Горячий снег» **Юрия Бондарева**, «Они сражались за Родину» **Михаила Шолохова**, «Убиты под Москвой» **Константина Воробьёва** и множество других книг, наполненных такой же острой правдой, как в только что перечисленных мною выше. Вот и книги наших сегодняшних авторов должны гореть огнём настоящего патриотизма, умеющим воспитывать в России завтрашних подлинных героев.

Именно такой является книга Николая Иванова «Суворовец Воевода. Боец республики», которую хотелось бы видеть сегодня в руках каждого молодого человека. Книга Иванова несёт в себе ту могучую внутреннюю силу, которую каждый из её читающих обретает в себе, словно древнюю богатырскую мощь, которая на протяжении долгой русской истории идёт рядом с нами из битвы в битву и из века в век. Так у одного из персонажей книги Николая Иванова откуда-то из подсознания

вдруг всплывает старославянский алфавит, *«в котором Z стоит в первом ряду и едва ли не на правом фланге, означая слово «Земля». Для него — донецкая... Вступив в бой, Z несла в себе некую сакральность, за которой скрывалась тайна наступления, смысл всей войсковой операции».*

Этот смысл суворовцы увидели и осознали в ста метрах от границы Донбасса с Россией, где они остановились, глядя на идущие мимо них армейские машины. *«Колонны продолжали каждая своё движение. И только суворовцы продолжали недвижимо стоять на нейтральной полосе. Между войной и миром. Они прекрасно знали, что ждёт выезжающих в Россию людей, но ещё больше ведали, какие испытания могут выпасть на долю следующих в зону боевых действий бойцов. Кто бы ещё ответил, что ждёт их самих впереди. Сколько им, людям в погонах, придётся пройти войн ради мира?..»*

Но на это им не сможет ответить никто из тех, кто двигался в это время через границу в сторону Донбасса или России. Да и вообще никто. Разве что — само только будущее. Но и его предстоит делать ещё только им самим. А точнее даже — нам с вами...

ОБРАЩЕНИЕ В ГЛУБИНУ ИСТОРИИ

Взгляд современника

Донбасс
ОБРАЩЕНИЕ В ГЛУБИНУ ИСТОРИИ

Сергей БОГАЧЕВ

Сергей Богачев родился в г. Краснодоне, школу закончил в Горловке. Прошел трудовой путь от мастера на ДПО «Точмаш» до секретаря Донецкого городского совета. Командовал батальоном гражданской обороны при ликвидации чернобыльской аварии на 3-м энергоблоке. В 2014 г. во время начавшегося обстрела города вывозил людей с детьми из Донецка, размещая их в пансионатах и лагерях отдыха Донецкой области, помогая продуктами питания и вещами. Был захвачен батальоном «Азов». Освободившись, выехал в Москву. Работает профессором Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Автор 20 художественных книг: исторических и политических детективов, повестей и рассказов об истории Донбасса. В 2021 г. стал лауреатом премии имени Валерия Ганичева, учрежденной Союзом писателей России. Член Союза писателей России с 2012 г.

ЗЕМЛЯ НЕЗНАЕМА

Выдающееся литературное произведение древнерусской культуры «Слово о полку Игореве» известно многим, а имя одного из его главных героев — князя Игоря Святославича Новгород-Северского служит образцом патриотизма и воинской доблести для многих поколений. О чем оно?

В 1185 году Игорь Святославович (1151—1202 гг.) князь Новгород-Северский решил «поискать града Тьмутороканя» да «испытать шеломом Дону». Собрав дружину, он выступил в поход и вскоре оказался в «поле половецком» — землях Северного Причерноморья, находившихся в то время под властью половцев. Три дня длилось сражение между русичами и кочевниками, в результате которого дружина русского князя потерпела поражение, а сам Игорь попал в плен. Почти год он находился в ставке Кончака — половецкого хана и «свата» новгород-северского князя. Будучи союзниками в одном из военных походов, они чудом

спаслись, после чего дали друг другу клятву породниться, соединив брачными узами своих детей. Половецкий хан сделал все возможное, чтобы русский князь не только остался в живых, но и оказался на свободе. Такое «родство» не мешало Кончаку почти четыре десятилетия оставаться главной угрозой для южных окраин Древней Руси.

Едва ли найдется другой памятник древнерусской культуры, о котором было бы написано и сказано столько, сколько о «Слове о полку Игореве». Вместе с тем многие события, описанные в этом произведении, до сих пор остаются не выясненными окончательно. Одной из таких загадок является легендарная река Каяла, на берегах которой и произошло сражение русичей с половецкими ордами. По одной из версий — это современный Кальмиус (Донецкая область, Украина), по другой — река Быстрая (Ростовская область, Российская Федерация). Как бы то ни было, но большинство

исследователей сходятся во мнении, что одна из трагических страниц в истории Древней

Весеннее солнце припекало так, что дворовые мужики, которые возились в дальнем конце подворья, снимали с себя не только душегрейки, но и зипуны. Оставшись в одних рубахах, они с удовольствием подставляли свои спины теплым солнечным лучам. По всему было видать, что соскучился народ по теплу. Выкатив из амбара пару подвод, мужики принялись ставить на их место отслужившие свое сани. Делали они это неспешно, но старательно. Знали, ироды, что князь за ними наблюдает.

Положив руки на резные балясины деревянного крыльца, Новгород-Северский князь Игорь Святославич¹ шурился и с ленцой, словно кот на припечке, поглядывал в сторону дворовых. Благостная улыбка играла на его лице. Все складывалось так, как он и хотел.

Вчера в гости приехал его младший брат — князь Курский и Трубчевский Всеволод. Этой встречи хотел сам Игорь и поэтому еще по снегу отправил в Трубчевск гонца с грамоткой — так, мол, и так, брате, приезжай, важное дело к тебе имеется. Покуда челомкались, покуда в мыльне² грязь дорожную соскребали — за столы сели уж к вечеру. Как положено близким сродственникам медовуху из серебряной братины³, которая досталась им еще от деда Олега Святославича⁴, хлебали по очереди. Говорили обо всем — о весенней распутице, о новостях киевских, о мечях булатных, о приспособлениях хитрых для метания жидкого огня. Наконец, так и не выяснив, чьи

¹ Игорь Святославич (1151—1201 гг.) князь Новгород-Северский (1180—1190 гг.), Черниговский (1198—1201 гг.) — активный участник борьбы за киевский престол и походов на половцев в конце XII века. Один из главных героев «Слова о полку Игореве».

² Мыльня (древнерус.) — баня.

³ Братина — большой ковш в виде ладьи с изогнутой ручкой.

⁴ Князь Олег Святославич (1053—1115 гг.) — князь Волынский (1073—1078 гг.), Тмутороканский (с 1083 г.), Черниговский (1094, 1097 г.), Новгород-Северский (1097—1115 гг.). Внук Ярослава Мудрого, сын великого князя Святослава Ярославича.

Руси произошла в бескрайних степных просторах Северного Приазовья.

девки краше — трубчевские или северские, перешли к разговору сурьезному.

— Ты мне, брате, зубы не заговаривай, — положив руку на плечо старшего брата, произнес уже порядком захмелевший Всеволод. — Я же тебя знаю получше других. Говори, зачем позвал?

— Ну что ж, — усмехнулся в усы Игорь. — Тогда скажи мне, ты гонцов от Святослава Киевского давеча привечал?

— Привечал, — простодушно кивнул в ответ Всеволод. — И давеча, и тапереча. В поход зовет князь Киевский. Сызнова собирается в степь пощипать поганых. Просит подсобить.

— Вот, братка, — с готовностью подхватил Игорь. — И я об том же. Доколе мы с тобою будем подсоблять то одним то другим? Не пора ли самим крыла распрямить да стать во главе рати славной?

Всеволод отодвинулся от Игоря, и пристально, будто увидев его в первый раз, посмотрел на брата.

— Ты что это, пустообрёх, задумал? Это ж тебе не лошадей у приезжих гостей⁵ уводить. За это можно и головы лишиться.

— Не хнычь раньше времени, — Игорь хлопнул брата по плечу. — Мы не токмо Святославу Киевскому, мы всем сопатки утрем. Ты помнишь, где по молодости правил наш дед Олег Святославич? Правильно, в Тмутороканском княжестве⁶. Это сыздавна земли князей Черниговских да Новгород-Северских. Токмо забыли мы про это, позволили половецким ханам вежи⁷ свои ставить, где не попадя.

Игорь сделал большой глоток из братины и протянул ее Всеволоду.

⁵ Гости — в Древней Руси название иноземных купцов, путешествующих от города к городу.

⁶ Тмутороканское княжество — древнерусское княжество, существовавшее на Таманском полуострове и в Восточном Крыму в X—XII веках, столица — город Тмуторокань (совр. г. Тамань, Российская Федерация).

⁷ Вежа — жилище кочевников в виде шатра (часто на двухколесной арбе), «Вежи половецкие» — временный лагерь, становище племенного объединения (орды) половцев.

— Мы с тобой не просто в поход пойдем. Захотелось мне, братец, дорогу в нашу Тмуторокань поискать, а заодно и водицы из Дону испить. Ну, ты как, со мной?

То ли с перепугу, то ли от неожиданного предложения Всеволод громко икнул и, схватив братину с медовухой, сделал несколько больших глотков. Посмотрев на брата ошалелыми глазами, он вновь приложился к чаше.

А Игорь между тем продолжил:

— У нас с тобой уже седина в бородах за серебрилась, а мы все у кого-то в помощниках ходим. Перед чадами¹ не стыдно?

— Ну а как же ханы половецкие? — наконец выдавил из себя Всеволод. — Неужто дозвоят?

— А что ханы? — вскочил Игорь. — У них, после гибели Боняка шелудивого, силу набрал сват мой Кончак. Ты же знаешь, что однажды, спасаясь от неприятеля, мы клятву дали друг дружке — ежели выживем, породнимся кровно-родственно. Я свое слово сдержу. Сыну Владимиру уже скоро пятнадцать, а у Кончака дочка на выданье. У него уже все готово для свадебного пира. А ежели мы еще в Тмуторокани на княжий стол зятя его и моего сына Владимира посадим, то он будет рад вдвойне.

После этих слов Всеволод насторожился. Заметив это, Игорь рассмеялся и, подсев поближе к брату, обнял его за плечи:

— Да ты, братка, не пужайся. Неужто я родную кровиночку обижу? Как вернемся с походу сразу на Переяславль пойдем, трянем маленько Рюриковичей. Ты как, не против стать князем Переяславским?

— Ну, ежели так, — растерянно произнес Всеволод, а потом, словно спохватившись, спросил. — А ты как же?

— Да ты за меня не переживай, — улыбнулся в ответ Игорь. — Давай лучше выпьем за будущий поход.

Видя нерешительность младшего брата, он решил повременить и о своих планах относительно Киевского престола рассказывать ему не стал. Успеется.

¹ Чада (древнерус.) — дети.

Не рассказал он брату и о том, что уже провел переговоры с Ярославом Черниговским. Хитрован этот сам в поход идти отказался, но пообещал прислать боярина Ольстина Олексича с отрядом своих поганых — ковуями черниговскими². Воины из них так себе, но в таком деле проводники нужны хорошие и ковуи — как раз то, что надо. Степь они знали вдоль и поперек до самого Русского моря³.

А вот племянник, сын брата Олега Черниговского, Святослав Рыльский токмо услышал про будущий поход, так сразу — плащ на плечи, мечи в ножны и на коня. Вот что значит молодость!

Участники предстоящего похода собрались в Новгород-Северске ближе к середине апреля. Солнце уже припекало вовсю, зеленая поросль с жадностью тянулась к свету, но земля еще не просохла и местами вместо дорог и тропинок булькали болота да хляби.

В горнице за большим столом собрались Ольговичи. Братья, Игорь и Всеволод, сидели во главе стола под самыми иконами. По левую руку от Игоря расположился сын его Владимир, а по правую от Всеволода — племянник ихний Святослав Ольгович Рыльский. Еще один участник похода — боярин из ковуев Ольстин Олексич присел, как и положено по роду-происхождению немного в сторонке.

— Олексич, — расплываясь в улыбке, обратился к нему Святослав. — Вот я никак в толк не возьму, ты вообще кто? При двух свечах вроде как свой, а стоит одну прислонявить — будто волчара половый⁴ на тебя из темноты зырит.

Сидевшие за столом рассмеялись. Потом внимательно посмотрели друг на друга и рассмеялись пуще прежнего.

— Да мы здесь все такие, — сквозь смех произнес Игорь. — Забыли, кем была наша

² Черниговские ковуи — тюркское население лесостепной зоны среднего Поднепровья XI—XII веков (торки), откочевавшее в пределы южной Руси под натиском половцев.

³ Русское море — название Азовского моря в период существования Тмутороканского княжества (X—XII вв.).

⁴ Половые — одно из названий половцев в Древней Руси.

бабка? Говорят, дед наш Олег Святославич ее из-под самого носа у половецкого хана увел. Так что ты бы, племяш, помолчал, а то если и над тобой свечечку прислонявить, то еще неизвестно кто на нас будет зырить.

Бросив взгляд на сына, уже серьезно продолжил:

— Вот и я годков пять тому в скрутную минуту Кончака встретил. Жизнь свою друг дружке доверили мы тогда и пообещали, что если живы будем, обязательно детей наших оженим. Так что готовься Владимир, быть тебе через пару недель зятем Кончаковским.

— Как через пару недель? — с нескрываемым удивлением выдохнул сын.

От такой новости опешили и другие гости.

— Я что-то не пойму, — угрюмо начал Всеволод. — Так мы в поход собрались или на пир свадебный? Что-то ты опять темнишь, братка.

Игорь, как будто не слыша Всеволода, встал и повернувшись в сторону икон перекрестился.

— Не темное, а богоугодное дело замыслил я и вы в этом будете мне подмогой и опорой. Через пару дней отслужим с дру-

жиной Пасхальный молебен¹ и в день моего покровителя и защитника небесного Святого Георгия² выступим в степь. Токмо оружием и щитами бряцать не будем. Возьмем с собою стяги да хоругви наши православные и пойдем на встречу с моим сватом ханом половецким Кончаком. Оженим моего сына князя Владимира на дочке Кончака. Обещал хан по такому случаю пир устроить небывалый. Что он там, не передумал?

Последний вопрос Игорь задал Ольстину Олексичу, который только накануне вернулся из степи.

— Не передумал, княже, — вставая, ответил ковуевский боярин. — Вежи его стоят по берегам далеко в степи. Старухи да девки половецкие котлы в реках моют, готовятся к пиру. В округе пасутся стада да отары тучные, а значит, и угощение будет знатное. Кончак велел передать, что, как и подобает, вышлет навстречу своих сватов да подружек невестиных с подарками для жениха и дорогих гостей.

¹ В 1185 году Пасха приходилась на 21 апреля.

² Князь Игорь при крещении получил т.н. календарное (церковное) имя — Георгий. День Святого Георгия в 1185 году приходился на 23 апреля.

— Вона значит как! — не скрывая радости, воскликнул Всеволод. — Так ежели пировать идем, зачем дружину за собой тянем?

— Пиры да утехи свадебные это токмо начало, други. Такое условие было Кончака — сначала породниться, а потом он вместе с нами выступит на Тмуторокань. Может, так оно и к лучшему. Пока гулять будем степь подсохнет, трава для лошадей соку наберется, а в речках после весны воды поубавится, легче перелазы будет обустраивать. Да с такой подмогой как Кончак, нам в степи никакой преграды не будет до самого синего моря.

Игорь дал знак прислуге накрывать на стол, и горница вмиг наполнилась запахами жареного мяса, еще теплого хлеба, хмельного кваса и медовухи. Участники предстоящего похода наперебой стали поздравлять князя Владимира сначала с предстоящей женитьбой, ну а после нескольких чарок медовухи и с княжеским столом в далекой и загадочной Тмуторокани. Княжич принимал поздравления, смеялся наравне с другими, и только иногда в его глазах мелькала печаль, а быть может, и страх. Игорь Святославич наклонился к сыну и тихо, чтобы не слышали чужие уши, прошептал:

— Держись, сын. Не одному тебе тяжело. Земля неведомая ждет всех нас.

Дружину Игорь выстроил к походу по тихому. Не в родном и многолюдном Новгороде-Северске, а подальше от любопытных глаз — в маленьком и тихом Путивле. Да и какая это была дружина? Так, несколько тысяч конных русичей вместе с торками-ковуями. А без полков Всеволода, которые отдельно выступили из Курска, так и вовсе такую дружину ратью назвать язык не поворачивался. На этот раз пеших ратников в поход Игорь с собой не взял — слишком далеко была эта Тмуторокань.

Окромя прочего приказал Игорь в первые ряды вынести стяги-иконы с ликами Христа Спасителя и Пресвятой Богородицы Марии. Величаво плывущие над головами стяги были заметны издали и придавали дружине русичей праздничный вид. Троекратно переkre-

стившись, князь Новгород-Северский Игорь занял место во главе своего войска. Над колонной зазвучала лихая песня да скрип еще не разъезженных после зимы телег, на которые был погружен провиант и подарки для свата. Не годится ехать к побратиму без гостинцев.

Ехали неспешно. И все бы ничего, да только уже у самого Донца случилась в небе оказия редкая. Среди бела дня у них над головами вместо солнца ясного появился месяц серебристый. Все вокруг покрылось сумерками вечерними, животинка мелкая под листочек спряталась, а птица весенняя жизни радоваться перестала.

— Не на добро это знамение, — крикнул кто-то из дружинников.

И тут же над головами, словно эхо, понеслось: «Не на добро, не на доброоо...». Колонна как по команде остановилась и, дружно задрала головы вверх, уставилась на чудо небесное.

К Игорю подъехал воевода, сопровождавший князя в походах, когда тот еще был безусым юнцом.

— Дурной это знак, княже. Будет лучше, если повернем дружину домой. На твой век подвигов ратных еще хватит.

«И этот, старый хрыч, туда же, — наградив воеводу тяжелым взглядом, подумал Игорь. — Нежто надобно всем громко крикнуть, что не биться мы с погаными идем, что столы свадебные для них уже наготовлены и что сват Кончак давно уж выглядывает их в степи, как самых дорогих гостей. Нет, не пришло еще время дружине правду знать. Вот подойдем ближе, тогда и откroюсь». Если бы только знал князь, чем его тайны обернутся...

А пока Игорь привстал в стременах и громко крикнул:

— Братья! Тайна Божья никому не ведома. С чего вы взяли, что знак сей нам указ? Осеним себя знаменем и под его защитой продолжим наш путь.

Переправившись в привычном месте через Донец, русичи вышли к Осколу и недалеко от его устья разбили лагерь. Надобно было, как и договаривались, подождать князя Всеволода с полками Курскими да Трубчевскими.

А уже совсем неподалеку половецкий хан Кончак Атракович готовился к встрече дорогих гостей. Разведка донесла, что дружина русичей, не таясь и подняв над головами разноцветные полотнища, вышла к Осколу и дожидается князя Курского и Трубчевского Всеволода.

— Значит, через день-два они по Русскому броду переправятся через Донец и вдоль Салницы¹ выйдут на сакму Залозную², — размышлял вслух Кончак и, повернувшись в сторону своей ханум³, коротко распорядился: — Высылай навстречу сватов да подружек невесты с подарками. Пусть Игорь увидит, как я ценю своего побратима.

Последние дни нелегко было и половецкому хану. И если Игорь тайлся от Киевского князя Святослава, то Кончаку доставалось от молодых ханов. Они обложили его, как собаки старого вепря на охоте. Особенно усердствовал Гзак со своим сыном Романом. Чтобы не делал Кончак, этому Гзаку все не так. Оно и понятно, не хотят Бурчевичи да Токсобичи, чтобы Кончак поднялся и возглавил все орды половецкие. Когда прознали они о свадьбе дочери хана с русским княжичем, тут такое началось. Только и успевай от этих мух отбиваться. А что будет, если узнают они о планах Кончака пропустить Новгород-Северского князя в земли Тмутороканские, открыв перед ним Залозный путь к морю Русскому? Одна надежда на то, что во время свадебного пира, на который он пригласит всех половецких ханов, ему удастся их уговорить поддержать его союз с русичами. Ну а после этого, получив такого союзника в тылу, как Игорь, он разберется с этим Гзаком и со всеми остальными недовольными ханами. Да и зятя иметь во главе Тмутороканского княжества совсем не лишним будет. Но всему свое время, а пока рот на замок.

¹ Салница — река в бассейне Северского Донца, точное местонахождение которой не установлено. По одной из версий — р. Бахмут в Донецкой области.

² Залозный путь (сакма) — один из древних торговых путей, проходивших на левобережье Днепра и соединявший Киевскую Русь с Тмутороканью, странами Малой Азии и Востока. В XII в. контролировался половцами.

³ Ханум — у тюркских народов уважительное обращение к женщине. В средние века титул жены хана.

Ну а дальше все было в руках случая и Божьего провидения. Дружина Игоря вышла на протоптанную по весне половецкими лошадьми Залозную сакму и устремилась на юг — к речке Сьюрлий⁴. Где-то здесь уже начинались родовые кочевья Кончака.

За время похода молодые княжичи Владимир и Святослав стали не разлей вода. Куда один, туда и другой норовит. Вот и сейчас их полки оторвались от основных сил и взяли чуть левее, где простиралась долина еще одной степной реки, название которой было им неизвестно. Молодые княжичи уже не раз принимали участие в походах на половцев, но так далеко в степь еще ни разу не заходили. Здесь им было интересно все — и неистовое пение соловьев в ночной прохладе речных дубрав, и степные птицы, с шумом вылетающие из-под самых копыт лошадей, и каменные истуканы, установленные вдоль сакмы на невысоких холмах, и многое-многое другое, чего юношам до этого видеть не приходилось.

Отряд всадников хана Гзака появился перед русичами внезапно. Выскочив словно из-под земли на ближайший пригорок, половецкие принялись осыпать их градом стрел. За спинами княжичей послышались крики и стоны получивших ранение дружинников, несколько человек были убиты. Переглянувшись, Владимир и Святослав обнажили мечи и повели полки в атаку на противника. Однако поганые повели себя странно — не дожидаясь, пока русичи приблизятся, они развернули своих лошадей и скрылись из виду. Выскочив на пригорок, где только что еще гарцевали половецкие всадники, княжичи увидели перед собой широкую балку, по дну которой петляла небольшая степная речка с болотистыми берегами. Их взору открылась длинная вереница из телег, двухколесных вез и всадников. По всему было видно, что кочевала небольшая орда. Разгоряченные в пылу погони всадники замерли только на миг и, увидев перед собой врага, бросились на него не раздумывая.

⁴ Сьюрлий — река в Северном Приазовье (по одной из версий — р. Нижняя Крынка в Донецкой области).

А Гзаку только это и было надобно. Он вывел русичей на сватов да подружек невестинных, которые ехали навстречу жениху знатному, а сам в сторону улизнул, как и не было его вовсе.

Видя, что дело такой оборот принимает, испугались сваты и давай убегать. Да куда там! В спешке в болота заехали и чтобы спастись стали дорогу себе гатить коврами, шубами да одеждой разной в мехах и в золоте, которая в приданое полагалась. Ну а русичи здесь порезвились от души — когда ж еще такое счастье привалит!? Девочек красных полдня по всей округе ловили, а сватов за шиворот из всех окрестных болот тянули.

Кончак почуял неладное, когда увидел отряд Гзака на взмыленных лошадях. Они примчались с той стороны, куда утром ушел свадебный обоз, и наперебой стали рассказывать, как русичи посекали их уважаемых ханум и родных сестер, а почтенных сватов загнали в болото. Кончак метался от одного хана к другому, пытаясь объяснить, что произошла какая-то ужасная ошибка. Но его никто не хотел слушать. Орда рвалась в бой отомстить за поруганную честь своих матерей и сестер.

В нескольких десятках километров от них лютовал Новгород-Северский князь Игорь. Выхватив из ножен меч, он бросился на опьяненных легкой победой и богатой добычей безусых княжичей. Хорошо, что Всеволод оказался рядом. Не зря его за силушку богатырскую прозвали Буй-Туром. Скрутил он разъяренного Игоря и не дал пролиться кровушке родственной.

— Уймись, бешеный. Откуда ж им было знать, что это сваты едут? Ты же сам запретил дружине про то сказывать. Вот и нарвались на неприятность.

— Неприятность? — у Игоря от злости и возмущения кровь ударила в лицо, и перехватило дыхание. — Да знаешь ли ты, дурья башка, что они наделали? Мало того, что я после такого в глаза Кончаку смотреть не смогу, так быть еще и великой сечи. Половцы нам этого не простят. Уходить надо и чем быстрее,

тем лучше. Поедем, други, через ночь, а далее, как Бог даст.

— Простят, не простят. Чего уж тепереча говорить? — пытался успокоить брата Всеволод. — Лошадям отдых нужен. Если прорываться будем, то без них никак. Давай утром об этом поговорим.

Поутру стало понятно, что уйти русичам пешими или на комонях¹ не получится. Со всех сторон их окружили так, что, казалось, собралась вокруг них вся земля Половецкая. Была здесь и орда Кончака, который хорошо понимал, что откажись он от участия в битве, потеряет не только власть, но и голову.

Игорь и Всеволод объезжали стан русичей, пытаясь определить место возможного прорыва, когда к ним подъехал молодой князь Владимир. Понимая всю тяжесть вчерашней провинности перед отцом и дружиной он не спал всю ночь, а на зорьке решил напоить своего коня и миновав дозоры направился к каменистому берегу речки с дивным названием Сюурлий. Хорошо, что был настороже и в утреннем тумане сумел рассмотреть засады половецкие. Об этом он и рассказал отцу.

Нахмурившись пуще прежнего, Новгород-Северский князь приказал собрать всех воевод своей дружины на военный совет.

— Други мои, — обратился к ним Игорь в полной тишине. Воеводы, любители позубоскалить и подшутить над другими, на этот раз молчали и со всей серьезностью внимали словам своего князя. — Обложили нас поганные со всех сторон. Ну да это бы ладно — нам не привыкать. Хуже то, что отрезали они нас от речки и остались мы без воды. Люди это поймут и стерпят, а вот лошадям этого не растолкуешь. Ежели и вырвемся мы из облоги половецкой, на охлялых комонях далеко не уйдем. Враз догонят. Побережем их силы, и к броду через Каялу будем пробиваться пешим строем. Уйдем на правый берег, а там по Торскому пути пойдем в отрыв к Донцу-батюшке.

Весенние рассветы они ранние. Зыбкая пелена утреннего тумана, которая надежно

¹ Комони (древнерус.) — лошади.

укрывала русичей от ночной прохлады и посторонних глаз, растворилась с первыми лучами солнца, напоследок зацепившись за острый край прибрежной скалы. Дружина Игоря была у половцев как на ладони. Окружив ее, они не пошли в атаку, а наоборот, умело избегая близкого боя, применили свой излюбленный прием — стали осыпать русичей градом стрел. Казалось, небо померкло над их головами. Прикрываясь щитами, они старались защитить и себя и своих комоней, но разве такое мыслимо? Обезумевшие от ран кони метались в стане русичей, еще больше создавая там хаос и панику. Целый день, шаг за шагом истекающая кровью дружина Игоря приближалась к берегам Каялы, но только ближе к вечеру им удалось пробиться к заветному броду. Казалось еще чуть-чуть, и вырвутся русичи из смертельных объятий половцев.

Последним, прикрывая отход дружины, шел со своими воями князь Всеволод. Уже стоя на берегу Каялы, Игорь оглянулся и увидел, что без посторонней помощи полк Всеволода обречен — уж больно много половецких всадников кружили вокруг них.

— Держись, братка!

С этими словами Игорь устремился на выручку Всеволоду. Не раздумывая ни секунды, вслед за своим князем бросились и дружинники его полка. В короткой и жестокой схватке им удалось отбросить поганых и дать возможность русским полкам перестроиться. Но передышка была недолгой, и когда половцы вновь пошли в атаку, не выдержали ковуи, которые прикрывали правое крыло дружины русичей. Они стали беспорядочно отступать, смешав ряды стоящих за ними полков Всеволода и Игоря.

Сбросив с себя шлем, чтобы его легче было узнать, Новгород-Северский князь бросился наперерез отступающим ковуям.

— Стоять, песье отродье! Держать оборону!

Узнали князя и половцы. Сразу несколько лучников натянули тетиву своих луков и каленые стрелы ударили в железные пластины его панциря. Одна из них угодила в левую руку.

Словно почуяв запах крови, Чилбук, воин из орды хана Гзака, ринулся к раненому князю. Последнее, что увидел Игорь, было то, как падает выбитый из седла копьем половецким его брат Всеволод.

Проснувшись, Игорь долго лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к каждому шороху за войлочным пологом юрты¹. Этой ночью князь решил бежать из половецкого плена. Где же Лавр?

Почти год назад на берегах степной реки Каялы полегла под стрелами и саблями половецкими его дружина. Многие его побратимы попали в плен. Среди них были и его сын Владимир, брат Всеволод, племянник Святослав. В качестве награды за проявленную в бою смелость и храбрость их передали в разные половецкие орды. Игорь остался в вежах Чилбука близ речки Волчьей, Владимир перешел к Упте из Улашевичей, Всеволод к Роману Гзаку, а Святослав к Елдечукам из Вобурчевичей.

После битвы Игорь со своим сватом Кончаком не встречался, хотя помнит, что какой-то знатный половец в шлеме с маской-забралом, скрывающим лицо, подходил к нему и долго смотрел на поверженного князя. Что-то в глазах, сверкнувших из-под маски, показалось Игорю знакомым, но потом сознание князя помутилось, и больше он ничего не помнил.

Прошло месяца три, когда рана на руке у князя стала понемногу затягиваться и ему разрешили выходить на берег реки. Правда, следом за ним постоянно ходило три воина. «Прислуга уважаемому человеку», — назвал их хитро улыбающийся Чилбук, но всем было понятно, что такую дорогую добычу он без присмотра не оставит. В одну из таких прогулок Игорь увидел всадника, неспешно направляющегося из половецкого стана в его сторону. Тот еще находился на приличном расстоянии от берега, но князь уже узнал знакомую фигуру и черты лица своего побратима. От волнения у Игоря пересохло во рту. Ему стало так жарко, что, наклонившись к мутному потоку

¹ Юрта — переносное жилище кочевников с войлочным покрытием.

«Слово о полку Игореве» (1185 – 1188)

реки, он ладонью зачерпнул воды и плеснул себе в лицо.

Спешившись, Кончак Атракович ласково похлопал по крупу своего коня и тот, скосив глаз на хозяина, тут же потянулся влажными губами к траве. Хан подошел к Игорю и сел рядом с ним, привычно поджав под себя ноги. Игорь отвел взгляд, но Кончак, казалось, не обращал на него никакого внимания. Покачиваясь в разные стороны, он долго смотрел на протекающие мимо них воды Половецкой реки¹.

— Знаешь, кунак, — наконец произнес он, не глядя в сторону Игоря. — Если бы это случилось раньше, когда мы с тобой были мо-

лодыми и глупыми, тебя уже не было бы в живых, а моя сабля умылась бы твоей кровью. Я разговаривал с твоим сыном. Владимир мне рассказал, как все было, и я ему верю. Чем он отличается от нас в молодости? Ничем. Такой же горячий и жаждущий славы, как и его отец. Я его понимаю, как воин. А безрассудство, оно с годами уйдет. Это Гзак не его обманул, это он нас с тобой обманул. Обвел вокруг пальца, как детей малых. Чилбук его человек, но я с ним договорился и забираю тебя к себе под мое слово. Пойдем брат, будем петь песню жизни дальше. А какой она будет — веселой или грустной, это уж нашим Богам решать.

Кончак забрал русского князя в свое кочевье, вежи которого стояли на берегах той самой Каялы. Поместив его в просторную юрту, хан выделил ему слуг и разрешил свободное перемещение не только в пределах своей став-

¹ Половецкая река — одно из названий правого притока р. Самары реки Волчьей, протекающей по территории Донецкой и Днепропетровской областей.

ки, но и в ближайшей округе. С помощью своих слуг Игорь узнал, что его сын и брат хоть и находятся в плену, но все живы и здоровы. Не было весточки только от его племянника — Святослава Ольговича князя Рыльского. В плен его взял сын хана Гзака Роман и томится молодой княжич в орде своего самого лютого врага. Добра и поблажки от Гзаквичей не жди — они очень хорошо помнят, как трепал их вежи и побивал рать половецкую отец Святослава Ольговича князь Олег.

Все это время Игорь не видел своего сына, но сумел уговорить Кончака, чтобы дочь хана и его сын Владимир обвенчались по христианскому обычаю, став перед Богом мужем и женой. Для этого даже из новгород-северской земли доставили в половецкий стан попа.

Дни шли. Весна сменила холодную зиму, и степь вновь расцвела буйным цветом и разнотравьем. Только Игорю это было все не в радость. Приходя на берег Каялы, он подолгу вглядывался в ее тихие воды и память, словно в отместку, услужливо рисовала ему картины прошлой битвы. Вот ковуи, сломав боевые порядки, понесли прямо на полки русичей, вот Всеволод с копьем наперевес, отбивающийся от половцев на берегу озера, а вот ухмыляющееся и довольное лицо Чилбука, склонившегося над поверженным князем.

Чтобы отвлечь Игоря от грустных мыслей, Кончак пригласил его на соколиную охоту. К этому времени степь укрылась серебряным ковром из ковыля, на котором любая дичь была хорошо заметна. Посадив на левую руку ястреба, русский князь привстал на стременах пытаясь разглядеть добычу. Рядом раздался смех половцев-сокольничих — кто же высматривает добычу с боевой птицей на руке? Стараясь не обращать на сокольничих внимания, Игорь удалялся от них все дальше и дальше. Наконец, где-то вдалеке мелькнуло рыжее пятно. «Лиса! — обрадовался князь и, сняв с головы ястреба кожаный мешочек, подбросил птицу вверх. Несколько взмахов сильных крыльев и она исчезла в синем небе, чтобы через мгновение камнем упасть оттуда на свою жертву.

Увлеченный охотой Игорь и не заметил приблизившегося к нему своего свата. Казалось охота того не интересовала вовсе. Окинув взглядом окружающую их степь, Кончак неожиданно рассмеялся.

— Ты знаешь, за что я люблю эту землю? — И, не дожидаясь ответа, продолжил: — За то, что чужим ушам здесь не спрятаться.

Довольный своей шуткой Кончак поравнялся с лошастью князя и сказал:

— Я вот о чем хотел с тобой поговорить, сват. От того, что ты здесь маешься, толку никакого не будет. Твоя Ярославна в Новгород-Северске выкуп за тебя будет собирать еще долго, а за сына и подавно. Я убедил Чилбука, что от князя кашей¹ в стане выгоды никакой нет и что ты быстрее, чем северские бояре, соберешь за себя выкуп. Сам понимаешь — отпустить он тебя не может, поэтому ты уйдешь в побег, и мои люди тебе в этом помогут. Только учти, что на этот раз ошибки быть не должно.

Отъехав от князя уже довольно далеко, хан повернулся в его сторону и крикнул:

— Да, и вот еще что. Сын твой Владимир и брат Всеволод побудут покуда у нас. Жить им или нет, решать тебе, князь.

Задний полог юрты приподнялся и Лавр, человек Кончака, тихо произнес:

— Пора, князь.

Стараясь не шуметь, Игорь шагнул в темноту. Недалеко от входа в юрту пировали сторожа и слуги князя. Хмельной кумыс сделал свое дело, и большинство из них сейчас меньше всего думало о спящем в юрте князе.

План Лавра был дерзок. Сев на лошадей они направились в сторону Каялы. Размеренным шагом, на глазах у многих половцев, их лошади проехали через все кочевье и приблизились к броду через речку. Дорога домой Игорю была хорошо знакома. Выйдя на Тор² беглецы направили своих лошадей на север, туда, где начиналась речка Салница, течение

¹ Кашей (древнерус.) — худой, бедный человек.

² Тор — в данном случае Торская сакма — ответвление Залозного пути.

которой выводило их напрямиком на Русский брод через Донец.

Опасаясь погони, они двое суток мчались на север не останавливаясь. Загнанные лошади пали под ними, но берег Донца-батюшки был уже рядом. А потом еще одиннадцать дней пешего пути с привалами на отдых в зарослях камыша и осоки. Опасаясь сторонних глаз, беглецы шли в основном ночью, и когда в пред-рассветной мгле показались стены первого, на границе с половецкой степью, русского города¹, Новгород-Северский князь тяжело опустился на колени и осенив себя крестом произнес:

— Ну, здравствуй, земля русская.

* * *

Зима в 1188 году была ранней. Снег укрыл землю, а морозы сковали реки в аккурат на

пяток Параскевы Великомученицы². Холода стояли лютые. Добрый хозяин, не то что скотину, собаку на улицу не выпустит.

Услышав какой-то шум, князь выглянул в окошко горницы — несколько всадников спешили на подворье и стали посередине двора, в растерянности оглядываясь по сторонам. Что-то знакомое показалось Игорю в одном из них. В следующий миг он выскочил на крыльцо и бросился к приехавшим.

— Встречай, внука, отец, — князь Владимир взял маленький сверток из рук своей жены, половецкой ханши Кончаковны, и протянул его Игорю.

Приоткрыв покрывало, Новгород-Северский князь увидел маленькое личико ребенка, который морщился от холодного воздуха. Бережно прижав его к груди, князь заплакал.

¹ Город Донец — древнерусское городище, которое было расположено на правом берегу р. Уды (окраина современного поселка Покотиловка в Харьковской области).

² Пяток Параскевы Великомученицы — пятница Параскевы Великомученицы, церковный праздник, приходящийся на одну из пятниц середины ноября.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Далекое и близкое

Валерий ГЕРЛАНЕЦ

Донецкий писатель и драматург, заслуженный деятель искусств, член Союза писателей и Союза театральных деятелей ДНР, член Союза писателей России, многократный победитель международных и республиканских литературных конкурсов и премий, обладатель почетного звания «Золотое перо Донбасса». Работал заведующим отделом науки и культуры газеты «Вечерний Донецк», главным редактором всеукраинского детского журнала «Апельсин», ГП «Республиканский издательский дом «Донбасс» и театрального журнала «Антракт».

С МЕСТНОЙ ПРОПИСКОЙ

Фильмография о Донецком крае

Донецкий край оставил свой яркий след в кинематографе — и не только советского периода, но и в современном. Начиная с 1930-х здесь были сняты сотни документальных и десятки художественных фильмов. Лучшие из них пополнили отечественное и мировое классическое кинонаследие.

И открывает эту обширную фильмографию документальная лента «Энтузиазм: Симфония Донбасса», которую в 1930 году снял Дзига Вертов (настоящее имя — Давид Кауфман), признанный впоследствии одним из самых выдающихся кинодокументалистов XX века. Фильм, рассказывающий о трудовом подвиге советского народа, стал к тому же первой в Советском Союзе документальной звуковой кинолентой. Озвучивалась она с помощью аппаратуры, разработанной профессором Ленинградского электротехнического института Александром Шориным. Совмещение звука и визуального ряда оказалось настолько удачным, что впоследствии Чарли Чаплин назвал документальный фильм «Энтузиазм: Симфо-

ния Донбасса» одной из самых впечатляющих звукозрительных симфоний.

Героями документальных фильмов становились ударники первых пятилеток — Алексей Стаханов, Никита Изотов, Макар Мазай, Петр Кривонос, Паша Ангелина, строители, разработчики новой горнодобывающей и металлообрабатывающей техники. Донецкий край привлекал документалистов как союзного, так и республиканского уровня. Например, в 1935 году вышел документальный фильм «Паша Ангелина», годом позднее — «Алексей Стаханов», в 1938-м — «Мастера угля», в 1946-м — «Макеевчане». Постоянно снимались сюжеты для кинохроники, которую демонстрировали в кинотеатрах и клубах перед показом художественных фильмов.

Весомый вклад в создание фильмографии о Донецком крае внесли операторы и режиссеры, родившиеся и выросшие на этой земле, которые работали на студиях «ЦСДФ», «Укркинохроника», «Киевнаучфильм», «Укртелефильм»: Р. Романов — «У шахтеров Донбасса»

(1956); Р. Синько — «Донбасс. Возвращение» (1995); Л. Твердохлебова — «Комбайн «Шахтер»» (1959); Р. Тимофеев — «Сталевар» (1976), «Макеевке — 200 лет», «Донецк — шахтерская столица» (1978), «Трудные миллионы» (1986), «Выброс» (1992); В. Шапков — «Донбасс от рассвета до заката» (1977); В. Шкурин — дилогия «Июльские грозы» («Забастовка» и «Выброс») (1990—1992), «Азовское море спаси и сохрани» (1992) и др.

Но донецкая земля многократно становится своеобразным «съёмочным павильоном» и для создателей художественного кино. Вот отнюдь не полный перечень фильмов (они расположены в хронологическом порядке), которые снимались на территории Донецка и Донецкой области.

«Шахта 12—18» (1931)

Режиссер: Алексей Каплер (последняя режиссерская работа в игровом кино)

Сценарий: Татьяна Златогорова, Алексей Каплер

Операторы: Иван Лозиев, Александр Федотов

Актеры: Карликов, Грачев, И. Стадник, Л. Воловик, М. Полищук, И. Ильинский и др.

Жанр: агитпрофильм

Производство: Украинфильм

Лента хранится в Госфильмофонде в негативе.

Съемки проходили в Сталино на одной из шахт (ныне Пролетарский р-н Донецка).

«Я люблю» (1936)

Режиссер: Леонид Луков

Сценарист: Александр Авдеенко

Оператор: Иван Шеккер

Жанр: социальная драма

Актеры: А. Чистяков, И. Чувелёв, Д. Венденский, В. Гардин, Н. Ужвий, В. Шершнёва, А. Антонов, Г. Королёва, Ф. Левицкий и др.

Производство: Украинфильм

Съемки проходили на шахтах Донбасса.

СЮЖЕТ:

Фильм снят по мотивам одноименного романа Александра Авдеенко.

Когда-то давно отец Остапа оставил нищую деревню и пришел на заработки в Донбасс. Выстроенная Никанором хибарка положила начало шахтерскому поселку Собачеевка. Остап пошел по пути отца, тридцать лет гнувшего спину на хозяина шахты. А когда отца выгнали с работы, Остап понял, что бессмысленно винить в своих бедах только мастера. Встретившись с рабочим-революционером Гарбузом, бунтарь-одиночка осознает силу рабочей солидарности и становится инициатором революционного движения среди шахтеров Донбасса...

«Шахтеры» (1937)

Режиссер: Сергей Юткевич

Сценарист: Алексей Каплер

Оператор: Жозеф Мартов

Актеры: Б. Пославский, Ю. Толубеев, В. Лукин, Н. Русинова, З. Фёдорова, М. Бернес, Г. Горбунов, А. Чекаевский и др.

Производство: киностудия «Ленфильм»

Отдельные эпизоды фильма снимались на одной из шахт г. Сталино.

СЮЖЕТ:

Семен Примаков по направлению обкома партии приезжает в один из небольших городков Донбасса и сразу же вступает в борьбу с начальником шахты Чубом, который в обстановке непрерывной иштурмовщины играет на руку троцкистам и бандитам, орудуя на шахте. Получив моральную поддержку у нового секретаря, лучший забойщик Матвей Бобылев внедряет новый метод добычи угля и, вопреки замыслам врагов, находит широкий отклик среди шахтеров.

«Большая жизнь» (1-я серия, 1939; 2-я серия, 1946)

Режиссер: Леонид Луков

Сценарист: Павел Нилин

Операторы: Иван Шеккер, Михаил Кириллов

Жанр: производственная драма

Актеры: И. Пельтцер, И. Новосельцев, С. Каюков, Ю. Лавров, М. Бернес, В. Шершнёва, Б. Андреев, П. Алейников, Л. Карташова,

Кадр из фильма «Большая жизнь»

Л. Масоха, В. Зайчиков, В. Аркасов, Г. Любимов, Л. Смирнова и др.

Производство: Киевская киностудия (1-я серия), «Союздетфильм» (2-я серия).

В 1940-м 1-я серия фильма стала лидером проката.

СЮЖЕТ:

Фильм о горняках Донбасса 1930 годов, движении новаторов и борьбе с вредителями — ненавистниками советской власти. А еще этот фильм о рабочей гордости и чести, о всенародном значении тяжелого горняцкого труда и, конечно же, о любви. Музыка к кинокартине написал молодой композитор Никита Богословский, его песня на слова Бориса Ласкина «Спят курганы тёмные» до сих пор — любимая песня донецких шахтёров. 2-я серия, снятая уже после войны, рассказывала о восстановлении угольной отрасли Донбасса.

Если 1-я серия «Большой жизни» была отмечена Сталинской премией второй степени, то 2-я подверглась уничтожающей критике. В итоге фильм специальным постановлением ЦК ВКП(б) «О кинофильме «Большая жизнь» был отправлен на полку, на которой пролежал до 1958 года. Его создатели были обвинены в «примитивном изображении всякого рода личных переживаний и бытовых сцен».

В 1963-м фильм перемонтировали, удалив из него все элементы, связанные с «культом личности» — заретушировали портреты Кагановича, удалили из песни стахановцев слова про «ласку вождя».

«Непокоренные» (1945)

Режиссер: Марк Донской

Сценаристы: Борис Горбатов, Марк Донской (по одноименной повести Бориса Горбатова)

Кадры из фильма «Это было в Донбассе»

Оператор: Борис Монастырский

Жанр: военный фильм, драма, экранизация

Актеры: А. Бучма, В. Зускин, Л. Карташова, Д. Сагал, Е. Пономаренко, В. Славина, М. Самосват, Н. Зимовец, М. Трояновский, И. Кононенко-Козельский, Е. Осмяловская, А. Вагуля и др.

Производство: Киевская киностудия

В 1946 году фильм получил главный приз — Золотую медаль Международного кинофестиваля в Венеции.

СЮЖЕТ:

Великая Отечественная война, маленький украинский городок оккупирован фашистами. Старый кадровый рабочий Тарас Яценко становится свидетелем трагической гибели еврейского населения, расстрелянного в Бабьем Яру... Впервые в мировом кино в этом фильме рассказывается о Бабьем Яре.

«Это было в Донбассе» (1945)

Режиссеры: Леонид Луков, Владимир Сухобоков

Сценаристы: Сергей Антонов, Михаил Блейман, Борис Горбатов

Оператор: Александр Гинцбург

Жанр: военно-историческая драма

Актеры: Т. Окуневская, Е. Тяпкина, В. Алтайская, Е. Измайлова, И. Пельтцер, В. Колчин, Б. Пославский, В. Балашов, И. Переверзев, А. Елисеев, С. Дитлович и др.

Производство: киностудия «Союздетфильм»

Фильм снимался в сильно пострадавшем от прошедшей войны г. Сталино. Сохранились воспоминания старожилов о том, что, когда на улицах города появлялись одетые в немецкую форму актеры, жители города, не поняв, что идет съемка, готовы были разорвать их на части.

СЮЖЕТ:

Основой сценария стал ряд произведений Б. Горбатова. Фильм рассказывал о советском подполье и героической советской молодежи, бесстрашно сражавшейся в годы Великой Отечественной войны с фашистскими захватчиками в оккупированном немцами Донбассе.

«Падение Берлина» (1949)

Режиссер: Михаил Чиаурели

Сценарий: Петр Павленко, Михаил Чиаурели

Оператор: Леонид Косматов

Жанр: киноэпопея, военный фильм

Актеры: М. Геловани, М. Штраух, А. Грибов, Н. Рыжов, Г. Белов, Р. Симонов, Г. Пасечник, А. Ханов, В. Любимов, С. Блинников, Б. Ливанов, Ф. Блажевич, К. Барташевич, А. Абрикосов, Б. Тенин, М. Сидоркин, А. Поярков, Б. Андреев, М. Ковалёва, Ю. Тимошенко и др.

Ряд эпизодов, связанных с профессией Алексея Иванова, снимался в Мариуполе, в мартеповском цехе завода «Азовсталь».

В 1950-м году фильм удостоен высшей награды «Хрустальный глобус» V Международного кинофестиваля в Карловых Варах; постановочная группа (9 человек) отмечена Сталинской премией первой степени.

Производство: киностудия «Мосфильм»

СЮЖЕТ:

Легендарная киноэпопея о событиях Великой Отечественной войны, вышедшая на экраны во времена расцвета культа личности Сталина.

Действие начинается непосредственно перед войной. В исторический контекст вплетена сюжетная линия сталевара Алексея Иванова. В знак оценки трудовых заслуг главный герой попадает на прием к Сталину и в частной беседе рассказывает ему о девушке, которая ему нравится. Но отношения молодых людей не суждено состояться — начинается война.

Алексей уходит добровольцем на фронт, а его невесту Наташу угоняют в немецкий плен. Важнейшие события войны, отраженные в фильме, показаны через личное участие в них Алексея: от военного парада в ноябре 1941-го у стен Кремля, битвы за Москву, Сталинградской и Курской битв до взятия Берлина и вооружения Знамени Победы над Рейхстагом.

На протяжении фильма Сталин руководит действиями советских войск, а Иванов в составе своей части с боями продвигается к Победе.

В финальной сцене самолет со Сталиным прилетает в Берлин и садится на площадь перед Рейхстагом. Иосиф Виссарионович спускается по трапу и идет вдоль рядов бывших пленных. Его восторженно приветствуют люди разных национальностей — представители освобожденных народов Европы, в их числе и Алексей со своей подругой Наташей, повстречавшиеся в День Победы.

«Донецкие шахтёры» (1950)

Режиссер: Леонид Луков

Сценаристы: Владимир Алексеев, Борис Горбатов

Оператор: Михаил Кириллов

Жанр: социальная драма

Актеры: М. Геловани, А. Грибов, А. Мансвентов, Г. Пасечник, В. Хохряков, С. Лукьянов, В. Меркурьев, Б. Чирков, А. Игнатъев, К. Лучко, В. Дружников, Л. Смирнова, О. Жаков, А. Петров, П. Алейников, И. Пельтцер и др.

Производство: киностудия им. М. Горького

Фильм отмечен Премией труда Международного кинофестиваля в Карловых Варах (1951) и Сталинской премией второй степени (1952).

СЮЖЕТ:

На одной из передовых шахт Донбасса испытывается новый угольный комбайн, который оказался не вполне совершенным. Его конструктор Трофименко продолжает работать над улучшением своего детища. Почетный шахтер Степан Недоля, молодой навалотбойщик Вася Орлов, начальник шахты Горовой стараются внедрить новые, более передовые методы труда. На шахту приходят более квалифицированные кадры и некоторым горнорабочим приходится либо уступить им свое место, либо получать образование в вузе, чтобы потом вернуться на родную шахту уже инженерами.

«Приключения Артёмки» (1956)

Режиссер: Андрей Апсолон

Сценарист: Леонид Соловьев

Оператор: Дмитрий Месхиев (II)

Жанр: детский фильм, приключения

Актеры: Б. Александров (III), Тито Ромалио, С. Плотников, П. Савин, М. Трояновский, Т. Ларкина, Л. Галлис, В. Полицеймако, В. Муковозов, И. Назаров, О. Жаков, А. Абрамов, М. Перцовский, Б. Дмоховский, Т. Алёшина, А. Федосеев и др.

Производство: киностудия «Ленфильм»

Съемки отдельных эпизодов фильма проходили в Мариуполе на ул. Торговой.

СЮЖЕТ:

Сценарий создан по повести И. Василенко (уроженца Макеевки) «Артёмка в цирке». На шумном базаре приморского города стояла дощатая будка «холодного сапожника», тринад-

цатилетнего мальчика Артёмки. Однажды в порт пришла шхуна «Красотка». С нее сошли двое пассажиров — профессиональный борец, чернокожий Чемберс Пепс, и революционер Попов. Случай столкнул Артёмку с Пепсом, и вскоре мальчик по его протекции стал заведывающим местного цирка.

«Гори, моя звезда» (1957)

Режиссер: Анатолий Слесаренко

Сценарий: Евгений Оноприенко

Оператор: Александр Пищиков

Жанр: мелодрама

Актеры: Б. Болдыревский, Н. Румянцева, И. Жилин, Т. Конюхова, Ю. Белов, Ю. Лавров, Г. Юхтин, Е. Лицканович, Л. Перфилов, П. Омельченко и др.

Производство: киностудия им. А. Довженко

СЮЖЕТ:

Талантливый мастер Андрей Панченко назначен руководителем крупной шахты. Он полон надежд и счастлив, ведь рядом с ним — его любимая, очаровательная и надежная Тамара. Но не все складывается у него на работе, а случайная встреча с подругой детства, бойкой и задиристой Нелькой, совсем вскружила ему голову. Горячее сердце парня разрывается между любовью и долгом, и вскоре Андрей оказывается на серьезном жизненном перепутье...

«Годы молодые» (1958)

Режиссер: Алексей Мишуринов

Сценарист: Анатолий Шайкевич

Оператор: Алексей Герасимов

Жанр: комедия, музыкальный фильм

Актеры: С. Живанкова, В. Рудой, В. Кулик, А. Хвыля, Е. Машкара, Н. Яковченко, А. Сова, Г. Склянский, Д. Смирнова и др.

Производство: киностудия им. А. Довженко

Отдельные эпизоды этой музыкальной комедии снимались в приморском Мариуполе.

СЮЖЕТ:

Музыкальная комедия о студентах и абитуриентах театрального училища. Главная героиня фильма Наташа мечтает сдать вступительные экзамены в киевское театральное училище, но путь в столицу оказался весьма тернистым. Девушке приходится даже путешествовать на крыше вагона, переодевшись мальчишкой Лесиком. Там она и встречает Сергея, у которого вся жизнь впереди, и прожить ее он решает в большом городе. Сам путь оказывается непростым, но еще более трудным делом оказываются сами экзамены... Неповторимое обаяние фильму придает прекрасная музыка композитора Платона Майбороды.

«Тучи над Борском» (1960)

«Тучи над Борском» (1960)

Режиссер: Василий Ордынский

Сценаристы: Семён Лунгин, Илья Нусинов

Оператор: Игорь Слабневич

Жанр: драма

Актеры: И. Гулая, Р. Хомятов, В. Ивашов, Н. Антонова, В. Рождественский, П. Константинов, В. Беляева, Е. Тетерин, А. Троицкая, И. Чурикова, И. Охлупин и др.

Производство: киностудия «Мосфильм»
Съемки отдельных эпизодов проходили в Мариуполе.

СЮЖЕТ:

Это история на антирелигиозную тему. В центре фильма — трагическая судьба десятиклассницы Оли Рыжовой, которая не могла найти понимания среди окружающих ее людей. Это привело девушку в секту пятидесятников, пребывание в которой закончилось для нее трагически.

«Цветок на камне» (первоначальное название «Так никто не любил», 1962)

Режиссеры: Анатолий Слесаренко, Сергей Параджанов

Сценарист: Вадим Собко

Операторы: Сергей Ревенко, Лев Штифанов

Жанр: мелодрама

Актеры: Г. Карпов, Л. Черепанова, И. Бурдученко, Б. Дмоховский, Г. Епифанцев, М. Названов, Д. Франько и др.

Производство: киностудия им. А. Довженко

Фильм снимали в Донецке и его окрестностях. Во время съемки горящего барака пострадала молодая актриса Инна Бурдученко. Пылающая конструкция обвалилась на нее во время третьего дубля. Пострадавшая была доставлена в больницу, но спасти ее не удалось — 80 % кожи оказались обгоревшими.

СЮЖЕТ:

На месте донецкой степи, заросшей ромашкой и ковылем, разрастается шахтерский городок. Бригадир молодежной шахты Григорий Грива влюблен в комсорга Люду и потому часто открыто иронизирует над ее организаторскими способностями. Но когда остается с ней наедине, становится робким и застенчивым, за что злится на себя и выдумывает новые шалости... Вторая история связана с появлением в шахтерском городке Христины, красивой, но замкнутой девушки, попавшей под влияние пресвитера секты. Полюбивший ее комсомолец Арсен помогает девушке уйти из этой секты.

«Крутой горизонт» (1970)

Режиссер: Василий Ильяшенко

Сценарист: Евгений Оноприенко

Оператор: Кирилл Ромицын

Жанр: социальная драма

Актеры: Н. Тимофеев, Б. Зайденберг, Т. Конюхова, А. Гай, А. Кузнецов, Е. Гвоздѣв, Л. Бакштаев, И. Терещенко, Б. Болдыревский, В. Полищук, В. Талашко и др.

Производство: киностудия им. А. Довженко

СЮЖЕТ:

На одну из шахт Донбасса приходит новый директор. Своеобразный метод руководства Костенко — постоянные выговоры при дикой штурмовщине — закономерно привели к аварии, когда бригады, несмотря на возражения главного инженера, стали переходить на новый метод добычи угля.

«Солнечная баллада» (1970)

Режиссер: Альберт Атаханов

Оператор: Константин Хлопунов

Жанр: музыкальный фильм

Кадр из музыкального фильма «Солнечная баллада»

Исполнительница: Тамара Миансарова

Производство: ТО «Экран»

Фильм смонтирован из видеоклипов, отснятых в Донецке возле памятников «Жертвам фашизма» и «Слава шахтерскому труду», в парке культуры и отдыха им. Щербакова, на мостах через Первый городской пруд и через Кальмиус (пр. Ильича), на фоне стадиона «Шахтер», городских терриконов и цветников с розами. В то время известная на всю страну певица Тамара Миансарова, чьи песни пошли в народ, вдруг оказалась в опале. Она вынуждена была покинуть Москву, став солисткой Донецкой областной филармонии.

Созданный фильм-концерт так и не был показан зрителям и оказался «на полке». Многие песни в исполнении эстрадной певицы были размагничены, она стала невыездной, ее перестали показывать по телевидению и приглашать на радио. По стране был запущен слух, что она, мол, уехала в Израиль... В настоящее время фильм «Солнечная баллада» можно найти и посмотреть в Интернете.

«Антрацит» (1971)

Режиссер: Александр Сурин

Сценарист: Эдуард Володарский

Операторы: Владимир Ошеров, Михаил Биц

Жанр: социальная драма

Актеры: Ж. Прохоренко, Р. Громадский, А. Збруев, Ю. Назаров, В. Заманский, Г. Ни-

колаенко, Л. Максакова, Л. Константинова, Ф. Одинокоев, В. Цапко, С. Соколовский и др.

Производство: киностудия «Мосфильм»
СЮЖЕТ:

Геннадий Глуховский работает бригадиром на той самой шахте, на которой пять лет назад погиб его отец. Виновником его гибели был признан и справедливо осужден один из шахтеров — Николай Мионов. И вот, отсидев положенный срок, он возвращается на родную шахту с искренним желанием работать. Однако директор и парторг отвечают ему отказом, но неожиданно за Мионова вступается Геннадий Глуховский — сын погибшего.

«Седьмое небо» (1971)

Режиссер: Эдуард Бочаров

Сценаристы: Анатолий Галлиев, Михаил Маклярский, Эдуард Бочаров

Оператор: Тимофей Лебешев

Жанр: мелодрама

Актеры: Н. Рыбников, А. Ларионова, О. Жаков, Л. Куравлев, О. Иванова, Р. Гладунко, О. Сошникова, С. Бородокин и др.

Производство: киностудия «Мосфильм»
СЮЖЕТ:

Москвичка Ксана Георгиевна знакомится с шахтопроходчиком Иваном Мазаевым и едет с ним в далекий донбасский городок. Но трудная шахтерская жизнь очень быстро заставляет ее вернуться к своему привычному укладу жизни. Она возвращается в столицу, но будет долго помнить Ивана...

«Адрес вашего дома» (1972)

Режиссер и сценарист: Евгений Хринюк

Оператор: Алексей Мишуринов

Жанр: драма

Актеры: Н. Крючков, А. Январев, Л. Сердюк, В. Носик, А. Мовчан, А. Плотников, Л. Гриценко, Э. Киви и др.

Производство: киностудия им. А. Довженко

СЮЖЕТ:

Старый шахтер Панас Байда, потерявший во время войны сына, случайно узнает,

что шестеро мальчиков (среди которых был и его сын), находившихся в поезде и попавших тогда под обстрел, живы. Правда, живут они в разных городах и все шестеро носят одно имя — Иван Бессмертный. Панас отправляется по всем адресам в надежде узнать в одном из шести своего сына.

«Огонь» (1973)

Режиссер: Юрий Лысенко

Сценаристы: Юрий Лысенко, Александр Сацкий

Оператор: Алексей Терзиев

Жанр: драма

Артисты: Э. Магалашвили, А. Денисов, Л. Виролайнен, С. Яковлев, А. Зайцев, В. Козел, Л. Чёрная, Г. Овсянников, Л. Сердюк, В. Владимирова, В. Степаненко, Г. Болотов, А. Милютин, В. Плотников, В. Сошальский и др.

Производство: киностудия им. А. Довженко

Съемки на металлургическом заводе проходили в Мариуполе.

СЮЖЕТ:

О 1930-х годах — годах зарождения стахановского движения. Герои картины — рабочие-сталевары — одними из первых поддержали социалистическое соревнование на производстве.

«По собственному желанию» (1973)

Режиссер: Эдуард Гаврилов

Сценарист: Геннадий Бокарев

Оператор: Александр Харитонов

Жанр: мелодрама

Актеры: Е. Киндинов, И. Печерникова, Б. Чирков, А. Кавалеров, А. Ведёнкин, А. Вдовин и др.

Производство: киностудия «Мосфильм»
Отдельные эпизоды фильма снимались в Мариуполе.

СЮЖЕТ:

В школе они твердо решили посвятить себя искусству: Полина мечтала о балетной сцене, Костя представлял себя поэтом, мечтал о литературном институте. Прошли годы, и они встретились вновь: она — артистка эстрады, он — кузнец на заводе. Ко-

стя ценит свою профессию и по-прежнему любит Полину. Его чуткость и вера в ее талант убеждают девушку в правильности выбранного пути.

«Ринг» (1973)

Режиссер: Вилен Новак

Сценарий: Николай Леонов

Оператор: Александр Польшинников

Жанр: спортивный фильм, детектив

Актеры: А. Пороховщиков, Е. Лебедев, Г. Польских, Ю. Родионов, Д. Франько, В. Волков (II), Н. Гринько, М. Булгакова, С. Гриценко, Г. Дрозд, В. Жариков, В. Серпионов, А. Новосёлов и др.

Производство: Одесская киностудия

СЮЖЕТ:

Расследуя дело об убийстве инкассатора, майор Исаев, в прошлом чемпион по боксу, приходит к выводу: убийца — боксер. Чтобы поймать преступника, Исаев принимает нестандартное решение: подает заявку на участие в первенстве города по боксу, надеясь на то, что преступник наверняка придет посмотреть на игру бывшего чемпиона. Каждую стадию чемпионата Исаеву приходится преодолевать с огромным трудом: ведь прошло уже пять лет с тех пор, как он покинул ринг...

«Белый круг» (1974)

Режиссер: Юрий Лысенко

Сценаристы: Юрий Лысенко, Александр Сацкий

Оператор: Алексей Терзиев

Жанр: социальная драма, военный фильм

Актеры: А. Денисов, Л. Яремчук, А. Зайцев, В. Сошальский, Г. Овсянников, В. Степаненко, В. Талашко, В. Шакало, А. Прохоров (II), А. Лефтий, П. Тарасов (II), А. Фоменко (II), Л. Чёрная и др.

Производство: киностудия им. А. Довженко

СЮЖЕТ:

Фильм рассказывает о подвиге металлургов во время оккупации Донбасса немецко-фашистскими захватчиками. Он продолжает тему, поднятую в картине Юрия Лысенко

«Огонь», но действие происходит уже во время войны. Сталевары Гейко, Пасечник, Мусиенко и их товарищи творят свой трудовой подвиг в тяжелое для Отечества время...

«Самый жаркий месяц» (1974)

Режиссер: Юлий Карасик

Сценаристы: Геннадий Бокарев, Юлий Карасик

Операторы: Аркадий Кольцатый, Илья Миньковецкий, Валерий Шувалов

Жанр: производственная драма

Актеры: И. Владимиров, Л. Дьячков, М. Коренева, И. Лапиков, И. Охлупин, В. Афанасьев, Е. Буренков, Э. Виторган, Н. Гундарева, Е. Драпеко, В. Козелков, Ю. Крюков (II), Б. Кудрявцев, Л. Кулагин, Б. Юрченко и др.

Производство: киностудия «Мосфильм»

Съемки проходили на металлургических заводах Мариуполя.

СЮЖЕТ:

Виктор Лагутин работал подручным сталевара несколько лет, потом, окончив институт, переходит на другой завод... Снова подручным, так как понимает, что подчинить себе стихии огня и металла и, главное, повести за собой людей — дело нелегкое, и учиться этому надо долго.

И вот работает он подручным рядом со старым сталеваром, всеми уважаемым мастером Сартаковым, и таким же, как и сам Виктор, подручным — Петькой Хромовым. Но Петька в отличие от Виктора не знает сжигающей сердце влюбленности в труд, не знает чувства боли за металл. Петька доволен зарплатой, жизнью, заводом, весел, беспечен: есть, мол, директор и всякие другие там «инженера», пусть они и думают, а он только исполнитель, институтов не кончал...

Он, так же как и многие другие, терпит штурмовщину и скоростные плавки... Виктор, человек новый, был потрясен, столкнувшись со всем этим... Горячо выступил он против своего мастера Сартакова, считая, что от таких плавков портятся печи, да и металл выходит самого низкого качества, а самое главное — люди теряют уважение к своему труду.

«Обретёшь в бою» (5 серий, 1975)*Режиссер:* Марк Орлов*Сценаристы:* Владимир Попов (VI), Елена Ленская*Оператор:* Темерлан (Тимур) Зельма*Жанр:* производственная драма*Актеры:* А. Михайлов, Н. Фатеева, В. Малавина, Н. Лебедев (II), З. Дехтярёва, Г. Карнович-Валуа, Г. Жжёнов, П. Шелохонов, И. Перверзев, Л. Неведомский, В. Дворжецкий, В. Липпарт, Г. Микеладзе, С. Саркисян, Г. Юхтин, Н. Маликов (II), О. Белов, Ю. Прохоров, Ю. Волков и др.*Производство:* ТО «Экран»

Съемки сериала проходили в цехах Новолипецкого металлургического комбината и на Ждановском металлургическом заводе им. Ильича (ныне г. Мариуполь).

СЮЖЕТ:

Жизнь громадного завода, острые вопросы, рождающиеся у дышащих огнем печей, — таково содержание картины. Форма многосерийного фильма как нельзя лучше соответствует стремлению авторов строить сюжет на реальных производственных конфликтах. Каждая из пяти серий — фактически самостоятельная история, происходящая на заводе. Проблем поставлено много, пожалуй, чрезмерно много. Щедрость, с какой в поле зрительского восприятия вводятся все новые и новые конфликты, из достоинства фильма в какой-то момент превращается в недостаток. Авторы забывают подчас, что в искусстве важны не просто производственные проблемы, а их преломление в человеческих характерах, судьбах.

«Смотреть в глаза» (1975)*Режиссер:* Владимир Луговский*Сценарист:* Евгений Оноприенко*Оператор:* Наум Слуцкий*Жанр:* производственная драма*Актеры:* П. Глебов, В. Гусев, В. Егоренкова, Э. Изотов, Ю. Саранцев, В. Мирошниченко, М. Криницина, Ю. Гаврилюк, Г. Долгозвяга, Л. Чащина и др.*Производство:* киностудия им. А. Довженко

Съемки проходили в Кировском р-не Донецка (поселки и шахты «Лидиевка» и им. Скочинского), Углегорске (шахта «Углегорская») и Горловке.

СЮЖЕТ:

О трудовых буднях донбасских горняков 1970-х. А также о возникающих производственных и личных проблемах и путях их решения.

«Степь» (1977)*Режиссер и сценарист:* Сергей Бондарчук*Оператор:* Леонид Калашников*Жанр:* мелодрама*Артисты:* О. Кузнецов (II), Н. Трофимов, В. Седов, В. Мамаев, С. Бондарчук, И. Лапиков, Г. Бурков, А. Васильев (II), М. Кокшенов, В. Захарьев, И. Смоктуновский, И. Кваша, С. Любшин, И. Скобцева и др.*Производство:* киностудия «Мосфильм»

Несколько эпизодов фильма снималось в природном заповеднике «Хомутовская степь», о чем свидетельствует установленная здесь памятная табличка.

СЮЖЕТ:

Фильм создан по одноименной повести А.П. Чехова. Только уже не слова писателя будят наше воображение, передают течение мыслей и впечатления девятилетнего Егорушки, а как бы сама степь распаивает нам свои просторы, заставляет вдохнуть ее терпкий воздух, зажечь одной жизнью с ее людьми.

Мимо брички, на которой везут мальчика, бегут бурьян, холмы, каменные бабы. Парит коршун, машет крыльями мельница. А надо всем ощутимо нависают зной и тя-

Кадр из фильма «Степь»

желая тоска. Возникают сразу два образа: степь и люди. Степь втянула людей в свое пространство и как будто приняла на себя черты каждого из них порознь и всех вместе. В своей заброшенности она выражает их общую горемычную судьбу.

«Алтунин принимает решение» (1978)

Режиссер: Олег Ленциус

Сценаристы: Владимир Сосюра, Евгений Хринюк

Оператор: Вадим Верещак

Жанр: экранизация, драма

Актеры: Н. Мерзликин, А. Денисов, П. Любешкин, Т. Астратьева, В. Степаненко, Ю. Саранцев, В. Жолобов, В. Панарин, Л. Сосюра, Т. Лебедева, В. Маляревич, В. Платов, В. Успенский, Н. Протасенко, Ю. Мысенков и др.

Производство: киностудия им. А. Довженко

Съемки многих эпизодов сериала проходили в Донецке и Краматорске.

СЮЖЕТ:

Телесериал по мотивам романов Михаила Колесникова «Изотопы для Алтунина» и «Алтунин принимает решение». Он состоит из трех серий: «Кузнецы», «Изотопы для Алтунина» и «Прерванный отпуск», которые рассказывают о руководителе производства, в прошлом — рабочем кузницы машиностроительного завода.

«В день праздника» (1978)

Режиссер: Пётр Тодоровский

Сценаристы: Валентин Коновалов, Пётр Тодоровский

Оператор: Вадим Алисов

Жанр: драма

Актеры: Н. Пастухов, Л. Зайцева, А. Мещерякова, Г. Корольков, Н. Зоткина, В. Платонов, К. Минина, М. Хуциев, О. Гобзева, О. Голубицкий, Л. Чубаров и др.

Производство: киностудия «Мосфильм»

СЮЖЕТ:

Сценарий был подсказан авторам картины реальными событиями, съемки проходили

в Донецкой области, в городах Торезе и Снежном, а также их окрестностях. Образ главного героя сложился тоже благодаря реальному человеку. Случайный попутчик П. Тодоровского, бывший фронтовик, испытывавший все тяготы и лишения войны, стал прототипом главного героя...

Действие фильма начинается 9 мая 1978 года в доме бывшего шахтера и фронтовика, а теперь пенсионера Пантелеймона Гринина, который в День Победы решил познакомить детей со своей «дамой сердца» — парикмахером Зинаидой. Всего сутки длится действие, но многое происходит за это время с сыновьями, невестками, дочерью и Зинаидой...

«Пираты XX века» (1979)

Режиссер: Борис Дуров

Сценаристы: Станислав Говорухин, Борис Дуров

Оператор: Александр Рыбин

Жанр: боевик, приключения

Актеры: Н. Еременко-младший, П. Вельяминов, Т. Нигматулин, Р. Арен, Д. Камбарова, Н. Хорохордина, М. Эглите и др.

Производство: киностудия им. М. Горького (Ялтинский филиал)

Съемки фильма проводились с апреля по август 1979 года в нескольких местах Крыма: Новый Свет — Разбойничья бухта, Голубая бухта, Царский пляж; Коктебель; пос. Оленевка (мыс Тарханкут) — сквозной грот. А вот сцены в порту, где идет погрузка теплохода «Нежин», снимали на Азовском море, в порту г. Жданова (ныне г. Мариуполь).

Кадр из фильма «Пираты XX века»

В 1980 году фильм получил Почетный диплом жюри 13-го Всесоюзного фестиваля в Душанбе

СЮЖЕТ:

Советский сухогрузный корабль перевозил большой груз опиума для фармакологической промышленности. Современные пираты, охотившиеся за ценным грузом, коварством завладели кораблем и экипажем. Чтобы не осталось свидетелей этого разбойного нападения, пираты попытались уничтожить всю команду корабля. В океанских просторах разыгралась напряженная борьба между горсткой советских моряков и современными разбойниками, не знающими пощады.

«Крупный разговор» (1980)

Режиссер: Геннадий Глаголев

Сценарист: Вадим Авлошенко

Оператор: Игорь Чепусов

Жанр: социальная драма

Актеры: Б. Брондуков, М. Булгакова, Т. Кудрявцева (II), С. Шершнева, Е. Никищихина, А. Голобородько, Ю. Кузьменко, И. Шабалтас, И. Сидоров, А. Гава, Б. Бенюк, В. Шульгин, И. Савкин, Д. Иосифов, В. Наумцев, Ю. Гусев, В. Воронин и др.

Производство: Одесская киностудия

СЮЖЕТ:

Бригадиру небольшого строительного коллектива большой стройки надоело наблюдать за халатностью, откровенным разгильдяйством и очковтирательством, и он решается на прямой диалог с теми, от кого напрямую зависит заработок членов его бригады...

Прообразом главного героя фильма стал бригадир строителей треста «Азовстальстрой», Герой Социалистического Труда Михаил Бодашевский, строивший прокатный стан «3600» на комбинате «Азовсталь». Здесь же и проходили съемки фильма.

«Внезапный выброс» (1983)

Режиссер: Борис Ивченко

Сценарий создан по одноименному роману донецкого писателя Владимира Мухина, получившего премию на всесоюзном конкурсе ВЦСПС и СП СССР

Кадр из фильма «Внезапный выброс»

Жанр: фильм-катастрофа

Актеры: Л. Сердюк, В. Носик, Л. Румянцева, В. Гаврилов, А. Соловьев, Р. Куркина, А. Барчук, А. Денисенко и др.

Производство: киностудия им. А. Довженко

Фильм снимался в Донецке в оперативном отряде ВГСЧ Донбасса и на шахте «Трудовская».

СЮЖЕТ:

Небольшой шахтерский городок живет своей спокойной жизнью. Но однажды его жители слышат вой сирены — это значит, что на шахте «Градовская» произошла авария. Подземный внезапный выброс оставил под завалами семерых горняков. Оперативно разворачивается спасательная операция, в которой принимают участие не только горноспасатели, но и близкие люди шахтеров...

«Счастье Никифора Бубнова» (1983)

Режиссер: Роллан Сергиенко

Сценарист: Евгений Оноприенко (по мотивам неоконченной повести Бориса Горбатова «Прощание»)

Жанр: оптимистическая драма

Актеры: В. Базин, И. Куксенайте, Н. Кириченко, Л. Яновский, Н. Гринько, Б. Бенюк, Д. Франько, В. Алексеенко и др.

Производство: киностудия им. А. Довженко

СЮЖЕТ:

В его центре — судьба белорусского крестьянина, который в начале 1930-х приезжает

в Донбасс, становится коногонимом и очевидцем становления и развития стахановского движения в шахтерском крае. Образ главного героя — крестьянина Никифора — блестяще воплотил в фильме актер Виталий Базин.

Картина снималась на шахте № 6 «Капитальная» в пригороде Донецка — Моспино. В фильме четко обозначены хронологические рамки действия. Первый раз главный герой спускается под землю 18 сентября 1932 года. Это было время, когда вся страна смотрела на Донбасс с надеждой, как на регион, набирающий свою индустриальную мощь. В фильме в мельчайших подробностях запечатлен именно этот невероятно сложный и интересный период нашей истории: механизация горняцкого труда, борьба с «летунами», энтузиазм первых сталинских пятилеток.

«Восемь дней надежды» (1984)

Режиссер: Александр Муратов (II)

Сценарист: Эдуард Володарский

Оператор: Борис Лизнев

Жанр: драма

Актеры: В. Гафт, В. Яковлев, Н. Караченцов, Д. Харатьян, Н. Федорцов, Н. Сектименко, П. Юрченков (ст.), А. Булдаков, И. Добряков, В. Терехов, В. Букин, Ф. Панасенко, В. Баранов, И. Краско, Н. Аитова, И. Ясулович и др.

Производство: киностудия «Ленфильм»

Фильм снимался в Горловке на передовой шахте «Кочегарка», в его создании были задействованы рабочие этого угольного предприятия. Отдельные сцены снимались также на донецкой шахте им. Калинина и улицах шахтерской столицы.

СЮЖЕТ:

Действие разворачивается в шахтерском городке Донбасса. На одной из шахт происходит авария, в результате которой в забое оказались завалены два шахтера. На их спасение отводится всего восемь дней. Директор шахты принимает единственно правильное решение: добраться до них, используя отбойные молотки. Но не все согласны с мнением руководителя. Тем не менее через отпущенный срок шахтеры были спасены.

«Прелюдия любви» (1984)

Режиссер: Сергей Лисецкий

Операторы: Сергей Лисецкий, Вячеслав Онищенко

Жанр: музыкальный фильм, драма

Актеры: С. Старчиков, Е. Лебедев, Н. Шутько, Н. Наум, Е. Антонова (II), В. Петренко, Л. Аринина, Е. Воловик, О. Воронина, Н. Засеев-Руденко, Н. Юдин и др.

Производство: киностудия им. А. Довженко

СЮЖЕТ:

Случай сводит студента Донецкого политехнического института Ивана Краско, обладателя красивого сильного голоса, с бывшим оперным певцом Коробейченко. Вопреки воле отца, потомственного шахтера, герой отказывается от московской аспирантуры и под руководством нового друга начинает серьезно готовиться к первому сольному выступлению... Репертуар главного героя фильма исполняет Анатолий Соловьяненко.

«Зеркало для героя» (1987)

Режиссер: Владимир Хотиненко

Сценарий: Надежда Кожушаная (по мотивам одноименной повести уроженца Донецкого края Святослава Рыбаса)

Оператор: Евгений Гребнев

Жанр: фантастическая притча

Актеры: С. Колтаков, И. Бортник, Б. Галкин, В. Смирнов, Н. Акимова, Ф. Степун, А. Песков, Н. Стоцкий, С. Паршин, Е. Козлитина и др.

Кадр из фильма «Зеркало для героя»

Производство: Свердловская киностудия

Съемки происходили в Донецке: пос. Абакумова, в Ленинском и Петровском районах (соответственно ул. Прокатчиков, 6 и бывшая шахта 5-бис), в Красногвардейском р-не Макеевки, пос. Карла Маркса, (ул. Потемкина и возле железнодорожной ст. Острый), Селидовском р-не, поселках Кураховка Донецкой обл. и Боково-Платово Луганской обл.

Фильм был удостоен спецприза Всесоюзного кинофестиваля (1988), приза Витторио де Сика в Италии и премии на кинофестивале в Баку.

СЮЖЕТ:

Два человека, Сергей Пшеничный и Андрей Немчинов, из конца 1980-х неожиданно попадают в 1949 год, в небольшой советский шахтерский городок. Они оказываются в петле времени, для них снова и снова повторяется один и тот же день: воскресенье, 8 мая. Никто из жителей городка не помнит о предыдущих вариантах этого дня. Герои фильма пытаются изменить события, но на следующее утро все повторяется. Меняются только сами герои и их отношение к происходящему вокруг них.

В одном из интервью Владимир Хотиненко сказал, что идею о «петле времени», которую придумала сценарист Надежда Кожушанная, позднее украл американский режиссер Харолд Рэмис, автор нашумевшего фильма «День сурка», но доказать этот факт практически невозможно.

«Маленькая Вера» (1988)

Режиссер: Василий Пичул

Сценарий: Мария Хмелик

Оператор: Ефим Резников

Жанр: мелодрама

Актеры: Н. Негода, А. Соколов, Л. Зайцева, Ю. Назаров, А. Негреба, А. Табакова, А. Фомин, А. Миронов, А. Леньков и др.

Производство: киностудия им. М. Горького

Фильм получил призы на международных кинофестивалях в Монреале, Чикаго, Венеции, Трое, Анже (Гран-при).

СЮЖЕТ:

Эта история о деградации советского общества и особенно ее базовой ячейки — семьи, отлично смотрелась в декорациях индустриального Мариуполя, где проходили съемки фильма. Дикие нравы эпохи перестройки были впервые показаны во всей своей «красе», а настоящую сенсацию произвела первая в советском кино откровенная постельная сцена, после чего исполнительница заглавной роли Наталья Негода стала секс-символом страны.

«На окраине, где-то в городе» (1988)

Режиссер: Валерий Пендраковский

Сценарист: Владислав Романов

Оператор: Гасан Тутунов

Жанр: детский фильм, драма

Актеры: А. Ларионов, А. Мананников, А. Шереметьев, Л. Зайцева, Ф. Конушкин, Н. Смигельская, К. Бердилов, Л. Корюшкина, П. Лычникофф, В. Кошелев, Е. Фатьянова и др.

Производство: киностудия им. М. Горького

СЮЖЕТ:

Фильм поднимает школьные проблемы своего времени... Мать, уставшая и отупевшая от беспросветных двоек сына, отчим, привычно страшающий профессионально-техническим образованием, учитель, пытающийся достучаться до сердца каждого ученика, ребята, не знающие, куда девать свою энергию...

«Серые волки» (1993)

Режиссер: Игорь Гостев

Сценаристы: Александр Лапшин, Игорь Гостев, при участии Сергея Хрущева

Оператор: Владимир Фридкин

Жанр: социальная драма, политический детектив

Актеры: Р. Быков, А. Белявский, Л. Дуров, Б. Ступка, А. Мохов, А. Захарова, А. Потапов, Г. Сайфулин, В. Трошин, Е. Жариков, П. Вельяминов, В. Сергачёв, Ю. Стосков, В. Самойлов, Ю. Волков, В. Шуляковский, А. Чуйков, А. Кузьмичёв, Ю. Желудков и др.

Производство: киностудия «Мосфильм»

Съемки фильма проходили в подлинных интерьерах господчи Хрущева в Пицунде, а также в Мариуполе.

СЮЖЕТ:

Это киноверсия о смещении с поста первого секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущева. Параллельно с исторической канвой в фильме развивается драматическая история офицера госбезопасности, пытавшегося раскрыть тайну заговора и предотвратить смещение Хрущева.

«Пять звезд» (5 серий, 2004)

Режиссер и сценарист: Валерий Коновалов

Операторы: Александр Седов, Юрий Трилисенко

Жанр: детектив

Актеры: О. Погодина, А. Нагрудный, С. Боклан, Л. Титаренко, Г. Дрозд, В. Демерташ, О. Стриженов, С. Мигицко, А. Семчев, Н. Олейник, В. Цекало, А. Вергинский, В. Марчак, В. Шестаков, А. Суханов, Л. Агутин и др.

Производство: VMA production group

В 2005 году «Пять звезд» был назван лучшим детективным сериалом фестиваля «ДетективФест»

Съемки проходили в Донецке в отеле «Виктория» и в центральной части города — на площади Ленина, бульваре Пушкина. В эпизодических ролях задействованы актеры Донецкой муздрамы.

СЮЖЕТ:

Детективная история из сферы элитного гостиничного бизнеса — современная адаптация известного романа А. Хейли «Отель». В течение пяти дней судьбы персонажей меняются кардинально. Хозяин отеля теряет власть, а виновник отвечает за совершенное убийство.

«Аврора» (2006)

Режиссер: Оксана Байрак

Сценарий: Петр Гладилин

Оператор: Виталий Коневцов

Жанр: мелодрама

Актеры: А. Зюркалова, Д. Харатьян, Э. Робертс, А. Меськова, А. Бунина, С. Хоменко,

В. Преториус, Е. Качан, О. Масленников, Р. Зюбина, В. Степанов, В. Герасимов, Я. Трунова, В. Горянский, О. Заворотько, Е. Янгбер и др.

Производство: телеканал «Интер»

Отдельные эпизоды снимались в Донецке.

СЮЖЕТ:

Аврора — воспитанница детдома на окраине Припяти. Она обожает танцевать и мечтает стать балериной. Во время катастрофы на Чернобыльской атомной электростанции девочка получает огромную дозу облучения. Единственный шанс на выживание — дорогостоящая операция в США. Аврору отправляют в Америку, где в больнице она встречает своего кумира, звезду советского, а затем американского балета, Ника Астахова, переживающего глубокий творческий кризис. Встреча с умирающим ребенком, который грезит о балетной сцене, помогает артисту изменить свою жизнь...

«Крест в круге» (8 серий, 2008)

Режиссер: Дмитрий Фёдоров

Сценарист: Максим Белозор

Оператор: Игорь Якимов

Жанр: семейная сага

Актеры: А. Морозов, Н. Швец (II), Л. Макасова, А. Терешко, Я. Цапник, В. Абдулов, Д. Пантелеев, А. Серов-Останкинский, Р. Сагдуллаев, М. Парыгин, Р. Ганеев, Е. Волоцкий, Э. Дмитриева, М. Кимсанов, Д. Господинов, К. Шлыкова, А. Верещаг, О. Васильева, Д. Иващенко, Д. Филатов, К. Рацер, О. Васильев и др.

Производство: Продюсерский центр «ГЕРАПЛАТ»

Съемки первой серии велись в Донецке, в пятизвездочном отеле «Донбасс Палас». Остальные серии снимались в Москве и Узбекистане.

СЮЖЕТ:

Сценарий написан по роману Дмитрия Герасимова «Крест в круге». Лихие девяностые... Молодой историк Вадим Григорьев, временно работающий охранником в отеле, даже не подозревает, что и его трудоустройство, и последовавшие за этим странные мистические события — встреча с таинственной старухой, разгадка злоеющей пентаграммы на старинной

вазе, убийство молодого мужчины из номера 222 — давно предсказаны его отцом в незаконченном романе «Отель N». На пути Вадима к разгадке тайн — череда сбывшихся пророчеств, любовь и смерть, странное завещание и целый клубок хитросплетений и мистических катаклизмов, берущих свое начало в далеком 1913 году...

«Другой Челси. История из Донецка» (2010)

Режиссер: Якоб Пройсс

Операторы: Филипп Громов, Роман Еленский, Павел Казанцев, Евгений Шлегель

Жанр: документальный

Победил на кинофестивале имени Макса Офюльса — 2011 в номинации «Лучший документальный фильм».

СЮЖЕТ:

Съемки фильма проходили в Донецке, где основная масса жителей работает на устаревших шахтах за маленькую зарплату, в то время как несколько людей делают большие деньги. Неважно по какую сторону социального разрыва вы находитесь, если вы из Донецка, то вы будете почти наверняка противником «оранжевой революции» и фанатом местной футбольной команды «Шахтер». Миллиардер Ринат Ахметов вкладывает большие средства в этот клуб, который становится основной европейской движущей силой во время футбольного сезона. Однако этот спортивный успех, щедро финансируемый олигархом, только подчеркивает тяжелый социальный и политический застой в этом регионе...

«В субботу» (2011)

Режиссер и сценарист: Александр Миндадзе

Оператор: Олег Муту

Жанр: драма

Актеры: А. Шагин, С. Смирнова-Марцинкевич, С. Рядинский, В. Петкун, С. Громов, А. Демидов, В. Гузов, А. Шлямин, У. Фомичева, А. Пугачев и др.

Производство: кинокомпании «Студия «Пассажир», «SOTA Cinema Group», «Нон-стоп продакшн», концерн «Бавария Фильм»

Гран-при «Золотой Ирис» и Кинолюбительский приз Джеймсона на кинофестивале в Брюсселе, Большой спецприз международного жюри на кинофестивале «Дух огня» в Ханты-Мансийске; Спецприз за лучший женский дебют С. Смирновой-Марцинкевич от испанского ювелирного дома Carrera у Carrera

Съемки проходили в городах Энергодаре (Запорожская обл.), Светлодарске и Енакиеве (Донецкая обл.).

СЮЖЕТ:

26 апреля 1986 года — первый день после аварии на Чернобыльской АЭС. Суббота «незнания». Суббота, когда жизнь нельзя отменить, когда девушки надевают выходные туфли на каблуках, потому что выходной день. События фильма разворачиваются в первые 24 часа с момента аварии. Главный герой картины становится невольным свидетелем катастрофы. Случайно он узнает всю правду о трагедии и оказывается перед моральным выбором: спасти людей или выполнить приказ «сверху» и не сеять панику.

«Земля забвения» (2011)

Режиссер и сценарист: Михаль Боганим

Операторы: Гиоргос Арванитис, Антуан Эберле

Жанр: драма

Актеры: О. Куриленко, А. Хыра, Н. Емшанов, С. Стрельников, И. Иосифов, Д. Суржиков, В. Кузнецов, В. Сланко, Т. Рассказова и др.

Производство: французская кинокомпания Les Films du Poisson

Съемки проходили близ Чернобыля, в зоне отчуждения под присмотром МЧС Украины, а также в Светлодарске, Славутиче, Одессе, Киеве и Славянске Донецкой обл.

СЮЖЕТ:

Фильм — совместный проект Украины и Франции. В основе сюжета личная драма молодой девушки из Припяти, города советских атомщиков. Спокойная и счастливая жизнь рушится в один миг — в день страшной аварии на атомном реакторе. Потеря близких, паника и ужас, безвозвратно ушедшие молодость и красота, болезни — все это довелось

пережить героине фильма. И через эту исковерканную катастрофой судьбу зрители прочувствуют всю глубину чернобыльской трагедии.

«Рок-н-болл» (2011)

Режиссер и сценарист: Дмитрий Приходько

Оператор: Виктор Черкасов

Жанр: комедия, семейный спорт

Актеры: А. Никитин, Т. Собчак, А. Минько, Б. Бродский, П. Джакаева и др.

Производство: Украина, Польша

Многие сцены снимались в Донецке: площадь Ленина, бульвар Пушкина, проспект Б. Хмельницкого, стадион «Донбасс Арена»

СЮЖЕТ:

Десятилетний Дима не имеет родителей и хочет только одного — стать футболистом. А еще он хочет найти отца, хотя бы на один день. Ему все равно кто он — богатый или бедный, молодой или старый, черный или белый. Главное, чтобы он был. Был в воскресенье, когда Дима будет сдавать экзамен в школу футбола.

И судьба вдруг дает ему шанс. Мальчик находит «отца». У него нет денег и документов, он думает о сигаретах, выпивке и постоянно говорит о каком-то дедушке, которого хочет найти. Отец на один день — не проблема. Проблема найти взаимопонимание, ведь он... поляк и не говорит по-русски! Так начинается история о «маленьком взрослом» и «большом ребенке», о том, кто верит в чудо, и о том, кто потерял веру в счастье. О том, что если кто-то согласится стать для одинокого ребенка «отцом» даже на один день, то может сделать его счастливым на всю жизнь.

«Однажды в Ростове» (24 серии, 2012)

Режиссер: Константин Худяков

Сценарист: Елена Райская

Жанр: криминальная сага

Актеры: В. Вдовиченков, К. Плетнёв, Е. Олькина, С. Жигунов, А. Бабенко, Б. Ступка, В. Раков, Е. Вуличенко, В. Юматов, А. Бардуков, К. Лавроненко, Ю. Беляев, М. Евланов,

Кадр из сериала «Однажды в Ростове»

В. Хаев, Е. Климова, Е. Князев, Е. Никитина, Д. Муляр, А. Сирин, А. Каменкова, А. Ильин, Е. Вилкова, С. Шеховцов, С. Тарамаев, А. Воробьёв, А. Миклош и др.

Производство: ООО «Продюсерский центр Сергея Жигунова»

В 2015 году фильм стал победителем в номинации «Лучший игровой телевизионный сериал» XVI Международного телекинофорума «Вместе», Ялта; удостоен спецприза за творческие достижения в искусстве телевизионного кинематографа — кинопремии «Ника-2015»; в 2016-м Российская академия кинематографических искусств присудила сериалу «Однажды в Ростове» спецприз «За достижение в телевизионном кинематографе».

Съемки сериала длились с осени 2009 до весны 2011 года и проходили в Москве, Ростове-на-Дону, Новочеркаске, Севастополе и Мариуполе.

СЮЖЕТ:

В его основе — реальная история о банде, которая орудовала в Ростовской области в 60-е годы прошлого века и о событиях в Новочеркаске в 1962-м. Основатель и лидер банды — Вячеслав Толстопятов — с детских лет увлекался конструированием, черчением и рисованием. Отчасти именно эти детские увлечения помогли всей банде в последующие годы успешно действовать на территории города: грабить государственные учреждения, печатать и сбывать фальшивые деньги. Деяния банды вошли в список самых громких преступлений XX века.

СОДЕРЖАНИЕ

Андрей МЕДВЕДЕНКО

«Опять с уродливым лицом...» 3

ДИАЛОГИ

Залог будущего мира
Чего хотят участники конфликта
Россия—Украина? Год спустя 4

ДЕНЬ НЫНЕШНИЙ

Хроника событий

Новые планы, новые идеи 8
Битва на Калке и журнал «Донбасс» 9
Презентация книги
«Знаменитые люди Донбасса» 12
Выставка «Донбасс — Россия:
история и современность» открылась в Музее
современной истории России в Москве 17
В Художественно-промышленной выставке-
форуме «Уникальная Россия» участвует
Землячество Донбассовцев 21
«Таинственный Тургенев» А. Костина
и детские рисунки из Донбасса в московской
Библиотеке-читальне им. И.С. Тургенева 23

НОВОСТИ

Культура Донбасса

«Тысяча и одна ночь» Донбасса
*Как сохраняется и развивается
культурное наследие региона* 27
Голос муз 32
Выставка работ художников Донбасса
открылась в Белгороде 39
До конца года во всех школах ДНР
появятся школьные театры 39

СВО. СТРАНИЦЫ ПОДВИГА

Документалистика

Дмитрий СТЕШИН

День снайпера, длинный день 40

СВО. СТРАНИЦЫ ПОДВИГА

Письма солдату

Дарья БОЛЕСОВА

«Мы гордимся вами!»
Дети Черемхово отправили трогательные
письма участникам спецоперации 45

СВО. СТРАНИЦЫ ПОДВИГА

Поэзия

ПоЗЫВные Войны 48
Уроки правды
Современные поэты о Донбассе 51

Наталья СОВЕТНАЯ

Как вы там? 51
Жив русский дух 51

Валерий ТИХОНОВ

Знать и помнить, Донецк 52

Геннадий ИВАНОВ

Они глумились над Россией 52
«Опять о мире и войне... И кто-то плачет...» 52
Война 53
Наше оправдание 53
«Не фрицы нынче сбрасывают бомбы...» 53
«Америка мерзкая, мерзкая...» 54
Молитва Святому Луке Крымскому 54

Валерий ХАТЮШИН

Мариуполь 54
Вновь назваться Россией 55

Любовь ЛАДЕЙЩИКОВА

Совесть 55
Уроки правды 55

Иерей Игорь МОРОЗОВ

Лебедь 56
Помолимся 56
Аллея ангелов 56

Сергей ПАНФЁРОВ

«На тревожном Донбассе опять...» 57

Валентина ЕФИМОВСКАЯ

ВРЕМЯ «Z» 57

Андрей ПОПОВ		За Донбасс	71
Ответ Шварценеггеру	58	У порога	72
«Это правда русского размаха...»	58	Больше некому	72
Сергей БОРОВСКИЙ		Апостол	73
Суровые русские мили	58	Каиново танго	73
Евгений ГОЛОДНОВ		Надо жить	74
Второй фронт	59	Металл сопротивления	74
Верую!	59	Братишка	75
Надежда КАМЯНЧУК		Четвёртый всадник	75
Письмо матери на фронт	59	Я родился в Донецке	76
Римма КРАВЧЕНКО		Казачья песня	76
Украина	60	Куплеты для Фейсбука	77
Нежность	60	Григорий ЕГОРКИН	
Ольга ШМАКОВА		Спа.. Бра..	78
Богатыри	61	Донбасс, прости	79
Светлана КУРАЧ		Мне б докричаться	79
«Никогда не была я в Донецке...»	62	На войне душа дешёвая	80
Ольга КОЗЛОВЦЕВА		Разговор с пленным	80
Лицом к лицу	62	Душа. Уроки сербского	81
Геннадий ПЕТРЕНКО		Сонечко	82
Свастика	63	Старик, не злись..	82
Надежда МИРОШНИЧЕНКО		Чудик	83
Побудка	63	Водичка поможет	84
Русские	63		
Михаил АФОНИН		СВО. СТРАНИЦЫ ПОДВИГА	
Девятая жизнь	64	Рассказы о войне	
Нам смерть придумает награды	64	Сергей КОЗЛОВ	
Мы полубогами считаем богов	65	Молитва о пуле	85
Игорь ЛЫСЫЙ		Сергей КОМОВ	
Барахолка	65	Позывной Кулик	87
В этом каменном сердце...	65	Дмитрий ИГНАТОВ	
Доколе	66	Последний экстренный	95
Ирина ГОРБАНЬ		Дмитрий ЛИХАНОВ	
Здесь каждый камень кричит	66	Обрубок	102
Февраль	66		
О проклятии	67	СВО. СТРАНИЦЫ ПОДВИГА	
Наталья ЛИТВИНЕНКО		Драматургия	
«Про то, как мы были в храме и тут случился обстрел...»	68	Ольга МАНЬКО	
Александр КУЧЕРЯВЫЙ		Серая зона	108
Из венка сонетов «Донбасс 2014»	68	Светлана ГУРОВА	
Владислав РУСАНОВ		Боль	115
«Пропуск в лето...»	70		
«Война рыбной костью пронзает трахею...»	70	ПАМЯТЬ. НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ГЕРОИ	
«Не поднесите смертникам вина...»	70	Документалистика	
Владимир СКОБЦОВ		Вячеслав ЛАШКУЛ	
Донбасс за нами	71	Сын Шахтерского края	125

ПО СЛЕДАМ «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ»
Документалистика

Виктор ДЮНИН

Ким Костенко:

«Буду писать о молодой гвардии»

Воспоминания о журналисте,

поведавшем правду о молодогвардейцах 131

Ким КОСТЕНКО

Это было в Краснодаре 135

100 ЛЕТ ЖУРНАЛУ «ДОНБАСС»
Они славили наш край

Леонид АСТАХОВ

За Иван-шахтой 161

Николай АЗАРОВ

Дядя Кирюша, верно! 168

Виталий ГЛАДКИЙ

Колымские рассказы 187

«Шахтер не любит говорить о лаве...» 198

ПОЭЗИЯ

Николай АНЦИФЕРОВ

Мне завидуют, мне повезло 198

Топор 199

Пей, начальник 200

Нахаловка 200

Пивная («Профилактика») 202

Светлана КУРАЛЕХ

Млечный путь в моём окне 203

«Всё дрожит. Мы в подвалах сидим...» 203

Первый обстрел 204

Война 204

Родительская суббота 204

«Ещё наш дом теплом не обогрет...» 204

Позвоночная история 205

«Мне ангелы снятся и, кажется...» 205

Бывший друг 205

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Рецензии, отзывы

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

Суворовец Воевода. Боец республики 206

ОБРАЩЕНИЕ В ГЛУБИНУ ИСТОРИИ

Взгляд современника

Сергей БОГАЧЕВ

Земля незнаема 209

КРАЕВЕДЕНИЕ

Далекое и близкое

Валерий ГЕРЛАНЕЦ

С местной пропиской 220

Литературно-художественное издание

ДОНБАСС

Литературно-художественный журнал

2023 • № 2

100 лет журналу «Донбасс»

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:
127566, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:
129110, г. Москва, пер. Банный, дом 6,
помещение 3, комната 1/1.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Литературно-художественный журнал «Донбасс»

г. Донецк, б. Пушкина, 30а.
Тел.: +7 856-312-06-17

E-mail: donbass.zhurnal@mail.ru
<https://vk.com/donbass.zhurnal>,
<https://ok.ru/group/70000000746107>

Подписано в печать 21.04.2023 г. Формат 84×108¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. листов 15. Заказ №
Тираж 2000 экз.